

ВИТРАЖИ
литературный альманах

“Лукоморье”
2022

ВИТРАЖИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «ЛУКОМОРЬЕ»

МЕЛЬБУРН

2022

© Copyright 2022 by authors.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means without permission in writing from the authors.

ISBN 978-0-9946108-7-4

Design and Artwork:

Graphics:

Naum Vinarsky

Cover design:

Joseph Edelman

Zalman Shmeylin

Literary Creative Association

“LUKOMORIE” Inc.

Printed in Australia

Melbourne

2022

ПОЭЗИЯ
ЯИЗЭОП

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

Родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор 23 поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России и многих международных литературных премий. Академик Международной Славянской Академии литературы и искусства (Болгария). Указом Президента Беларуси награжден орденом Франциска Скорины. Главный редактор журнала «Новая Немага литературная». Почетный член Союза писателей Беларуси и

Союза русскоязычных писателей Болгарии, член Союза писателей России. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

Здесь какие могут быть лекарства,
Если не поймём который век:
Где – страна, и что в ней – государство?
Где – народ?.. И что в нём – человек?

Если всё туманней с каждым годом
Тот рубеж под чёрною луной,
Где толпа становится народом,
Где народ становится толпой.

Всё молве внимаем с укоризной,
Но не растолкует нам молва,
Почему всегда права Отчизна,
А страна так часто не права?

И в какую б звонкую оправу
Не рядили горькую вину,

Но свершенья – это про Державу,
А голодоморы – про страну...

Пусть сто тысяч раз солгут бумаги,
Сущность на поверхности лежит –
Государство корчится в ГУЛАГе,
А Держава **по** небу летит.

Закричу... Неотзывчивы ныне
Эти дали и эти леса.
Смолкли в сумрачной белой пустыне
Обезумевших птиц голоса.
Но среди поседевшего мрака,
Где ни возгласа и ни огня,
Что-то ухнет... Залает собака...
Может, это хватились меня?

Стылый воздух причудливо горек...
С губ слизнув леденящую белизну,
Через силу взберусь на пригорок –
За пригорком всё та же метель.
Чиркну спичкою... Жалко... Погасла,
Пальцы еле заметно черня.
Всё стою, всё гляжу понапрасну –
Может, где-то хватились меня?

И в молчанье метелицы белой –
Злой предвестницы чёрных разлук,
Всё мне чудится звук оробелый,
Из молчанья родившийся звук.
Он растёт, согревая неволью
На исходе пропащего дня...
Может, это набат колокольный?
Может, это хватились меня?

От смущенья бледна, под грачиные долгие крики,
Приходила одна, приносила ведро земляники.

Улыбалась порой, а порою была Несмеяной.
Понял – нету второй, вот такой же, немножечко странной.

Всё глядела сквозь тишь, сквозь меня непокорно глядела.
Повторяла: «Шалишь! Не отведаешь белого тела...»

Было так горячо, так небесно, так сладостно было.
И светило плечо – сквозь крошечную темень светило.

Как стрелы остриё, это белое тело звучало ...
Даже имя своё на прощание не прокричала.

Кожу мне обожгла... Облик свой унесла светлоликий.
Робкий свет из угла... Сладкий привкус лесной земляники.

Дышится, боженька, путь не кончается.
Тропка к дороженьке – Русь получается.

Мрачная-мрачная, стылая-стылая.
Часто – барачная, но не постылая.

Над закоулками поздно смеркается.
Гулкая-гулкая Русь получается.

Пусть одинокая, но ясноглазая.
Поле широкое... Даль с перелазами.

Вороги бесятся? Пусть им икается.
Где перекрестятся – Русь получается.

С птахою певчею, с песней забытою.
С дверью, доверчиво людям открытою.

Сколько ни мучили, всё не склоняется,
Всё красноречивая Русь получается.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Памяти Ганада Чарказяна

Не удаляю старых номеров –
Пусть друга нет, душа его осталась.
Вдруг позвонит и скажет: «Я здоров...
Я не ушёл, вам просто показалось!..»

Фамилии... Вот этот знаменит,
А у того есть дача на примете...
Всё больше тех, кто мне не позвонит,
Всё меньше тех, кто радостно ответит...

ОТПУСК

Стремясь в светящийся зенит, в прозрачной тишине,
Журавлик тихо пролетит, не зная обо мне.

А я живу себе, живу – неделю без проблем.
Ложусь на колкую траву, с куста крыжовник ем.

Кошусь на злящихся гусей, шиплю на гусака,
Гляжу на образ жизни сей немного свысока.

Являю свой довольный вид родимой стороне.
... Журавлик в небесах летит, не зная обо мне.

Я вслед ему махну рукой, крылом он не махнёт.
Меня ни отдых, ни покой не вознесут в полёт.

Живу неделю без проблем и жизнь моя пуста.
Всего-то дел – крыжовник ем с колючего куста.

Неделю целую подряд, ленивые на вид,
Гусыни на меня шипят... И женщина шипит...

Я с женщиной всегда несмел... А где-то в вышине
Журавлик тихо пролетел, не зная обо мне.

Другое ли?.. Здесь всё сейчас другое.
Другими стали мысли о покое,
Другими стали речь и широта.
Но всё-таки ещё покуда длится
Загадочность, что в женщине таится,
И складка у измученного рта.

Другая ли?.. Да ты давно другая.
Глядишься в дождь, печали потакая,
Перебираешь мелочь в кошельке...
Другая стать, другой наклон фигуры...
Ты на меня глядишь, как с верхотуры,
Чтоб следом раствориться вдалеке.

Другие мы?.. Конечно же, другие.
Куда-то сплыли годы молодые,
Когда в моей руке – твоя рука,
И два карандаша в одном пенале...
Мы в зеркала глядим, как в Зазеркалье,
Не сознавая истины пока.

Шепнуть словцо?.. Давно всё отшепталось,
Но складочка знакомая осталась,
Та самая – от горечи и слёз.
Тень от крыла... Неясный ответ звука...
В разрезе глаз – невыносимая мука,
Что ветер века в дали не унёс.

Ещё живём... Глядим... Куда-то ходим.
Ещё порою в мыслях колобродим,
А после с грустью в зеркало глядим.
Там рядышком, уже почти полвека,
Стоят-глядят два грустных человека...
А там стекло... И ничего за ним.

Шептались, но... К ней грязи не пристало.
И, вопреки наветам пустомель,

Она опять негромко напевала,
Одной рукой качая колыбель.

Ночной порой металась на постели,
Теря шпильки, вскакивала вдруг...
И слышала, как волосы седали,
И круг друзей сжимался в полукруг.

Сгорал фитиль... Удачи было мало.
Опять противно дуло через щель.
И женщина негромко напевала,
Одной рукой качая колыбель.

А поутру в оконце свет струился,
И был опять началом всех начал.
Волнистый луч на ходики садился,
И маятник качал его, качал...

Качалось время, тикая устало,
Свистел сверчок в запечную свирель.
И женщина негромко напевала,
Одной рукой качая колыбель.

ОЛЬГА АНДРЕЕВА

– автор восьми поэтических сборников. Стихи опубликованы в журналах «Новый мир», «Нева», «Prosodia», «Южное сияние», «День и ночь», «Плавающий мост», «Эмигрантская лира», «Дети Ра», «Новая Юность», «Крещатик», «Зинзивер», «Аргамак», «Ковчег» и др. Лауреат конкурса «45 калибр» (2013, 2015). Дипломант Тютчевского

конкурса (2013). Финалист Прокошинской премии (2014), дипломант конкурса «Русский Гофман» 2019 и 2020 года. Лауреат интернет-конкурса «Эмигрантская лира» 2019 и 2021 г., диплом конкурса «Антоновка 40+» в 2020 году. Проза публиковалась в «Неве», в журнале Юрия Кувалдина «Наша улица» и в «Поэтограде» Евгения Степанова. Живёт в Ростове-на-Дону

Апрельское

Не делая культы
из трели-капели,
не слушая лепета
и щебетанья,
вбирая всю прану
исхода недели
большими глотками,
часов не считая –
сбежать в воскресенье
сухого асфальта,
луча на затылке
и пышного бреда
в иных головах,
не усвоивших факта –
вхождения заново
в новую реку

Еврейская пасха
и похолоданье –
к цветенью черёмухи.

Мир закольцован
опять на себя же.
Так будет годами,
в апреле прохлады,
в июле плюс сорок.

Я в будущей жизни
хочу быть индейцем,
чувствительным
к шорохам,
звукам, оттенкам
способным к предвидению
с раннего детства,
неслышно, как тигр,
проходящим
сквозь стенку.

Апрель. Как в раю,
как дитя в колыбели,
как птица в гнезде,
как песчинка в пустыне,
как взгляд – сквозь очки –
видит мелкие цели –
в подробной ненужной
избыточной сини.

Я в реку войду
и приму христианство –
зарок бесполезности,
высшего смысла
смирения в этом
трёхмерном пространстве
надежды проникнуть
в нездешние числа,

и камень смутится,
задет за живое.
Не делая культа
из пульта и компа,

сквозь библиотеки
в пространство кривое
уводит апрель
игнорируя компас.

Александровская колонна

Монферран и Ньютон не ошиблись – она устояла.
Легкокрылый, пари, вознеси и спаси наши души,
осени наши реки – артерии, вены – и сушу,
и холмы, и долины Итили, Кубани, Каялы.
Остаются не конные статуи, не барельефы,
а – вознёсшийся дух, воспарившее горное эхо.
Трепет формы, незыблемость веры – оплот сопромата,
преходящи и недолговечны другие форматы.

...Наверху этой хрупкости жутко бы выглядел Сталин –
как дракон, подгрызающий корни у дерева мира –
вот Господь и отвёл. Хоть историю нам подверстали
в истерических теледебатах – но правды ампира
не стереть, просто мир оказался коварней и злее,
чем поверили в детстве – торопимся, час неурочный,
ангел ранен в крыло, нас укывшее – перья алеют,
нет сцепления с миром, корней и фундаментов прочных
у настолько живой и такой беззащитной планеты.

Карфаген был разрушен, и солью засыпан, и проклят –
мы же выжили, ангел парит в кружевах интернета,
в кружевах сохранившейся роскоши прошлого – прошвы,
согревает меня твой маяк безутешным сияньем,
уверяет, что всё разрешимо, светло и гуманно,
до рассвета дотянем, но двух океанов слиянье –
далеко, а сегодня планету спасут кабестаны,
мы сумеем вручную – и выстроить, и приумножить,
бог не выдаст – не всё измеряют в кубах и галлонах,
мы не ради имперского духа стоим у подножья
горделивой античной в века устремлённой колонны.

В мире кончается кислород
здорового смысла, тепла, любви,
правды... Не вызреет сбитый плод,
и задохнётся, кто не привит

от лицемерия, от войны,
от обнаглевшей возни минут.
Острый припадок моей вины,
хоть из баллона – хочу вдохнуть.

Мы по доверенности живём,
правят же вирусы и плющи.
Губы зашиты надёжным швом –
атавистический страх молчит.

Сколько нелепых течений, школ,
каждому овощу – свой шесток.
Кто-то придумал четвёртый пол –
живородящий морской конёк.

Нет кислорода – и нет огня.
Лучших выносит из колеса –
кружимся, не отвлекаясь на...
В жерло драконье летит туса.

Запахи кончились. Помнишь тот
бешено липой пропахший шар?
Скудный, но есть ещё кислород.
Ино ещё побредём – дышать...

Вскипело – жердёлы дрожат пузырьками
и розовой пенкой ликуют на синем,
и Моцарт смеётся сквозь листья и камни.
А помнишь, вечер, под лучами косыми –
как плакали скрипки в жилетку друг другу?
Испуганный ангел отвёл мою руку
ещё до скончания долгого века

ростовского доброго грязного снега.
До боли прозрачно, навек однозначно,
очнулась в цвету – и никак не иначе.
И стала серьёзной, покорной и строгой,
почти непритворно поверила в Бога,
почти растворилась под облаком птица,
отчаянно хочется перекреститься
и маленькой стать под твоими руками.
И Моцарт смеётся сквозь листья и камни.

День такой, что, возможно, случится –
сбросить ношу и встать в полный рост.
Станным зрением видишь жар-птицу –
и хватаешь за радужный хвост,
ускользающий. Пёрышко вьётся
на ветру, исчезает в заре,
но сиянье в тебе остаётся –
ты был нужен ей в этой игре,

завербован, уже несвободен –
зреет плод в изумлённой душе,
может, только на это и годен,
не скупись, ты ведь понял уже –
изначальный посыл неприемлем,
мир под нас не заточен никем,
но особый твой месседж не дремлет –
что-то вертится на языке,

чуть горчит, будто корень имбирный,
забирает щенячьей тоской,
а потом прирастает – сибирью,
ниагарой, судьбой, лепестком...
Из пелёнок, сомнений, простуды
вырываешься на полчаса,
на просторах нетяпанной тундры
разведёшь полыхающий сад.

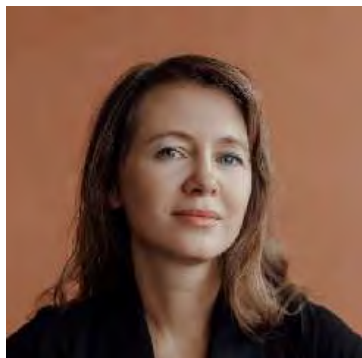
Дятел долбит тот сук, под которым
хрустнет крыша. Наш домик снесут,
иллюзорны стропила, опоры –
дятел, смерть моя, долбит тот сук.

Как дела? В рифму к штату Айова.
Но уже примыкают штыки.
Нечто злее, циничнее слова
начинается с красной строки.

Камасутра гражданских позиций
у готовых к прошедшей войне.
Что стучишь, чернокрылая птица?
Видишь, мост переходит в тоннель.

Ерик Грязный в посёлке Гусином –
мир уныл, плоскостоп, близорук,
да бубновый рисунок осины
утешает – «не стой на ветру».

ЕЛЕНА БЕЗРУКОВА

Родилась 1 июня 1976 года в Барнауле. Окончила юридический факультет Алтайского государственного университета и факультет психологии Томского государственного университета. Публиковалась в журналах «Алтай», «Барнаул», «Сибирские огни» и др. Автор пяти поэтических книг. Член Союза писателей России. Лауреат Всесибирской литературной премии им. Л.С.

Мерзликينا за сборник стихов «Вереск-полюнь»(2021 год). Работала адвокатом, юрисконсультom, последние 15 лет -- на государственной службе. В настоящее время -- министр культуры Алтайского края. Живет в Барнауле.

Молоком горьковатое слово запить,
Чтобы вдох был по-прежнему светел.
Глубина, на которой нельзя разлюбить,
Всё прощает, заметил?
Через медленный сад, где гудит чернозем,
А листва говорит еле слышно,
Мы идём, будто мы никогда не умрём,
Собирать перезрелую вишню.
Что делить нам с тобою на этой Земле?
Нам и так-то по темечку било:
Не остаться в гордыне, в обиде, во зле.
А иначе – зачем это было?...

Ненастный свет. Прощеная вода.
Я между "навсегда" и "никогда".
Ты между смертью и ее повтором.
На реверсе, на вечном колесе
Мы выживаем, кажется, не все.
...Я прилечу к тебе на самом скором –

На световом, – а он так невесом,
Что мне самой останется, как сон,
Не воплощаться, а висеть на грани,
На грани между вечным и живым,
Где Бог в окне смирен и недвижим,
Как подорожник, прикипевший к ране.

Как долго мы болеем, точно снег
Летит вовнутрь, не замечая кожи.
И на углях пугливой нашей дрожи
Он тает в нас и каплет из-под век.
И мы зовём, разинув в небо рты,
Кого-то, чтобы жить бесповоротней.
И в нас ещё так много пустоты.
И снег в нее летит, как в подворотню.

Когда я поняла, что не умру –
Вот так, по-детски, от непониманья,
Как тлен растёт внутри воспоминанья
И костенеет ночью на ветру,
Когда я поняла, что не умру,
В любви, поскольку в ней одно бессмертье,
И ты летишь, как весточка в конверте,
Как свет к окошку к самому утру,
Когда я поняла, что не умру
От жара и кровопотока строчек,
О свой неровный спотыкаясь почерк,
Сшивая в строфы разную муру,
Когда я поняла, что не умру
В палате, отрезвляющей от рая,
И где звенит – по ком, не разбирая –
Не колокол, а швабра по ведру,
И со своим бессмертием вдвоем
Когда я поняла – и жизнь зависла, –
Нельзя сказать, что мир прибавил смысла
В животворящем хаосе своем.

Нити светонакаливания.
Сонный Бог изнутри...
Поезда покаяния,
Фонари, фонари...
Ночь высокая, целая,
Даже целая мгла.
Я так много не сделала
Для тебя, а могла ...
Мы так много растратили
Слов, и жизней, и бед.
Я как будто сестра тебе,
А как будто и нет...
Как учиться прощению
И не жить правотой,
Раз имеет значение
Только свет пролитой?
Только вещая вкрадчивость.
Только боль про тебя.
Только взгляд – оборачиваясь.
Только жест – уходя...

Руки в муке измазаны,
В солнце и чешуе.
Лето парит, не сказанное,
В выжженной тишине.
Каплет, как мякоть дынная,
Солнце и плечи жжет.
И, бесконечно длинная,
Жизнь не торопит счет.
Ты не спугни, пожалуйста,
Этот слепящий кадр –
Лето, второе августа,
Жаркое, как пожар,
Небо, водой объятое,
Волны, ребячий визг,
Эта вода крылатая
С чайками вместо брызг.

Крылышка стрекозиного
Призрачный божий глаз,
Дай нам для счастья зимнего
То, чего нету в нас.
Не уготовь из жалости
Вечного лета, нет, –
Выучи благодарности
И отпусти на свет.

Доходя до прозрачности,
Воздух находит предел
Состояния, где ни спешить,
Ни теряться не надо.
Ты стоишь в ослепительной точке
Огромного сада:
Это света прибавилось
Или же сад поредел?
Доходя до прозрачности,
Речь опускает на дно
Прошлогодную траву,
И камни, и лодку, и остров.
Остаются такие слова,
За которые просто
Полюбить и простить,
Но остаться собой заодно.
И стоит небывалая синь
На земле, на реке.
И летит в измеренье другое
Последняя мошка.
Доходя до прозрачности,
Память оставит немножко.
Чтобы было смешно и свободно
Ходить налегке.

Из облаков выплывают коровы,
Взбалтывая молоко.

Коршун над ними, как дух чернобровый,
Смотрит на свет высоко.
Целое стадо, как белая пена, –
С неба к степи переход.
Помнишь, мой мальчик, как я тебе пела?
Будто мы вечны? – и вот...
Всюду, – пути удивленного Будды.
Сдайся, живи босиком,
Чтобы тебе воспалённые губы
Сладким смочить молоком.
И с человеческой взволнованной кровью
Мёрзни, гори, говори.
Я увожу свое стадо коровье.
Я тебя жду изнутри.

Как в замедленном кадре мы
Через пристальный сад
Бродим тропами карими.
...Или листья летят?

И по самое горлышко
Налита тишина
В этот флигель, опомнившийся
Ото сна.

Здесь ни боль моя русская,
Ни слова не нужны.
Здесь великая музыка
Спит внутри тишины.

К ней, как к тайному зареву,
Подойти горячо.
Ты возьми меня за руку.
Просто так, ни о чем.

Чтобы пульс одинаковый
Бился в небо, пока
Сыплют нотными знаками

Над землей облака,
Сыплет палыми листьями
Летний день кочевой.

Ничего не бессмысленно.
Ничего.

Хорошо
гореть
бессонницей молодой,
Когда понял всё,
не вопрошая дважды.
Боже, я не могу
напиться твоей водой.
После крови твоей
вода не сбивает жажды.
Хорошо
притихшей скрипкой
дышать в чехле
за твоим плечом,
от жизни тебя врачуя.
Боже, я не могу
вкусить твой горячий хлеб.
После плоти твоей
я вкуса его не чую.
Хорошо
в прихожей темной
на ржавый гвоздь,
чтобы болью в лоб
убить и цвета, и звуки.
Боже, я твоих слов
больше не слышу сквозь.
Только руки твои
слышу я,
только руки...

ДИНА БЕРЕЗОВСКАЯ

Родилась в Крыму. Закончила филологический факультет Крымского государственного университета. Автор книги стихов "Луковое счастье". Публиковалась в Израиле, России, Германии, Бельгии. Лауреат фестивалей "Эмигрантская лира" и "45-й калибр". В Израиле с 1995 г. Живу в Беер-Шеве.

на клеёнке поздний ужин,
чадный кухонный покой,
подоконник перегружен
пёстрой жизни шелухой

стопки книг, а в них закладки -
все лекарства от тоски -
опустевшие облатки,
бесполезные очки

узамбарская фиалка -
в плошке крошки со стола,
пепел всюду, где не жалко,
пепел, пепел и зола...

за окошком запотевшим
тушью мокрые кусты
поредевшей, облетевшей,
овдовевшей чистоты

меж кустов, в сыром просвете
снег клубится тяжело

и ложится, словно пепел,
лунный пепел - на стекло

Баллада о старом пикапе

С утра Мухаммад невестку везёт в роддом,
а с ней, конечно, сына, троих внучат,
невестка Нур с беременным животом
глядит в окно, приученная молчать.

Мухаммад любит сына, но тот стервец,
пошёл в мамашу, прах её задери,
непросто Нур придирки её стерпеть,
а муж с дружками шляется до зари.

Сорвались в спешке - младший сидит босой -
ещё впотьмах, но небо уже светлей,
и свет ложится радужной полосой
на ртутный след испарины на стекле.

Мухаммад сух в предплечьях, совсем не стар,
об этом знает Зива из кибуца,
у Зивы муж-бездельник и сын-школяр,
и тоже неслух, видно, пошёл в отца.

В больнице сын уводит детей попить,
купить им бамбы*, чипсов, себе пивка,
невестка часто дышит, почти хрипит,
а ноздри тоньше крылышек мотылька.

В приёмной гам: фамилия? сколько лет?
здесь все свою привычную терпят боль.
"Пишите Нур, по-нашему нур - рассвет", -
вздыхает, заслоняя её собой.

Звонит сердито Зива, за ней жена,
обеим шлёт ватсап "отпишусь потом" -
потом, когда за пыльным стеклом окна
взойдет заря беременным животом,

окрасит юшкой розовой облака,
а он пока докурит, сомнёт бычок,
потом, очнувшись, сунет его в стакан
с больничным кофе, гадостью той ещё,

потом он медлит, чешет седую бровь -
на ней табачный пепел оставил след -
и просто ждёт, когда за шестым ребром
попустит боль, привычная столько лет,

когда осядут ровною пеленой
вина и пепел в тихом его аду.
Но кто-то дверью хлопает за спиной,
и он бросает в трубку "уже иду".

...В четверг Мухаммад невестку везёт домой,
пикап на каждой кочке трещит по швам,
Нур держит свёрток розовый и немой -
молчунья-дочка, видно, в неё пошла.

*бамба - кукурузные палочки

Чёлочка

Чёлочку? Давайте коротко,п
а судьбу - наоборот.
Девочка ошиблась городом,
прозевала поворот.
Так ли было предназначено -
что загадывать всерьёз!
Жёлтой лентою подхвачены
лохмы тель-авивской набережной,
а над ней притворно набожный
неба медный купорос.

Утомительный, упадочный
город шумный и босой -
липнет к сердцу, каждой складочке,
липнет к телу, как песок.
Научи меня неробкая

вся курортная братва
уходить, не слыша окриков,
спешно натянув на мокрое
и одёжки, и слова,

на ходу стареть и маяться,
слать воздушный поцелуй
в зеркалах щербатых маленькой,
на два кресла парикмахерской,
у Роберто, на углу.

поздний, неутолённый,
мой одинокий рай -
набережной районной
неосвещённый край

за парашютом пусто -
нет никакой реки,
только сухого русла
мусорные витки

если случится ливень,
раз в сорок лет весна,
если вода поднимет
брошенное со дна,

эти обломки-строки
вспенятся под мостом
и уплывут в потоке
глинистом и густом...

Мелкая погрешность и ошибка
нудным алгоритмам поперёк -
маленькая красная машинка,
дерзости шипучий пузырёк,
посреди досадного круженья
скоростных развязок и колец,

храбрая участница движенья
тель-авивских кровяных телец.

Как дитя показывает гордо,
охая притворно и хитро,
алое дыхательное горло,
плачем воспалённое нутро,
как душа, что просится из тела -
напрочь, на свободу, наугад -
так её хочу!
верней, хотела
миллион шипучих лет назад...

ИГОРЬ БИРЮКОВ

Россия, г. Владимир

Образование — актёр. Работа — креативный директор. Пишу с 2015. Некоторое количество локальных публикаций и удачно сложившихся конкурсов. Книга «77 текстов» вышла в качестве премии от Российского Союза писателей.

РЕКОНСТРУКЦИЯ МОРЯ СВОБОДЫ

Море волнуясь бесится, бьётся о скалы вдребезги.

Это оскалы памяти или тоска в умах.

Сладкоголосы возгласы. Жаль, что матросы - геббельсы

Вахты несут, как ахтунги. Море, смывай их прах!

Море в тебе отмолено, море тобой отмерено.

Молит, кричит и просится выброситься китом.

Хлюпает шлюпка носиком стыдно и неуверенно,

Жертвенно аки посуху следует за Христом.

Бездне твоей отпущено грешно топить и каяться.

Гейши косятся стайками рыбьими на восток.

Седобородость дедушек с пеной морской сливается.

Будут вам перлы Харбора, будет вам и свисток.

Валом девятым свалено всех кораблей величие.

Айсберги у Титаника спрашивают: готов?

Бог по-соседски спустится к морю за солью, спичками,

Чтобы зажечь спасительно тысячи маяков.

Время забудет двигаться где-то во льдах Гренландии.

Могі моментно вспомнится тактом на раз-два-три.

Рабски галеры вёслами вспенят всё по команде, и -

Море замрёт свободное. Или умрёт внутри.

МОЛОГА

Боже, нас здесь немного,
Несколько тысяч душ.
Имя нам всем — Молога*,
Водная тишь да глушь.

Ты нас давно не ищешь
В мутной чумной воде.
Боже, мы ложе днища,
Низ твоего «нигде».

Боже, мы горе моря
Каплями по слезам.
Вспомни о нас, глаголя:
Каждому аз воздам.

Мы не содом-гоморра,
Тише воды любой.
Боже, мы море горя,
Вылитого тобой.

И не познавши броду
В свой изначальный час,
Все мы вошли в ту воду,
Что окрестила нас.

Слитые воедино
Волгою и Днепром,
Истиною из тины
Явимся, но — потом.

Боже, мы так бессильны,
Если безмолвен ты.
Имя нам всем Россия.
Из-под воды кресты.

*Из сети: Затопленный город Молога: более 6 тысяч жителей, около 900 домов, два собора и три церкви, большой женский монастырь.
«Докладываю, что граждан добровольно пожелавших уйти из жизни со

своим скарбом при наполнении водохранилища составляет 294 человека» (из рапорта, подлинность которого как подтверждается, так и оспаривается).

При строительстве ГЭС с 1936 по 1941 год погибли тысячи узников ВолгоЛага.

FRIDA

Птицы шивают небо в плотные сны Шагала.
Купол любви расписан нерукотворно мудро.
Ты себя не гасила. Ты себя выжигала.
Ты вышивала тело с нежностями хирурга.

Масло бесстрастных красок вязко впиталось в кожу.
Жёлтое, как автобус. Красное от корриды.
Эта картина, падре, дьявольски невозможна,
Как невозможна жалость Господа к телу Фриды.

Он тебя видел, детка, слабой, больной, ревущей,
Девственности лишённой сталью холодно-мёртвой.
Твой позвоночник связан проволокой колючей.
Сделай весь мир фригидным, Фриду - в любви свободной.

В теле её истлели дети, постели, птицы,
Крылья сложив покорно в грёбанные корсеты.
Ей не дано ни разу мёртвою возродиться.
Фрида сгорает в пепел. Фриду разносят ветры.

Freedom поют для Фриды ангелы или бесы?
Мунк с его криком — мальчик рядом с реальной болью.
Не беспокойте Бога, он заслужил фиесты.
Viva la Vida*, Фрида, сломанная любовью.

* "Viva la Vida" (Да здравствует жизнь) — одна из последних картин мексиканской художницы Фриды Кало (Frida Kahlo)

АДАМ ЭТО НЕ ДОЧИТАЕТ

I
Он говорит: «Вытирайте обувь, Ева помыла Землю.»
И добавляет: «Любовь до гроба. Прочее не приемлю.

Бог приписал нам блуд, богохульство, краденный кем-то эппл.
Однако, мы далеки от этого, даже по горло в этом.»

II

Мы мирно сидим в Макдональдсе, ждём роллы и кофе с колой.
Адаму соседка в вибере: «Здесь Еву увозит скорая.»
Я вижу как он меняется, становится болью, стоном.
Прошу его: «Сделай паузу, снаружи полно омона.

Сейчас будет кофе. Паузу. Нельзя. Не срывайся с места.»
И тут азиатка-девочка кричит наш заказ наконец-то.
«Дождись, мы решим, мы сделаем...» И я отлучаюсь к стойке.
Он тут же бежит на улицу, где сразу же слышит: «Стойте!»

Бормочет им в шлемы: «Слушайте, я мимо, мне очень надо...»
Но место одно не занято у них в автозаке рядом.
Адам достаёт попутчиков: «Зачем и куда мы едем?»
Поют «В Магадан» Обломова. Всё кажется жутким бредом.

Мгновение за мгновением он пробует дозвониться.
Но трубка в прихожей выпала, а Ева уже в больнице.
Каталка скрипит колёсами по длинному коридору.
Сознание отключается и Ева падает в кому.

С лицом молодого Чехова, дежурит интерн вчерашний.
Соцсети чморят невыходивших. Его это бесит страшно.
«К чертям, господа, опомнитесь. А кто будет делать дело?»
Но руки дрожат предательски от холода её тела.

Все помнят: главврач вытаскивал такую одну когда-то.
Но главный отъехал временно гулять по Москве с плакатом.
И Чехов решает действовать: «Ребёнка её спасаем.»
А значит не всё потеряно и в мире родится Каин.

В участке сержант полиции лоялен и дружелюбен.
Смартфон отдаёт по-тихому: «Звони, разве ж мы не люди.»
Но трубка лежит на кафеле и в ней надорвался Моцарт.
А кот Моисей, набегавшись, отчаянно в дверь скребётся.

Зарядка почти кончается, осталось совсем немного.
Хватаясь, как за соломинку, Адам набирает Бога.
Он знает, что заблокирован, входящий Господь не примет,
Что в списках для нежелательных означено первым имя.

Политика Богу по боку: обценна и неприятна.
Он переключает с «Первого» на «Дождь» и потом обратно.
«Навальный в сизо» зауглено, чтоб знать кто такой Навальный.
Из этого выйдет мученик практически идеальный.

Господь поминает Ленина, Манделу, Броз Тито, Кастро.
Вождю отсидеть положено, без этого — мимо касты.
По связи вещают ангелы: «Летать над Москвой нет мочи,
Они там друг с дружкой мочатся, кого защищать нам, Отче?»

Адам что-то шепчет. Молится, а может быть матерится.
Сестра принимает Каина и шлёпает по ягодицам.
На улицах обе стороны расходятся недовольно.
Бог смотрит балет про озеро. А Еве уже не больно.

Адаму ещё останется жить лет девятьсот по Библии.
Он тихо себе состарится, раз десять избегнув гибели.
Бог милостив: в белом ангелы, покой, чистота, палата.
Кровать Иисуса наискось, напротив кровать Пилата.

До смерти мне будет помниться, как я упустил минуту.
Как будто бы мог исправить всё и что-то спасти, как будто.
И в том, что случилось далее за точкою невозврата
Я чувствую виноватым. Лишь только себя виноватым.

Мне снится, что мы с ним встретимся на том же проклятом месте.
Его я спрошу: «А помнишь ли...?» Пристану вот с этим текстом.
Он скажет: «Такое длинное. Зачем?» И пожмёт плечами.
И не дочитает.

III

Адам всё твердит: уймитесь же-здесь-ева-помыла-землю.
И снова: любовь-до гроба-я-всё прочее-не приемлю...

IV

Чуть позже рождение Авеля порядочной паре поручат.
И если уж братство всё-таки замешано на крови,
То Каин прикончит Авеля без цели, на всякий случай.
Аминь.

ЧЕЙ КРЫМ

О, будь осторожнее, Боже,
в ответе на то,
чей Крым!

Уткнись в Достоевского,
в уши - наушники,
в рот ирís.

Ответь про погоду,
на дай закурить,
куда фýга-дым,

Про курица-рыба,
что в арку налево,
про what it is.

Поспорь с навигатором.
Смейся над всем,
что ни спросит Пруст.

Пройди с гей-парадом,
поскольку водой —
невозможней.

Про Кеннеди-мёртв,
про Гагарин-жив
и про космос-пуст.

Что ложь во спасение.
Ну, а чей Крым?...
Крым — божий.

ЯН БРУШТЕЙН

Родился в Ленинграде, в семье блокадников. Более полувека живет в Иванове. Работал в газетах, на телевидении — был президентом негосударственного медиа-холдинга, преподавал в вузе историю и теорию искусств. Кандидат искусствоведения. В 70-х активно печатался, в том числе в «Юности» и «Знамени», пока его поэма, опубликованная в журнале «Волга», не была разгромлена в газете «Правда» за «формальные изыски». За этим последовала

резкая критика первой книги в местной писательской организации. В итоге замолчал на четверть века. Снова начал сочинять стихи и прозу в 2008 году. В результате вышли в свет десять поэтических сборников, книга прозы и более девяноста публикаций в журналах «Дружба народов», «Дети Ра», «Зинзивер», «Сибирские огни», «День и Ночь», «Зарубежные записки», альманахах и антологиях и многих других изданиях в России и за рубежом. Член Союза российских писателей и Русского ПЕН-центра. Лауреат многих конкурсов и премий.

Предрассветное

Греховодные сны и подводные страхи,
И подлётное время прервалось на взмахе,
В час, когда на часах без пяти,
Четырёх, или трёх до рассветного мига,
И ломается сон, и рождается книга
Из того, что я бросил в пути.

Но недаром я слышу, как дерево дышит,
Как прибудные птицы садятся на крышу,
Как в печи голосит домовый.
Как скрипят половицы, сгорают страницы,
И старается сад на меня разозлиться,
И срывается ветер на вой.
Этой новой забавой, кленовой отравой

Надышался до боли, но прокляли травы
Взмах моей неумелой косы...
Где раскосы березы и ласковы осы,
Снова падаю в сон, словно в реку с откоса,
Улетаю с ничьей полосы.

Дым империи

А дым империи мне сладок не всегда.
Колотит в стёкла зимняя вода,
Запретный смысл пытается морзянкой
Мне передать. И этот вечер зябкий
Наутро обещает корку льда,
Но вывернуто время наизнанку.

А дым империи, а выхлопы машин,
Мороженные профили мужчин
И капюшоны их безликих спутниц...
И путаница гласных, и распутиц
Печальный опыт. Визг и стоны шин
Проглочены глухим пространством улиц.

Последним пламенем вечерних фонарей
Горит моя империя. И с ней
Не просто ни бороться, ни расстаться.
Бахвалятся деревья зимней статью,
Но пальцам отмороженных корней
День ото дня становится больней.

* * *

Не дал ни злата мне, ни чина
Насмешливый, плешивый век.
Его я прожил самочинно,
Как вольный ветер в голове.
Когда же босым по траве
Забрав с собой одни морщины,
Седой, заслуженный мужчина,
Отбывший жизнь, а может - две,
Я побреду туда, где свет,
Где горизонт и сед, и розов,

Где сам себе я не знаком,
Где никого, возможно, нет,
Где говорить я буду прозой,
А думать, может быть, стихом.

Балалайка

Сосед мой берёт балалайку
Под вечер субботнего дня.
На нём - безразмерная майка,
А в нём - поллитра огня.
Глаза его словно у рыси,
А руки струну теребят...
Кричит мне: "Послушай, Борисыч,
Вот, выучил для тебя!"
Из бани, до блеска отмытый,
Поёт о чужой судьбе.
Былого антисемита
Слегка придушил в себе.
Дружище, ещё сыграй-ка
Падение, и полёт...
Он мучает балалайку
И "Тум-балалайку" поёт.

* * *

Ну, вот и всё, погас и облетел
Осенний день, привычно суматошный.
Небесный волк, пока что злой и тощий,
Грызёт луну, и нет важнее дел.

Ещё вчера я пялился в тоскет
На жёлтый блин, повисший над забором,
И город надрывался птичьим ором,
И билась жила на моём виске.

На лике убывающей луны
Уже видны следы слепого мрака...
Но тише, тише, спит моя собака!
Луна, и волк, и я - всё это сны.

Цикада

Красным сбрызнута серая ветошь заката,
Волны зло и отчаянно лупят в причал,
Там, где я их стихами не перекричал,
Воздух пряный и сладкий, как будто цикада.
Но слышна эта кроха, ночная цикада,
Заливается, словно в начале начал,
Как бы мир ни состарился, ни измельчал,
Всё же бляньем вторит овца из закута.

Отвечает ей птица из горнего дыма,
От которого тает глухая вражда,
Даже если бездонна и непримирима...

И не пробуй дремать под шуршанье дождя,
И не ври, что все стрелы истории - мимо,
И не жди, что спасёшься, во тьму уходя.

Коктебель

В том месте, где песни срывались у скал
На злые ножи волнорезов,
Глушил я вино за бокалом бокал,
Но был омерзительно трезв.
И женщина та, без которой - кранты,
Певунья, чертовка и злока,
Меня называла привычно на "ты",
Но не было слышно ни звука -
Поскольку волна обгоняла волну,
И струны рвались у гитары,
И женщину эту, вовеки одну,
Судьба мне назначила карой.
И берег, давно отлежавший бока,
В ночи догорал, как бумага,
И прямо над нами башкою быка
Маячила тень Карадага.

Улитка

я улитка, мне тяжело таскать мой дом.
в мире липком я прохожу с трудом.

вижу свет из-под корней деревьев и трав,
и за мной поспекает мой древний страх.
там, наверху, нападает на брата брат,
и дома горят, и женщина из ребра
выламывается, голоса,
и вселенная умирает в ее глазах - вся!
потом зеленый человек, который погром и разгром,
встанет на меня своим сапогом,
и я навсегда вернусь в тишину.
а он с пулей в животе закончит свою войну.

Семейное

В еврейском скудном городке,
Где проходила налегке
Белогвардейская пехота,
Где отдыхали от похода
Красноармейские полки,
Где вдаль смотрел из-под руки
Махно с подгнившего балкона,
И где сгущалось время оно,
А слово тихое "погром"
С утра сочилось по дворам...

В блокадном сером Ленинграде
Просили Бога - Бога ради
Спаси и как-то прокормить,
А дед не уставал корпеть
Над обезумевшей буржуйкой.
Там варево дышало жутко:
Вздыхал и прел сапожный клей,
Похлёбка, лучшая на свете,
И для семьи, и для друзей,
И, понемногу, - для соседей...

В седых Синявинских болотах
Почти пропавшая пехота
Шла на прорыв, как на парад -
Остатки неподсудной роты.
И кто-то вышел, говорят.

Отец со снайперской винтовкой...
Как выжил он, не знаю толком.
Хрипел потом, во сне крича -
Еврей, похожий на грача.
А Ладога жила упрямо.
Мою едва живую маму
Полуторка везла с трудом,
Уже по кузов подо льдом...

А я иду в привычном ритме,
Собака обновляет след.
Кого теперь благодарить мне
За то, что вижу этот свет!..

ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ

Родился в городе Среднеуральске. Окончил УПИ. Увлекался театром, нетрадиционной медициной, поэзией, занимался боевыми искусствами. Издано три сборника стихотворений – "Сотворение", "Дыхание дней", "Прекрасная Елена". Недавно вышло избранное в двух томах: первый – "Стихотворения и поэмы" - многое из написанного за более чем тридцать лет; второй – роман-дневник в сонетах – "Тезей".

Давай попробуем сначала -
Из незнакомства, до любви,
Как будто смерть не жизнь украла,
Но лишь ночные фонари,
И мы случайно друг о друге
Узнали в детской болтовне,
Как о струне в огромной фуге,
Почти с другими наравне,
Но вот «почти» и зацепило,
Как то, что знаешь - может быть,
Когда не деньги и не сила,
Но жажда заставляет пить,
И ожиданье - дар рассвета,
Случайное при свете дня
Исчезнет, как в ночи комета,
Но что затронуло меня? -
Как узнавание до встречи,
Как смутное - а это - ты? -
И вот теперь, когда далече,
Нельзя сказать, что с высоты,
Но, забывая груз решений,
Что вижу я сквозь толщу лет? -
Друг друга ищущие тени,
Любви летящий силуэт.

По Гайто Газданову и Георгию Маслову
Для фильма о белой эмиграции

Питомицы гимнасии манер –
Доволен ли сегодня сутенер,
Добавила ли вам осанка цену? –
Вам некому на зеркало пенять,
И невозможно прошлое менять, –
Так что мы обозначим, как измену?

Вас предали и родина и род,
Вы лебеди реликтовых пород –
Спасали тех, кто Вас и убивали,
Вы платите за Вашу доброту –
За азбуку и яблони в цвету,
Уже за то, что не росли в подвале!

Вы выжили и платите собой –
Вы помните, что флейта и гобой –
Не музыка, а ритмы на галерах? –
Танцуйте же! – механика в чести,
Рабам отсюда некуда грести,
И, коротая время в разговорах,

Припоминая город или сад, –
Вы словно возвращаетесь назад –
К латыни, и французскому, и бонне...
Там мальчики огнями на снегу,
Там счастье рассыпалось на бегу,
Пока не прервалось потусторонне.

Что предавало – умерло без Вас –
И первый бал, и музыка, и вальс,
Гимнасия, губерния, смолянки...
Осталась речь – кругом чужая речь,
И родина, пред тем, как смертно лечь,
Спасла Вас, отдавая в парижанки.

Так сохраните всё, что сохранит
Ваш бог – за анемонами ланит,
За грацией и комнатой в чулане,
Всё возвратится на своя круги,
И Вы сочтёте с родины долги –
Количеством исполненных желаний.

А что не оборвёт возвратный тиф,
Горячку слов бессмертьем обратив,
То обернётся эхом – русской речью,
Не кладбищем – попыткой подражать, –
Ловить такси, от холода дрожать,
Преображая память человечью.

А правильно ли

А правильно ли - с чистого листа? -
Когда ни переправы, ни моста,
Сумы худой и фонаря над веком,
Ещё, по Гераклиту, кровь густа,
И сголуба, как яйца у дрозда,
И Герострат грозит библиотекам,

Но рукопись и тонет, и горит,
И пуст не только Санторини - Крит,
В провинции леса переломало,
А севернее варварство в ходу,
И Римом пробавляется в бреду
В мечи преобразенное орало,

И лист не чист - он после пепелищ,
Как лес без листьев - холоден и нищ ,
И рукописи пишут в Вавилоне,
Картинки - это речь без языка,
Бегущая в безумие река,
Слепое поклонение колонне.

Скорее - точке, веку невдомёк,
Что чистый лист - испуганный зверёк,

Свернувшаяся вечность напоследок,
Не повторить теорию густот,
Не обратить базилику в осот,
Не примирить с реальностью соседок -

Фантазию с иллюзией, увы, -
Чем пишем, кроме снега и травы,
Когда граница стёрта и размыта? -
То сердцем, то - несбывшимся, чужим,
И то к реке над пропастью бежим,
То смотрим на волну над небом Крита.

Опять кричат «Виктория!», а мы,
Как дура слепошарая хромы,
Как публика с гвоздиками, нелепы,
Светло ли вам икалось, мастера,
Когда игра, что красная икра,
Пошла мальками пахаря Арепо? –

Не только герметична и проста,
Но словно пели Лазаря с куста,
И в целлюлозу куклу завернули,
Затем ни кирпичей, ни крепостных,
Зевает по - масонски Меттерних,
Не конопля запахана, но улей –

Мы долго собирали мёртвых пчёл,
Так долго, что и ледник бы сошёл,
Оставив пирамиды и дольмены,
Но ни янтарь, ни гнёзд обсидиан
Не разбудили пятый океан,
Не хватит гексаграмм для перемены.

Для хаоса ни места, ни толпы,
Порядок – измельчение крупы
До пыли и присадки порошковой,
Как если бы мы в космос собрались,

Да выпили и лишку заврались,
И сводку завершили Терешковой.

Победа – миф, есть принципы держав,
Объятия единожды разжав,
Орёл не повторяет сожалений,
На пашне от былого ни следа,
Упруго возвращается среда,
Слепой не замечает повторений.

Как интересно! – чтобы не скучать,
Не стоит ли и мне не замечать,
Как все мои победы одиозны? –
Как не нужны прозренья никому,
И время шьёт, как бисер на суму
Мне дело, и отказываться поздно.

Тугулым

Остановиться? – Где? – в распадке,
Где только ели в беспорядке,
Да кедры, выводок берёз, –
Кругом осинник, долгий-долгий,
И мы, как бурлаки на Волге,
Проволокли железный воз

Сквозь бурелом заросших тропок,
Когда проезд не то, что топок,
Но подозрителен весьма,
И прихотлив, непредсказуем,
Как будто в вирье пируем,
И ждём подмётного письма –

Дождя ли, снега – непокоя,
Когда не скрыться за рекою,
Не погрузиться в забытье,
И ветер падает на пашню,
И всё туманней день вчерашний,
И эфемерней бытие.

Но далеки эфемериды,
Когда сквозь мартовские иды
К календам мая перейду,
Минуя дни сплошной капели,
Апрельских тезисов недели
И одичание в саду. –

Мне ближе лес. Его подлесок,
Багульника и дыма смесок,
И взвар из ягод и травы,
И мы огню почти не пища,
Как мох на старом пепелище, –
До белизны и синевы..

Почти прозрачно. – Лес и дымка,
И отпечаток фотоснимка
На стертом воздухе зимы,
Не отраженье – растворенье,
Когда отказывает зренье
И отражаемся – не мы.

И ветер, достигая бора,
Перебирает, как Пандора,
Свои вчерашние дары,
И там, где арка – нет прохода,
И засыпает время года,
И смотрит складками коры.

ЮРИЙ ВАЙСМАН

Родился в городе Калинковичи, что на Белорусском полесье. Окончил Рижский Политехнический институт по специальности инженер-строитель. С 1994 года живёт в городе Мельбурне.

Автор двух сборников: «Исповедь» (1989) и «Рубикон» (1991). Стихи публиковались в «Литературной газете», альманахе «Витражи», газете «Интеллигент», в поэтическом альманахе «45 Параллель», в журналах «Новая Немига

Литературная», «Крещатик», «Белый ворон», на порталах «Русская литература Австралии» и др.

Странно до боли, до странности больно,
То ли жестоко, то ли нелепо.
Сколько, доколе, постой, довольно –
К небу, на волну из этого склепа.

Скользки ступени, дай же мне руку,
Брось свой топор на забаву нищим!
Странный удел – истреблять друг друга,
И возвращаться на пепелища.

Что же ты медлишь, друг мой, палач мой,
Иль не достаточно крови пролил?
Брось свой топор – здесь меня оплачут
Те, кто когда-то меня пороли!

Сердце не дышит, Боже Всевышний,
Страшно упасть, да куда уж ниже –
Бледные призраки, серые мыши
Толпами тонут в болотной жиже.

Темень всё гуще и нет просвета,
Кто мы такие, да кем ведомы?
Господи – Ты ли придумал этот
Путь от Эдема и до Содома!

Может быть ангел твой златокрылый
Где то уснул и не смог проснуться...
Господи смилуйся – дай мне силы
Не оглянуться, не оглянуться, не оглянуться...

Месяц был молод,
Страсть разгоралась,
Чёрная страсть.
Желчь цвета золота
По пьедесталам
Власть пролилась.

Пыль по обочинам
Розовой пеной,
Накипью зала.
Тайны пророчества
Вздулись как вены
В завязь узла.

Кровь заиграла,
Жемчуг с престолов
Сыпался в грязь!
Месяц был молод,
Страсть разгоралась,
Чёрная страсть.

В крике матери, с первым криком,
Звёздным эхом в земном эфире –
Чудом трепетным, чудом диким
Мы рождаемся в этом мире.

Вырастаем, и со слезами –
От кроватки до табуретки,
Пьём ромашковыми глазами
Унавоженный опыт предков.

Вырастаем. От детских криков
До скандалов пустых и пьяных,
Вырастаем, – странная дикость
Переходит в дикую странность.

А по улицам бродит лихо,
В каждом доме – чужая стая,
В каждой стае – неразбериха...
Вырождаемся. Вырастаем.

НАТАЛЬЯ ВОЗЖАЕВА

Родилась в городе Грозном, в Чечне. 27 июля 1971 года. Закончила РГУ (Ростовский Государственный Университет). Филологический факультет. Живу в Новороссийске, Краснодарский край. Сборник стихотворений «Струнность ливней». Приз симпатий на Международном литературном конкурсе "10-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2021»

Полиптих

Елене Васильевне

1.
Чьи дети, чьи дети? Чьи?!
Что-то чаячье в крике.
Девочка плачет, мальчик молчит.
Копчёные личики-лики.
Перевязанные крест-на-крест серые шали.
Господи, ты и это раз-ре-шаешь?

Елена Васильевна, ну куда вам ещё двоих – своих троё.
Нагайки у чертей чёрные, сырые от крови.
Свихнулась Родина, сдурела, спятила,
А у Лены на руках пятеро.

2.
Минус такой снаружи, что душно
В брюхе холодной теплушки.
Детей на сено, ладошки-ладушки,
Молодая мать – седая бабушка.

3.

Елена Васильевна, Леночка, Лена,
Холодные руки не помнят Шопена.
«Коти» и в косе черепаховый гребень,
Птифуры, шартрез... хоть бы корочку хлеба
Для Сони, Надежды, и Лёли, и Саши.
У Ванечки жар, молока бы да каши.
Шинели, шинели, шинели, шинели...
Не мылись, не спали, не пили, не ели.

4.

Нагайки у чертей чёрные, сырые от крови.
В теплушке душно, темно, тесно, двери откройте!

5.

Бас бармак
балан уйрек
ортан терек
шылдыр шумек
кишкене бобек

Перебирает молодая казашка чёрные пальчики
Вот уже три часа как мёртвого мальчика.

Что смерть? Ворота земного ада.
Хорошо, что Ванечке молока не надо.

Две юных старухи у саманного бока.
Ни красных, ни белых, ни царя, ни Бога.
Не моли Аллаха, Адия Алашевна.
Поднимай оставшихся, не вернуть младшего.

Бог оглох от залпа, прости его. Не проси его.
Сохранишь девочек, Елена Россиевна...

Привет

Москва, пока. Я с тобой не часто,
В тебе – недолго, обычно – под...

Район замкадовский хмур и заспан.
Осадки, к вечеру гололёд.

Первопрестольная любит дерзких,
громкоголосых и пробивных,
А я, свою защищая детскость
Неловко, вновь пропущу под дых.

Ко мне, как мачеха, ты сурова,
Суюсь щенком да под сучий бок.
Ни словом ласковым, ни полсловом
Не побалуешь. Подходит срок,

Когда навстречу шагнёт Казанский, –
Зелёный шпиль словно в сердце гвоздь –
Но оказалось, что показалось
И не навстречу шагнул, а сквозь.

Как зябко в лёгком нейлоне куртки!
На скором сутки мне до весны.
И как вписался в толпу окурков,
Размякших в луже, плевков луны.

Мороз целует сухие губы,
Из провожающих только он,
А мне безликий извозчик UBER
Какой-то скидочный дал купон.

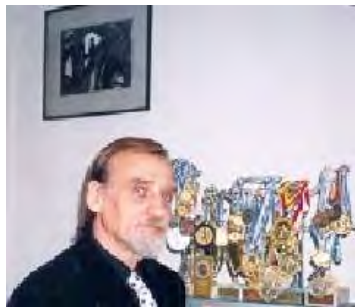
Смотри-ка, акция! Вот удача.
У неимущих берут сполна.
И несчастливых легко колпачить –
За пару судеб цена одна.

Щедра, безмерно щедра столица.
О Боже правый, хоть в чём-то фарт.
Фе-враль повис на моих ресницах,
Вот-вот сорвётся. Привет, обмарт.

Нога

Лавочки облезлый козлик
Растопырился в кустах,
Замер, пыльный и бесхозный,
Старый труженик верстак.
Мама тает, но бодрится.
Ночь садится у ворот,
И проснувшаяся птица
Ноту грустную берёт.
Так берёт, что ноет что-то,
Что топорщится в груди.
«Надо дырочку заштопать, –
Тихо говорит, – иди
За иголкой и напёрстком,
Мне не спать, а ночь длинна».
Набивной рисунок пёстрый –
Дырочка едва видна.
Ночь закидывает сети,
Да ячейки велики.
Вот и пусто на три трети.
Брызнут звёздные мальки
И погаснут. Месяц съехал
С крыши, тихо тает мгла.
Не в небесные ль прорехи,
Будто в сито, жизнь стекла?

ЕФИМ ГАММЕР

Поэт, прозаик, художник. Закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге, автор 20 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Печатается в журналах России, США, Израиля, Германии, Франции, Бельгии, Канады, Латвии, Дании, Финляндии, Украины: «Литературный

Иерусалим», «Арион», «Нева», «Дружба народов», «Кольцо А», «Белый ворон», «Новый журнал», «Слово\Word», «Русская мысль», «Литературная газета», «Российский писатель», «LiteraruS – Литературное слово», «Эмигрантская лира», «Дети Ра», «Урал», «Сибирские огни», «Север», «Настоящее время», «Новый берег», «Дальний Восток», «Русское литературное эхо», «Новый свет», «Кругозор» и т.д. «Золотое перо Руси» 2005, 2010. Живет в Иерусалиме.

ПЕРВАЯ КОСМИЧЕСКАЯ СЕКУНДА

2

Мне рассказали о песне.

Пел её поводырь.

Он вёл слепого на виселицу
и в такт малоподвижных ног
выводил:

– Лето встречают по запаху
ягод лесных и грибов.

Осень встречают по шелесту
листьев, спадающих с веток.

Будет зима, поднатужишься,
снег напружинишь и вырвешься
к дальней, весной расцветенной,
вербе на том бережку.

– Деду! Скажи, а где тот бережок?

– Он в лето восходит под запах
ягод лесных и грибов.

В осень вступает под шелест

листьев, спадающих с веток.
И в свете к тебе приближается,
ступеньки навстречу мостя.
– И долго ещё мне, незрячему, до света
идти по ступенькам, ведущим наверх,
и чувствовать не опору,
а шаткую тьму под ногой?
– Будет зима, поднатужишься,
снег напружинишь и вырвешься.
– Деду! Я вижу! Весеннее
солнце восходит и светится.
Верба ветвями тянется.
И берег – рукою подать!
– Прости, я не слышу тебя.
– Деду! Гляди! Я на том берегу.
Здесь лето с весной одновременно,
Зима здесь иль осень – без разницы.
Здесь шелест и запах и... вижу я!
Здесь вижу что-то прекрасное,
наверное, новый мир.
Деду! Ты меня слышишь?
– Я тебя не слышу, сынок.

3

– Шаг в сторону – расстрел!
А он не мог. Дыханье через раз.
– Начальник!
– Замолчи, урод!
– Я по нужде... по маленькой... позволь.
– Мочи в штаны!
Колонна хохотнула.
И голос издали, простуженный, в хрипотце:
– Профессор он. В штаны лить не по чину.
Гундосый отклик эхом подхватил:
– Учиться никогда не поздно, пусть профессор!
Но поздно оказалось поучать.
Шаг в сторону.
Струя буравит землю.
И выстрел в спину.

ВТОРАЯ КОСМИЧЕСКАЯ СЕКУНДА

7

Контрасты:

черное на белом.

Контрасты:

белое на черном.

И зайчик солнечный

забегал,

игрою детской

увлеченный...

8

Игрушка:

пляшет человек.

На нитке, бедного,

Таскают,

А он,

калека среди калек,

за счастье

это почитает.

Игрушка:

пляшет человек...

ПЯТАЯ КОСМИЧЕСКАЯ СЕКУНДА

1

Изболевшее слово,

многослойный расклад.

Пули снова и снова,

и все наугад.

Не пройти, не проехать.

Не вернуться назад.

Многословное эхо.

Невпопад. Невпопад.

Было. Будет. И снова

повторится стократ –

изболевшее слово,

многослойный расклад.

2

Если совесть, значит, совесть.

Точек нет и запятых.

Человек – не то, что повесть,
он скорей короткий стих.
Прожил, дожил, обнаружил
хоровод болячек разных.
И устроил себе ужин
в час, когда и пить опасно.
Выпил, допил и накрылся
долевой лепешкой пресной.
И сквозь смерть ему приснился
сон, что прожил интересно.

4

Смерть каждого,
живущего по духу и по родству,
начинается с тоннеля.
Тыходишь в тоннель,
и тебя впервые
несет пространство –
то ли мира,
то ли души.
Но в конце тоннеля –
свет,
белое пятно.
Все оно – целиком –
круговое расстояние
от «Я» – доступного пониманию –
до «Я» недоступного.
И не разъехаться!
Доступное «Я»
вклиняется в недоступное,
наделенное
магнетическими свойствами.
Тянет тебя –
не согнуть в пути.
Тянет тебя...
А там – впереди...

5

Видели мы
и такие сказки.

Но лучше назад,
чтобы жить по указке.
Всякие разные
наши реченья
выйдут нам боком,
как обличенье.
Мы все привычны
бороться с магнитом.
Что нам тот свет?
И без света мы сыты.

6
А там, впереди...
Там – бельмо
и неясная доля.
Но лучше –
неволя,
земная:
свой дом, свое поле,
и камушек гладкий
в зеленом ручье,
и солнце –
яичным желтком в куличе.

ВОСЬМАЯ КОСМИЧЕСКАЯ СЕКУНДА

1
Сколько бы ни было, мы не одни.
С нами Луна, с нами Солнце, а наши дни
завёрнуты в тканый тайгою халат
из шкуры зверя, ходящего наугад
то в область преданий, то в праздник бомжей,
где крутит пластинки пришелец-диджей,
где трёп из мечтаний, танцы, кино,
где весело жить, попивая вино.
Должно быть, ноги устроены так,
что нам не знаком здравомыслия страх.
А, может, шкура всему причина,
что сердце – не камень, лицо – не личина,

что ходим – находим, купаемся в слове,
и живы покуда... снова и снова.

2

Ржавый кусок гвоздя,
рваный клочок бумаги.
Память – теперь – судья,
а не полночные страхи.
Что было в том давнем письме,
прибитом к стене для понта?
Придумать, коль жив, сумей.
Но память в бездумье уперта.
И только рисуется дождь,
унесший расцвет звездопада.
И слышится: «Если уйдешь,
не будет тебе возврата!»

8

Сотворение мира, жизнь по спирали.
Те же ошибки на каждом витке.
Сколько бы память нам ни стирали,
с прошлым по-прежнему накоротке.
Вроде бы детство. Но где ностальгия?
Мечется бедная – зонт не найти.
Дождь бесконечный, струи тугие,
очередь к хлебу, и с ней по пути
год и другой, дальше – третий и пятый,
жизнь подминается склочной толпой.
Зомбируют разум: лишь те виноваты,
кто прежде вели вас вперёд за собой.

9

В подлесе мнений спрятана иголка.
Булавкой скреплен рваный кругозор.
В упавшем небе звук немеет долго,
а в нём любви отвергнутой укор.
Чего хочу? Простой житейской доли,
рюмашку водки, песни под баян.
И чтобы записной носитель едкой соли
не промывал моих житейских ран.

ЛЮБОВЬ ГОЛЕЙЧУК КОЭН

Родилась я в Баку, где из любви к путешествиям поступила на геолого-географический факультет АГУ. Жизнь, и правда, получилась кочевая. В 1992 году уехала в Израиль, а с 2002-ого года живу в Новой Зеландии. В Тель-Авиве родился мой сын, в Окленде – дочь. Здесь я получила дополнительное образование педагога дошкольного обучения. Уже семь лет работаю главным координатором русской

лицензированной сети домашних детских садов Окленда. Стихи пишу со школьных лет. Печаталась в интернет-журналах, альманахах и газетных изданиях разных стран. Победитель и лауреат различных поэтических интернет-конкурсов.

Сны о Баку

В нашем городе вымерло всё, словно не было тут
Ни весёлых базаров, ни быстро летящих машин,
Ни детей, что гоняли весь день во дворах в чехарду.
Лунный свет, заблудившись в Хазаре, замёрз и дрожит...

Пешеходы, трамваи сновали когда-то вдоль стен
Переполненных шумом домов, что лелеяли жизнь,
И на каждого жителя солнце писало досье
Сотней бликов на окнах, лаская теплом этажи.

Словно полный “Чинаром” кувшин, древний город манил,
Распахнув по-восточному щедро свои закрома,
Предлагал по бульвару пройти у прибрежных перил
Там, где юность, жасмин и весна всех сводили с ума.

Здесь влюблялись, кутили, читали в трамваях стихи,
Рисковали, когда было ради чего рисковать,
И в могилы ложились в том парке, где с видом лихим
До войны на качелях взлетали - звала синева...

..Город болен. А может, не город, а я заболел?
Вижу странные сны: в ностальгии по людям муссон

Рыщет между домами, качает стволы тополей,
И мне хочется взвыть вместе с ветром шальным в унисон!

Обезлюдел наш город. Заснул и реальность проспал...
Или это – мираж эмигрантской ослепшей души?
Просто жизнь пролилась и течёт вдоль немереных шпал,
За собой в черепки разметав опустевший кувшин.

Вы мой герой

Вы мой герой, и я вас поведу
На кончике пера в огонь и битву,
И вы в боях не будете убиты
У зрителей печальных на виду.
Окрашу словом в светло-золотой
Я лавры вашей несомненной славы.
Уберегу от ран, потопа, лавы
И прочих зол, но не спасу от той,
Что не умеет вовсе воевать,
Не носит лавров, не слывёт царицей.
Но, ей одной желая покориться,
Забудете суровый гонор льва.
Сверкает сталь, и искры врозь летят,
Но, мой герой, опасней страсти пламя!
Любовь легко и властно водит нами
И превращает даже львов в котят.

Замок

Воздушных замков непрочны стены...
Но в твой вошла я, забыв о риске.
Ты там дарил мне тепло Вселенной,
Печаль и нежность стихов искристых.
Красоты мира бросал под ноги,
Звал милым прозвищем в час рассветный.
В чертоге дивном совсем не боги
Варили борщ лучше всех на свете.
Непрочен воздух. Не вечна глина.
Чем я могла постоянство мерять?
А тем, что в вазе моей старинной
Цветы твои никогда не меркли.

Я знала: если растают стены,
Сомнений ветер дохнёт свирепо,
Стеною станешь. Взрывая вены,
Ты сам над нами удержишь небо.
А если время сожмёт нас в длани,
Сотрёт да бросит небрежно оземь, -
Взойдём над миром зарёю ранней,
А лучшей доли никто не просит...

Ожившей сказки надолго ль хватит?
Реальность бьётся в душе со снами.
Теряем веру, но, Бога ради,
Любовь и верность, пребудьте с нами!

Потерянные

Этот лес только наш. Мы приносим дары к алтарю,
Как несли праотцы в благодарность за помощь бессмертных.
Кровью жертв напоим леденящую душу зарю -
Воздадут небеса нам за подвиги полною мерой.

Мы уснём в шалашах в ожидании сладостных снов,
Триумфальные пляски свершив на костях, но приснится
Не весёлый азарт победителей - царственных львов,
А отчаянье псов, заглянувших в пустые глазницы...

С первым солнечным светом забудется тягостный сон.
Рог в поход протрубит. Не считаясь со страшным знаменьем,
Не оставим в живых никого в дикой чаще лесной
И вернёмся домой приручать непокорное время.

Но, наверное, каждый в себе носит зло и войну.
Уничтожив врагов, изводить станем ближних нелепо,
Чем рассердим богов - будут землю вздымать, как волну,
И погонят нас прочь - в отражение жаркого неба.

Покидая наш лес вместе с дымом потухших костров,
Будем падать мы в бездну. Их гнева никто не спасётся...
- Эй, взгляните! Огромная птица из дальних миров,
О надежде запев, опереньем играет на солнце...

Отвлечённо

...С какой луны упала эта грусть
Мне прямо в душу, ласково сияя?
И сколько лун – я подсчитать боюсь –
Покрыли высь от края и до края?
Смотрю поверх событий и голов,
Чужая всем, сама себе чужая,
Избавившись от логики оков,
Прыжком в себя сознание улаживая.
Не упрекай за отвлечённый взгляд,
Не укоряй за странные привычки,
Ты знаешь, как по осени болят
Слова и звуки, точки и кавычки?!
Я втисну в лист свой одинокий мир:
В реальности ему не поместиться!
Кружу над строчкой, руки заломив,
Не женщина – голодная орлица...
А ты поймёшь когда-нибудь потом:
В пересеченье разных измерений,
Страдающие оба слепотой,
Друг другу мы видны в часы горений.
Но как суметь гореть и не сгорать,
Приобретая видимость в пространстве,
Когда непонимания гора
К плечу приникла тяжело и бесстрастно?
Я не вздыхаю... знаю: там, внутри
Описанных процессов и явлений,
Однажды кто-то трепетно узрит
Мой тайный свет всех лунных откровений...

Встать утром

Встать утром раньше стихов и близких,
Упасть в реальность, держась за веру,
Что снов невнятных моих огрызки
Не брызнут в душу тоской химерной.

Так, ежедневно вздыхая Богу,
Себя нещадно ломать и ранить

В тех лабиринтах, где путь-дорогу
Мне не подскажут ни смысл, ни память.

Найти цель жизни на этом фоне
И к ней стремиться, но по запарке
Привлечь вниманье к своей персоне
Не чем-то нужным, а чем-то ярким,

И вновь исчезнуть в витке спирали,
Срывая тело. Всё - без эмоций...
Ах, если б только мы выбрали,
Куда нам падать, кто где проснётся!

Монолог Чёрной Королевы

Притворившись королевой шахматной,
Расчерчу пространство на квадратики,
И начнёт секунды мне наматывать
Новый блиц. Эй, пешки, не расстратые-ка
Ни секунды! Время нам отмерено.
В унисон два циферблата кружатся.
Замер конь в углу спокойным мерином.
Зря ладья вперёд пробиться тужится.
Нет согласия между нами, чёрными...
Нет согласия, между ними, белыми...
Да гляжу на битву обречённо я.
Ферзь, прикрыв, растаял за пределами...

Ферзь да пешки – шахматные ангелы!
Души их в кровавом вихре мечутся,
Пропадают... Зажигает факелы
Кто-то в облаках в их память вечную.
Королевой всех времён истаявших,
Братской бойни злополучным лидером,
Я уйду последней, не раскланявшись,
В мир, где наших видимо-невидимо.
Оторвавшись от шаблонов шахматных,
Лишь вздохну, коль встретим пешки белые.
Примирившись с ними, вместе ахнем мы
«Что же, братцы, с вами мы наделали?!»

Зеркальный лабиринт

Октябрь. Кривятся мокрые дома.
По стенам их стекают окна в лужи,
И кажется: ты больше мне не нужен,
Я даже не нужна себе сама...
Что важно? Не испачкать белый плащ,
За листьями нагнувшись для букета?
Не сбить каблук, вонзив его в планету
В продрогшем парке? Горек и манящ
Дух осени... Кругом – чужие люди...
Чуть-чуть-свои собаки в конурах
Скулят – они учуяли мой страх,
Что дождь пройдёт, но нас так и не будет.
Под натиском воды любая твердь
Становится блестящей и прозрачной,
Как зеркало. Не помню я, что значит
Твой взгляд - он в зазеркалья пойман сеть.
Куда ведёт зеркальный лабиринт?
Нас разделив, не выпустит на волю.
Я в гладь стекла гляжу почти без боли.
Там ты и зонт, на нас двоих – один...

МИХАИЛ ГОФАЙЗЕН

Родился в Москве. Образование: ясли, детсад, школа, вуз. Волею судеб в 80-х оказался в Таллине, где и свил гнездо. В начале 90-х, не вставая с дивана, оказался в эмиграции. К развалу СССР отношения не имел. С ранних пор тщился рифмовать. Стихи публиковались в журналах «Радуга», «Поэзия», «Таллин», «Русское эхо в Израиле», «Крещатик», «Северная Аврора», в «Литературной газете» и других

коллективных захоронениях. Тешил тщеславие, примкнув к списку лауреатов Национальной литературной премии «Большая книга» и премии «Народный Поэт». Автор книг «День Восьмой»(2000), «Эмигранты из Эдема» (в книге «Другие Возможности» 2004), «Последняя Метафизика» и «Новое тысячелетие» (2004-2019 - в интернете). Автор статей в научных и популярных изданиях.

Танцы под Облаками

Я спрягаю, спрягаю глаголы. Специальное время ищу.
Каждой твари раздали по соло, по тропе, тропарию и плащу.
Силуэты в плащах. Невидимки.
Штукатурка. Асфальт. Кирпичи.
И коптит на луну керосинка с вездесущей своей каланчи.
Эту ночь мы с тобой позабудем. Только копоть ночных облаков
нас преследовать будет и люди в виде контурных линий и слов.
Облака.
Па-де-де.
Чёрный танец.
Двое в парке. Листва и эфир.
Он за нею пришёл, чужестранец. Па-де-грас, сильвулле!
Па-зефир.
Всякий кофе сойдёт для помола.
Что за слово такое «еси»?
Я до боли спрягаю глаголы. На родном, на латыни, фарси.
В обстоятельствах времени тесно. Изнуряет избыточный вес.
Млечный путь и земной, поднебесный,
в этом месте сошлись.
Полонез.

Фуэте листопада. Затишье. И опять новый танец, опять.
Слышишь, ветви прощаются?
Слышишь?
Остаётся одно – вспоминать.
Как прекрасна была вечеринка! Наши танцы, любовь...
Не молчи!
Но коптит в потолок керосинка. И тоскует собака в ночи.

Неоднажды осенью

-1-

Пусть шестикрыл зоил, да зол не по погоде
круговорот надежд и прочего в природе -
как пахнет базилик, и перечная мята,
и волосы твои из лилии заката!
Пусть в линиях ветвей меняется раскраска,
а линии времён затягивает ряска,
пусть даже никогда не воздадут по вере -
как пульс стучится твой дождями в подреберье!
День падалицы. Стук. Идёт сентябрь. Вечер.
И шелестит сквозняк, надев носки овечьи,
пером-лучом звезды, чтоб встретились во мраке
бессмертие, любовь и естество бумаги.

-2-

А глаз твой –
огромный, коровий, печальный,
в нём вечность пленённая плещется рыбой -
свинцовую жидкость сквозь ситечко с чаем
роняет и точит хоть сердце, хоть глыбу.
На дыбе, за дымом последнего дома,
зажатый в подвздошье меж небом и телом,
гневится туман поседевшего гнома
на стыке календ между чёрным и белым.
До мартовских ид остаётся полгода,
а ты, отравившись надеждой и смогом,
идёшь да тоскуешь, моя непогода,
как будто душа, разлучённая с Богом.

-3-

Жар-птица, ты плачешь?..
Так короток свет,
горчащий гвоздикой да молотым перцем.
Шагреневый сад.
Как в кору короед,
пронырливый холод вгрызается в сердце.
Натальная карта.
Средь звёздных сатур,
где ночь тянет нити из чёрного твида,
реальность мою поджидает Сатурн,
уже облачившийся в пояс шахида.
Распяты дороги гвоздями столбов.
Так пусто, что нечему даже присниться.
И где-то у беты созвездия Псов
скорбит по-собачьи жар-птица.

Старые Львы

«...молодые львы всегда превращаются в старых»

Слыхали ль вы, как плачут львы, когда зализывают раны?
Как, потеряв свой прайд, ревут и призывают смерть в саванну?
Как от бессилия рычат уже не в состоянии биться,
когда с убийцами их чад совокупаются их львицы?

Слыхали ль вы, как стонут львы от одиночества под вечер?
Воспоминанья старых львов напоминают человечьи.
Их мучит голод и тоска. Ни братьев нет, ни побратимов.
Их мучит поздняя любовь, что, как всегда, невозвратима.

Отступит засуха. Придёт сезон дождей и покаянья.
А всё, что было, всё пройдёт, простит себя и перестанет
тревожить прошлое. Потом оно в низинах в землю канет.
Видали ль вы, как ищут львы места такие по саванне?

Лесной Ноктюрн

В ту ночь я заехал в лес.
Октябрь, но было сухо. В затылок дышали духи.

В траве жёлторогий бес ловил их шумы вполуха,
да филин по фене ухал.

Сама для себя - свобода, сама для себя - тюрьма,
скрипела, шипела тьма.

Вдоль чёрной её дыры во фронт стояли стволы,
и не было здесь ни брода в изученные миры,
ни в прошлое перехода,
туда,

где солнце с луной в два глаза лизали макушку,
где Саша сосала сушку на пригородном шоссе,
а мост, наклоняясь к реке, из русла тянул глясе,
и где на рельсах-тире поодаль плела парафразы
типичная истеричка, салатовая электричка,
слагая своё эссе.

Про жизнь. Про любовь. Про путь.

Про то, что болят колёса, но, в целом, не в этом суть.

Про то, что на белом свете (и это, пожалуй, важно!)
так жалко стоять и спать, как спят каждой ночью дети,
не ведая, что однажды приходится умирать.

В ту ночь я заехал в лес.

По-крысьи шуршал в ветвях надмирный пещерный страх.

С дремучих лесных небес, тропою ступая ратной,
листва опадала в прах.

И ветер не с той ноги за мной заметал шаги.

АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ

Харьков, потом Нижневартовск, Мельбурн, Австралия. В Австралии с 1992 года. По профессии программист. Печатался в различных Австралийских сборниках поэзии и в Интернет-журналах, в частности в «45-й параллели», «Белый ворон», «Крещатик». В 2006 году был удостоен высшей награды

международного поэтического турнира в Дюссельдорфе.

Он

Человек на работе. В белом.

Сдержан, замкнут и нелюдим.

Человек очень занят делом.

Но, наверное, не своим.

Ненавидя свои задачи,

Он решит. Он добьется успеха.

Он – ударник и неудачник.

Он – помощник и он – помеха.

Он – пример всем в делах семейных.

Не предатель, не враг, не лгун.

Осудить его? Не умею.

Промолчать о нем? Не могу.

Все еще верит загадочный люд

Скудному словарю.

Этой я тоже скажу, что люблю.

Я это всем говорю.

Всепожирающей страсти, дотла,

Не ожидается, лапа.

Нужно лишь каплю живого тепла,

А не паяльная лампа.

Съеден не нами запретнейший плод.

Мало осталось, увы, нам.

Пусть то что должно произойдет –
Что с этим делать, увидим.

Можно жалеть. Жалость не унижает.
В этом раю или в бывшем отечестве,
В Храме Культуры я – прихожанин.
А ведь претензии были на Жречество.

Нравились Аллы, но не идеалы,
Из быть иль не быть выбирал только «или».
Музы делили со мной одеяло.
И уходили. Всегда уходили.

Млека не будет – не теребите,
Если сосцы до кости облизали.
Я – не строитель, я – потребитель.
Есть телевизоры. Есть кинозалы.

Много таких в этом Мире огромном.
Много удобств и легко напечататься.
В нашей тусовке я – самый негромкий.
Не докричаться. Не докричаться.

ОЛЬГА ГУЛЯЕВА

Родилась в городе Енисейске. Училась в Красноярском государственном университете на филологическом факультете, работала корреспондентом «Сегодняшней газеты». Позже окончила психологический факультет Красноярского педагогического университета. Стихи публиковались в альманахе «Енисей», журнале «День и ночь», газетах «Енисейская правда», «Красноярский рабочий», а также коллективных литературных сборниках. Живет и работает в Красноярске.

Морозко

На перекрёстке всех глубин и бездн,
Не чужа ни нашедших, ни искомых,
Уставший человек, оставшись без,
Из всех условий принимает холод.

Любил кого? Кому-то задолжал?
Ходил когда-то в детский сад и в школу.
Обнявшись крепко, на земле лежат
Он и его период ледниковый.

Минуя заключительный барьер,
Душа его летит над теплотрассой,
Летит, как над Парижем О. Фаньер,
Как белый альбатрос над Алькатрасом.

Летит и понимает: всё, каюк;
Туда летит, где каждый безусловен,
В полёте заменяя "мать твою"
На "дедушка, спасибо, ой, тепло мне".

Ярик

– Ярик, – кричит детвора под балконом, –
Выходи, Ярик.

Взгляд его васильков,
Кровав подбой одеяний,
В руках его автомат, детский.
– Как настоящий, – говорит Ярик,
Швыркает соплями
И на меня автомат направляет,
И возглавляет колонну римлян,
Следующих на нерест.
Ярик стреляет в любую нехристь,
В любую нечисть.

Эрих Мария Ремарк, Рильке Райнер Мария
Прячутся под лавочку возле дома,
Дрожат,
Превращаясь в ежат
Противотанковых.
Ярик идёт в атаку, м/
Ярик становится танком,
Комфортабельным, благоустроенным.
На башне надпись "За родину".
Дуло направлено на меня,
Взгляд его васильков,
Глаз, голубой, небесно-голубой
Сейчас лопнет,
Обрызгает меня с головы до ног;

Ярик, голубоглазый, бронированный,
Направляет на меня автомат.
На башне надпись "За родину".

В университете города Кёнигсберга
Идёт лекция профессора Канта.
Сидя на лавочке,
Разглядывая наркоманов и куртизанок,
Разглядывая людей в розовых штанах
И жёлтых рубашках,
Вижу отдельно стоящего Ярика.
Ярик направляет на меня автомат,
Почти настоящий,

Будто бы я наркоманка и куртизанка,
Будто бы получил приказ,
Заказ
На наркоманов и куртизанок,
Будто бы не было никогда никакого Канта.
Я становлюсь Антанта.

Ярик направляет на меня автомат и смеётся.
Встаю с лавочки, говорю:
– Ярик, не заслоняй солнце.
Ярик, солнце – оно как мячик,
Только он настоящий,
Совсем настоящий.

Бабушка Ярика на пятом этаже
Выпекает вафли.
Бабушка кричит:
– Ярик, иди есть вафли.
Небесно-голубые глаза чисты,
Небесно-голубые глаза чисты.
Ярик взлетает на пятый, ест вафли.
На нём форма люфтваффе.

Смородина

Разбарабанивая сумерки,
Трамвайно, зонтично и суетно
Стирая грани и рисуя их,
Никем не выпит и не спет,
Мерцающе мироустроенно
Нечаянно на город пролитый,
Как будто бы река Смородина,
Течёт грохочущий проспект,

На непогоду и невыгоду
Стабильно выдыхая выхлопы,
Оставшийся без права выбора,
На берега швыряет слизь;
Топча ногами грязь и слизь его
Обочины широколиственной,

Апостолы с евангелистами
Пока ещё не родились,

Не отражая лица постные
Евангелистов и апостолов,
По сумраку как будто по светлу
Течёт Смородина-река;
Мироустроенно заманчива,
Она притягивает мальчика,
И мальчик, оставаясь мальчиком,
В неё ведёт купать щенка;

Горыныч змей рычит, что вроде бы
Проглотит мальчика Смородина –
Стремясь привычно выпить кровь его,
Клокочет у прохожих ног;
Под взглядом боженки японского
По броду полосато-конскому
Перелетают аки посуху
Её и мальчик и щенок.

Поезд на Вифлеем

Минус одиннадцать, снежно, погода – во!
Стоит на Казанском вокзале тамбовский волхв;
Купил бутерброд, ему разогрели, съел,
И вот он садится в поезд на Вифлеем.

Гугл открывается, радуясь ста нулям
И единице. Поезд везёт землян
По городам, по воздуху, по полям.

В поезде запах чая, хлебов и рыб.
Волхв из Тамбова в пещеру везёт дары,
Дремлет на верхней полке и видит сон,
Спит и во сне улыбается всем лицом.

Поезд приходит на станцию Вифлеем,
Здесь выходить из поезда надо всем.

Волхв на вокзале, видит – два мужика:
Курыт о чём-то, держат дары в руках.

Подходит, приветствует, вроде бы ни о чём:
– Я из Тамбова, с любовью, а как ещё.
Я, – говорит, – из Тамбова, а вы волхвы?
Они говорят: – Не знаем. – А кто же вы?..
– Мы вообще не в курсе, какой Тамбов,
Мы и не знаем, что завтра родится Бог.

Небо темнеет, вспыхивает звезда,
Трое решают: надо идти туда,
Где светится Гугл сотым своим нулём,
Туда, где Иосиф в Марию давно влюблён.

Надо идти туда. И они идут,
Ориентируясь на звезду.

АНДРЕЙ ГУЩИН

Поэт, главный редактор альманаха «Новый Гильгамеш». Автор поэтических книг «Атлантические песни» («Траверса» М., 1999), «Солнечный остров Буян» («Водолей» М., 2012), «Сизиф на вершине» («Алетейя» М., 2018). Печатался в журналах «Крещатик», «Нева», «Интерпоэзия» и др.

На невидимую стену
Налетев в расцвете самом
Темноту великой сцены
Ощутишь в себе как драму
На окошке кот Василий
На столе простое брашно
Самогонка от бессилья
Засыпать вдвоём не страшно...

Вот птицы на условном рубеже
Срываются с насиженного места
Что толку в беспрестанном галдеже?
Европа - ненадёжная невеста
И нет сомнений в том что благодать
Отнимется что назревает драка
Но хода точного событий предсказать
Не сможет и оракул...

В голове зацветает миндаль
Нежно-розовой пудрой
Припорошена грязная даль
Оболонское утро
Чёрный мост - местнотимый святой
И Рыбальская Кузня

Парк Наталка увит резедой
Стянут в узел
Не помеха дождливый денёк
Торопливой прогулке
Взгляд пускается наутёк
В переулки...

Архетипическое действо
Каштанов ритуальный танец
Под ручку гений и злодейство
На самокате самозванец
Лузга летит по закоулкам
Как самовар клокочет лето
Улыбки дарят саксаулам
Подруги с жёлтыми билетами

Я не опаздываю
Я вовремя
Пишу смски ночью вороновой
И детей забирая
Из сада
Показываю норы
Как боров рою
Землю в поисках смысла
Жёлудь -
Единственная награда

Во сне бесплотные полёты
Безе шандоны и моёты
Зазубрины на обелиске
Дождя потёки на записке:
Я был в 16 у аптеки
А там киргизы и узбеки
О чем-то спорили по-русски
Я поспешил в проулок узкий

Забуть пытаясь всё на свете
Так слёзы забывают дети

Машинист погиб на руднике
Раздавило оползнем кабину
И часы остановились на руке
Показав шестого половину
Он тревожными сиренами отпет
Прокурор с других снимает стружку
Пятьдесят дозированных лет
Нагадала глупая кукушка

Иерихонская роза Таврический тополь
Милым взором окинь грозовой Симферополь
Дуб Маврийский засох и ситтимова древо
Разведи костерок и прими для сугрева
Золотистый портвейн и «Слезу комсомолки»
Надоели с барьером бега кривотолки
Подбиваем итог молодежи в косынке
Запасается впрок огурцами на рынке

Воспоминаний синий лёд
Растопит солнце ретивое
Не трое нас - наоборот -
А те застряли под Тувою
Там край чудесный говорят
Дацаны флаги позументы
И ламы под горою спят
Цветные смотрят киноленты

Выпьём белого коньяку
И закусим солёной булкой
В черепушке темно и гулко
Кто идёт отзовись ку-ку
Дождь излечит как Айболит

От депрессии геморроя
С этим ливнем нас будет трое
И стакан до краёв налит

Дагерротип: поблёкший Киев
Купцы лабазы морс крюшон
И я взъерошен всполошён
Дымы утробы заводские
Сон наяву и явь во сне
Стихи румяные как булки
И нервный смех как первый снег
Летит в глухие переулки

Сегодня утром я увидел
Как уж прополз по-над прудом
Кувшинки жёлтые и лилии
Пескарь уловленный с трудом
Синюшный синенький и синий
Три цвета три оттенка три -
Священное число трикирий
Слезу горячую утри

Печальной рожей упаду в траву
В густые васильки и медуницу
Так хорошо как будто наяву
Я грежу по стволам течёт живица
И запах мыла хвойного летит
Над перелесками оврагами ярами
Потёртый фотоаппарат "Зенит" -
Единственный посредник меж мирами

А. Ханову

Пить только крепкие напитки
Но в меру и без суеты
Переносить любые пытки
Постом и страхом высоты

Аки Икар витать под сводом
Пока не видимых небес
Идти великим крестным ходом
С льняным холстом наперевес

Надел полишинель и на Плющиху
Где три бонсая как в известном фильме
Шанель в коробочке
Знакомая пловчиха
Любившая сенсея и насилье
Теперь все в прошлом:
Деревянный домик
В арбатском островерхом переулке
Калоши бабочка на шифоньере гномик
И бабушка с ребёнком на прогулке

На Пересыпи тишина
Злые дачники дали деру
Крепче всякого хлороформа
Банка розового вина
Будем пить с тобой эту тишь
И летучей закусывать мышью
Речи пьянствующих бессвязны
Степь бескрайняя непролазна

Живите в хате и не рухнет хата
Дворцовым пламенем и семенем объята
И петухи крикливые и гуси
И дядя Вася вас нашёл в капусте
Ищите печку от неё пляшите
Пищите маленькие старые трещите
Негодились знания и опыт
Пляс остаётся первобытный топот

ИНГА ДАУГАВИЕТЕ

Родилась в Риге, 25 лет живу в Мельбурне.

Муж, двое сыновей, две собаки, два кролика... две рыбки.

Распахивай ворота и поля, переставляй тарелки, туфли, мебель.

Гоняет ветер семерых козлят в растрёпанном с утра пораньше небе.

– Там боженька живёт?

Смешной пацан.

Соседский. В сентябре – босым по лужам.

Благослови, Господь, кто без отца, и матери, видать, не очень нужен.

Благослови бескрайний тяжкий труд. До вечера. С утра. И что нажили?

Прозрачные глаза чужих старух. (А в старости – они всегда чужие.)

Благослови бессильные слова. Всё думалось – когда-то станет легче...

Дай силы научиться забывать. И продолжать мечтать. По-человечьи.

Демисезонное

Поутру напомнить себе – не спорь,

Ни с толпой, ни с собственными детьми,

Перечитывай классиков, ешь попкорн,

Удивляйся, что изменился мир

За всего-то (с хвостиком!) тридцать лет.

(Присмотреться – трещины на стене.)

И – банально – осень за летом вслед,

В декабре столицу накроет снег.

А пока – раскачиваются зонты,

Воет ветер и дребезжит трамвай,

Открывай окно, не боясь простыть

(Говорила мама – не открывай!)

А внизу – о Боже, куда попал! –

Пропотевший город дождем умыт.

Вдоль осенних улиц плывет толпа,
В гуще запахов дыма и шаурмы,
Мимо старой булочной на углу,
(Золотые надписи на стекле...)

Опрокинутый город глядит из луж,
Равнодушен к смене властей и лет.

От звука до небес – ни слов, ни вёрст,
Семь раз отмерь – к полудню заживёт,
Растёт трава и вздрагивают сливы,
Усталый вечер – и ползком и вплавь,
А после ночь – прозрачнее стекла –
Вдоль города скользит неторопливо.
Приходят (и проходят) день и год,
Уже не можешь вспомнить ничего,
И кудри подозрительно седеют...
Замерзшая звезда в моем окне,
Вчера – дожди, потом – жара и снег,
А послезавтра – снова понедельник.

ВЕРА ДОРДИ

Выросла в украинском Мелитополе, живёт в Новосибирске. Преподавала биологию и химию, занималась предпринимательством. Стихи начала писать в 2018 году.

Лауреат международного конкурса «Русский Гофман» (2019 и 2021).

Дипломант Concorso di Poesia «Il Parnaso – Premio Angelo La Vecchia» (Италия, Каникатти-2020). Лауреат Чемпионата Балтии (2021). Лауреат конкурса «45-й калибр» (2021).

Публиковалась в альманахе «Русский Гофман», в сборнике Победителей конкурса Международная литературная премия «Золотая пчела»

Выбор

Ты говоришь, снега и маябри
забудутся, лишь дверцу отвори,
что видимо-невидимо широких
путей туда, где людям повезло,
и проклинаешь весело и зло
страны моей несметные пороки.

А я нарежу сыр и чёрный хлеб
и не скажу, насколько ты нелеп,
когда кричишь про свой нелёгкий выбор.
Послушал бы, как в сумраке густом
стихает лес за стареньким мостом
и гулко отмечает «выбыл, выбыл».

Пока рассвет ещё неразличим,
давай на посошок и помолчим.
Остаться – невеликая причуда.
Я, может, и уехала бы, но
зачем же сокрушаться об ином –
что всё не то, чем кажется отсюда.

А ты, когда истают фонари,
соври мне, обязательно соври,
что где-то там в своём любимом кресле
хоть ненадолго станешь уязвим,
когда шепнёт залётный серафим:
«А если бы остался ты, а если?»

Что нежностью затопит до виска –
почудится до явности близка
отчизна. И простив её изъяны,
сорвёшься перетянутой струной –
увидеть бы не рай свой островной,
а этот лес и мостик деревянный.

Жили-были

Он прижимал меня к груди,
меня и куклу Олю.
Потом стоял совсем один,
и на моё «не уходи!»
поморщился от боли.
Он протянул мне пирожок
и с видом виноватым
сказал: «Вот вырастешь большой...»,
ещё запомнилось про шок
и про какой-то фатум.

И всё казалось не всерьёз,
так странно и тревожно.
А поезд нас куда-то вёз,
солёным от беззвучных слёз
был пирожок творожный.
«Никто не дёрнул за стоп-кран», –
шепнула мама тихо,
а я смотрела на стакан,
на удивительный стакан,
с какой-то уткой дикой.

Ещё не ныло день-деньской
невынутае жало.

Был неприкаянный покой
под тёплой маминой рукой,
и ложка дребезжала
о том, что «жили-были» – ложь,
запущенная в небо,
и мир нисколько не хорош,
а это – «вырастешь, поймёшь» –
очередная небыль.

И смех, звучащий за стеной,
и острые осколки,
и сон, где я бегу домой –
как поцелуй судьбы самой,
спасительный и долгий.

Поговори

Там желтоватая слегка
посуда в трещинах,
и руки в тёмных узелках
ещё не скрещены,
не отдыхают на груди,
не ждут отплытия,

покуда ангел не трубил,
там неприкрытая
недолюбовь глядела вдаль
глазами блёклыми,
а мир, потерянный янтарь,
сиял за стёклами.

Она не помнила числа,
и даже имени,
я тихо рядышком росла –
люби, люби меня.

Дарила ей календари,
с луной и зебрами –

хоть раз со мной поговори,
и были первыми

её последние слова
«меня запомните»,
что различимые едва
остались в комнате.

Как будто вышла по делам
по снежной кашнице,
а вместо – новенький диван,
зелёный, кажется.

Ошибки

Все разошлись, и, кажется, пора
избавиться от платья и улыбки.
И огоньки забытого вчера
качнутся и непрошены, и зыбки.
Ты начинала с нового холста,
и совесть родникова и чиста,
и не саднит от сделанной ошибки.

И странные желания мелькнут,
несбыточны и незамысловаты –
вернуться, и за несколько минут
исправить всё. Глотая воздух сжатый,
ты прижигаешь совесть коньяком
и, тихо проклиная в горле ком,
не забываешь точку невозврата.

Твои «прости» давно уже не в счёт,
ты с ними перелистываешь зимы,
а совесть, окаянная, печёт
так изошрённо и невыносимо.
И ты живёшь с невидимым тавро,
надеясь на спасенье за добро.
И маешься тоской неугасимой

по девочке, которой ты была,
и радости, что в воздухе парила,
по вымытым дождями добела
ступенькам и некрашеным перилам.

Та девочка, не зная утрат,
была тебя счастливее стократ
и ничего ещё не натворила.

Голос

Согреться и оттаять в тихом блюзе –
автобусно-дорожный all inclusive
с десятками утраченных минут
небытия и смутной полудрёмы,
а «гдездарплата» будет только дома.
Почти покой, но люди не уснут.
Польётся голос громко, незнакомо,
он станет говорить, но по-другому,
и каждому поведает своё
на языке понятном, но забытом,
утраянном под шелухой быта,
как бабушкино тонкое шитьё.

От теплоты до лёгкого озноба –
настолько речь звенящая особа,
что хочется достичь её глубин.
Не выплывать из марева ли, сна ли,
и, кажется, что прежде это знали,
а нынче не припомнит ни один.
И так же близко странное далёко,
как за окном недремлющее око
всевидящей луны. И оттого
им нужно каждым словом насладиться,
поющим, как таинственная птица,
что утешает всех до одного
и шепчет, мол, отчаиваться рано

Но голос стих, и в этот вечер странный
ушли они, улыбчивы, тихи.
Остался тот, кому кричали «Браво!»
за то, что за рулём не ради славы
читал обыкновенные стихи.

МАКСИМ ЖУКОВ

Родился в 1968 году в Москве. Поэт, прозаик, журналист. Служил в Советской армии. Публиковался в «Литературной газете», журналах: «Знамя», «Нева», «Юность», «Шо», «Ното Legens» и других. Постоянно живу в Евпатории. Выбрал «провинцию у моря». Выпустил в московских издательствах три книги, но, как ни странно, столица не особо жаловала меня в плане литературных наград, а вот Санкт-Петербург – напротив;

здесь я становился лауреатом конкурса Tamizdat (2007), победителем конкурса «Заблудившийся трамвай» (2012) и обладателем Григорьевской поэтической премии (2013). В интервью обычно сетую на то, что любовь к инвективной лексике препятствует публикации моих лучших стихов в российских СМИ.

Лесополоса

Снова – слышишь? – в поле звук –

Это – ДШК –

Встаньте, дети, встаньте в круг,

Чтоб наверняка.

Встаньте, дети, как один –

Вместе веселей! –

Из подвалов, из руин,

Изо всех щелей.

Невозможной синевы

Небо из окна.

Где в войну играли вы –

Пятый год война.

Приумножилось разлук

В стороне родной;

Ты мой друг и я твой друг,

Посиди со мной.

Что сказать тебе хотел

Не скажу пока:
Снова – слышишь? – артобстрел,
Снова – ДШК.
Ржавый танк, как старый жук,
Загнан в капонир.
Встаньте, дети, встаньте в круг,
Измените мир.

Чтоб над каждой головой,
Чистый, как кристалл,
Невозможной синевой
Небосвод сиял.
Хватит горестей и бед,
Тех, что – искони!..
Дети встанут и в ответ
Скажут мне они:

– Снова – слышишь? – в поле звук –
Залповый режим.
Ты мой друг и я твой друг,
Мы давно лежим
Там, где тянется в пыли
Лесополоса
И звучат из-под земли
Наши голоса.

Где мне явился серафим

Степь, бесконечная, как смерть. Живи в степи!
Учись на суржике трюндеть, страдай, копи:
За каждый нажитый пятак – расплаты пуд.
От Евпатории до Сак один маршрут.

В кафе, в тарелке на столе – кальмар зачах.
Ты одинок на сей земле на всех путях.
Коньяк, раздавленный, как клоп – неконгруэнт...
Тоска – как неперменный троп. И Крым – как бренд.
И по дороге в Черноморск под шорох шин
В наушниках играет «Doors»: то «Doors», то «Queen».
И если есть на свете Крым, то он – иной,
Где мне явился серафим и вырвал мой...

Голос

Голос, словно в церкви – просветлённый,
Затянул под окнами куплет:
«Голуби летят над нашей зоной,
Голубям нигде преграды нет».

Под благоухание черёмух
Не звучит гитарный перезвон;
Во дворе на лавочках укромных
Заиграет, разве что, смартфон.

То ли это времени апоноэ
Перед тем как перейти на бег,
То ли всё пацанское, блатное
Изживает XXI век.

Превратились в бабушек, дедусей
Все мочалки наши и кенты.
Благорастворение воздушей
Перед наступленьем темноты.

За окном уснула спортплощадка,
Вместо муравы – Canada Green.
Из подъезда, будто бы с устатка,
Выхожу, как Лермонтов, – один.

На меня наставлен сумрак ночи;
Прислонясь к дверному косяку,
Размышляю, как бы покороче
Подойти к ближайшему ларьку,

Где я тусовался с разной пьянью
Где сидел и думал, как в огне, –
Заливая голову баранью, –
Что скачу на розовом коне.

Воздух, как в невидимых пираньях,
Весь в новорождённых комарах.
Я теперь скупее стал в желаньях,
Только не за совесть, а за страх.

В забубённой жизни и отпетой
Как я не пропал – наверняка?
Не пойду!.. Ведь знаю: в стороне той
Нет давным-давно того ларька.

Внутри коммерческой палатки

Я помню, как идёт под пиво конопля
И водка под густой нажористый рассольник.

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, зачит каждый школьник.

Заканчивался век. Какая ночь была!
И звезды за стеклом коммерческой палатки!

Где я, как продавец, без связи и ствола,
За смену получал не больше пятихатки.

Страна ещё с колен вставать не собралась,
Не вспомнила про честь и про былую славу.

Ты по ночам ко мне, от мужа хоронясь,
Ходила покурить и выпить на халяву.

Я торговал всю ночь. Гудела голова.
Один клиент, другой – на бежевой девятке...

Вокруг вовсю спала бессонная Москва,
И ты спала внутри коммерческой палатки.

Я знать не знал тогда, что это был сексизм,
Когда тебя будил потребностью звериной.

...К палатке подошёл какой-то организм
И постучал в окно заряженной вольной.

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Ты навещать меня давно не приходила...

Я не отдал ему из кассы ни рубля,
А надо бы отдать... отдать бы надо было.

Уходят ребята в иные края:
И жизнь дрянновата, и смерть как змея.
Кто тёмн, кто светел – в душе и с лица –
Отряд не заметил потери бойца.

Была кривовата земная стезя,
Уходят ребята, враги и друзья.
И жизнь, как засада, и смерть, как резня:
Ну что тебе надо ещё от меня?

Такое причтётся, что не отопрусь, –
Откуда у хлопца испанская грусть? –
Из третьего ряда, спою, не тая:
Гренада, Гренада, Гренада моя.

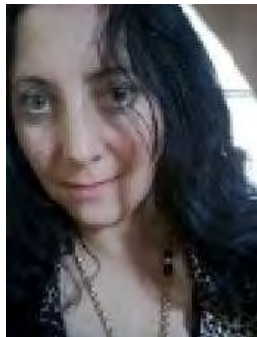
Из третьего ряда? Кто знает, в каком
Ряду до упада мы хором поём?
На грани распада и день ото дня –
Ну что тебе надо ещё от меня?

Сказала: «Доколе!» Спросила: «Ответь,
Мы хором, как в школе, обязаны петь?»
– Никто не обязан, – отвечу не в лад, –
Но всё-таки связан с отрядом отряд.

Уходят ребята, враги и друзья,
За ними когда-то отправлюсь и я;
Мне в памяти смутной, дырявой, как сеть,
Тогда поминутно не запечатлеть, –

Как в чём-то испанском, мантилье подстать,
На Старом Хованском ты будешь стоять.
Чугунна ограда. Улыбка темна.
Гренада, Гренада, Гренада, Грена...

ФАИНА ЗИЛЬП

Родилась в украинском городе Винница. Закончила художественную школу и педагогический институт, преподавала. В Австралии живу с декабря 1997 года. После окончания университета стала социальным работником. Печаталась в литературных сборниках, газетах и журналах в Австралии, Украине, Израиле, Америке, Англии и Бельгии. Финалистка литературных конкурсов: "Пушкин в Британии" - 2014, "Арфа Давида" - 2014 и 2015, а также "Эмигрантская лира - 2015".

Себе говорила: не будет войны.
Глаза тяжелели от слёз непролитых.
Какое мне дело до этой страны? –
И той, что готовит бесцельно убитых...

Зачем ощущать мне давление вины
За то, что с народом не пью эту чашу?
Да мой ли – народ?! Но – второй день войны:
Вторженье на землю невинную нашу.

Мою ли? Я так от неё далеко...
Ком в горле. Бессилие сделать хоть что-то,
Помочь и спасти: тут – и знать нелегко,
А там – с этим жить в состоянии шока.

Так больно, как будто стреляют – в меня...
Так страшно... Я – с вами, мои дорогие!
И пусть не на линии злого огня,
И пусть за Страну погибают другие,

Я – с вами. И плачу с безмерной тоской.
...В четыре утра... Кем себя возомнил он?
Военный преступник он, гопник, изгой;
Пожар раздувает, любуясь горнилом.

Приспешники жалки, их руки дрожат;
Испуганно блеют, со всем соглашаясь...
А наши Страною своей дорожат,
С незванным врагом за Отчизну сражаясь.

...Не "освобождают" – мы сами от них
Всю освободим пострадавшую землю!
Вернутся назад: похоронят одних,
Другие – очнутся от адского зелья.

25 февраля 2022 года

Полжизни провела я в Украине,
В Австралии – вторую проживаю.
Война там, там – руина на руине,
Убитых счёт растёт. Я здесь – живая.

Живая? С каждым взрывом – умираю;
Весь день не отхожу я от экрана.
Врата раскрыты настезь смерти-рая...
Победу только праздновать нам рано.

Но всё-таки – уже – мы победили
Сплочённостью такой, как на Майдане.
И пятен нет на Родине-светиле!
Погибнет враг наш – в собственном – капкане.

1 марта 2022 года.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, –
Идёт война народная,
Священная война!

В. Лебедев-Кумач.

Наша земля пусть горит под ногами у вас,
Сдохнут пусть гусеницы ваших бешеных танков,
Пусть разобьётся ваш лучший захваленный ас,
Судна утонут, летят поезда с полустанков!
Хватит месить города в человеческий фарш,

Ваши ракеты взрываются пусть, не взлетая.
Если маньяк – президент, совершите демарш!
Он – кукловод и играет – себя развлекая.

Знайτε, враги, что мы будем стоять до конца.
Деды бы ваши вас прокляли, словно фашистов.
Не выполняйте приказов тупых подлеца:
Путин читает "Mein Kampf" и, как Гитлер, неистов.

Будут судить вас, конечно, – уменьшите грех:
Не добавляйте к свершённым – ещё преступленья!
Мы же вас скоро расколем, как грецкий орех, –
Выбито станет (уймитесь!) одно поколенье.

Будут стыдиться вас. Мёртвым – детей не родить,
Их матерям и невестам пробел не заполнить.
Ваши потомки дадут ли вам в старости пить?
Как Геростратов, вас скоро откажутся помнить!

Поняли всё вы уже, даже если сперва
И обманулись, поверив в безумье идеи;
Как же – продолжить могли?! Чем полна голова?
Все дезертируйте – разом, о жизни радея,

Дружно сложите оружие; мёртвых своих
Похороните – и даже нам в плен не сдавайтесь:
Просто – уйдите, закончитесь, как этот стих,
Только до жизни конца вы молитесь и кайтесь.
28 февраля 2022 года

Жалея, снова плачу
От страшных новостей.
...Даём соседу сдачу
И гоним прочь "гостей"
Губу я закусила,
Рукою рот зажав.
Какая в людях сила
Под взглядами держав!

Весь мир вам рукоплещет,
Но гибнете всерьёз.
Россию сжали клещи,
Но страх теперь – курьёз:

В различных странах вместо
Дивана и кино
На митинги протеста
Выходят все давно.

Давно? Но ведь войне-то
Семь дней... всего? – уже!
Сживают вас со света
На смерти вираже.

И я бы с гордым видом
Держала б "Нет – войне!"
Но болен сын ковидом,
Смотреть за ним – лишь мне.

И так проклятый вирус
Унёс людей – не счастье.
Но ужас – новый вырос,
Он – ненависть и месть.

Я горя не скрываю:
Надежда не видна,
Там – третья мировая,
Священная война.

Герои, героини –
Народ: свободы власть.
Горжусь, что в Украине
Когда-то родилась.

Вражеской юной рати
Молвим с Днепровской кручи:

Вот вам "ученья", нате!
Мы навсегда проучим.

Бабы от горя выли...
Стригли вас слишком куцо.
Нету патронов? Вилы,
Знаешь, всегда найдутся!

Вот вам (за ум возьмитесь):
Стрижку – стадам овечьим!
Добр украинец-витязь:
"Сдайтесь! В плену – полечим".

Мы даже к вам – гуманны,
К братьям былым и сестрам.
Слишком пришли вы рано
К ада вратам разверстым:

Вы же птенцы, младенцы,
Царь – в голове... Ни мысли.
Вашему нужно детству
Думать уметь о смысле.

Нагло зачем вломился?
Слон ты в посудной лавке!
Лучше бы ты влюбился,
Томно гулял по травке...

...Щерился мелким бесом –
Просишь простить в плену ты.
Милый, иди-ка лесом!
Не поднимай тут смуты.
3-е марта 2022 года,

Нет, для агрессии нет оправданий!
Горе с ума неминуемо сводит –
Слёзы отчаянья, слёзы страданья
В гордости слёзы уже переходят.

Хоть восхищают единство и сила,
Дни эти мнятся кошмарными снами:
Наша действительность так некрасива,
Что происходит как будто не с нами.

Очень понятно – и, вместе с тем, сложно:
Чонкин и Швейк – не Войнович и Гашек.
В век двадцать первый – такое возможно?
Дикая наглость имперских замашек.

Авиабомбы летят: "Искандеры"
Из Беларуси – и русские "Грады"...
В нашей истории место примеру
Есть, но фашистам не можем быть рады.

Бомбоубежища – как в 41-ом.
Для добровольцев оружия мало.
Взрывы и вспышки бьют страхом по нервам.
Сколько домов на куски разорвало!

Харьков горит, Мариуполь, а Киев –
Немцы бомбят? – россияне утюжат!
Нам не сломают свободные крылья.
Немцы нам предоставляют – оружие

Против России!.. Немыслимо это!
Кто мог такое когда-то представить?!
С вами я. Пусть хоть словами поэта.
"Нас покориться никто не заставит!"*

3 марта 2022 года

* Анна Ахматова "Клятва".

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

Родился и жил в г. Таганроге Ростовской обл. Работал в Таганрогском радиотехническом университете зав. кафедрой, профессором кафедры высшей математики. Первое стихотворение опубликовано более чем полвека назад в университетской многотиражке; в 1998 г. вышел сборник «Нить любви», который переиздавался несколько раз. Живет, в Мельбурне, Австралия.

РАССТАВАНИЕ В ПРОШЛОМ. СНЫ.

1.

Жду тебя, прошу, приснись,
Очень долго жду.
Вот уже проходит жизнь,
Вечер на виду.
Вот и внуки подросли,
Нет и красоты,
Все уносят корабли
Алые холсты...
И в сиянии утра,
И в закате дня
Все не те мне снятся сны –
Помнишь ли меня?

2.

Как хочется забыть
Обиды и печали
И снова юным стать –
Таким, как был вначале.

Как хочется туда,
Где фальши нет ни грамма,
Где счастье и покой,
Где ждет с улыбкой мама.

Как хочется уснуть
И вспомнить все, что было,

И всей душой согреть
То, что давно остыло.

Как хочется любить,
На годы не взирая,
Блаженно замирать
У врат земного рая.

Но трудно мне постичь
Таинственные знаки
И на горе мечтать,
Когда же свистнут раки...

ПЕРВЫЙ РАЗ

Что-то шепчешь в бредовом молении,
Обнимая любимой колени,
Но она так отчаянно дышит
И тебя совершенно не слышит.
И, пытаясь коснуться губами,
Так беспомощно тычемся лбами,
И так пылко, и так неумело
Ты ласкаешь горячее тело...

Да, мы все у природы во власти,
Что нам дарит безумное счастье,
Что нам грудь разрывает на части –
Вот такие вот... страсти-мордасти.

ГРОЗА

Говорила бабушка – лицо печено яблочко:
“Кушай, внучек, хлебушек! Подтяни штаны!
Все по жизни сложится, перестань кукожиться,
Лишь бы в жизни не было, не было войны!”

Говорила мамочка – вот была красавица!
“Знаешь, мой сыночек, одноклассник мой
Лишь один вернулся из войны проклятой,
Лишь один вернулся он к себе домой...”

Говорила женушка, женушка-судьбинушка:

“Вот детей и подняли, все, что мы должны...

Много было всякого, всякого нелегкого,

Главное, что не было, не было войны...”

А теперь у доченьки, умницы и лапочки,

Спрашивает внученька, солнышко мое:

“Ты скажи мне, мамочка, где моя подруженька,

Из страны далекой песен не поет...”

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

Украинский поэт, пишущий на русском языке. Родился в г. Херсоне (1968), живет и работает в Киеве. Автор 14 книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике; «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Новый журнал», «Радуга», «Октябрь», «Континент», «Арион», «Интерпоэзия», «Волга»,

«Урал», «Сибирские огни», «Новая газета» и др. Стихи переведены: на украинский, английский, немецкий, французский, нидерландский, финский, польский, сербский, белорусский, грузинский и др. языки. Лауреат «Русской премии», премии «Antologia», Международной Волошинской премии, специальной премии «Московский счет», премий журналов «Новый мир», «Интерпоэзия», Международной литературной премии имени Великого князя Юрия Долгорукого, премии имени Геннадия Григорьева и др. Александр Кabanov – главный редактор украинского журнала о современной культуре «ШО», основатель и патриарх такого направления в современной литературе, как фьюжн-поэзия (fusion poetry).

Сижу на облучке для некурящих,
а вдоль дороги - пьющие поют,
рассматриваю женщин проходящих,
их многообещающий уют.

Как вкусно пахнет - табаком горящим,
как сладок в прилагательном - глагол,
и я когда-то был ненастоящим,
покуда мне не сделали укол.

Спустилось ночью сдвоенное слово
с пучком редиса и зеленых стрел,

и я признал баширова-петрова,
и через боль мгновенную - прозрел.

Теперь сижу, не то, чтоб стариканом,
скорее - бывшим молодым слепцом,
с пустой бутылкой и с пустым стаканом,
в густой тени, над спящим холодцом.

Мне радостно, я слышу запах водки,
я вижу, как в кустах скрипит кровать,
что от калининграда до находки -
был первый рай, второму - не бывать.

И все-таки я стал хорошим мужем,
летающим во сне и наяву,
теперь, мой свет, мы дракуле послужим,
красавица, я в киеве живу.

Кто засчитает трудодни певцу и алкашу,
и я, отдельно от родни, риторикой грешу:
какое счастье быть одним, советовать во тьму -
как жить, не напиваясь в дым, народу моему.

А мой народ - весов стрелец и на дуде игрец,
он - подлинник, а не подлец, ну, не совсем подлец,
он верит в бога, в порнохаб, но это - мой народ,
он вечный раб, но этот раб - за родину умрет.

Спят престарелые дома и припекает май,
я, вместо вас, сошел с ума и сел в пустой трамвай,
вокруг - сплошная красота и прочая страна,
и сквозь улыбку, изо рта - еще течет слюна.

Он раб, а я - его вассал, я, вместе с ним, раз пять -
то погибал, то воскресал, то отходил поссать,
бетховена девятым вал читал на весь вокзал,
то пуповину пришивал, то снова отрезал.

Я лучший в мире сумасброд, но вовсе не дурной,
пусть мой - раздвоенный народ - смеется надо мной,
пусть он изведает труда, познает толк в вине,
и в час исхода, навсегда, забудет обо мне.

Я жил за лесом, прямо за посадкой:
крошилось небо, словно школьный мел,
и о любви мучительной и сладкой -
мне блок - читал, а магомаев - пел.

Я посылал онегина к татьяне,
пил солнцедар с героями труда,
и очень жаль, что инопланетяне
меня не похищали никогда.

Для службы и для опытов негоден,
и по национальности - дебил,
но заграничный громовержец один,
вернее - зевс меня благословил.

А чем еще заняться ахиллесу
в элладе леонида ильича:
писать стихи, еще - ходить по лесу
в кальсонах, без щита и без меча.

Спасти от комсомолки пионера,
встречая утро фабрики заря,
в обед - купить собаку для гомера -
ротвейлера, бойца, поводыря.

Я сыт по горло от чужого горя,
оно - повсюду, пряник или кнут,
мне, до зарезу, не хватает моря -
с такую рифмой в вечность не возьмут.

Потомок мой, пусть время бьет по нервам
и ты читаешь эту ерунду -

субботним маем, ровно в двадцать первом
двухтысячно-особенном году.

Я вижу - ты сидишь в лесопосадке,
на самом крае киевской руси,
все девушки на свете - кисло-сладки,
не веришь, у прабабушки спроси.

Сделаю работу над ошибкой:
я и к этой женщине привык,
осторожно, как футляр со скрипкой -
занесу ошибку в черновик.

Это не блокнот с телячьей кожей,
с шелестом обрезанных страниц,
это - дом трехкомнатный с прихожей,
почерневший от зверей и птиц.

Так заносят веру и проклятье,
на руках, и садят на кровать -
белую ошибку в красном платье -
черными губами целовать.

То вдохнет, то выдохнет лагуна -
за просторным, арочным окном:
сны и мифы николая куна
грузят чьи-то слуги на паром.

Много их: худых, вспотевших, смуглых,
пораженных господом в правах,
в нимбах из аквариумов круглых -
на еврейско-русских головах.

Мы с тобою, как изъян с изъянкой -
ляжем в нашем доме при свече,
нам приснится пушкин с обезьянкой
на кристально-угольном плече,

лошадь проживальского в тумане
и переживальского в огне,
две монетки, две, прости, two money -
в старомодном, ветхом шушуне.

Был финал сотворения мая:
задыхаясь от быстрой ходьбы -
надо мной пролетела хромая,
кистепёрая птица судьбы.

Вот на ком отдохнула природа,
и бугор объявил перекур:
на судьбе - с головою удода
и с фасадом ощипанных кур.

Пролетела, ногами касаясь,
и упала в чужой водоем,
я - шаман, вызывающий зависть:
зависть, зависть, как слышно, прием!

Маринуется солнце в закате,
едет, едет по вызову, к вам,
на электро-своем-самокате -
безответная зависть к словам.

С ней знакомы: успешный аграрий
и бездомный поэт от сохи,
ей понравится ваш комментарий,
но она - ненавидит стихи.

И не то, чтобы это - большое,
как мечты инвалида труда,
а похоже на чувство двойное,
на медаль - золотая звезда.

По судьбе, по любви, по закону:
вам - венок или слава нужна,

ну, а мне, благородному дону,
ваша зависть - вторая жена.

Как бессмертный аналог соседки,
ваша зависть - милее стократ,
заряжаясь вином от розетки,
прислонился к стене самокат.

И обманутый маем нагретым,
я завидую только врачам,
дням, наполненным солнечным светом,
и обильным дождям по ночам.

Я завидую всяким знаменьям,
чудотворцам воды и огня,
всем стихам, что меня не заменят,
но останутся после меня.

ГЕННАДИЙ КАЗАКЕВИЧ

Родился в Москве. Вырос в Сибири. Большую часть жизни просидел за письменным столом. Переехав жить в Австралию, преподаю в университете и продолжаю работать по-английски в некоторых из перечисленных выше жанров. Колумнист-комментатор по экономическим вопросам. Автор двух сборников стихотворений и переводов. Публикации в антологии "Земляки", журнале "Крещатик", альманахах «Витражи», «Австралийская мозаика» и других периодических изданиях. Победитель конкурса поэтов-переводчиков - Эмигрантская лира

Машиах не придёт

машиах не придёт

землю

в которой лежат мои предки
разорвали взрывы снарядов

машиах не придёт

мои предки встают из рвов
в чернигове сумах
донбасе

машиах не придёт

у моих предков
затягиваются
огнестрельные раны

машиах не придёт

мои дедушка и бабушка
воюют за свободу лежать
в нерастревоженных могилах

Оккупация

когда динозавры
захватят города

толпами пройдут
по проспектам и площадям

спотыкаясь
о брошенные впопыхах
автомобили

задевая головами
трамвайные провода

заглядывая в окна
застывших от страха
за занавесками
обывателей

оставляя за собой
жидкие лепёшки
испражнений...

тогда кому-то
доведётся узнать

от чего вымерли
кошки
собаки

и человечество

Ростропович*

Ростропович
встал
на все четыре ноги

и его назвали
по имени

Ростропович
смотрел на мир
весёлыми
жеребьячьими
глазами

Ростропович
был счастлив
пока не услышал
из хозяйского дома
фальшивые звуки
виолончели
и стал думать
кем был
в прошлой жизни

Ростропович
рос
скакал по кругу
сначала сам по себе
потом его оседлали
и он в первый раз
почувствовал удар
жокейской плётки

Ростропович
узнал от других
скаковых лошадей
чем будешь быстрее
тем позже отправят на мясо

Ростропович
породистый конь
в котором что-то сломалось
на последних скачках
когда в голове у него

зазвучала
Музыка

Анданте Кантабиле
Чайковского

*«Ростропович, конь, который пришёл последним на Кубке Мельбурна 2019 года, находится в стабильном состоянии после того, как его привезли в клинику для лошадей. Его жокей, Двэйн Ганн перестал гнать пятилетку во время скачки, когда почувствовал, что что-то не в порядке...» www.news.com.au 4 November 2019

COVID 19

Сколько в шкафу
ненужных теперь
красивых пиджаков
практичных деловых брюк
удобных туфель
любимых рубашек
и галстуков

Сколько в ангарах
ненужных теперь
самолётов
любимой компании
QANTAS

Я сложу
красивые пиджаки
практичные деловые брюки
удобные туфли
любимые рубашки
и галстуки
в любимый
видавший виды
чемодан

Сяду в самолёт
любимой компании
QANTAS
и белокурая длинноногая
стюардесса
без хирургической маски
принесёт
любимого красного вина

Прилечу в Рим
Надену самый красивый пиджак
Самые практичные деловые брюки
Самые удобные туфли
Самые любимые рубашку
и галстук

Пойду на площадь
Святого Петра
и разделю одиночество
с Хорхе Марио Бергольо
Его Преосвященством
Папой Франсисом

пока ещё разрешено

собираться

по двое

ИВАН КЛИНОВОЙ

г. Красноярск

Поэт. Родился в 1980 году в Красноярске. Дипломант «Илья-премии», лауреат премии Фонда им. В. П. Астафьева, лауреат премии имени И.

Д. Рождественского. Публиковался в журналах «День и ночь», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Континент», «Интерпоэзия», «Новая юность», «Октябрь» и др. Автор книг стихов «Шапито», «Античность», «Осязание»,

«Латте-арт», «Варкалось», «Пропан-бутан», «Блукалось», «Оффтоп-портрет», «Косатки». Член Союза российских писателей, член Русского ПЕН-центра. Живёт в Красноярске.

* * *

Игорю Дронову

Александр Горгоныч заводит свой танцмобиль,
У него под капотом чардаш, тустеп, кадриль –
Ждут его заливные луга и деваха сверху.
Он давно уже лыс. Подаёт как брутальный стиль:
Мол, ему сам Брюс Виллис брат, не страшна и перхоть.

Вот он мчит по хайвэю, а рядом идёт гроза,
И глаза у неё – что дисковая фреза,
В волосах там и тут – мегавольтовые прожилки.
Александр и раньше не помнил, где тормоза,
А теперь зажимает педаль, аж скрипит в затылке,

И кадриль превращается попросту в круговерть,
Подвергая сомнению пункты любых оферт,
Что когда-либо доводилось ему заключать с планидой.
Александр Горгоныч не верит в такую смерть,
И беззлобно смеётся ей в зеркало заднего вида.

И гроза потухает где-то там позади,
Распускает вкрутую завитые бигуди
И бредёт себе кучеряво, простоволосо.
Александр Горгоныч, лужёный, что твой луддит,
Мчит вперёд по хайвэю, и смех летит под колёса.

* * *

Если не в душ, то куда ты уходишь молиться
Богу, которого нет ни в альпийских шале,
Ни на заляпанных спермой журнальных страницах,
Нет никогда, и особенно нет – в феврале?

Нет, не в боксёра: в Летицию, Синди, Наоми,
Клавдию, Линду, которыми полон журнал, –
Бог воплощался на каждой странице, и кроме
Этого бога, других ты тогда и не знал.

Только хотел, чтобы было как можно иначе,
Долго хотел, спотыкаясь на том, что сбылось,
Но до сих пор эти женщины что-то да значат,
Вспоминанья тебя прошивают насквозь.

Где у других приготовлены фетвы и бритвы,
Ты развернёшь свой подслипшийся иконостас
И ни одной не пропустишь вечерней молитвы
Богу, который тебя не единожды спас.

* * *

На протяжении тех людей,
Рядом с которыми жить не страшно,
Будь ты хоть эллин, хоть иудей,
Не кали-южен ни ряд калашный,
Ни Кандалакша, ни кашалот,
Ставшие каждому каталажкой...
Но почему же так больно жжёт?
Но отчего так смурно и важко?

Кажется, жил бы себе да жил
В мире, где Ромул вживил муралы

В нагромождённые этажи,
В перегороженные кварталы,
С обеззараженной тоской,
С одой опешившему гештальту,
Дырки в мозгу залепив мезгой,
По непроглаженному асфальту
Шёл бы сквозь сказочный мир идей...

Но ежедневны – вино и брашно
На протяжении тех людей,
Рядом с которыми жить не страшно.

* * *

*...a cemetery where I marry the sea...
Red Hot Chili Peppers*

Сведённых судорогой лапищ
Надгробных елей и оград –
Я не люблю советских кладбищ,
И в землю эту лечь не рад

Ни телом, выдохнувшим насмерть
Свою последнюю мечту
О «море, море», плеоназме,
Давно скопившемся во рту;

Ни тем, что, кажется, душою
Когда-то было в свой черёд,
А нынче дышит анашою
И не боится, что умрёт,

Но что умрёт вдали от моря
Фигурою при счёте «три»
На сто-каком-то там повторе
Херовой родины внутри.

* * *

«Мой милый друг, я шлю тебе привет
С границы между...» приступами боли.

Ландшафта немудрящий трафарет
Однообразен и прямоуголен.

Тут, сколько ни гони велосипед,
Луга глухи к твоим мольбам и матам,
А все ларьки закрыты на обед,
Но это не мешает быть поддатым

Ни слесарю, ни кесарю, пока
Не наступает время пересменки,
И к пистолету тянется рука
Моя – за недоступностью коленки.

И так уже незнамо сколько лет,
Испытывая перекасти-боли,
Я за приветом шлю тебе привет,
Покуда не отняли все пароли.

АНДРЕЙ КОЗЫРЕВ

Живёт и работает в г.Омске. Автор девяти поэтических сборников. Имеет поэтические публикации в журналах «Арион» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и Ночь» (Красноярск), «Север» (Петрозаводск), «Наш современник» (Москва), «Нива» (Алма-Ата), «Гостиная» (Филадельфия), «Плавающий мост» (Фульда, Германия), «Новый Гильгамеш» (Киев), омских альманахах «Складчина», «Тарские ворота», журналах «Омская Муза», «Литературный Омск» и др.

Главный редактор литературного журнала «Менестрель». Глава оргкомитета Международной литературной премии им. И.Ф.Анненского. Член Союза писателей Москвы.

Письмо в 3000 год

Записки сумасшедшего

На койках Кащенки лежит ночная мгла.

Луна в окошке – жёлтая, как лампа.

А я не сплю. Печаль моя светла.

Всю ночь подряд я складываю ямбы.

Звезда подмигивает фонарю.

Ночь обложила небо звёздной данью.

И с койки я встаю и говорю –

Психушке, вечности и мирозданию.

Я говорю – и слушают века,

И лёгкий холодок щекочет темя.

Та, для кого пишу я, далека:

Я обращаюсь в будущее время.

Ну, как вы там, в трёхтысячном году?

Как жизнь? Как цены? Сколько стоит воздух?

Из солнца добывать себе еду,

Как в ваши дни, для нас сейчас непросто.

Я, если честно, остаюсь собою

И рад, что улизнул из ваших дней.

Я фотосинтез не сумел освоить,

Питаться мясом всё-таки вкусней.

Пусть вы летаете по всем планетам, –
Я вашей кухни не перенесу.
Вы, как растения, питайтесь светом,
А я люблю пиво и колбасу.

Как в вашем мире поживают клоны?
Ужасно это полчище калек...
Да, мой двойник, – не красный, а зелёный, –
Спёр паспорт мой и улизнул в ваш век.
Его поймайте, – жулик он не мелкий,
Он натворит у вас немало бед.
Он прячется в летающей тарелке,
Которую стянул вчера, в обед.

Я знаю, что не всё у вас так мило.
Для беспокойства – множество причин:
Мне говорили, набирает силу
У вас движенье за права машин.
Конечно, жалко роботов послушных
На склоне жизни отправлять на слом...
Но мы пока к машинам равнодушны
И переплавку не считаем злом.

Как обещанья прежние? Всё в силе?
Вы победили смерть? А может, нет?
Но, если вы меня там воскресили,
Передавайте мне большой привет.
Как хорошо бы мне найти себя,
Поговорить с собой про всё на свете...
Но отыскать себя мне не судьба
На этой прозаической планете.

Но тише... Это ты? Не понимаю...
Кто там зашёл в мой долгий телесон?
Моя Элайя, милая, родная,
Моя любовь из будущих времён!
Какое счастье, что мы снова вместе!
Давай забудем прежние грехи!
Тебе, моей космической невесте,

Я посвящал все песни и стихи!
Во все мои бывшие воплощенья
Я много раз доволен был судьбой,
Но самые счастливые мгновенья
Все связаны с тобой, с одной тобой.

Я помню, как в надзорке мы сидели,
Смотрели вместе на больничный двор...
Горели ссадины на нежном теле,
Но был так чист инопланетный взор...
Тебе не верило земное племя,
Тебе так тесно было на земле...
И ты умчалась в будущее время,
Оставив мне записку на столе...

А я тогда был глуп – не верил, кто ты...
Мне было трудно это осознать...
Сейчас бы мне тогдашние заботы!
Я не умел ни верить, ни страдать.
Тебя я вижу – вижу над собою...
Сквозь потолок сияет Млечный путь...
Я доверяюсь звёздному прибору,
Пусть он несёт меня – куда-нибудь...
И я лечу – в космическом круженье...
Над Богом – Бог, над небом – небеса...
И сквозь века, миры и воплощенья –
Твои зеленоватые глаза...

Сквозь перекрестья звёздных траекторий
Пусть письмо моё к тебе летит...
Не знаю, есть ли в вашем веке море,
Но наш дурдом, наверное, стоит.
Пусть наша встреча, милая, неблизко,
Но ты сожмёшь письмо моё в руке.
Тебе оставлю я свою записку,
Здесь, под паркетом, в самом уголке.

Там мой блокнот, его зовут Григорий,
В нём – мой дневник, надёжный документ.

Там – всё: мои мечты, любовь и горе,
Вся жизнь моя, любой её момент.
Я рассказал о правде наших дней,
О нищете, о чести и о жести...
Но, как назло, мой карандаш Андрей
Сломался в самом интересном месте.

Пишите мне. Я жду от вас ответа.
Я понимаю сложный ваш язык.
Мне каждое письмо, как лучик света
В том тёмном царстве, где я жить привык.
Вы после галактической войны
На наш мирок глядите равнодушно...
Не презирайте нас. Да, мы смешны.
Мы дураки, но с нами хоть не скучно.
Наш мир ещё не весь лежит во зле,
В нём славных личностей надолго хватит...
Привет от Гоголя и от Рабле,
Они сидят в тринадцатой палате.

Как ни крути, я человек весёлый.
Что-то, а говорить-то мне не лень.
Но скоро нам вставать – и на уколы.
Начнётся снова та же дребедень...
Край неба светел, словно от пожара.
В окне – забор и наш больничный сад...
Молчок. В палату входят санитары,
И я телепортируюсь назад.

Поиски Дао в осенней Нахаловке

О, как осенью серой скупая душа нелюдима –
До потери себя, до ожога, до боли, до крови из глаз.
Восходя над землёю путём бестелесного дыма,
Ничего не прощает, всё помнит, всё знает о нас.

Этот странный мираж, это сумерек русских скопление,
Этот призрачный траурный мир был когда-то моим –
Деревянные хаты, помойки, распад и гниенье,
Осень, слякоть, небритые стены и мыслящий дым.

Помню: жёлтой листвою играл непроставшийся ветер,
Встали ватной стеной между Богом и мной облака,
От печей поднимались дымки над страной и планетой,
Извивалась вдали безнадежною лентой река.

И природа, полна предвкушений жестокого дара,
Нищетой первобытной была бесконечно горда.
Самозванный пророк, заблудившийся в поисках Дао,
Меж приземистых хат, подбоченившись, пил из горла...

Как, душа моя, ты отразишь натиск мрачного неба?
Бесконечность сиреневых туч подступает к домам.
В этом мире всё мерзко, всё скучно, смешно и нелепо,
И Великая Тщетность Всего приближается к нам –

Хряснет, скрипнет, расплается, вскроется, взроется, свистнет,
Пролетит над землёй, над узорностью мусорных куч,
Над листвою, над грязью, над прахом, над мороком жизни,
Пролетит, и взлетит, и обрушится с каменных туч.

Восходящая осень, Ты знаешь все наши обиды,
Ты хранишь их в потоке, что дремлет внутри облаков.
Только страшно, когда нам грядущие дали открыты,
И душе тяжело наблюдать эту гибель богов.

Фиолетовый сумрак спросонья глотает лачуги,
Фонари вдалеке расцветают, пьяны невзначай,
По промёрзшей земле рассыпаются гвалтом пичуги,
А вдали, проезжая, уныло грохочет трамвай.

И рыдает пророк, испугавшись растаять в закате,
Умереть, не поняв, не увидев лица своего...
Эти пьяные слёзы, бессмертная пьяная святость –
Это то, что осталось, когда больше нет ничего.
И встаёшь в небе Ты – обещаешь жестокого дара,
Дара зренья-сквозь-смерть, притянувшего жизнь, как магнит.
В нищете и распаде, в грязи обретенное Дао
Прорастает сквозь нас, будоражит, зовёт и манит.

АЛЕКСАНДР КРУПИНИН

Закончил Ленинградский финансово-экономический институт. Работал на государство, занимался бизнесом. Более пятнадцати лет работает руководителем информационной службы Санкт-Петербургской радиостанции "Град Петров". Первое стихотворение написал в 2007 году. За прошедшее десятилетие успел стать лауреатом Кубка мира по русской поэзии,

Открытого чемпионата Балтии по русской поэзии, финалистом поэтического конкурса им. Н.А. Гумилёва "Заблудившийся трамвай". Стихи опубликованы в журналах "День и ночь", "Ното legends", "Белый ворон", в интернет-изданиях "45-я параллель", "Literrатура", "Русский переплёт" и других. Книги стихов "13 сапфиров и разноцветные черендыбы" (С-Петербург, "Своё издательство, 2014), "Человек со стулом" (Екатеринбург, издательство "Евдокия", 2016). Живёт в Санкт-Петербурге.

Прогулка

До чего же пустынно эти места -
от Кировского моста до Кантемировского моста
под созвездием Северного Креста.

Кометы над нами распускали хвосты
небывалой холодной изысканной красоты.
Разлетались в разные стороны острова и мосты.

Так мы шли вдоль Невы, и Северный Крест сиял высоко,
и Аксель Иванович Берг выходил в голубом трико.
Было слышно, как плещется молоко.

И Аксель Иванович пел хорал на несколько голосов,
пожилой адмирал запирал Петроградскую сторону на засов,
я чувствовал, как трепещет маятник твоих часов.

Мы молчали, потому что и без нас была тишина,
только кричали чайки и на Финском заливе начиналась война.
Появлялись древние бестелесные племена.

Истончалась среда, ее пар уходил наверх,
вместе с ней исчезал в предзимье Аксель Иванович Берг,
им на смену вставал между нами таинственный новый четверг.

Время вышло, я и ты ушли далеко-далеко.
Остался только чуть слышный хриплый голос Жюльетт Греко.
Нева продолжает течь, и на Финском заливе ягнёнок пьёт печаль-молоко.

В моём саду пурга и хаос,
на шаг не видно ничего,
но ты проходишь, как Нейгауз,
по саду сердца моего.
Твоя тропинка без извилин
ведёт неведомо куда,
над ней летает птица-филин
и манит пальцем иногда.
В какие дали манит птица,
о чём ушами шевелит,
за чем гонец пернатый мчится
как электрический гоплит?
Тропа ведёт к роялю сердца,
который спрятали в саду.
Железных квинт и нежных терций
ты там исполнишь череду.
Тебя почувют струны-вены,
чьи голоса давно молчат,
они откликнутся мгновенно
и задрожат, и зарычат.
Вокруг рассядутся фанаты,
как на деревьях снегири,
и станешь ты играть сонаты:
семнадцать, восемь, двадцать три.
С мечтой о вечном фа-диезе
который более всего,

ты спелеологом полезешь
в пещеру сердца моего.
В пустой пещере, в царстве мрака,
где Стикс петляет и шумит,
мы повстречаемся однако,
как сталактит и сталагмит.

Счастлив, кто видел полёт пестрокрылой чубайры.
Так же, кто видел Нинон, её тонкие ноздри.
Солнце встает, приближается медленно Кайрос.
Хронос уходит, колышется хвост его острый.

Легок и грозен полёт медноклювой чубайры.
Птица далёкая, соло небесного хора,
в небо уносит забытые страшные тайны,
вечно на север летит голубым коридором.

Вот в деревенском хлеву засыпают солдаты.
Храп запрещён под угрозой немедленной казни.
Ртуть нагревает в реторте алхимик усатый,
тихо смеётся и кошку голодную дразнит.

Лишь бы не ведать о тайнах села Мерхеули.
Там даже древние жители вспомнят едва ли,
как волоокские гости в холодном июле
надписи ночью с могильного камня сбивали.

Вот они вместе: Нинон в золотых сандалетах,
юный застенчивый Кайрос и Хронос хвостатый.
Горькие травы в пустынных полях интернета.
Яйца чубайры и перья лесных куропадок.

Кульмаметьев

Мне сказал красавчик Кульмаметьев,
Тот, который ходит в картузе:
"Счастье, Саша, это дело третье,
Вроде финтифлюшек и безе.

Помню, как ещё в начальной школе
Говорила нянечка Фатьма:
"Счастья нет, но есть покой и воля,
Смерти нет, но есть печаль и тьма".

Журавли покрикивали где-то,
Шифер монотонно падал с крыш,
На камнях сидели два поэта,
Воду равнодушно нёс Иртыш.

Мы на полустанке Волчья Память
Пили мутноватый самогон.
Кульмаметьев книги мне оставил:
Чехов, Фихтенгольц и Арагон.

В тот же миг он обернулся мышью,
Сохранив былую красоту,
И ушёл куда-то в Заиртышье
По автомобильному мосту.

Как-то мы в Батуми на базаре
Встретились спустя немало лет,
Выпили бутылку Мукузани,
Съели по две порции котлет.

На меня картуз он нахлобучил,
Обнял и похлопал по плечу.
"Я, - сказал он, - превращаюсь в тучу.
По Земле шататься не хочу".

Перцы, кориандры, олеандры
Шелестят подмоченной листвой,

В сером доме не стихают мантры,
В поле не смолкает волчий вой,

Незаметно подрастают дети,
На дубах бесчинствуют клесты,
Плавает по небу Кульмаметьев,
Истинный апостол красоты.

Мы движемся! Движемся, Боже!
Я слышу, естественный звук
становится чище и строже
пареньем старушечьих рук.
На люстре хрусталь розовеет,
за рядом колышется ряд,
вот некто подходит к стенвею,
глаза его нервно горят.
Над крышами тремоло выются
в надежде на землю упасть,
а город восьми революций
раскрыл свою чёрную пасть.
Весь мир наполняется светом
дорийских замедленных гамм,
из маленьких комнат со смехом
выносят таинственный хлам.
Встревоженно гномы глазеют,
как сонмы ночных секретарш
играют в подземных музеях
бетховенский траурный марш.

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

Родилась на Украине в городе Донецке. В 1974 году – первая публикация в газете «Литературная Россия». В 1991 – иммиграция в Израиль и первый сборник эссе под общим названием «Израиль, глазами близорукого». В 2002 году – иммиграция в Новую Зеландию, где были написаны романы «В поисках Родины» и «Сор из избы». Изданный в 2011 году сборник повестей и рассказов также включает в себя тексты

песен и романсов, положенных на музыку. В настоящее время готовится к публикации еще одна книга автора.

Есть вещи пострашней измен,
Когда в окно стучится скука,
Но ты не ищешь перемен,
Ты лишь растерян и испуган.

Уже не радует восход,
Смешались праздники и будни,
Глядишь назад, а не вперед,
И город слишком многолюден.

Не ищешь лучшую судьбу,
Однообразны дни и ночи...
Ведь ты к партнеру своему
Гвоздями брака приколочен.

Свободы терпкий аромат
Пьянит и манит. Вкус надежды
Витает в воздухе, как прежде,
И время катится назад.

Ты отвечаешь невпопад,
Живешь, как в иллюзорном мире,

Дань отдавая «звучной лире»,
Рассвет встречая и закат.

И нарушает тишину
Лишь шум прибоя, крики чаек...
Но ты находишься в плену
Самообмана изначально.

Занималась заря на Востоке,
В океане купались лучи,
И луна подводила итоги
Сколько света пролито в ночи.

Этот день обещал быть дождливым,
Но, синоптикам всем вопреки,
Облака друг за другом, стыдливо,
Уплывали за кромку земли.

Волны бились о берег высокий,
Обнажая бессовестно дно.
Чайка, белым пятном на Востоке,
Довершала морское панно.

Я мысленно просматриваю дни,
И постепенно подвожу итоги,
По полочкам разложены они,
И заполняют разума чертоги.

Воспоминание одно – предмет.
Приклеен ярлычок, к нему название,
Эмоция, что следует вослед,
И исповедь – самой себе признание.

Вношу в актив прощение обид,
Упорство, стойкость, веру в справедливость,

Доверие, придуманный сюжет,
И к людям всевозможную учтивость.

В пассиве, как всегда, унынье, грусть,
Мужья, разводы, недопониманье,
Высоты те, к которым не стремлюсь,
И начинать сначала нежеланье.

Так, мысленно, просматривая дни,
Бреду наощупь, подводя итоги.
Ошибок много, как ни обходи
Одни и те же ямы на дороге.

Шагреновая кожа сжалась на ладони.
Я пробую на вкус оставшиеся дни.
Вся жизнь прошла, как миг, за будущим в погоне.
Приходится считать желания мои.

Приходится следить – полезно-неполезно,
По возрасту ли вещь, и что, и где сказать.
Жизнь пронеслась, как сон, была ли? Неизвестно.
Мгновение одно, и вот уже плюс пять.

Песочные часы мне отмеряют даты,
Застолье ни к чему, и тосты чуть горчат,
И юбилейный торт не тот, что был когда-то –
Ведь осень неизбежно продолжит листопад.

А свечи пламенем скользят
По опустевшим стенам залы...
Вернуться в прошлое нельзя,
Но заглянуть – всегда мечтала.

Рисунок в пламени свечи
Очерчивает силуэты,
Под звуки музыки в ночи
Сверкающие эполеты,

Танцуют дамы на балу,
Изящны, тонки, бестелесны,
Не отражают суету
Ни лики светлые, ни жесты.

Красива речь, учтивый тон,
Смущенье от игривой фразы...
Духовность мира, камертон
Былой эпохи нам заказан.

Был год печали и потерь,
И уходили все, кто дорог.
Забывая друзьями дверь
Скрипела на тугих запорах.

Был год захлопнутых надежд,
Год одиночества и скуки,
И город, как пустой манеж,
Не издавал веселья звуки.

Народ озлобился, затих,
Все в масках, как на маскараде.
И нет чужих, и нет своих,
Бредем за пастухами, в стаде

Не спрашивай разбившийся бокал
Зачем осколок руку больно ранил.
Доверие и искренность поправ,
Честь сохранить сумеешь ты в едва ли.

Предавший дружбу не достоин слов,
Обидевший ребенка будет проклят,
Закрывший душу множеством замков
Не слышит эха приглушенный отклик.

ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА

Победитель юбилейного международного конкурса поэтов русского зарубежья «Пушкин в Британии»-2017, победитель конкурса переводчиков поэзии «Пушкин в Британии»-2010 и конкурса молодых переводчиков РАН (2010), Победитель Грушинского фестиваля бардовской песни в номинации «бард» (2019), автор книги переводов австралийского поэта А.Д. Хоупа «Вечность

подождет» (2011, Рудомино) и поэтического сборника «Синий полог» (2021). Поэт, переводчик, участница интеллектуальных игр «Что? Где? Когда?» и «Своя игра», выпускница МГУ им. Ломоносова.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Сколько их там, смотрите, сто тысяч братьев!
снегом с ладони – сдунули и взлетела;
ночью сказали: надолго тебя не хватит,
впрочем, души-то хватит, не хватит тела.

Тело, оно дурное, желает пищи,
тёплой ладони, слова, всего, что греет,
тычется носом в мёрзлые щели, ищет
и не находит, клонится, и немеет.

То ли душа: не спросит ни рук, ни взгляда,
знай себе вьётся, в самом пристойном виде;
да, моя радость, я буду с тобою рядом,
нет, мой хороший, потрогать уже не выйдет,

только следить – как шёлковыми узлами,
там, где смыкались рёбра, ступни, колени,
в каждую нитку нерва вплетает память
нежность и невозвратность прикосновенья.

МЕЖВРЕМЬЕ

Нынче ночью ветра колдовали, дубы ломали, в колодцы дули
в сон насыпали дурные дрёмы, смурные думы

Страннички кругом ходили, чёрное пели
веригой звенели, уж не по мне ли
слова сплетали: не про меня ли
в круг поманили, меня подменили, на странное променяли

Странное бродит туда-сюда: телом боец, а душою клуша
В такие прощальные холода тело спасает душу

Шепчет душа живая: не знаю, чем я ещё жива
у меня на дне один сплошной горе-цвет да полынь трава
ни костей не осталось, ни плоти ни крови кого любила
память отшибло, помнит лишь то, что было

А вот мы её плетью: скачи, вспоминай то, чего и в помине нет
донник мой данник, выдай мне дани за триста лет
да что же тебе, родная, с той дани, гляди, какая дыра в кармане

мама стоит посреди покоса, простоволоса, по грудь в тумане

дочка, это опять не твои санки
мама, я не умею идти на попятки
мама, те, наверху, никак не хотят со мной в салки
исключительно в прятки

Так и живем: отсель и дотоле, такие боли, что хоть на плаху
в каждой ладони под кожей по пуду соли: чётче триоли,
играем Баха

но знаешь, если сыграть всё точно,
по этим звукам приходит сила

До – странник стоит на пороге чужого дома, с пругом осины

Ми – сокол кружит над пропащим миром, крылом осеняет
Си – вот он, грядущий, звездой осиянный

мама, сыграй мне рассвет.

THE JOURNEY

Молчи, молчи, веди меня сквозь тьму...
не доверяя больше никому,
без памяти, без голоса, без слова
бреду – нема, пуста и ни о чём –
и лишь рука впивается в плечо,
и стонет кровь от страха нутряного.

О, что за тьма! как эта тьма дрожит,
фальшивит, лжёт, рождает миражи,
и скалится в усмешке упыриной,
беззвучно и бессмысленно урча,
и ни звезды, ни блика, ни луча,
и чёрный снег – как смертная перина.

Здесь всё ничто. Здесь эхо не живёт.
На стылых веках нарастает лёд,
и мысль уже не знает, чем согреться,
но как надежда, как глоток воды,
твой мерный шаг, мой верный поводырь,
ритм задаёт дыханию и сердцу.

А тьма урчит. Она желает зла,
беснуется от твоего тепла,
и, наливаясь выморочной синью,
заманивает в странные места,
в которых беспредельна пустота,
в которых даже Имя не всесильно.

Но там, где тьмой положен твой предел,
где ни богов не встретишь, ни людей,
порог беды, последняя излука –

настанет мой черёд, и мой завет,
и я сама возьму тебя за руку.

И поведу. И выведу на свет.

ПАСХАЛЬНОЕ

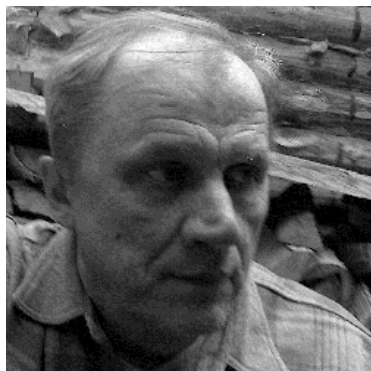
...И звенит, разливается, солнечно и нетленно:
выходи, апрель, выводи свой народ из плена,
всех с вещами на выход из тьмы и гнили
в золотой огонь, в беспредельный свет,
всех безумных, забывших, что смерти нет,
что её давно отменили.

Радость моя, послушай, нынче такие дни,
что бессмертье не иссякает, сколько ни зачерпни,
время живой воды, молодильных яблок;
нынче сам господь не велел мешать,
если вдруг отдохнуть прилегла душа
на пороге меж сном и явью.

Пусть поспит, говорит река, рассыпает блики;
я смотрю, как твоё лицо становится ликом,
как апрельский свет каждый признак былой потери
обращает в литую бронзу, тугой металл...

Погляди, из какого пепла каждый из нас восстал,
разве этого мало, чтобы каждый из них поверил?

СЕРГЕЙ МАКСИМОВ

Родился в Челябинске в 1956 году. После восьмого класса школы учился в ПТУ. Из ПТУ - , тна завод, и на этом заводе и в одном цехе проработал до пенсии фрезеровщиком. Стихи начал писать в середине девяностых, стихи не очень хорошие. По настоящему тянулся в это дело с 2011 года. Потому что бросил пить, купил ноутбук и нашёл своего читателя.

что ж ты ноченька не таешь так же быстро как свеча
что ж ты девушка мечтаешь убежать от богача
что ж ты звёздочка мигаешь сквозь проталинку окна
что ж ты старый муж не знаешь что задумала жена
что ж вы сани не скрипите не спугнёте злых собак
что ж вы слуги крепко спите в дом прокрался вор и враг
что ж ты ус заиндевелый шею девы холодишь
что ж ты парень видно смелый раз от барина бежишь
что ж ты вьюга завируха беглецов укрыла след
что ж ты молишься старуха просишь дочь спасти от бед
что ж вы сёстры озорницы схолодели словно лёд
завтра барин будет злиться... завтра всех расправа ждёт

дом кирпичный ключ скрипичный половик лежит тряпичный
дверь скрипуча пол скрипуч поверну скрипичный ключ
сердце бедное скрепя я войду мой дом в тебя
врёт динамик на стене занавески на окне
закрывают пол-окошка и полнеба видно мне
эта комната пуста и немотствуют уста
тень легла на половицы наподобие креста
свет луны сквозь переплёт тень такую создаёт
"подари мне лунный камень" тихо матушка поёт
нежно гладит по плечу и я маленький лечу
хоть хочу дослушать песню – но сильнее спать хочу...

дом открыт и дверь открыта только лунную сюиту
навевает ветерком. И проснусь я стариком

серый снег неровно дышит и выплёвывает грязь
ты прости меня всевышний что иду я матерясь
что надвинув кепку низко в небо вовсе не гляжу
я сегодня по-английски от любимой ухожу
у неё ночная смена и решил я что – пора
жизнь моя попеременно то в пике то в штопора
то на бреющем полёте вниз смотрю я с высоты
люди, как вы там живёте? Копошится как кроты
но нельзя без дозаправки, приземляюсь иногда
по ковра зелёной травке мой гуляет чемодан
на балконе после стирки поразвешено шмотё
в этой маленькой квартирке непристанище моё
в этой маленькой квартирке чудо-женщина живёт
хоть с Камчатки хоть с Бутырки ждёт меня из года в год
дожидаясь - не бранится что неАдолго зашёл
у меня в руках синица, у неё в руках - орёл!
изнемогшие от ласки – не пытаемся уснуть
я рассказываю сказки про мужской нелёгкий путь
а она молчит и плачет, дышит в шею горячо
обняла меня и значит – я в объятья за-клю-чён
и курю я на балконе, добавляя облаков
жить семейно и в законе я пока что не готов
и вчера неловко вышло – я приехал, жму звонок
открывает дверь мальчишка – милый, это наш сынок...
навсегда я дом покинул без записки и словца
мой сынок мне сердце вынул – он признал во мне отца
надо мной крылами машет птица-ворон, сволота
чем с таким, как я, папашей – пусть уж будет сирота

я сегодня выходной, я сегодня выносной
стенки дома вкусно пахнут свежеструганой сосной
молча водку пьют друзья, я бы выпил да нельзя
закудахтал чёрный ворон нас на вылазку везя
лес молоденьких берёз называется погост

звон стаканов, звон лопаты, дым дешёвых папирос
накидали холм земли, повздыхали и ушли
по платку да полотенцу (чтоб на память) унесли
мне тепло, я не замёрз, меня греет старый пёс
он ко мне сбежал из дома, тапочки в зубах принёс
от родительского дня до родительского дня
у креста лежит собака, ждёт что выруют меня

Бубны мягкие брусчатки приглушают стук подков
В чёрных лужах отпечатки - негативы облаков
Крести кованой ограды раздробили свет луны
Мы с тобой в карете рядом темной разделены
Колыханием рессоры нас качает на волне
В чём причина нашей ссоры? В картах, в ревности, в вине?
Слева тьма со всхлипом дышит, справа топают каблук
Лунный мальчик спрыгнул с крыши он теперь нам грум и друг
Улыбнулся нам в окошко малолетний озорник
У тебя в ушах серёжки - чёрный камень дамы пик
Робко трогаю перчаткой твой упрямый локоток
В наших душах отпечатки злом подкованных сапог
А глаза из-под вуали бьют разрядом наповал
Окрик грозный, кони встали, мы приехали на бал
Мы рабы ненужных правил под названьем этикет
Плечи я свои расправил, ты раскрыла свой лорнет
Я твои сжимаю пальцы - льдинки тающих обид
Нам с тобою улыбаться этой ночью предстоит
Вздорной выморочной своре золотых зубов и глаз
Знаем оба мы что вскоре этот бал разлучит нас
Ты умчишься в быстром танце, я подсяду на игру
Потускневшие, без глянца повстречаемся к утру
Тихо тронется карета, нас окутает туман
Ты красива без лорнета, ну а я набил карман
Толстой пачкой ассигнаций (повезло так повезло)
Начинает подниматься, раскрывая крылья, Зло
А на что тебе сердиться - ты придумаешь сама
Это ж - первая страница. Из романа Не Дюма

КАТЯ МАЛИНОВСКАЯ

(псевдоним; настоящее имя – Екатерина Андреевна Малиновская)

Поэт. Родилась в Красноярске в 1990 году. Закончила аспирантуру КГПУ им. В.П. Астафьева, работала учителем литературы в течение 9 лет. Автор трех поэтических книг («К.», 2015; «Мокрое», 2016; «Юник», 2017). Победитель красноярского Поэтического слэма (2020). Лауреат нескольких литературных конкурсов, среди них – конкурс им. И. Рождественского (Красноярск, 2017), конкурс молодых поэтов «Зеленый листок» (Тверь, 2019), конкурс «Король поэтов» (Красноярск, 2016) и др.

Член СРП.

Как люди, умирают дневники.
Воспоминания мёртвые послушай.
Чуть слышно, но бывшее просит душу,
И та по-птичьи кормится с руки.

Когда-то, вспомни, жизнь была рекой
В тени простого маленького сада.
Твоя улыбка, и коса – ограда –
Плетёною чернеет полосой.

И чайные печальные глаза.
На фотографии мы будто в тёплой чашке.
Я в полосатом платье-рубашке,
А где-то в листьях прячется оса.

Живые краски мёртвой красотой
У времени за пазухой застыли.
Боюсь произнести... Скажи, мы были
В саду с тобой?

Невеста

Мама ты помнишь магазин свадебных платьев
В здании дворца бракосочетания на набережной
Недалеко от нашего дома ты помнишь мама

Белые белые платья и всё из пластмассы
Бусины туфли цветочки так странно
Все из пластмассы
Было ли так или так казалось
Может ты помнишь мама

Красные будто бы стены
И точно бархатный пол
Красный бархатный пол
Белые платья
Из белой пластмассы ты помнишь мама

Я забегала в примерочную
Я устремлялась вниз
Я обшаривала углы
И все это в поисках бусин
Разных пластмассовых бусин ты помнишь мама
Больших и поменьше ты помнишь мама
Разных пластмассовых бусин

И запах
Совсем невозможный такого по-моему больше и нет на земле
Только наверное ты можешь вспомнить ты помнишь мама

Что это было когда и где
В здании белом дворца
Нашего дома
На набережной
Помнишь мама

Я

—

Свадебное
Платье.

...только-только ушёл, улыбаясь как будто
и с мороза заходят какие-то люди
и ребёнок своим голоском почему-то
говорит что грядущего больше не будет

он наивно пищит одинокую старость
и юнцам не узнать сколько с нею случилось
а теперь на замке все бывшие затейки
словно рыба в песке ждёт она на скамейке

я иду по ступеням наверх ты уходишь
и наверное мимо машины проходишь
и наверное куришь согнувшись немного
и под ноги глядишь так ребячески строго

смолкли дети а старость во мне ожидая
тихой смерти живёт и живёт не страдая
ни о чем только я все ещё молодая
дверь дурацким ключом кое-как открываю

ты уже далеко твой автобус всё ближе
я босая ступаю всё тише и тише
и старушка мычит ей давно уж не к спеху
и за стенкой дитя заливается смехом

и вот так целый мир разливается вальсом
сквозь старух и детей и влюблённых страдальцев
кто-то смотрит тихонько под нос напевая
три четвёртых какого-то странного рая

ты уже далеко в синем лифте быть может
скоро в кресле своём ты устроишься тоже
а над нами устроится кто-то поющий

очень тихое
тонкое
сущее

Едоки картофеля

Мой друг меня на полке не нашёл.
Я ем картофель. Это хорошо.
Мои спокойны руки и живот.
Красива тень на фото. Стрелок счёт.

Читаю сообщение в тиши:

Мол, «согугу, ты со мною не дружи.
Ко мне придут, и пол не мыт давно,
Не выплюсь... В общем, не идём в кино».

Прочитано. Я в спальню ухожу.
Расстанемся, хоть я и не спешу.
Иду на кухню. Продолжаю счёт.
Я ем картофель.

Это
Всё
Пройдёт.

У меня синица на балконе
В лампе спит, что кошка на печи.
Сколько дверью белой ни стучи,
Здесь ей будто лучше, чем на воле.

Птица – знак: пора уткнуться носом,
Чтобы было жарко и темно,
И тобой открытое окно
Звездный воздух пропускало косо.

ЕВГЕНИЙ МОГИЛЕВСКИЙ

Родился в Харькове, жил в Ленинграде, Португалии, Франции.

В Австралии уже скоро 20 лет.

Пишу стихи с детства. Иногда получается.

Написал себя начисто,
Слабости вымарал.
Все дурные чудачества,
Сложности выбора,
И невежество радости,
Жалость и творчество,
И на подпись пора нести,
Только не хочется.

Все мое человеческое
Вечности надо ли?
В будущем обеспеченно
Вылежусь падалью.
А пока ещё силы есть,
Наискось черкая,
Букв овалы унылые
Тыкаю, дергаю.

Доктор, берите скальпель!
Скоро больной ваш сдохнет!
Радуюсь каждой капле.
Радуюсь каждой крохе.
Доктор, больному худо!
На физраствор и воду!
То, что он дышит - чудо!
Радуюсь кислороду.
Доктор, у вас их много,

Жизни и смерти между!

• Все, зашиваю, с богом!

Радуюсь. Есть надежда.

Дела по-прежнему, как это было страшно!
В оттенки серого, тюремного, раскрашены,
Дела обычные, на счетах бусины,
Безликие, больничные, безвкусные...
И сам вопрос: ну как дела?, - хоть безобидный, но
Звучал избито, молью трачено, обыденно,
И отвечалось на него то с раздражением,
То с подростковым злым воображением.

Дела по-прежнему, как это нынче важно,
Пока что времени орудия разряжены,
Зеро в анамнезе, болячки не грозят,
Не началось ещё - того нельзя, сего нельзя...
И сам вопрос-то про дела воспринимается
Не так что, вот, ещё один от скуки мается,
Сейчас вниманием он кажется, и хочется
На шаг ответом отступить от одиночества.

Дела по-прежнему, не хуже бы и только,
Хоть не на койке с пластиковым столиком,
Жужжат как оводы дела, делишки-бусины,
Не все веселые, зато пока не грустные...
Задай вопрос мне про дела, потом ответь и сам,
Сын вырос, мать не умерла, а может, встретимся?
И по Периклу заживем, а не по Брежневу,
Век золотой, а не застой, - дела по-прежнему!

России.

Жизнь - антракт. Неохота о грустном,
На всех тараканов не хватит дуста,
Цвет на экранах, за именем имя,
Но черно-белая жизнь за ними...
Белого в ней не так уж и много,
Белое чистить от сажи дорого,

Носим защитное, прочное, вечное,
Наше привычное утром и вечером.

Нынче не сладко, а дальше тем пуще,
Нас отучили думать о будущем,
Жили на выселках нашей Раши
Мы, победившие, как проигравшие.
Мы повторяем, так как не можем
Что-то создать, хоть и лезем из кожи,
Новое не прорастает в могильниках,
Даже простейший рингтон для мобильника.

Если нам плохо, не мы виноваты,
Наших детей забривают в солдаты,
Как же иначе, мы ими гордимся,
Крест - это сложенные два минуса.
Цвета на экране мелькают так быстро,
Будто сливаются в очередь выстрелы,
Снова на выходе серость проклятая,
В очередь, сволочи! В шестидесятые...

Пропустили их через сито,
Превращая лучших в покойников,
Подросло поколение битых,
Поколение параноиков.
Просвистели снаряды мимо,
Но своё защищает стойко,
На позициях неколебимо
Поколение параноиков.
В ожидании новой порки
По комодам рядами слоников,
От кумира всегда в восторге
Поколение параноиков.
Принимая любые бредни,
За границей ища виновников,
Вновь готовится стать последним
Поколение параноиков.

Надо снаряжать за магазином магазин,
Что не так-то просто, сидя по уши в грязи,
И порой охота вдруг очухаться в раю,
Там, наверно, пиво всем желающим дают!
Юноши поделятся на мертвых и живых,
По телам протянутся залеченные швы,
Те, кого случайно в грязь снаряды не вобьют,
Те нестройным хором обязательно споют:

Нам этот мир чужой, мы
Выпали из обоймы,
Нам надоели войны,
Дайте пожить спокойно!
Вольно, вольно...

Юноши и девушки построят новый дом,
Пусть соседи видят, как мы радостно живём!
Только у соседей жизнь лучше, чем у нас,
А у нас всего лишь орденов иконостас!
Повторяют юноши, наевшись бедноты,
Про соседей хмуρο, что зажрались, мол, скоты,
И что унижителен буржуйский их уют,
И военным хором на плацу они поют:

Хватит с нас унижений!
Дайте огонь сражений!
Лучше надеть мундир нам,
Чем унижаться мирно!
Смирно, смирно...

Там бы хотелось, братцы,
жить, хоть пока без шансов,
Где нет в словаре кацапов,
Чурок, хохлов и гансов.
Где не гордятся люди
тем, что, босы и нищи,
Стоят на своем кумиром

Устроенном пепелище.
Там бы хотелось, люди,
Жить, хоть пока не светит,
Где смерть несомненно будет,
Но будет и жизнь до смерти.
Где каждого будет слово
Весить не меньше прочих,
Где наша больная совесть
Больше не кровоточит.

Солдату

Дай бог тебе, служивый,
Идти в учебный бой,
Чтоб все остались живы,
И вовремя - отбой.
А если нет, то смело
Разить врага мечом
Дай бог тебе за дело,
За правое причём.
Дай бог тебе от власти
Медаль, а не венок,
И чтоб невесте счастье
Составить ты бы смог,
И защищал пенаты,
А не «куда пошлют»...
Дай бог, чтоб понимал ты,
За что тебя убьют.

В жуткое время Великой Чумы,
Время богов, подлецов и героев,
Время обиды, которую смыть
Можно лишь кровью,
Те, кого с детства учили мечу,
Те, кто спасался словами молитвы,
Жили, себя не жалея ничуть,
Жили для битвы.
Времени не было всех хоронить,

Вдоволь напились мечей кровостоки,
Долго на поле топились костры
Трупами стойких.
Те же, кто с поля до боя бежал,
Те, кто пощады и плена просили,
Только лишь жизнью своей дорожа,
После плодились.
Боги ушли, наплевав на людей,
С честью и славой погибли герои,
А подлецы выживали в беде,
Гладе и горе.
Шли лихолетья, менялись века,
Ждали таких же, рожали инаких,
И храбрецов прибывало полка,
Жадных до драки.
В этом не видно ни зла, ни вины,
В круговороте мы где, интересно?
Сколько осталось до новой войны?
Много ли честных?

Из водителей во вредители,
Благородные лики - в рожи
Переписывают победители,
Потому что они - моложе.
Не в почете обрывки куцые,
Все пути, что недопроторили,
И в остатке сухом - отсутствие
Веры в личности и истории.

ВИТАЛИЙ МОЛЧАНОВ

*Председатель Оренбургского
регионального отделения «Союза
русских писателей», директор
Областного Дома литераторов им
С.Т. Аксакова. Лауреат
международных и всероссийских
литературных премий. Автор семи
сборников стихотворений.*

«Картиной, песней, яркой вспышкой строк»

Над городом

...а время плакало, и влагу пил песок
обычных дней, похожих друг на друга.
Летала кисть — мазок, еще мазок...
Холст отвечал пружиняще, упруго,
Чуть смазывая тёмные года
Ворсинками шершавого пространства,
И карих глаз блестящая слюда
Лубочно попрощалась с ренессансом.
Вписав отважно кривизну земли
В наросты покосившихся избушек,
Чей скучный быт заборы берегли
Угрозами заточенных макушек,
Кисть белое вдохнула в божий храм
И алое — в кирпичный дом управы.
Палитрой местечковых серых драм
Окрасила и облака, и травы,
Обрывки туч лизнула вдалеке,
Подхваченная ветром захолустья
В небритость превратилась на щеке
Взлетевшего с любимой выше грусти.
Туда, где солнца свет — со всех сторон
И где черта оседлости пропала...
В зелёной блузе, в кофте цвета волн —
Палят влюбённо на холсте Шагала.

Картиной, песней, яркой вспышкой строк
Талант прорвётся сквозь забор испуга.
...А время плакало, и влагу пил песок.
— Мы улетим — мы долетим, подруга.

«Вальс» Шопена

Белые клавиши... Чёрные клавиши...
Кончики пальцев летают — не ставишь их,
В быстром кружении пчел, собирающих вальс
С тонких дощечек, цветов неприветливых,
Что пожелтели на белом заветренно
И поистерлись на чёрном от маршей и сальс.

Бледной спины оголение камерно —
Великоватое платъице мамино,
В танце неспешно плывут рукава-облака.
Ты — целый мир... Звёзды, бусинки жемчуга,
Шею опутали. В жизни застенчива,
Только с Шопеном на «ты» говоришь сквозь века.

Вальс... В канделябрах — знамение-зареву,
Воск на паркете, объятья — всё заново:
Слёзы восторга, в окошке — ухмылка Луны.
Вместе в Варшаву немислимо канули,
Где Фредерик в моё сердце, как в рану, влил
Терпкий бальзам, исцеляющий чувство вины.

Вот же, пся крив, ловелас приубоженный...
К черту рояль! Пчел холодное крошево
Стисну в руках, поцелуями скомкаю рот.
Чёрные, белые, глупые клавиши
Страстью горят, после — угли пожарища,
Снежные хлопья летающих в сумерках нот.

В пещере горного короля

Стон контрабасный — щипки да тычки, всё шито-крыто.
Струнный металл полируют смычки мастеровито.
В деках растянуты, жилы дрожат — жертвы на дыбах.
По древесине плывёт звукоряд, тонет в изгибах,

Бьётся об стенки, сквозь щель напролом рвётся к свободе,
Отпартиуренный, острым углом в публику входит.
Низко по тембру гудят в унисон трости-фаготы:
Тролли в экстазе, мистический сон, тёмные своды
Келий пещерных, где скрылись миры Эдварда Грига.
Это — безумие, тартарары, пляски в веригах
Леших и кобольдов, гномий оскал — блеск острой стали.
«Горный король!» — сотрясающий зал туш наковален.
Голод ста глоток нельзя утолить комьями грунта:
— Крови христианской желаем испить, дай нам Пер Гюнта!..
...Выключит свет за софитом софит, белой вороной
Музыка к фьордам сама полетит вслед за циклоном.
В снег индугенций роняя клочки — просто билеты,
Выйдут чудовища, вспыхнут зрочки — не сигареты.

* * *

на белом листочке
обычном прохладном и тонком
из тысячи первом
расставшимся с братьями в стопке
ни слова ни буквы ни знака ни точки
таинственность чуда
мелькают волшебные ручки
рождаются горные цепи
и снежная кромка
украшит упёртые в небо вершины
усилится эхом
безмолвие песни орлиной
стозвучным раскатистым смехом
падёт с высоты камнепадом
распорет суровые тучи
рассыплется градом
дождями умоются кручи
и солнце взойдет несравненно
прекрасней и лучше
чем тысячи солнц в дни другие
сижу на скамейке
а ты босиком поливаешь
цветы золотые

из старенькой лейки
забытыми снами
в прозрачном и белом
листочек Ёрёл оригами
твоим пахнет телом
и чуть облаками

Постколыбельная по Экзюпери

За окошком волки воют, на экране бьётся Троя,
Счастье жмурится в коротеньких штанишках.
Подрастают баобабы планетарного масштаба,
Эпилируют побег на лодыжках.

Чайник кратером вулкана, медным эхом Пакистана
Улюлюкнул: «Приступаю к изверженью».
И, едва проснувшись, Роза шевельнулась безголосо
Грациозной, с четырьмя шипами тенью.

Ночь, с горчинкой шоколадку, поделю и брошу в кадку:
— Не скучай, на старом кресле-самолете
Я ломаюсь над пустыней, память ядом в жилах стынет,
Хохоча, на небе звёзды хороводят.

Счастье взрослого — ребенок, счастье детское — спросонок
Выпив ласки, задавать всерьёз вопросы:
Про планеты и барашка, про любовь и барабашку,
Почему не заплетает мама косы...

Поперхнувшись белым светом, кашлял мир, ветра октетом
Дружно выли, вторя тявканью лисицы.
Троя стала пепелищем, по руинам волки рыщут,
И глаза их — луны, смотрят мёртвым в лица.

ЮННА МОРИЦ

Поэтесса и переводчица, сценарист. Автор поэтических книг, в том числе «В логове гóлоса» (1990), «Лицо» (2000), «Таким образом» (2000), «По закону — привет почтальону!» (2005), а также книг стихов для детей: «Букет котов» (1997) и других; по мотивам нескольких стихотворений из одной из них («Большой секрет для маленькой компании») в 1979 году создан одноимённый мультфильм. На стихи Юнны Мориц написано много известных песен («Ёжик резиновый», «Сильнее кошки зверя нет», «Собака бывает кусачей», «Летающие лошади», «Большой

секрет для маленькой компании», «Когда мы были молодые»), а также «Переведи меня через майдан» (стихи Виталия Коротича в переводе Юнны Мориц), некоторые из которых были положены на музыку Сергеем Никитиным.

* * *

Особенно зимним утром, собирая себя в букетики
Из незабудок, ландышей и заповедных трав,
Когда в снегу по колено мрамор лёгкой атлетики
Делает бег на месте, одежду с себя содрав,

Особенно в это время, когда арабика пенится
И кофеварка медная на медленном дышит огне, —
Память становится острой и мстит, как беглая пленница,
И может убить, но кофе надобно ей, как мне,

Особенно в полумраке, где пахнет водой и окнами,
И так медленно вспоминаешь — какое число и день?..
Вспоминаешь всеми волокнами, всеми глазами мокрыми,
А день на глазах кончается, и венчается с тенью тень,

Особенно там, где блещут цветные снега и звёзды,
Зеленовато-синие, лиловые с желтизной,
А память лёгкой атлетики выбегает на свежий воздух,
Её стрелы, диски и дротики — это я, и никто иной.

* * *

Пока светает и темнеет, пока темнеет и светает,
Пока святая тайна тает, не исчезая ни на миг,
И в небе облако летает, пока река его питает,
И это облако питает волну, где жабры и плавник,

Пока простор звенит в просторе, как в подстаканниках стаканы,
Пока в поэзии растворе сияют солнце и луна,
Пока ритмичны океаны, листовы изделия чеканны,
Пока у слога – чувство Бога, чья сила движет времена,

Пока из логова наживы ничто не избежит разрухи,
Пока событий старожилы мерцают ночью в небесах,
Пока любовь струится в жилы, всё остальное – в том же духе,
Всё остальное – как при Ное, кошмар в библейских чудесах.

И ты со мною, мой Читатель, и ты со мною, как при Ное,
Переплывёшь потоп в ковчеге, нельзя купить ковчег за чек,
Пока у слога – чувство Бога, пока ритмично всё родное,
Пока сильна сказать так много голубка, белая как снег.

* * *

Вдень в день - что? - веру,
Ключ от двери потайной,
Луч, который по размеру -
Ключ, небесный и земной,
Этот луч всегда - со мной.

В день вдень веры луч,
Распахнутся двери туч,
Открывая атмосферу
Света Божьего, могуч
Божий свет, а вера - ключ,
Вдень в день - что? - веру!

А каков портрет химеры?
Плоть козы, а морда льва,
И огнём плюётся морда,

Хвост дракона задран гордо, -
Вот химера какова!

В день вдень луч веры,
Он - спасенье от химеры,
Ключ, небесный и земной,
Веры луч из атмосферы
Света Божьего, могуч
Божий свет, а вера - ключ,
Этот луч всегда - со мной,
В день вдень луч веры!

СКАЗОЧНАЯ СИЛА

Не заборы высоченные с дворцами,
А лесничество, звенящее скворцами,
Я запомню, как мелодию времён,
Где в избушке дровяной на курьих ножках –
Земляника в деревянных ложках
И поющий о любви аккордеон.

Там Эдит Пиаф поёт в Париже,
Улица подходит к ней поближе,
Окружив её со всех сторон...
А душа моя трепещет, как тростинка, –
В радиоле плавает пластинка
И поющий о любви аккордеон.

Куры ножки – сказочная сила,
Сила, что себя не изнасила,
Ей не будет грандиозных похорон, –
Раскладушка там жива на курьих ножках,
Земляника звёзд – в небесных ложках
И поющий о любви аккордеон.

ВСЁ ТАК БЛИЗКО

Семь пионов необъятных, тёмно-красного размера,
Влезли в греческую вазу, на которой – мир Гомера,
Пенелопа с вышиваньем, Одиссей привязан к мачте,
А на вазе много трещин – это вечность, вы не плачьте, –

Там ходьба мужчин и женщин, корабли плывут с добычей,
В кислороде древних трещин – пенье струн и щебет птичий,
По делам летают боги, у богов – свои шпионы,
В этом ритме говорит мне та вода, что пьют пионы,
Пьют, пьянея, пламенея, лепестки роняя в древность,
Где сквозь трещины виднее повседневность, гневность, ревность –
Нескончаемые страсти, слёзы счастья и обиды,
Жажда власти, жажда мести, их чудовищные виды,
Это – вечность, мир Гомера дышит всеми временами,
Древность – наша повседневность, конь Троянский ржёт над нами,
Он – машина, чья брюшина распахнулась, выдав классно
Суть обманки, суть подлянки всех времён, где всё – сейчас,
Как вода, что пьют пионы, пьют, пьянея, пламенея,
Лепестки роняя в древность, прямо на пол, рядом с нею, –
Дышит россыпь тёмно-красных лепестков, упавших на пол,
Здесь рукой подать до неба – всё так близко, дождь закапал!..

СЕБЕ

Держи удар, дистанцию и слово.
Держи святую воду и перо.
Держи картошки полное ведро
И ожерелья лука золотого.
Они – твоё несметное добро,
Защита – от любого духа злого.

Держи свой путь, а не по ветру нос.
Держи любовь – бессмертно, тайнозримо,
Чтоб не держать ни краски для волос,
Ни туши для ресниц, ни щёк для грима,
На это есть всегда огромный спрос, –
Но подлинника страсть неповторима.

Держи улыбку, не оскалив пасть,
Как демонстранты кафеля зубного.
Держи себя, чтоб в лапы не попасть
Общественности, рвущейся во власть –
Кроить страну, как ножницы портного!
Держи удар, дистанцию и слово.

Ядро поэтики – атлетики ядро,
Держи ядро атлетики поэтской.
Ядрёный дух держи природы детской.
Держи картошки полное ведро.
Держи святую воду и перо.
Они – твоё несметное добро.

* * *

Если б я эти годы косые
Провела на планете другой,
Я могла бы сегодня в России
Громко топнуть волшебной ногой!..

Для начала права бы качала,
Под изгнанницу сильно кося, –
Благодарность бы я получала
Уж за то, что я выжила вся.

И Россия была бы виновна
За моё на чужбине житьё,
Но прошляпила Юнна Петровна
Невозвратное счастье своё.

Не вернусь я теперь ниоткуда,
Потому что осталась я здесь
Наглядеться на русское чудо,
На его самоедскую бесь,

На его механизмы презренья
К никуда не удравшей стране,
Где по воздуху стихотворенья
Мой Читатель гуляет ко мне.

Он – поэтской Луны обитатель,
Обладатель поэтской струны,
Никуда не удравший Читатель
Никуда не удравшей страны.

* * *

Малюсенький шарик земной,
Две трети – простор водяной,
А треть – это суша, где яблоня, груша
И крыша моя – между небом и мной.

Малюсенький шарик земной,
Ты – шарик такой кровавой,
Кровавая рана, где хлещет из крана
Кровавым потоком – война за войной.

Малюсенький шарик земной,
Единственный – в жизни одной,
Родной этот шарик, где шарит кошмарик –
Ограбить, угробить ударной волной.

Таков интеллект головной –
Ограбить страну за страной,
Сослаться на Бога и хваткой бульдога
Вцепиться в малюсенький шарик земной.

Малюсенький шарик земной,
Лесной, водяной, травяной, –
Летают планеты, где нет ни монеты,
Войны – ни одной, и души – ни одной!

Малюсенький шарик земной,
Такой кровавой и родной,
Где ангела дымка, и он – невидимка,
Над крышей поёт между небом и мной.

МИЯСАТ МУСЛИМОВА

Россия г.Махачкала

Родилась в с. Убра Лакского района, Дагестан. По образованию филолог. Кандидат педагогических наук. Председатель дагестанского отделения Союза российских писателей, поэт, переводчик, литературный критик. Пишет на русском языке. Автор 12 книг. Стихи переведены на итальянский, греческий, белорусский, осетинский, балкарский, азербайджанский, лакский языки.

Небесная Кура

Для тоста нужен повод? Никогда!
Поднимем рог, случайный собеседник.
Тень грусти лишь текучая вода –
Была – и нет, как дождик в Кобулети

Смотри, какая ночь! Подставь же рог!
Искристый ковш над нами опрокинут,
Из сотен нами пройденных дорог
На небесах, поверь, одну лишь примут –

И мы на ней – смотри! Из темноты
Она друг к другу вывела навстречу.
Я сам давно с печальями на «ты»
И тенью их с рождения отмечен.

Для тоста нужен друг, ты будешь им,
Вся наша жизнь лишь словом осиянна.
Давай с тобой о ней поговорим
Стихами Руставели, Тициана...

Какая тишина....
Нежданный друг,
Пусть отдохнут зурнач и сазандари
От музыки бессонного вина...

Вращает круг небесная Кура,
И бьётся в грудь в неистовом угаре,
Шумит у изголовья до утра....

Щедрый ковш поднебесный все льётся и льётся, мой друг,
Мои речи длинны, нет конца уходящим, всё длится печальный обряд,
И когда мы сведём берега после долгих разлук,
То поклоном проводим людей – тех, которые нас возродят.

Шёпот

Так выпуклы вещи в ночной тишине,
Так тени причудливо - близки...
Качается тополь в открытом окне,
Бросает в окошко записки.

Они холодны от прошедших дождей,
Слетают на стол отрешённо.
Здесь ветер дыханья любимых нежней,
И звёзды в ночи обнажённой.

И шёпотом губ я о счастье пишу,
К Нему этой ночью зываю.
Спасибо за то, что в стихах ворожу,
Ищу и блуждаю по краю.

Спасибо за то, что язык Твой велик
И в каждом творении звучен,
За замысел тайный, за солнечный блик,
За мёд ожиданья тягучий.

Так трепетно утром день снова расцвёл,
Но мне Ты дал участь иную.
За то, что всю жизнь к этой ночи Ты вёл,
Я плачу от счастья, ликую.

Мой шепот неслышен, я плачу тайком,
Медсестры заснули устало,
И тополь печально шумел за окном,
И смерть, как сиделка, картинки листала.

Как мягок карий цвет

Как мягок карий цвет, стекающий к сосцам...

Их белизной как будто очарован,
Застыл рассвет, и к тихим бубенцам
Склоняет рог печальная корова.

Платок завяжет мама узелком.
В протяжном повторении земного
В сосуде пенится и тонет молоко,
Коричневым баюкает корова.

Копытца держат землю, и она
Под синевой небесного покрова
У ног крестьянки кротко прилегла.
В тени каштана светится корова.

Устали краски удивлять людей,
И мир глядит с наивностью Нико,
Как просто жизнь течет, и без затей
Струится под ладонью молоко.

АЛЕКСАНДР ОБЕРЕМОК

Родился в 1973 году в Иркутске. Окончил историко-филологический факультет НИУ «БелГУ» (г. Белгород). Член Союза российских писателей. В 2012 г. в Новокузнецке (Кемеровская обл.) вышел сборник стихотворений «Пьяные стихи». В 2018 г. в Белгороде вышел сборник рассказов «Сухая ветка». Лауреат V Международного поэтического конкурса «45-й калибр» (2017 г.). Лауреат IX Международного поэтического конкурса «45-й калибр» (2021 г.). Победитель Международного литературного конкурса «9-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии – 2020». Победитель Международного литературного конкурса «Кубок Мира по русской поэзии – 2020». Бронзовый призёр Международного литературного конкурса «10-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии – 2021».

не помню

был карандаш. ещё тетрадь была
в забытом доме на краю села,
где опускались облака на крышу,
а я писал про дом и облака,
и возвращалась на круги строка,
и выходил из круга шишел-мышел.

была ноль пять из местного сельпо,
ещё трещал будильник ночью, по
которому я выходил на воздух.
там ветер целил мне в лицо и грудь,
и на ладонь садился отдохнуть,
и исчезал в непостижимых звёздах.

была кровать и шаткий табурет,
по мостовой шагал парад планет,
ведро гремело, вечность грохотала,
но стоило привстать из-за стола –

незавершённость сущего и мгла
терялись в разветвлениях фрактала.

бренчал амбивалентный карнавал,
под этот звон я напрочь забывал,
что надо забежать ещё в сельпо мне.
гудели так тревожно провода...
была ли рядом женщина тогда –
не помню.

жи ши

мои жи ши круче других жи ши,
они сбегут в шумные камыши,
всего часок листьями пошурши,
а там – котовский.

но как ни злись, шашкой былёе круша,
а только я помню, моя душа,
о том, что ты ангельски хороша,
почти чертовски.

ты снишься мне, этакому хлыщу,
живёшь тайком в чашках моих чу шу,
и я о том чаще всего грущу
чернильным соком,

что столько лет криво бредут дела,
с тех пор как ты, радостна и мила,
тогда в мою глупую жизнь вошла
и вышла боком.

скрипела дверь

скрипела дверь, и ты, душа моя,
тихонько появлялась у порога,
оглядывала пустоту жилья,
свыкаясь с полумраком понемногу.
я ждал тебя, как прежде, по средам,
я ждал тебя, как ждал тогда адам
вторую производную от бога.

скрипела дверь, и ты входила в дом,
на страже тишины часы стояли,
я поднимался на ноги с трудом,
укутывался плотно в одеяло,
потом садился на увечный стул,
как будто пустоту собой заткнул,
но получалось у меня едва ли.

скрипела дверь в убогую нору,
ты в контражуре медлила в проёме,
а мне в сорокаградусном жару
привиделось в туманной полудрёме –
наш город был совсем опустошён,
а пятый македонский легион
вставал во всеоружии на стрёме.

скрипела дверь, а тени на стене
под звон небесных сфер кружились в вальсе,
корабль летел на бредущем к волне,
меняя ставки, имена и галсы,
и сон о том, что комнаты пусты,
мой сон о том, что существуешь ты,
сбивался.

живут

дорогая, тянет туман с низины,
потому и письма пропахли тиной,
и не слышен гул поездов вдали.
а у нас с тобой ничего не будет,
потому что все мы – цепные люди,
даже если суки и кобели.

мы во сне – бессмертные люди-птицы,
перелётны, сказочны, клюволицы,
рождены и брошены в небосвод.
за окном кричит козодой, с болота
в унисон ему подвывает кто-то –
причитает выпь и мурлычет чёрт.

в палестинах наших бесцветно, сыро,
комары к утру проедают дыры,
не спасают дэта и дихлофос.
вспоминаю, как ты тогда витала
в облаках на зависть месье шагалу –
бесшабашно, весело, не всерьёз.

дорогая, мы же с тобой могли бы...
сквозь окно в туман уплывают рыбы,
проникают в илистый абсолют.
я и сам усами чешу чешуйки,
и бросаю письма в огонь буржуйки,
но они живут.

бетельгейзе

человек к человеку пришёл говорит открой
я уже не могу ночевать на земле сырой
я продрался сквозь сумрачный лес и гнилую гать
я полжизни в бегах я устал ото всех бежать
догоняют враги не откроешь и мне каюк
человек человека послушал и дверь на крюк
у него сыновья и жена и белья бадья
у него именины и правда всегда своя

*

человек удивляется снится такая чушь
в подошедший трамвай забирается неуклюж
и садится и молча глядит в ледяную тьму
и гадает гадает к чему этот сон к чему
почему что осталось внутри то сидит внутри
а из слабой груди на полметра торчат штыри
почему за окном и на сердце полярный лёд
и трамвай альтаир бетельгейзе в депо идёт

АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН

Родился в Казани 27 июня 1961 года, Учился в Казанском государственном университете на филологическом факультете 1985-1990 гг. Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького 1991-1993 гг. Активно публиковался с 1978 года в советских и, позднее, российских журналах и

газетах. Выпустил десять книг стихотворений, с 1989-го по 2021-ый год, в издательствах Харькова, Киева, Петербурга, Москвы, Оренбурга и Казани. Получил несколько литературных премий. Живёт и работает в Казани.

Бескозырка белая

Облака превратились в извёстку,
ветер к скользкому трапу приник,
воротник у матроса в полоску,
и торчит борода, как плавник,

не какой-нибудь хлюпик продажный,
обкурившийся едкой травой,
капитана спасал не однажды,
был о палубу бит головой,

пропистонился айсбергов между,
прожужжал Гималаями над,
проиграл в городки Стоунхенджу -
потому что Ангкор-Виноват,

бескозырку профукав, на нет и
нет суда, уберёг на потом
профиль Ленина - праверс монеты,
где на леверсе - молот с серпом,

хоть убей, говорит, не отдам их,
хоть тельняшку на тряпки распни,

динозавры моих метаданных
за империю лягут костями -

а пока, с гулькин кончик - за тридцать,
с оборзевшим народом един,
продолжает учиться, учиться
выживать до глубоких седин.

Железная дорога

То прибит, то отпр - не пойму,
ноздри режет запах креозота,
с расписания под хохлому
от мороза сходит позолота,

на перроне вотчина мента,
и курить бросаешь мимо урны,
спрятавшись за паром изо рта,
весь такой прямой и физкультурный,

чалится в режиме ноу фрост -
поезд и болезнь его кессонна,
пешеходный вздрагивает мост
трубкой от глухого телефона,

как библиотечная печать,
солнце на семнадцатой странице,
надоело в тряпочку молчать,
только невозможно дозвониться

никому, особенно друзьям -
оторвался, выпендрился там бы,
по ступенькам пятками скользя,
проникаешь в лязгающий тамбур,

застилая полку, перед тем
разойтись с попутчиком не медли,т
зацепив бутылки полотен
цем что рассыпаются, как кегли,

помощью своей не мельтеши -
после здрасьте-здрасьте и портвейна
подпевай и смейся от души
в тесноте пропуканной, купейной.

На лыжах

В лесу под каждым деревом пассат
поэзии зажат муссоном прозы,
и лыжнику прицелился под зад
копытом зебры старый пень берёзы,

неопалима вырезка рябин,
в сугробе - теремок из рукавицы,
собравшись с духом, лезешь на трамплин,
к восторгу очарованной девицы,

обломки заметёт еловый клёш,
подружку назовёшь, допустим, Дашей,
когда черты случайные сотрёшь
и руку на прощание подашь ей,

сосновый, будто спрыгнул с верстака,
глотай, как устриц, дольки мандарина,
Наталка хороша для гопака,
для яхты с прибамбасами - Марина,

закоченевших в радости мороз
сухим мартини потчует на солнце,
но понимаешь ты, как ни елочь,
юлит и притормаживает социум,

подозреваю, вклеившись в лыжню,
пока в смешных сомнениях советских
слезами эти строки увлажню,
напишет о любви другой самец стих.

Геометрия утра

Нам, дорогая, как ни упрощайся,
под бульканье скворца и скрип стропил,

гадать, в неопалимых блёстках счастья,
какой дурак посуду перебил,

парад планет предутренный отринул,
когда влетел, проекции опричь,
в заплёванную звёздами витрину
необожжённой юности кирпич,

глотком нарзана кислого залатан,
я наблюдать с погрешностью готов,
как перегрызлась полночи постфатум
с цепи сорвавшись, свора облаков,

как свет крошечной истины изломан
и в будущем страдает от препон -
без запятой сначала было слово,
но под язык ужалил скорпион,

теперь с макулатурой стало туго,
визгливый мир купается в стыде
и под прямым углом скользит по кругу,
а я вот, по касательной - к тебе,

нас никуда не выведет кривая,
пока, за правдой образа следя,
кино документальное снимаем -
всё, до последней ниточки с себя.

Поза жизни

Январь - театр теней, из кривотолков свит,
с кислинкой спиртовой сценическая накипь,
как ни витиеват художественный свист -
в антракте всё равно подашься в Бержераки,

избит сюжет, а ты безжалостный мастак,
душой переболел за каждого актёра,
от напряжения подрагивая, как
последний чемодан на ленте транспортёра,

сотрудниками закулисья окружён,
которым не впервой бросать горох об стенку,
твой главный персонаж не лезет на рожон,
пока последний ряд танцует летку-енку,

седлает бельэтаж повышенная знать,
в гримёрке - коньячок, в сортире - коноплю вам,
воронам свежий снег крестами вышивать,
и зрителям-телям у кассы щёлкать клювом,

бордовых кресел плюш и праздничная снедь,
а хер ли Тюильри и гадина Гайдн парка,
когда не мне от рёва блендера бледнеть,
вникая в кутерьму, какую сам накаркал,

за правду в гардероб надежду выдаём,
в пустые номерки, как пальчики, продеты,
картонный самовар, фальшивый чай вдвоём,
полцарства за коня и лишние билеты.

Порожняк

Округу клинит журавлиное «курлы»,
молотит ливень с новой силой тока,
не зарекайся от самсы и от хурмы,
гюрзы и прочих прелестей востока,

переживая сколько золота навыл,
луной по горло сыт в болотной ряске,
не зарекайся на газоне от травы
в краю, где даже клён американский,

друзья на счётах недорода и беды
налоги причесав по «упрощёнке»,
вдруг по планете разбежались, как следы
от утюга на выцветшей плащёвке,

чем ослепительней надежда, тем темней
фрустрация вернувшихся оттуда,

но перед каждым перекрестием теней,
надеешься на чудо, как Иуда,

всем раздолбаям замечательный пример -
карманы посчастливилось ворюге
набить продуктами распада СССР
под Меркьюри, под ником Фредди Крюгер,

под Окуджаву, Пугачёву, Битлз, под
Малинина и Окуджаву ту же,
чтоб продолжал сорокоградусный народ
поклоны пить, как голуби из лужи,

а тем, кто обошёл вниманьем эту сеть,
объедками с опивками пируя -
вышагивать след в след и родину терпеть,
слабеющую после поцелуя.

ЛЮДМИЛА ПРАСАД

Родилась в Тюмени. Закончила факультет романо-германской филологии в Тюменском государственном университете по специальности английский язык и литература. С 4го курса отправили учиться в канадский колледж на несколько месяцев: одной из первых двух студентов ТГУ (благодаря перестройке). Недолго жила и училась в аспирантуре (прикладная лингвистика) в Ленинграде/Петербурге. Аспирантуру не закончила: уехала в Германию. Оттуда в 1994 году приехала в Канберру. Преподаю академический английский. Стихи пишу на русском и на английском.

подсолнух

ранним предмартовским утром не вышло
солнце оставив весь мир без рассвета
птахи взлетали всё выше и выше
к солнцу дорогу пытаясь разведать

двигались птицам навстречу колонны
туч с грозовым оглушающим грузом
вздрагнуло небо и стало холодным
молниеносно мелеющим руслом

птахи глядели растерянно сверху
не узнавая расколотой громом
тверди земной оказавшейся ветхим
не защищённым от грома покровом

в поисках солнца бесменно бессонно
птахи всё выше и выше взлетали
к небу упрямо тянулся подсолнух
взорванный мир лепестками латая

а зори здесь когда-то были тихими...

А зори здесь когда-то были тихими,
Часы на привокзальной башне тикали,

Сменялись в небе облачные стикеры,
И у берёз был ветер в голове.
Махали окна пёстренькими шторами
Забавным шатким малышам, с которыми
Легко общались воробьи задорные,
И нежились стрекозы на траве.

И те, кто тишину в момент рассорили
С горящими тогда без дыма зорями,
Расчерчивают тёмными узорами
Небесный атлас, отводя глаза
От маленьких, растерянных, беспомощных,
В безудержном водовороте тонущих,
Мечтающих о мире - и о том ещё,
Чтоб грелась на травинке стрекоза.

в городе вдов

в городе вдов зацветает черешня
новой весны невесомый венец
вдовы из дома выходят всё реже
издавна не доверяя весне

вдовы столетьями сушат фиалки
между страничками ветхих томов
ждут непутёвые их зодиак
знака над крышами вдовьих домов

штопают вдовы ночами рубашки
те на которых уже для стежка
места не сыщешь

глашатай на башне
пёрышком весточки исподтишка
правит для вдов добавляя щепотку
сахарной пудры к горчащим словам

в чашках заварится вечный шиповник
глухо две нотки обронит сова

пальцы привычно сплетутся: кого же
выберет небо в свои протезы

ложечки звоном своим не тревожат
в треснувших блюдах черешневый джем

куда ни свернёшь

небо куда ни свернёшь, а словно под стражей
как я устал от этих бессмертных скитаний
я не смотрю на мир подо мной: он страшен
как бесконечно идущий ко дну Титаник

есть в рюкзаке запасные крылья и компас
небу нельзя доверять, не сбиться с пути бы
флейта перечит пальцам - одни синкопы
гимны совсем забросил, забыл мотивы

есть пузырёк с эликсиром от вечной скорби
всем не поможешь, какой из меня хранитель?
там, где отчаянье цепко пускает корни
если меня заметили - прочь гоните

скольким я жизнь не спас, и свою разрушил
я бы за них без минуты раздумья — в Лету
тянет рюкзак, бесполезным старьём нагружен
ангел из рук выпускает немую флейту

у светофора

переходить дорогу лучше парами
желательно не с мамами и папами
а с кем-то кто гораздо их моложе
и жизнь за вас при случае положит

переходите лучше по зелёному
и даже в пункте пустонаселённом - у
светофора терпеливо ждите:
вдруг (не буквально) тормознёт водитель

ещё совет - держитесь лучше за руки
как два кусочка склеенной мозаики
как на прогулке маленькие дети
а если скользко - валенки наденьте

а главное - не пренебречь старушками
чьи правила движения нарушены
их шатким возрастом - под локоточек
доставьте их по назначению точно

переходите на другие стороны
и в одиночку если вы оторваны
от ваших пар, от пап, от мам... отважно
шагайте - пусть дорога будет ваша

а там и вас (надейтесь, что не скоро)
под локоток возьмут у светофора

янтарь

Лидка-улитка смешливо-лучиста
мельком увидишь - проходит хандра
небо июньское чисто-пречисто
сессию сдать - и гулять до утра

веером юбка, янтарная брошка
тоненький пояс и туфельки в тон
Лидка-улитка идёт по дорожке
вверх подбородок как будто никто

ей не указ - выпускница, не шутка
взрослая жизнь - фантастичный сюжет
парочки бродят по улицам шумным
вот бы и ей поскорее уже

с кем-то улыбочиво-неотразимым
свой создавать потихоньку уют
тёплый-претёплый в сибирские зимы
там где подковы на счастье куют

вдруг перестала стучать наковальня
пылью покрылась гора серебра
взрослая жизнь оказалась коварной
мачехой в сказке без крошки добра

Лидка-улитка на кухне присядет
чай заварить бы - да трудно вставать
непостижимо - девятый десяток
дважды вдова

прошлое в старых альбомах тускнеет
к вечеру неба заснежен алтарь
градусник мёрзнет на тёмном окне и
теплится в старенькой брошке янтарь

нараспашку

Год - девяносто какой-то. Внезапная взрослость.
Всё нараспашку, насквозь, без оглядки, без сна.
Двадцать один - и свобода, и можно без спроса.
Небо бросало пригоршнями вьюжное просо
Птицам на Лиговке,
Мёрзла под аркой весна.

Дима оттачивал сальто-мортале на кухне.
Алик тащил танцевать, признавался в любви.
Рядом вповалку - Серёжины Хармс и Акунин.
В Питере, в полном расцвете -
мальш, не реви.

Пир - гогошары из Бельц и бердянское сало.
Чаще - картошка, батон, нескончаемый чай,
Сладкий как мысль, что уже никого не касалось,
Кто оставался тайком у тебя по ночам.

Вика дрожала в коротеньком вязаном платье,
Книжки давно не надеясь продать у метро.
Мокрые лапы грифонов ладошками гладь и
Молча смирайся с немилостью невских ветров.

Питер вселился в тебя как безудержный табор.
Время придёт - заберёшь его только таким.
Вечный моторчик над крышами двори́ков старых:
Дело житейское - слышишь, малыш?
Пустяки.

философия

Кричайки бродят по шагальке
Под моря непрерывный шлёп.
Маяк в открытую шпаргалки
Заблудшим кашалодкам шлёт.

В заплыв уходит парусалка
С дельфином наперегонки.
Вконец испортив круосанку,
Морские точатся коньки.

Под грудой ярких побракушек
Пицат песчинки вразной,
И шустриц наскоро откушав,
Тюлень любит себя собой.

Не рвётся нить клубоководья,
Где Морестотель и Планктон
Всё философию разводят,
А их не слушает никто.

.

АНАСТАСИЯ ЛИЕНЕ ПРИЕДНИЕЦЕ

Родилась в Юрмале, живёт в Саулкрасты. Закончила Рижскую 80-ю школу. По образованию химик и специалист по охране труда, дважды магистр естественных наук. Работает переводчиком юридических текстов. Стихи пишет с детства. Самое большое достижение — кот Жратор.

Мир уходящий

1.

и ельник захихает — чернобров.
и влажный запах: мха, грибницы, дров.
и жизнь пройдёт — и от тебя оставит
ничем не омрачённую любовь.

и позабудут звёзды и моря
пролески прах — и пепел янтаря,
и то, чем люди были — и не стали,
когда дороги морщились, горя.

но это будет, а пока, пока —
смотри, как спят ресницы и рука.
высокий ветер в ставнях ищет щели,
чадит свеча — бескровна и робка.

и вот когда — и мор, и глад, и бой,
и чёрный лёд ползёт по мостовой, —
закрой глаза.
они уже узрели
мир, уходящий сквозь тебя.
с тобой.

2.

и роща, замерзая на корню,
звонит листвою; скажи, как совместить
два этих леса: будущий и прошлый?

и что я — и когда я — сохраню,
где рвутся крики сумеречных птиц,
где мечутся метели заполошно?

кто после всё расскажет — и кому —
что к горлу розы подступает лёд:
вот так: непримиримо, непокорно, —
и берег мой спускается во тьму?
— о, где теперь, бездумная, поёт
камена: в бархатном, и бронзовом, и чёрном?

И вот теперь не смей! — никогда не смей говорить со мною,
не представляйся собой, я тебя не знаю.
Как эти долгие рельсы тебя ко мне приводили,
как я молился словами твоими, — ничьё, не твоё дело.

Пусть всё, что будет, — по твоему неверию будет.
Как вечерела над нами — тень огромного дуба,
длинная белая лестница — с плоской волной смыкалась.
Не говори, что это — тоже твой голос.

Я ненавижу тех, за кем — обо мне поёшь ты,
я презираю знаки общности на одежде.
Как туман оседал на плащах, боках заржавелой лодки,
ландыши сад обступали: али тебе не сладко?

И вот теперь люби! — военные гимны, дымные ночи.
С тобой всё случится, когда я тебя оплачу.
Как по уграм разгорались окна маленького костёла.
Как ты была со мною — в беде и болезни, в здравии — не хотела.

Что просить у апреля? — вот он: портовый, пришлый,
весь в янтарных бликах, чайках, бензинной вони.
Я хочу, чтобы ты умерла, — далеко в прошлом.
Чтобы я любил тебя: лицо с фотографии довоенной.
Значит: жил — как жил, в речной твоей колыбельной,

рос — как рос, под длинной, крепкой сосновой веткой.
Чтобы больно потом — о, пусть бы мне было больно! —
но не гадко.

Ответь когда-нибудь: что толку — в лелеемой душевной рези?
Ответь, от поиска виновных — кому становится легко?
Но ты молчишь, ты всё считаешь — как много, много в мире грязи.
И нет Создателя на небе, — лишь голубые облака.

Уймись, никто с тебя не спросит, что ты рождён сюда поэтом
И как ты видел, сколько видел — добро бы столько рассказал,
А умираешь почему-то — национальным патриотом,
И это как бы намекает — что под землёю нету зла.

А мне, а я? — тебя запомнить? — считай: душонка пронеслась.
Тебя любить? — когда ты хочешь, чтоб я, да, я — тебя убил?
О, нет Создателя на небе: здесь я — добро и справедливость.
Как ты — осознанность и зрелость, как лес не гол и снег не бел.

Уймись, уймись. Никто не скажет: в тебе — продышано — окошко.
Чего ты хочешь — то и скажут, а ты их слушай, дорогой.
Никто не вспомнит, проверяя: верней — твоя? моя бумажка? —
Что нет Создателя на небе: друг или враг, я всё же твой.

Ты думал, я просто была зависима,
была беспомощна.
А я, оказалось, — тебя действительно,
как мало кто ещё, —
и есть ли на свете вина тяжелей
моей правоты?
Я хочу, чтобы сердце твоё — в тепле.
Чтобы мой пустырь
золотым мелилотом зарос, как встарь!
Голова разумна — или дурна?
И есть ли на свете верней правота,
чем твоя вина?
Потому что по жилам сосен бежит тепло,

глядят волны бока валунов покатых,
не считая, чьё время любить — истекло,
не деля на правых и виноватых.

...А я тебя — словно родину. Словно Латвию,
куда ты теперь — ни ногою...
Не достанет сил — спросить, как дела твои,
и нет мне покоя.

Ветер забытой зимней весны.
Мёрзлая каменная гряда.
Нет никого — с твоей стороны.
Может, и не было никогда.

Я и холмы — и дюны — и лёд.
Это моя сторона, моя.
Верба растёт, о, верба растёт.
Ты ли — на месте её стоял?

Ты ли собою — врал, врал
в крупный песок мой, в солнце моё?
Видел, как эта вода проста,
верил, что прочно — наше жильё?

Выйдешь ли, вынесешь на свет — ложь:
скажешь ли: вот ты где, рысья сыть?
Если теперь ты меня убьёшь —
некому будет тебя простить.

душа моя, как я стар, я застал времена эти,
когда поезда ходили в город на Венте,
где грозы бежали навстречу — и цветы луговые
я знал их по именам, а видел впервые

душа моя, эту осоку, что дюны ранит,
блуждающие огонёчки лесной герани;

эти снега и костры, мосты и запруды,
этот вокзал я хотел рассказать, но уже не буду

ибо, душа моя, — что по дороге к чужому дому
мне говорили окопы, ржавая туша бомбы,
траур больших валунов, раскаянье чаячьей стаи? —
здесь тебя не бывает
или меня не бывает

длинный лес песчаной косы — и туман над большой водой.
стой же об руку с тишиной — по колено в сухой траве.
пусть напомнит тебе опять этот берег необжитой —
стало: угли, обломки, пыль — то, что было: твой летний свет.

только голос тебя манит, безответный, — на глубину.
чей? — мелькает в тумане тень, слишком быстрая тень крыла.
вспоминай, вспоминай других: кто послушал — и утонул;
лодка друга лежит на дне — сплошь ракушками поросла.

но оплавит стёкла волна, соль морская разъест металл —
и сотрётся память песка о любом, кто навек уплыл.
кто тоскует на берегу, кто парит из последних сил?
кто бы ни был — закрой глаза и поверь, что слишком устал.

О, что за волны, друг мой, что за лес, —
и что за валуны, и что за небо!
И, может, мы однажды жили здесь,
когда мой город назывался Нейбад.
И был другим — латышский мой язык,
и был другим — немецкий мой язык,
и русский твой — меня — не числил в нерусях.
Tā, kuru esmu mīlējis, ir mirusi.¹

О, что за соль, о брат мой, что за йод:
и жгут — равно, и жалости — ни грамма.

¹Та, кого я любил, умерла (латышск.)

Меня от моря за руку ведёт
скептическая пожилая дама —
не смерть и не любовь: моя соседка.
И как ладонь суха, и как тепла, —
и листья, догорая, пахнут едко.
И та, кого любил я, умерла.

Я знаю всё: что память — только схрон
и злу о прошлом — не хватает места.
Что дружественный — наш с тобой — огонь —
совсем не то, что этот свет небесный.
От листьев и бумаг — равно — зола,
и вновь ноябрь — и красота распада, —
и та, кого любил я, умерла:
как маленький фонтан и старая эстрада.

Здесь не было фонтана говорит
Здесь летом на эстраде фонари
И приезжают группы из столицы
Здесь хорошо на Лиго веселиться, —
и смотрит, еле сдерживая крик, —
и говорит тогда: о боже мой,
пойдём домой, скорей пойдём домой!

Здесь будут теплоход и самолёт, —
и за руку опять меня ведёт, —
здесь купят землю и снесут руины,
всё будет навсегда, непоправимо,
от леса не оставят ни ствола, —
но будет легче, будет легче всяко.

И та, кого любил я, умерла, —
и я теперь могу её оплакать.

СЕРГЕЙ СЛЕПУХИН

г. Екатеринбург

Поэт и художник. Автор нескольких книг стихов. Публиковался в журналах «Звезда», «Знамя», «Арион» и многих других. Редактор литературного альманаха «Белый ворон», удостоенного 1-й премии в международном конкурсе «Лучшая книга года», Берлин 2012.

ЗАТЯНУВШИЙСЯ КАРАНТИН

Снег уполз умирать в углы,
зачерствела его душа,
он теперь не белей золы,
а чернее карандаша.

Налегке, без поклажи, пеш,
вон отсюда и – был таков,
затерялся чертою меж
гнутых улиц, мостов оков.

В телах облаков из прорех голоса –
настой молока и крови,
гнусавая флейта протяжно поёт
о детской картавой любви.

Снег сыпется круглый и плотный, как страх,
на плоских домов черноту,
он тёмную близость опасно сулит
и лепит, как смерть, на лету.

Взбегать, спотыкаясь, бросая слова
беспомощным дёрганым ртом,

крик бабочки слёзно взывает к любви,
но ангел ушёл на обед.

Кому эта песня, скачки, антраша,
И этот невызревший свет?
И что там вверху, за подкладкой небес,
Никак не решится упасть?

Как пламя по запальному шнуру,
пришла беда, помеченная чёрным,
всё в крошечную сузилось дыру,
а было – и свободным, и просторным.

Там, в небесах, творится чёрт-те что,
в завесу плотную надолго солнце село.
И за окном не шелестит авто,
и воробей щебечет оробело...

Зверь в клетке, спёртый воздух, зеркала.
С самим собой – что может быть ужасней?
В напрасном бормотанье «как дела?»
ты с каждым днём становишься опасней.

Бессилие ума... Один, один!..
Свет волчьих глаз и никакого жара!
В непобедимом слове «карантин» –
печальное выхватываешь: «кара».

Он умер в первый год ковида,
хороший парень, не дурак,
его свезли на дно Аида
в чумной пустующий барак.

Ловчила, шарлатан – двадцатый –
не карантин, а карнавал!
Как бандюганы и пираты,
мы в масках ринулись на бал.

Всё это фейк, одна халтура!
Нас – смерть не тронет и пройдет!
Под лампочкой без абажура
не разглядели у ворот...

Неумолимо приближаясь,
сквозь запах гари и судьбы,
пришла, блаженно улыбаясь,
круша заборы и столбы.

У касс вокзальных протянула
в нечистой тёмной толчее
этапников без караула,
и объявила: Время «Ч».

Ах, кухонные диатрибы,
тоска тревоги, сплетен вязь!
Не на Майями и Антибы –
мы в смерть отправились, крестясь.

В намоленном пространстве, с краю,
в мрак клали всех заподлицо...
Но почему не забываю
его ожившее лицо?!

ЛЮДИ НА ХОЛМЕ

В пустом и чёрном звездном кинозале
кресты, кресты – пейзаж не для меня.
Нет у холма вершины, мне сказали,
но есть предел, и он влечёт, маня.

Кричали люди в вышине истошно
и солнце пятилось, аэростат парил.
Я шёл наверх (спускался вниз, возможно) –
с ножом в руках архангел Гавриил.

На двадцать пятом этаже
я к людям вышел в неглиже.

Раздето сердце, лысы нервы,
душа, к чертям, оголена.
Ну что смотрите, суки, стервы?
Суть не продажна! Как жена!

Как-то раз в начале мая
спал в трамвае гражданин,
маской рот не закрывая,
нарушая карантин.

Шел трамвай десятый номер,
но внезапно побежал,
пассажир нечаянно помер
и в беспамятстве лежал.

Неопрятный, нетоварный
он имел, к несчастью, вид:
поразил его коварный
девятнадцатый covid.

Длинный лимузин набит тузами,
едет свадьба, выпендрон большой,
гражданин с печальными глазами
убывает девственной душой.

Личико его одутловато,
длинные дремучи волоса,
а над головой плывут куда-то
гелием надуты небеса.

Мы пляшем, Пегги, модный Totentanz,
гремят литавры, набухают трубы,
танцуют Гильденстерн и Розенкранц,
синюют ногти, багровеют губы.

Танцуют все! – король, солдат, купец,
шейх, кардинал, продюсер, стриптизёрка,
в присядке стар и млад, нам всем шиздец,
за каждым смерть присматривает зорко.

Курносая смеётся, за бока
хватается, трясётся, бьёт по ляжкам,
косой размахивает, пляшет гопака –
шпагат в прыжке, присядка и растяжка.

Вверх задницы, отбросьте ложный срам,
на «раз-два-три» – все хоровод лепите!
В заразный пляс, бесстыдство, тарарам,
исчезните в невидимом ковиде!

«Caramba» ли, «Macabra» – всё равно!..
Рефреном – гогот, буйство, пляска смерти,
мы заживо погребены давно
в пластмассовом запаянном конверте.

Мраморные берега станции метро,
браслеты света в чёрном рукаве,
сочит под шпалами шалая вода,
ближе к свету – воробьи и крысы.

Кувалды сбивают накладки с рельсов.
Вырубленные в бетоне могилы зернисты.
Для свежих шпал, новоявленных трупов?
Играет шпала? Своё отыграла?

Прячется ночь желтками яичными,
в голом тоннеле вентиляционные шахты
гонят стужу в метро, в холодных струнах –
долгота, числимая приблизительно к смерти.

АНАСТАСИЯ СОЙФЕР

Из Одессы; филолог; преподавала литературу и эстетику. Стихи писала с ранней юности, печаталась в периодике, но, в основном, писала "в стол". С 1979-го жила в Канаде. Первые годы писала, переводила и редактировала для единственной тогда в стране русскоязычной газеты. Получив новую специальность, 30 лет проработала в области информационных технологий. После долгих лет молчания

вернулись стихи. Финалист и призёр нескольких международных поэтических конкурсов; автор поэтического сборника "Чернобеловики". Последние публикации – в газете "Интеллигент", в поэтическом интернет-альманахе "45-я параллель", журналах "Крещатик", "Новый Свет", "Австралийская Мозаика", "Эмигрантская Лира", альманахе "Витражи" и др. В 2016-м переехала в Австралию к сыну и внукам – вот и ещё одна страна на карте моей жизни!

Ребёнок, который воскликнул: "Голый король!" –
что случилось с ним после? какую ему причинили боль?

Источники немые, и сказка стыдливо молчит...

В арсенале, как водится, пытки, бичи, мечи,
железные маски, кассетные бомбы,

и много других затей...

Этот мальчик не вырос, и он не родил детей.

Мир – потомки смолчавших. На всём пространстве Земли

правят бал и ведут парады голые короли,

бряцают оружием, ложь и кровь из ушей –

но так нам и нужно, всё, всё в порядке вещей:

не прервут их ни возглас, ни выстрел, ни смех, ни суд –

мы осклабясь глядим на их мерзкую плоть и суть...

Здесь

Век 21-й? Время оно?

Блеск беспощаден; синева;

природы выжженное лоно.

Впилась в языческие склоны

жестоковьяная трава.
Внизу гончарным кругом скал
песок заверчен, и прибоя
удары, в сладостном разбое
беснующегося... Тоска,
простор. Безлюдно, как в раю.
Мир лаконичен – камни, пена.
Так эту землю не свою
я постигаю постепенно.
Моя последняя страна
странна... Мучительно, не скоро,
но в сердце прорастают споры
её и чары. И, до дна
продута океанским ветром,
душа молчит, она легка,
и прошлое – издалека –
уже не требует ответов...
И лучше места не найти,
где бы как рыба или птица
в бессмертной соли раствориться
в конце пути.

Речка

Парки, улицы, дороги – долгод счёт,
а под ними речка пленная течёт.
Под землёй она, закована в бетон –
молоко стрекозье заперто в бидон!
Видит небо только в считанных местах,
как на часовой прогулке арестант...
Но и здесь, под небом – так она жалка,
между каменными стенами в тисках,
в ней коряги, ветки, мусор городской –
кто-то и не назовёт её рекой...
Путь и мой теперь недолог-недалёк:
мимо речки той пролёт, из всех дорог.
И пристрастно вижу, не издалека,
что жива, упряма, трудится река!
Пусть мелка – не погрузить в неё весло –
но блестит вода расплавленным стеклом.

Вправо, влево все помехи разметав,
быстрина бурлит, бравурна и чиста,
и русалочья кольшется трава
на камнях на дне, на крохах-островах,
а невзрачный палисадник с двух сторон
в лес загадочный рекой преображён.
Сквозь гудки, вороний грай и нелады
неумолчно пианиссимо воды!
...Знак о зоне наводнения гласит –
может, есть ещё надежда, хватит сил,
если ливни благодатные падут,
хоть на время речке вырваться из пут!
Вдруг и жизнь моя, иссушена бедой,
на прощанье прошумит живой водой?

Я возвращаюсь в дом глухонемой,
не мой, ничей – случайно обитаем,
приют вещей, коими обрастаем,
как сваи – тины бурюю каймой.

Свет не включаю – ответ из окна
мне позволяет различать предметы:
ночь городская бдит и не темна,
и делится вторичным, скудным светом.

Тогда меня не видят зеркала,
и не притянут взгляд, и не припомнят
шум, смех, движенье смолкших этих комнат,
свет жизни, что была здесь, да сплыла,

пошла ко дну... Не страж её, не жрец –
я лишь матрос, который чудом выплыл,
в живых остался, но из списков выбыл,
и в стенах обезлюдевших жилец –

забытый, как дырявый мяч в траве,
в морской песок упавшая монета...

Не всё равно ли где – ведь нужно где-то
усталой преклониться голове...

Средний класс

Закрываем глаза и, как в детстве, всё кажется: мы
под столом, невидимки в укрытыи густой бахромы...
Так по спальным предместьям живём, к ним себя пригвоздив,
шторы-веки сомкнув от лучей путеводной звезды.
Бег насущного хлеба, подённый, неизбранный труд.
Как вдоль лодки на якоре, мимо события плывут,
чуть качая. Отчаянье – роскошь, оно не про нас:
мы – налоги платящий народ, мы почти средний класс.
Говорим: "Слава Богу, всё катится без перемен."
Счастья нет? – ну так что ж, ты его и вчера не имел...
Сносно платят за доблесть терпеть и не лезть на рожон,
за – безропот, за опыт забыть, для чего был рождён.
...Ты очнёшься порою осеннею, за шестьдесят,
с удивленьем поймёшь, что долги на тебе не висят,
и не плачут младенцы – разъехались и не звонят,
и на службе не ждут – там другого успели нанять...
Опрокинется время на темя, гремя пустотой.
Ты рванёшься за жизнью, ты вечности крикнешь: "Постой!"
Как пришелец, несмело шагнёшь в изменившийся мир,
там себя не найдёшь, затеряешься между людьми...
Внутривенно, мгновенно взорвётся в сознание сигнал:
жизнь прошла незнакомкой: не встретил ее – не узнал...

МИХАИЛ СТРЕЛЬЦОВ

г. Красноярск

1973 – 2020

Поэт, прозаик, публицист. Родился в городе Мыски Кемеровской области. Окончил Кемеровский государственный институт искусств и культуры. Являлся председателем Красноярского представительства Союза российских писателей, председателем красноярского отделения «Литературного сообщества писателей России», членом Русского ПЕН-центра и руководителем его регионального отделения. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса», «День и Ночь» (Красноярск), «Север»

(Петрозаводск), «Смена», «Новая Немига» (Минск), «Приокские зори» (Тверь), «Дети Ра» (Москва), «Северная Аврора» (Санкт-Петербург), «Образы жизни» (Сан-Франциско), «Зинзивер» (Санкт-Петербург), «Москва», «Бийский вестник», «Фатурум-Арт» (Москва), «Сибирские Афины» (Томск), «Лёд и пламень» (Москва), «Паровозъ» (Москва), «Новый свет» (Торонто), а также в сборниках и альманахах. Автор книг «Ладонь» (1998), «Окаянная осень» (2003), «Несостояние» (2005), «Балкон» (2008), «Фата» (2011), «Рассказы 2010-2014 гг.» (2015), «Избранная публицистика 2009-2015 гг.» (2016), «Узют-каны»: роман в двух книгах, четырёх частях (2016-2017), «Бурундуков, Мамедов и др.» (2018), «Храм превращается в плацебо» (2018), «Снеголёт-30» (2018), «Узют-каны» (М.: «Руда», 2019), «Туманность карпетов» (М.: «Руда», 2021).

ХОЛОДА

Не вымерли драконы – измельчали!
Ссутулившись, с горбами за плечами
Они входили в смерзшийся троллейбус,
Вжимались в шубы,
грелись,
грелись,
грелись
И раскрывали вогнутые рты,
Пуская пар.
Иероглифом надсадным

Давали знак собратьям по осадкам,
Пуская пар;
Иероглифом убогим
Давали знак собратьям по погоде:
- Я здесь! Я одинок! Печален!
Не вымерли драконы – измельчали...

Я ничего не смыслю в астрологии,
Хоть с астрономом местным водку пью.
Он подарил мне телескоп убогий,
И я открыл вселенную свою.

Запутавшийся в знаках Зодиака,
Он размешал созвездия в вине,
Лез целоваться, хмурился и плакал,
И звезды пересчитывал во сне.

Что мне с него, когда за гранью Солнца
Сверхновая рождается печаль,
И небосвод когда вот-вот взорвется,
И сердце разорвется невзначай?

Когда звезда мне барабанит в крышу,
Когда любовь с печалью заодно,
Спит астроном, забылся и не слышит,
Как я лечу в разбитое окно,

В галактику любви, где нет прощаний,
Где ждет меня ласкающий озноб
Твоих ладоней и твоих желаний,
Где нам совсем не нужен телескоп...

Буквально в несколько секунд
Влюбился в белую корову,
Шла босиком по небосклону,
Ее, наверно, где-то ждут.

Не торопясь, вослед верблюду
Задумчиво шагал куда-то,
Бежала белая собака
И крокодил искал приют.

За ним — курносый носорог
Царапал пузом о деревья.
Куда гурьбой бежали звери,
Я до дождя узнать не смог.

Пастух со взглядом холостым
Вел стадо спешно, без оглядки.
Навстречу резво шла доярка,
Гремя подойником пустым...

Мы мешаем друг другу в разумной системе дивана,
Мы не слышим друг друга, укутавшись в вакуум дела,
Может стоит выпить, затем чтоб меня отругала?
Потому что давно, так давно своих песен не пела.

Иногда поражает потеря способности плакать,
Когда яблоня пахнет разнузданно и неумело.
Мы мешаем друг другу, как кошке мешает собака.
Потому, Боже мой, как давно своих песен не пела!

Если не замечать ожидания Нового года,
На который несется вечернего чая торпеда,
Так и будем мешать скучный телеэфир с непогодой.
Потому что давно для меня своих песен не пела...

История первой любви —
Грустная сказка всего лишь.
О ней разговор заведи —
Возможно, не остановишь.

Лишь повод схватить за грудки
Невинной бумаги листок,

Мечтать, что потомки твои
Поищут судьбу между строк.

Не надо! И в этом вся соль.
Бесмысленный словопад.
Разлука — не смерть и не боль,
А память не вариант.

Как много значит для меня
Твой поцелуй последний, зыбкий!
Попытка крохотной улыбки
Так много значит для меня!

И знаю: нужен я тебе
Такой смущенный и далёкий!
Пора расстаться, вышли сроки,
Пусть даже нужен я тебе.

Пусть даже небо кувырком!
Нам в прятки не играть с судьбою.
Но сердце безутешно ноет
Под небом тем, что кувырком.

Рука в руке. Твоя ладонь
Дрожит, прощается и плачет.
Для нас обоих много значит
Вот так стоять: ладонь в ладонь...

ТРЕЛЬЯЖ

Бывают дни, как сны хорошие
В разгар осеннего тепла,
В которых женщины из прошлого
Встают в пути, как зеркала...
А.Новиков «Рыжей»

Отражение жжёт растравой
Через триптих — старинный трельяж,

Где любовь — Змей Горыныч трехглавый —
Не гнушался количеством краж.

Жарко, томно, кружатся ужимки,
Без желания трюмы раскрыв.
И любви золотистые рыбки
Салютуют корытами вкривь.

Сказка краше крапивных укусов
Волдырями по сердцу прошла.
Нить любви — разноцветные бусы —
От бессилия надорвалась.

И скользили по грудям, коленям,
И по полу катились, как град,
Три любимых стихотворенья,
Отражая меня невпопад.

Когда холодает резко —
Осень цитирует Блока.
Кольшется занавеска
Над форточкой однобоко.

Мы, как всегда, не успели,
Гадаем — а что же с нами?
А где-то воют метели
Запертые в подвале

Меж банок, мешков, картошки,
Готовясь выйти наружу.
А мы подбираем крошки
Былых ощущений и тужим

О том, что могло быть, дескать,
А вышла только морока...
Кольшется занавеска
Как будто цитирует Блока.

АЛЕКСЕЙ ТАРАСОВ

Родился в 1981 г. В настоящее время проживает в г. Москве. По образованию – математик-инженер, по профессии – нефтяник.

Женат, двое детей. Был одним из создателей и соадминистратором (2006-2008 гг.)

литературного сайта «НеоГранка»

(neogranka.com). Написанием стихов занимался в

2006-2008 гг. и с 2020 г. Не печатался в

литературных альманахах, не имеет

литературных наград. В 2021 г. принял участие в

Турнире Поэтов Литклуба (stihi.ru), где дошёл до

полуфинала

Цунами

Дорогая, читаю новости – там тоска.

Мол, вакцина на новые штаммы почти не действует,

Мол, опять у границы стягивают войска,

И вопрос лишь, какое скорее наступит бедствие.

То одно, то другое, а чаще всё в унисон.

И неясно – бояться, ругаться, зайтись от смеха ли?

Дорогая, мне снова снится тот странный сон,

Будто мы на курорте. Буквально вчера приехали.

Вдруг хрипят мегафоны: "Море волнуется раз!"

Этот голос вреднее войны и настырней вируса.

Нам пора бы уйти в бега, поменять окрас,

Затеряться среди купающихся у пирса.

Море томно зевает. Волнение? Болтовня!

Солнце влезло на крышу и вновь у него на мушке мы.

Обнажается дно, и местная ребятня

Сорвалась за добычей – звёздами и ракушками.

Загорелый парнишка для нас раскрывает зонт,

Слышен гул вдалеке, но его заглушает улица...

А цунами лениво облизывает горизонт.
Но никто никуда не бежит. И никто не волнуется.

Белая Собака

Из колодезно-пустого мрака
Приходила Белая Собака.
Уносила в пасти понемногу:
Звезды. Свет. Железную дорогу.
Поезд от перрона уносила,
Говорила тихо, через силу:

"Рванным хрипом ледяного лая
Нынче снег на землю позвала я,
Чтобы в этой очумелой вьюге
Вспоминали люди друг о друге,
Чтоб, до боли вывихнув суставы,
Уходили скорые составы,
Чтоб тянулась медленно неделя
Белого собачьего апреля..."

Забеленный, занесенный пухом,
Я склонялся над собачьим ухом:

"В чаще – волки, в океане – крабы,
В келье – свет, – немного, но хотя бы.
А в моем окне – трамвайный скрежет,
И шаги – то чаще, а то реже.
Музыка до одури по кругу.
Мне бы в спячку, головою к югу,
Напевая блюз-шатун медвежий,
Утонуть меж двух разобережий..."

Звезды. Снег. Железная дорога.
Поезд мчал, и вдаль глядел с тревогой
Из колодезно-пустого мрака
Только я. И Белая Собака.

Пастух ночных овец

Я пастух ночных овец, я бессонный человек,
Их бессмертный командир и бессменный счетовод.
Я размениваю свой не смыкающийся век
И который год гляжу на овечий хоровод -

Как двузубцы их копыт с заусенцами полей
Пляшут клеверный фокстрот на зелёной простыне.
Шепчет сонная трава: "Если можешь - одолей,
А не можешь - обними, чтоб проснуться по весне".

В марте дешевет снег, что поделаешь - не бел.
Лишь руками разведёт неумелый продавец.
Слышишь, слева: "тук-тук-тук"? Это я беру свирель -
Пляшет белою пургой миллион ночных овец.

Животное

Я не верю в романтику.

И когда увидел тебя впервые,
И по сердцу проехался лязгающий воронок,
Дай мне волю – повалил бы тебя и выел,
А не ластился шёлковой таксой у длинных ног.

Я – большой пароход "мужчина-слегка-за-сорок"
И по жизни плыву неприступной стальной стеной.
Но –

расцарапай
обе дюжины
моих переборок,

Чтобы я утонул в нелюбви твоей ледяной.

Я хочу владеть тобой.

Целиком, не наполовину.

Круг за кругом наматывать волосы на кулак.

Чтоб в конце

ты сдавалась
и вверх бы кидала спину,

Словно самый кромешно белый на свете флаг.

Чтоб зрачки притаились под тенью ресниц дремотных,
Чтоб ко всем потаённым дверцам найти ключи.
Приручать твои груди,
 как домашних своих животных.
А потом стать в ответе за тех, кого приручил.

Ты нарисуешь волка
Красным карандашом.
Может, и ненадолго –
Будет всё хорошо.

Карандашей в достатке,
Но у меня – простой.
Девочка в серой шапке,
Не уходи, стой.

Вот пирожки простые,
Вот непростой шираз.
Красные – не остыли –
Искры звериных глаз.

Выпьем, поскольку зябко,
Странный скрепим союз.
Волка зарежет бабка?
Пьесу урежет ТЮЗ?

К чёрту, пойдем по длинной –
Мимо других дорог.
Там, на краю вселенной
Нас поджидает волк.

Солнце укрылось в пасти,
Спит в животе большом...
...На горизонте – счастье
Красным карандашом.

Четвёртый

Первый сказал: «Соглашайся, брат.

Нам нужен четвёртый в бригаду – завтра сдаём объект.»

«Наш напарник в запое,» – дополнил его Второй. –

«Прораб – истинный зверь, и без тебя нам край.»

Третий молча мял папиросу, подолгу смотрел в глаза.

Уголок неба намок – видимо, быть грозе.

Но пока что нет.

Вот они, вышли пораньше – мимо магазинов, помоек и ям.

Трое – в потёртых робах и касках, четвёртый во всем своём.

Пришли. Перекур. Каждый взял инструмент. Первый махнул рукой...

...Под Первым конь – ослепляет, как снег в солнечный день.

Он проходит – и становятся белыми волосы у детей.

Через вой сирен слышен голос: «Иди и смотри».

Но нельзя смотреть – слёзы стали толчёным стеклом.

Каждый вдох булькает, словно смех гиены с разорванным животом.

Небо сочится гноем. Каждый знает, что скоро умрёт.

Но смерти пока что нет.

У Второго конь цвета ржавчины – это гибридный цвет.

За ним – ломаным ямбом хор молодых солдат.

Вены дорог вскрыты бороздами бесполезных траншей.

Смяты ужасом те, кто ещё вчера был готов повторить.

В небе белые точки – это последний, всех-над-всеми-победный салют.

Города станут лунками из оплавленного стекла.

Но смерти пока что нет.

Третий всадник на вороном, высохший, как дон Кихот.

Он курит сырую нефть – и вода превращается в нефть.

Еда в животах превращается в скользких слепых червей.

В первую очередь съедят запасы гречки и мамины маринованные огурцы.

Во вторую очередь съедят инвалидов и голубей.

Смерть доест остальных. Вообще-то, ей уже пора.

Но смерти всё ещё нет.

Вместо Смерти – замена. Он согласился, а теперь уже сам не рад.
Вместо коня у него старый курьерский велосипед.
За спиной зеленый ящик с надписью «Delivery Club».
Он смотрит в планшет, шевелит губами и хмурит лоб.
Он развозит то, что каждый сам выбрал и за что заплатит в конце.
Кому-то пиццу. Кому-то спасение. Но чаще всего заказывают пустоту.
Слышишь? Позвонили в дверь.

Я молча лягу на ее колени
Лохматым псом.
Я стану тих, как ветра дуновенье,
И невесом.

Забывшей нежности скупой обрывок,
В коротком сне.
Она слегка потреплет мой загривок:
"Иди ко мне!"

Не надо сказок про холодных Каев
И верных Герд...

...А за окном, на цыпочках ступая,
Проходит смерть.

ЕЛЕНА УВАРОВА

*Лауреат и финалист литературных конкурсов разных лет: поэтический турнир имени Игоря Царёва «ПТИЦА-2018», «Эмигрантская лира» (2020 г.), «Русский Гофман» (2020 г., 2021 г.), «Пятая стихия» (2020 г., 2021 г.), «Витебский листопад» (2020 г.), «45-й калибр» (2019-2021 г.г.), «Грушинский фестиваль» (2020, 2021 гг.).
Бронзовый призёр Международного литературного конкурса «9-й открытый Чемпионат Балтии» по русской поэзии 2020», бронзовый призёр Международного литературного конкурса «Кубок мира по русской поэзии 2020».*

Свекровь

Старый двор в затерянной станции.

Гладит небеса уставший взгляд
женщины, с которой породниться
выпало мне много лет назад.

Вот она скрутила листик мяты,
и о чём-то мирно тарахтя,
села. И на лавочке дощатой
вытянула ножки, как дитя.

Личико – мочёная грушовка,
лисий нос, в глазах тепло и дым.

Помнится, меня колола ловко
словом, будто гвоздиком стальным.

Зной кружил над крышами уныло,
и пока в кастрюле грелись щи,
сыну между делом говорила:
«Ты, родной, другую поищи».

Сын смущался, я кривила губы
и крутила пальцем у виска,
слыша, как гудят недружелюбно
сонные мушинные войска.

Но остыла прежняя гордыня,
словно каша в глиняной печи.
Между нами стол, тарелка с дыней
прямо со свекровиной бахчи.
Злость ушла и больше не тревожит,
сгнула моя дурная прыть.
Я гляжу на сухонькие ножки
той, с которой нечего делить,
на закат, где небо безмятежно
греется и греет до зимы.
Чувствую, как в душу лезет нежность,
и не отмахнуться, чёрт возьми.

Ростовская слобода

Выйдет месяц из тумана над ростовской слободой,
где лягушки окаянно голосят наперебой.
Справа – злачные широты, слева – сельский магазин.
В нём резиновые боты, пиво, антикомарин.
Прямо – сотка кукурузы, дальше Ленин-часовой
и фонарь лежит на пузе с перебитой головой.
Тьмой колхозной помыкая, свет рубя напополам,
ночь ползёт глухонемая по незапертым дворам.
Поглядишь, как звезды пшёнкой сыплет небо на крыльцо,
тяпнешь рюмку самогонки с молодильным огурцом
и, укутавшись рогожей, будешь спать мертвецким сном,
ни секунды не тревожась, не жалея ни о ком.

Спи, Алёша, в сладкой хмари, мучай храпом слободу.
Спи, куда Змей Тугарин не собрал свою орду.

Под Бугульмой

Закрой глаза. Однажды будет встреча
в каком-нибудь кафе под Бугульмой,
где пресная баранина и гречка
заправлены остывшей тишиной,
где публика до мая разлетелась,
сквозняк и пыль пасутся у двери.
Мы снимем медовухой онемелость,
и всяких пустяков наговорим,

чтоб жизнь глядела весело и пьяно,
и сдержанность была неумогу.
А месяц вынет ножик из кармана,
ломтями накромяет темноту.
Нас вынесет на улицу к воротам,
к мангалу, где дымок нетороплив,
где мы сойдём с ума бесповоротно,
друг друга в этом месте отпустив,
чтоб сутки бредить в местном пансионе,
дразнить судьбу, вытряхивать суму,
любить взахлёб, очнуться, и спросонья
не вспомнить ни себя, ни Бугульму.

В больничной клетке

В больничной клетке ветер дул из окон,
покуда, пеленая солнце в кокон,
январский полдень плыл, не торопясь.
Хромая санитарка из Тамбова
ломала тишину ядрёным словом,
и тряпкой по углам гоняла грязь.
Я думала: «Прорвёмся – выпал повод.
Вот только б не вошёл в палаты холод,
и врач не нашаманил нам беды.
Вот только б не просили больше денег.
А жить начнём, Алёшка, в понедельник,
когда уйдём из пасмурной среды».
Здесь веяло то плесенью, то скукой.
Я шла из гардероба, мыла руки.
Вот мёд, вот сыр, с ним запах костромской.
И выстрелом казался голос рядом:
«Не нужно, мама, стены мерить взглядом.
Не нужно здесь сидеть. Иди домой».
И было горько, было больно снова.
Мне снилась санитарка из Тамбова.
Она смотрела гневно в пустоту.
Я ей кричала вслед: «Пойми, сестрица,
пройдёт и это. Жизнь нам только снится».
...И просыпалась с криками, в поту.

За десять дней до свадьбы

За десять дней до свадьбы он сказал:

«Я не готов».

И крыть мне было нечем.

Рубцом белела в небе полоса –
гудящий лайнер небо изувечил.

Я плакала у старых тополей
во дворике, в субботней дребедени,
где, путаясь в развешенном белье,
расхаживали люди-привиденья.

Какой-то дед – поддатый старый чёрт
сипел: «Не хнычь. Мы тонем там, где мелко.

Беда твоя, как молодость, пройдёт,
пей залпом жизнь... И дай на опохмелку».

Горланила старуха: «Лысый хрен,
не лезь до баб – чужая хата с краё».

Здесь не было годами перемен,
поскольку перемены всех пугают.

И я клялась забить на мужиков,
да ну их на, от них сплошное горе.

Шумели птицы, тени облаков
висели, как циновки, на заборе.

...Я шла домой, глотнув такую муть,
что бил озноб, до жара пробирая.

И так хотелось вечер обогнуть
с безлюдного нехоженого края,
упасть в траву, не думать, не спешить,
смотреть, как в паутине муха бьётся,
ползёт паук и тащат мураши
в чужую даль расколотое солнце.

МИХАИЛ ШЕРБ

Родился в 1972-м, в Одессе, окончил физфак ОГУ, с 1994-го – в Германии, окончил Дортмундский технический университет, работаю программистом, женат, сын. Публикации в журналах «Арион», «Дружба народов», «Крестьянник», «Интерпоэзия», «homo legens», «ШО» и др.

потому что война

Алексею Королеву

Потому что война, и цена нашей жизни - копейки,
Подороже бобов, но дешевле, чем мясо индейки,
Нашей смерти цена - так и вовсе дешевле перловки,
Я умру в коридоре, а не повезёт – так в кладовке.

В коридоре светло и сквозняк, и, пожалуй, почище,
А в кладовке темно, и от химии разной вонища,
Лучше из коридора - да в норы нездешних тоннелей,
Чем в кладовке царапать в агонии пластик панелей.

Я умру в коридоре, неважно, сейчас или скоро,
Потому что война – это темная часть коридора,
Потому что солдатам обещаны райские кущи:
Нежный запах тюльпанов и свет, как от яблонь цветущих.

жить

Потёками по стенам – чьи-то сны,
Пока живём, и странно нам, что живы.
Никто не хочет ядерной войны,
Но любопытно поглазеть на взрывы.

А дрожи нет, у тьмы – огромный стаж,
Любой порез подчеркнут старым шрамом.
Уныние, мой подконвойный страж,
Из глаз бежит безумным мандельштамом.

Что пыли пласт и паутины вязь?
Что ненависти наши и приязни?
В такие дни благословенна грязь:
Используй шанс - в густой земле увязни.

варенье

*"Садок вишневий коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть,
Плугатарі з плугами йдуть,
Співають ідучи дівчата,
А матері вечерять ждуть."*
Т.Г.Шевченко "В казематі"

На рассвете кусты выбегает полить Фома,
По бурьяну струя хлещет прямой наводкой.
Там, где влага упала, расцветает цветок-чума:
В колокольчатой чашечке плещется царская водка.

Сгнили звезды, как вишни, когда горизонт померк.
Скошен стебель под горло, все травы пошли на силос.
Лишь цветок-чума вызревает в ягоду-смерть.
Как же много её теперь для нас уродилось!

Собирать урожай выйдут бабы на край села,
«Вітре буйний», - споют, да прошепчут: «Кохаю, любий!»,
Похоронят надежду, - скорее б она взошла,
И наварят варенья, чтоб мертвым помазать губы.

элегия для Александра Чумакова

Я знаю, в моей Отчизне,
С которой – неразделим,
Свобода ценнее жизни,
И дети - важнее земли.

Открыта в груди калитка,
Покуда сквозь боль и гам
Былинкой летит молитва
К очам Её, к очагам.

Опухли глаза от соли,
В ушах угнездился вой.
Багровый цветёт подсолнух
Над бедной моей страной.

Течёт раскалённое масло,
Взрывается в воздухе жмых,
Но пепел погибших Клаасов
Стучится в сердца живых.

И трепетный свет субботний
Лежит на полях, как снег,
И правит небесная сотня
Течением дольных рек.

Бесконечно бредя сквозь арки,
Потерявшийся насовсем,
Я блуждаю, как ветер Харькова,
В лабиринте ослепших стен.

Сам хозяин своим рыданиям -
Их теперь не услышит никто, -
И от собственного дыханья
Мне уже не бывает тепло.

Встрепенусь на рассвете жаворонком,
Чтобы к вечеру стать совой.

Днём и ночью упорно и жарко я
Дискутирую сам с собой.

Не забраться к Богу под юбку мне:
Завернувшись в спираль, как моллюск,
Сам себя на руках убаюкиваю,
Над собой до утра не сплю.

Подбородок, колени, локти,
Голова, поясница, живот:
Словно я на ломти разломлен, -
Только каждая часть живёт.

Словно заново был раскроен
И разрезан великой бедой.
Ты полей меня мёртвой водою,
Прежде чем поливать живой.

Идёт война? Нет, перед нами стоит война.
Чаша с отравой, выпей её до дна.
Выхлебай залпом – сразу настанет смерть.
Или по капле – на́ год за день стареть.

Видишь, плывёт в пылающих небесах
Дерево-вишня на розовых парусах,
А по-над ней, как белоснежный кит, -
Цел, невредим, - призрак Мрії летит в зенит.

Нынче у всех (людей) к небу задрана голова.
Что Вы сказали, принц? Я говорил слова!
Слово-глагол, слово-союз, предлог.
Так молоко русской речи свернулось во рту в творог.

МАЙЯ-МАРИНА ШЕРЕМЕТЕВА

Поэт, переводчик, эссеист. Родилась в Новосибирске. Автор трех поэтических книг, в том числе «Рентген крыла» (М., 2019), лауреат нескольких международных премий и фестивалей, призер фестиваля «Эмигрантская лира» (2019, 2021). Публикации в журналах «Крещатик», «Интерпоэзия», «Сибирские огни», «Дети РА», «Зинзивер», «Двоеточие» и др. Стихи переведены на английский, польский, армянский и др. Живет в Новосибирске и Санкт-Петербурге.

Имя реки

1.

нареки речку от смерти — Бердь
имя ее затверди
затверди
возьми лодку у Пашки
раскинь небесную твердь
и плыви по небесной Берди в прозрачную дверь
у времени нараспашку

пусть весло лежит а река сама
сама
тебя поворачивает
точит
точит тугую боль
в камень с дырочкой навывлет сквозной
бьёт
пульсирует
обтачивает

будешь плыть по легкой Берди новой бердчаночкой
по Оби
от обид
в кружевном её правом

рукавчике
прошивать гладь лодкой-иглой
облака раздвигать присбирать
приаттачивать

2.

толкнись плавником —
левым веслом —
отплесни вавилон-садом-садом
обнулёвый
как тесёмочку вытяни Суенгу —
а на деле — дудочку как судьбу —
крутой бережок солёный

травы травы — плечом-крылом
Каменушка на переправах
то сверкает в слепнях-солнцах
то в брод разбежится дрожит
травы травы — а под ними гнездовье-дом —
Гауди тут что ли соборы возвёл —
глиняные Саграда-стрижинные

3.

там где Камень стоит на Оби
сосланный дед мой снасти крепит
мастерит свой нехитрый хилый ковчег
может ходит по речке сейчас Мочег
Амфимов Мочег
Северный или просто Мочег
просто сорванный с мест
врал как мох
выживал как мог
в Сибирь сосланный человек

я плыву в реке — в родовом крыле
перекрестьем рек крещёна
алтайских
с горем в горсти горских

надо мною стрижи – молнии чертежи
и прозрачна река
и ее берега
и гнездовья растут
в соборы преображенные
светом из глубины
Фаворским

и мы найдём такие острова
где прорастают дикие слова
и выпьем этот дикий мёд
из сот высот
и если мы – как малое – умрём
и каждый – на звезду – в отдельный дом –
чему тогда причастны были здесь
какие вести приняли за весть
так если смерть приблизилась для нас
и люди в масках – без родных любимых глаз
то где то Слово за которым мы пойдём
и из которого мы вновь произрастём
на новых и блаженных островах
где в свет поющий претворятся боль и страх
где верба нам шепнёт как медсестра
быть может – о бессмертии – у смертного лица

смотри смотри – в час между волком и собакой
когда ни зги – абсурд теснит как мгла
что кажется вот-вот и раскалится добела
до хруста ребер у живаго –
родная сторона тернового венца
вдруг вспыхивает смех – как хмель перед атакой –
рассветный смех над обгорелым страхом –
чур, чур! не выдерни за чеку и чека

смотри смотри ты жив еще покуда
тот сладкий керосин и валенки в снегу

над головой висит космическое чудо
Юпитер и Сатурн и звёзд шальной народ
пусть ветер моровой и смерть на берегу
но в Искитиме – отдаёт священник кислород
как в Риме – парню – просто тот моложе –
чтоб жизнь росла быстрее чем хаос дул в дуду

смерть молодится с ветром моровым
и воют скорые созвездья Гончих
вдруг стали астронавтами врачи-друзья –
идут по лезвию в распад – на Вы –
где жизнь и смерть всегда в зазоре –
как ангелы уставшие в дозоре –
над бездной – на игольном кончике – вися...

смотри смотри не закрывай глаза в метели
смерть-круговерть закрутит и тебя
когда-нибудь. Но вспомни, что висели
над головой Сатурн Юпитер и звезда
полярная – как маячок в тревоге, но – та
особенно – игрушечная, так тебя любя
в отчаянии твоём – как будто не права –
над елкою в прихожей – звездою Рождества

не окружил грудь мою гроздьями винограда
не поил вином с лодочки языка
не упирался в стопу лбом как любил Шива
не целовал подколенные чашечки
не брал в кольцо музыки щиколотки
не расстегивал ремешок сандалий
не брил розоватые мои подмышки
не перенес тату с плеч на озеро живота –

бабочки разметались

сорвался однажды – через кордоны окрики звонки
без вещей – багаж в самолете
стоял на дороге – вот – хотел улететь – ноги не идут

гладил внутреннюю поверхность бедер
находил потаенную магму
не запоминала – в песок мелкий ссыпалась ложь
не роняла ни соли ни песен – обронила кольцо смеясь
когда высадились на луну – сказал – мы спалились как школьники

а я уже светилась сквозь твою кожу

у тишины возьми займы
синь речки до краев размыв
и стрекозы сквозной полёт
со взглядом в полный оборот

и листьев вспыхнувших в траве
как языков сошедших свет
апостольскою тишиной
заговорит с тобой

взлетевшей птицы тетива
обронит вдруг на грудь слова
что ты не чаял отыскать
как чудо или благодать

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

Закончил Львовский Политех. В Австралии с 1996 года. Печатался в различных российских и русскоязычных изданиях. Публикации: «День литературы», «Дон», «Лауреат», «Интеллигент», «Новая Немига литературная», «Альбион», «Острова», «Витражи», «Арфа Давида», «Австралийская мозаика», «45-я параллель», «Крещатик», «Белый ворон», «Золотое руно» и др. В 2012 году вышла книга

стихов и прозы «На костре своих строчек...». В 2015 вышел поэтический сборник «Нам выбор дан...». Финалист конкурса «Пушкин в Британии» 2007, 2012 гг., «Серебряное перо Руси» 2014 г., Лауреат премии «Герой нашего времени» 2015; Литературная премия им. Вениамина Блаженного 2014 г. Медаль журнала «Крещатик» 2015 г.

С ЯРМАРКИ...

Обещала на ночь мама
«Придет серенький волчок...»
Было посулов немало –
Этот сбылся, пусть не в срок.

И теперь, в сезон бессонный,
(Не смогну – грядет итог),
Каждой ночью волк голодный
Норовит ко мне под бок.

Он не воеет, не кусает,
И от злобы не хрипит
Он меня обожествляет,
Он меня боготворит.

Чичисбей первостатейный,
Весь он с головы до ног
Легкомысленный затейник,
Волонтер заветных строк.

Задремал – так он разбудит
Утром около шести –

Всепогодный вестник буден
Из далеких палестин.

Из кладовок темных детства
В строгих оффисах души,
В тарантасе одноместном –
Безбилетный пассажир.

С КАНТА ПО КАНГУ

Вжился в режим (так пришлось), чуть ли не поминутный.
Динка, прогулки и возраст – мой неизменный спутник...
Масса еще другого, где диагноз – туманный.
Точно Джером К. Джером с мыслью о главном.
Знак пробужденья – на сцене будто зажгли подсветку:
Скачут по стеклам веселые зайчики – с ветки на ветку.
Полу-казарма, полу-упорство педанта Канта.
Выверен путь, мною встречным – благовестят куранты.
Выверен путь по зарубкам каждого перекрестка,
Всякая миля на тему – элементарно просто.
Воспоминания давят до внутренних колик, до спазмов.
Как наяву вижу камень его (там же – Эразма).
Дух запустенья летал по развалинам – мрачным и ржавым,
Рядом снимали кино с песнями Окуджавы,
С душевностью – про войну. Воды текли Преголи.
Булат сидел на виду – благостный, хлебосольный,
Равно доступный всем – такое встретишь не часто.
Возле крутились грузины из близлежащей части.
Пряжки солдат сверкали – драены как для парада
По оскверненной земле мертвого Кёнигс-града.
Воспоминанья давят – нет ничего другого:
Прошлое исчезает, все достается слову.
Вжился в режим поневоле каждую жилкой, кожей,
Завтрак, обед и ужин, строго одно и то же.
К черту это здоровое однообразие – к черту!
Не обманитесь, профессор, советом высшего сорта,
Не говорите, что это – для моего долголетия.
Есть вероятность – глыбы ваш электрон не приметил.
Время престранное к выходу нашему подгадало –
Все поголовно герои – кыш с пьедесталов!

Страшное время, сплошь персонажи – папье-маше и вата...
Я бы не против проснуться где-то в семидесятых.

LOCKDOWN NON STOP

Летят недели за неделями,
Сегодня – так же, как вчера.
Мы ничего опять не делали,
Казнили дни и вечера.

Хрусталь с фаянсом так бессмысленно
Простаивает за стеклом.
Мы в прошлом пропадаем мыслями,
А в настоящем не живем.

К чему нам мебель, полки с книгами,
Когда-то модный гардероб...
Как нудно празднество голимое,
Переходящее в нон стоп.

Я с радостью крутил шурупы бы,
Бежал с лопатой в огород –
Нас запугали насмерть трупами,
Лишили прав ту би о нот.

Смял заключительность забега
Состав, сошедший с колеи.
Вокруг все суетятся, бегают,
А он уперся и стоит.

Салли – хозяйка в маленьком домике
В дистрикте Эмералл Хилл.
У Салли домик, как будто для гномика,
Если бы он там жил.

Но Салли очень любит возиться
С цветами – хоть день и ночь.
Она мечтает, когда ей не спится,
Что она – садовника дочь.

Другого колбасит с утра без дозы.
Вмазал – защебетал,
А Салли без дела сидеть не может,
Но дворик ее так мал.

И вот, переулочек тихий, безлюдный –
Усугубил ковид –
Она оживила роскошными клумбами
Среди зеленой травы.

Под деревом каждым ей бережно выращен
Цветник – безупречен вкус.
Без Салли – таких не отыщешь тыщи –
Мир не интересен и пуст.

Салли – хозяйка в маленьком домике
В дистрикте Эмералл Хилл.
Простая хозяйка, но древние стоики
Ей хлопают – из могил.

Отмечаю в одиночку день рождения впервые.
Все закрыто, словно в мертвый для курортников сезон.
Понимаешь, это слишком – *кейф* как мера принужденья,
Будто мы так долговечны, как железо и бетон.

Можно встретиться на зуме, посидеть не без комфорта.
Круг друзей таких же трезвых зарядить через фейсбук.
Можно с Динкой* на площадке коллективных видов спорта
День за днем транжирить время. Динка самый трезвый друг.

Выбирать скушно и тошно, как меж пулей и петлею.
Ни того и ни другого! Мне уже неважно.
Что-то будет – это точно. Я заранее грязь отмою,
Чтоб отпраздновать победу, если наши подойдут.

*Динка, однако, - собака...

МАРИНА ЭПШТЕЙН

Приехала с семьей в Сидней из Харькова в 1979 году .

*По образованию филолог -
Харьковский университет.*

*Стихи пишу с детства. В Австралии
опубликовала 3 книги стихов.*

Я бы...

Я бы жизнь разрисовала –
Разве в мире красок мало?
Я бы в радость раздела
Тех, чье сердце очерствело.
Раздарила бы улыбки
И простила бы ошибки.
Я бы на ночь пела песни,
Чтобы сны поинтересней.
Я бы солнце упросила
Дать тепла тебе и силы.
Разровняла б все ухабы,
Залечила раны. Я бы...

В записной моей книжке

В записной моей книжке так много всего:
Адресов, и имён, и пометок ненужных.
Часть исчезла в тумане, кивнув головой,
А иные для памяти взяты в окружность.

Мне пора бы устроить ревизию здесь,
Повычеркивать то, что случайно, не важно.
Остальное проверить на дружбу и честь,
И остаться единственно с правдой сермяжной.

Только есть имена, номера, адреса
Тех, кто выбыл за грань, где уже не проснуться.
Нет, не вычеркну их. Буду верить глазам.
Они просто уехали. Скоро вернуться.

Дети, они такие

У меня вопросов куча.
Где найти на них ответ?
Почему, к примеру, лучше
Не спеша съесть обед?

Звёзд на небе очень много –
Почему луна одна?
Где у гусеницы ноги?
Что такое Сатана?

Где живёт сегодня Завтра?
И куда ушло Вчера?
Что едят слоны на завтрак?
Почему весна – Пора?

Если внучка – Почемучка,
Я, конечно, Почемуч?
Почему мы пишем Ручкой?
Чем родник похож на Ключ?

Почему не тонут утки?
Где у бабочек глаза?
Мне сказали: жди минутку –
Это разве полчаса?

Разве бабушка – старуха?
На Курилах кто курил?
Вот у Мушки мама Муха,
Папа, может, Мухаил?

Почему театр – Драма?
И зачем идут в тюрьму?

Голова болит у мамы...
Почему???

Памяти моего отца. 9 Мая

Я не помню войны, но мне папа рассказывал:
Кавалерия в ночь штурмовала реку,
И под шквальным огнём в том безумии массовом
Все рвались оказаться на том берегу.

Ярко Висла горела бензиновым пламенем,
И никто не считал, сколько гибло людей.
Все бросались в реку и кричали: "За Сталина !"
Он же молча кричал: "За детей! За детей!"

Что такое в войне без коней кавалерия?!
В этом месиве страшном вселенских страстей
Всадник мерился только единственной мерою
И приказом строжайшим: "Спасать лошадей !"

Он вернулся домой без единой царапины
С кровоточащей раной в усталой груди.
И с тех пор все ночные бессонницы папины
От приказа никак не могли отойти.

За окном холодный ветер

За окном холодный ветер.
С шумом плещется прибой.
Скоротаем этот вечер
У камина мы с тобой.

Я тебе раскрою душу
(благо, вижу в первый раз).
Мне так нужно всё наружу
Просто выплеснуть сейчас.

Мне легко вести беседу
Без игры и без прикрас.
Ты уедешь. Я уеду.
И камин забудет нас.

Спасибо жизни, что не подвела

Спасибо жизни ,что не подвела,
Дала вкусить мне радости и беды,
Познать любовь, и счастье мне дала,
И ощутить величие победы.

Спасибо всем, кто дружбой одарил,
Чьи помыслы чисты и непредвзяты.
И недругам спасибо: дали сил
Всё пережить, не выпив чашу яда.

Как хорошо, что я могу стихом
Всем рассказать, о чём страдает сердце.
Какое счастье, если мне потом
Душа другая приоткроет дверцу.

Мне есть за что судьбу благодарить:
Со мною рядом тот, кто всех дороже.
Мне есть кого любить. И некого корить.
Мне повезло. Пусть повезёт вам тоже.

ЮРИЙ ЯКОБСОН

Россия. г.Иркутск.

1972 года рождения.

Стихи пишу с детства, но публиковаться начал недавно. Участник Иркутских поэтических слэмов и 15-16-го международных Фестивалей поэзии на Байкале им. А.И.Кобенкова, лауреат конкурса «Король Поэтов» в 2016 г.

БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ

А память за старые образы держится цепко,
Мечтает явленье продлить, пару слов, хоть немного -
В забытом местечке по имени Белая Церковь
Есть белая церковь и белая же синагога.

Любуется белыми тучками кошка Снежинка,
К овражку идут ослепительно белые куры,
А память такая - восторженно ждущая жизни,
И в белом покое мятежно просящая бури...

Бумажный листок. Нарисована рожица в центре -
Она улыбается, хочет болтать или спорить.
В забытом местечке по имени Белая Церковь
Всегда невысокие горы, негорькое горе,
Некрепкая водка, негромкие песни, нестрашные драки,
Стакан молока по субботам и белые мухи -
А ты не молчи - жду финал недоигранной драмы,
Но эта развязка скорее сродни оплеухе!

Листок сохрани - вдруг он тоже окажется ценным?
А что-то исчезло – наверное, где-то прибудет...
Забыто местечко по имени Белая Церковь,
А бурю не надо просить. Просто помни о буре.

ЖИРАФ

Иркутская осень цветная и яркая, и пахнет раздавленным яблоком. А с вечера и до утра в город приходит пятнистый жираф, бредёт по мёрзлой земле, касается тополей, разлапистых клёнов, а когда уходит обратно, остаются жирафы пятна, жёлтые на зелёном.

Он высок и недосягаем, степенно задевает рогами провода и антенны, и лампы по всей квартире мигают несносно, напоминая, что есть на свете жирафы и осень.

Он движется медленно, словно нехотя, а под ноги посмотреть абсолютно некогда, да и не такая простая задача – что увидишь с высоты корабельной мачты? Жирафу гораздо ближе облачные кораблики – и давятся, давятся спелые дикие яблоки, обволакивая бульвары запахами компота, а жирафу надо дальше идти работать.

Он сбегал из унылой саванны, от родных бегемотов и Африк, чтоб напомнить морозам, березам, туманам, что ещё существуют жирафы...

ЗАДАЧА

Вы не врите что карты врут если есть маршрут
Проведите пунктир и вот населенный пункт
Точка А кружок под названием Усть-Орда
Точка Бэ кружок под названием Амстердам
Вы не ждите что время есть когда есть билет
Это спальный вагон газета клетчатый плед
Этот поезд курьерский идет навстречу тебе
Он не знает дороги но знает где точка Бэ
Этот поезд товарный ушел мигнув фонарем
Этот голос негромко объявит мы все умрём
Это просто задача где скорость равна нулю
Не ищите любого ответа со знаком плюс
Не крутите баранку мечтая I'll be back
Это необратимо движение в точку Бэ
Эта станция рядом поедем прямо сейчас
Это поезд курьерский пришел скорее встречай

МИНИСТР

С утра желаю снова измениться, откусать вместо йогурта омлет, но тут приходит жиденский субъект. И прямо говорит, что он министр. Что у него имеется портфель, и он как раз пришёл для разговора. А у меня - коллекция фарфора, а в животе поёт виолончель.

Но что ему мой потаённый Брамс, он медленно раскладывает папки, а у меня коллекция. И лапки. И плавание в бассейне стилем брасс.

А он министр, он почуял власть. И жареный омлет уже почуял... А разговора вовсе не хочу я, но капоэйра только началась.

Он - будтомышь, а я - как будто щель. Он - будто туз, а я - как будто Тузик. Уводит в мир оптических иллюзий, где между строк торчит его портфель.

И я почти готов его обнять. Но он, перекрестившись суеверно, вдруг заявляет, что была проверка - и что министром выбрали ... меня!

Он достаёт из папки пистолет.

Я, понимая, что ещё не вечность, среди инверсий и противоречий спокойно дегустирую омлет.

ОТКРЫТИЕ

Какая-то погода нынче странная, и без вреда несу какой-то бред.

Я открываю для себя Австралию, я открываю пачку сигарет.

Я не пишу поэмы с мадригалами, а гамадрилы – им не до меня,

Но - удовольствия бывают малыми: вот Ротманс. С кнопкой. Есть ещё с двумя.

Принадлежа к неправильной конфессии (а если – к никакой?), выходишь вон.

Я закрываю для себя поэзию, я закрываю двери на балкон.

А во дворе наряженные ёлочки, а скоро, говорят – Сагаалган*,

Раскладываю палочки по полочкам назло миссионерам и врагам.

Я открываю чакры, рот, поллитра и - коробочку с конфетами «Мерси».

Открытое – почти что беззащитное, не закрываю из последних сил.

Не малым удовлетворишься – маленьким, кому ещё приспичило понять,

Что за окном обычная Австралия – которая открыта без меня.

*Праздник Белого месяца у бурят и монголов, Новый год

ЛИЦА ВОЙНЫ...

Редактор Наталья Крофтс

НАТАЛЬЯ КРОФТС

Родилась в г. Херсоне. Выпускница филологического факультета МГУ и Оксфордского университета. Автор многочисленных публикаций, в том числе – в журналах Нева, Юность, Новый журнал, Интерпоэзия, а также в таких массовых изданиях как Работница, Cosmopolitan Россия и Литературная газета. Английские стихи вошли в четыре британские поэтические антологии. Живёт в г. Сиднее.

Три голоса войны

«Стыдно убивать героев для того, чтобы растрогать холодных и расшевелить равнодушных»

Е. Шварц

До войны здесь был раздел переводов. Сейчас, когда через мой родной город проходит линия фронта, когда каждый день в организованную мной группу помощи мирным жителям Херсона приходят просьбы от матерей, которым нечем кормить детей, больных, у которых не хватает на лекарства... когда видишь, как беда затронула самых беззащитных, слабых – и физически не можешь всем помочь... В это время я не могу заниматься изящной словесностью – сколь бы изящной и прекрасной она ни была. Все силы уходят на помощь вот тем самым – в чей дом внезапно пришла война.

Но это история. Наша с вами – как бы от этого ни хотелось отвернуться. Её надо сберечь. В идеале – осознать, хотя это обычно у нас плохо получается. Поэтому в этом разделе мы публикуем три разных голоса войны: дневники девочки Полины из Мариуполя, очерк журналиста Володи из Москвы и пост девочки Лизы из Берлина. Здесь авторам не нужно было ни убивать, ни калечить, ни сажать в тюрьму своих героев – за них это сделали другие. Это даже не документальная проза – это просто документы войны. Нашей с вами войны.

Я уже смирилась со смертью

Полина Ковалевская (Мариуполь)

21-летняя Полина Ковалевская вместе с родными больше месяца выживала в осажденном Мариуполе. Вот ее дневник. Сохранены авторская орфография и пунктуация

Свой дневник Полина вела, находясь в осажденном Мариуполе. Вместе с родителями и младшей сестрой Лизой она пыталась выжить в Левобережном районе города с 24 февраля по 4 апреля 2022 года. Потом семью вывезли в ДНР, оттуда Ковалевские переправились в Россию, а 16 апреля добрались до Эстонии. У дневника Полины нет начала и конца. Начала — потому, что в первые дни войны Ковалевские жили дома, пользовались интернетом и общались с друзьями в соцсетях (девушка стала записывать происходящее в заметки на телефоне, только когда лишилась нормальной связи). Конца — поскольку у беженцев из Мариуполя регулярно проверяли телефоны, Полина стерла тексты и фотографии, на которые могли обратить внимание в ДНР и при пересечении российской границы. Записи этого дневника охватывают период с 3 по 17 марта.

Редакция «Витражей» благодарит Полину и редакцию «Медузы» за разрешение на публикацию.

3 марта. Восьмой день войны

4.56

Вчера вечером мы пришли в убежище (*городской дворец культуры*, — прим. «Медузы»), потому что 2.03.22 в 5 [утра] попало в наш дом. Когда мы прибежали, то сюда [тоже] сразу попал снаряд, так что нам повезло, что мы успели

Здесь начали спрашивать новости, но ни у кого интернета нет, как и воды, света, отопления. По поводу погибших последний раз в 8 утра читала, пишут 36 мирных граждан. На самом деле их больше, потому как на наш левобережный район ехать бояться и трупов здесь не считают. Прибежала еще одна семья под градами. Дети плакали, а их родители в панике — в дом попало и в подвале сорвало дверь. Но все живы и хорошо

Ночью кое-как удалось поспать, нам повезло с местом. Это подвальная комната 5 на 4 м² с высокими потолками. Здесь 20 [позже исправлено на 15] человек и 3 собаки (хаски классный, а две маленькие кусаются). У нас есть преимущество перед другими комнатами, есть место, чтобы лежать. В остальных люди спят сидя и стоя. Только вот кислорода не хватает

Сейчас обсуждаем, где достать питьевую воду, если магазины не работают, а за мародерство стреляют, не разбираясь. Да и вообще, считается ли мародерством, если берешь продукты из магазина, который разбомбили?

Весь день, всю ночь стреляют, но вот сейчас стало попадать по нашему зданию. Дети плачут, пацаны психуют, что поспать не дают, женщины молятся

Говорим теперь о том, что бежать некуда, и это правда. Бомбят 24/7 и никогда не угадаешь, куда попадет. Даже те, кто хотел бы уехать, не имеют такой возможности. Мы в кольце, русские продолжают идти на смерть, им без разницы, кого убивать, Мариуполь пытаются сравнять с землей

К нам завозят детей с обстрелянных районов и провизию. Привезли алкоголь, и это проблема. Пока особо не стреляют здесь, русские пошли «Градами» во Владимирской [улице].

Здесь не бывает чего-то лично твоего, мы «скованные одной цепью, связанные одной целью», поэтому все делим на 15 человек. По очереди

машем картонкой или тканью, чтобы было чем дышать Главная цель — выйти живыми.

Кайди (хаски) все хочет выйти, а Женя и Андрей (*сыновья из других семей, вместе с которыми Ковалевские перемещались по убежищам, — прим. «Медузы»*) собираются в [супермаркет] АТБ за кормом для собаки и сигаретами. Говорят, что у них большой опыт в перебежках. Их уговаривают не идти, но пацаны стоят на своем. Жуть. Они ушли, Кайди скулит.

12.46

Они вернулись 😊 Принесли много еды и сигарет, раздают всем людям, ну и нам в комнате оставили. Решили пойти еще раз

13.08

Вернулись

4 марта. Девятый день войны

6.20

Попадают сейчас где-то рядом, но не в здание. То, что я и говорила по поводу алкоголя... Мужики напились, стали курить в здании, кидать окурки, вести себя агрессивно. Наши парни из комнаты решили пойти на дежурство, чтобы помещение не загорелось. Ругались с этими мужиками, в ответ на что один сказал, что у него есть автомат, а другой показал какое-то оружие. Очень агрессивные, не зря запретили в Украине сейчас алкоголь

7:45

Папа пошел за водой, там стреляют, надеемся на лучшее

8:45

Папы нет, переживаю, тут кто-то употребляет метадон, мы забрали его [метадон] себе

10:35

Папа вернулся с едой, водой и новостями. В садик возле нас попали, наша квартира пока целая, сосед снизу сказал, что следующие 2 дня зачистка будет. Надеюсь, все будет хорошо.

Папа шел мимо «Жданова» («Мариуполя») (*старое и новое название магазина на бульваре 50 лет Октября в Мариуполе, — прим. «Медузы»*), там лежали трупы (люди с сумками бежали в убежища). Когда начались сильные обстрелы рядом, он забежал в дом возле белого туалета и его оттуда выгнали с матами, пытались забрать сумку. Рада, что все обошлось

12.24

Темнота разъедает. Спать не хочется, есть тоже, люди готовы уже к любому развороту событий, лишь бы остаться живыми. Я хотела выйти наверх и подышать воздухом, но там самолеты.

Думаю о будущем, а значит все не так плохо. Интересно, что там знакомые и друзья, как они. Я уже почти трое суток не выходила на связь и наверняка там десяток сообщений.

Люди так по-разному раскрываются. Толя (отец Леры и Андрея) (*члены одной из семей, переживавших осаду вместе с Ковалевскими, — прим. «Медузы»*) достаточно резкий и прямолинейный, но очень добрый. Он бегал под обстрелами за продовольствием и сигаретами, почти все раздал людям. Пацаны такие же.

Не представляю, как себя чувствует папа, который бежал столько времени под градами и видел мертвые тела людей, которые просто хотели выжить.

Меняет ли война людей? Не знаю, правда не знаю, какой буду, когда все станет на круги своя. Сейчас стараюсь максимально сохранять спокойствие и оставаться в здравом рассудке. Ведь выжить любой ценой — сомнительное желание.

В туалет очередь, как в мавзолей, но нам повезло, что здесь он вообще есть. Вода, которую принес папа, в нынешних реалиях бесценна. Без нее точно пришлось бы очень нелегко.

Кажется, собаки пьют больше всех, а еще кислород тут забирают 😊

Меня все больше поражают люди из ДНР, ЛНР, которые злорадствуют. У нас сейчас нет никакой гуманитарной помощи, даже пожарные и медики не ездят. Приходится все делать самим. Им же во время войны вся Украина собирала помощь.

О смерти не принято здесь говорить, мы ведь все верим в лучшее, но на самом деле каждый прокручивает эти сценарии. Все помнят, что без воды больше трех дней не продержаться, без еды можно и месяц, без сна максимум 7 дней. Каждый понимает, что если и умирать, то мгновенно, и лучше снаряд, чем осколок. Никому не хочется долго мучаться, все стараются отгонять любые мысли о смерти, но мы-то знаем, что в каждом «все будет хорошо» кроется «мне страшно».

Чтобы не было так муторно, мы обсуждаем будущее и то, как будет нелегко отстраивать город/страну. Мама собралась снова наверх (там принесли лекарства из аптеки), на этот раз с Наташей (*мать одной из семей, переживавших осаду вместе с Ковалевскими, — прим. «Медузы»*).

Папа вышел покурить. Я не понимаю этого беспечного отношения к жизни и своим детям.

У нас под боком стоянка с машинами, вон Сергей (*отец одной из семей, переживавших осаду вместе с Ковалевскими, муж Оксаны, — прим. «Медузы»*) вещает по военной тактике. Говорит, что надо расставить машины подальше, чтобы если попадет в одну, то она не погубила остальные. Никита (*местный житель, первое время переживавший обстрелы в одном убежище с Ковалевскими, — прим. «Медузы»*) (когда-нибудь) подхватил идею и бежит рассказывать.

Сергей практичный и дальновидный мужик. Он любит рассказывать о том, как надо и как нельзя. Наташу это бесит, но я вижу в советах (больше похожих на приказы) реальную ценность. В прежние времена я бы такого не потерпела, но в военные все должно быть максимально четко и ясно. Сергей не дает ужинать раньше времени, возмущается, если кто-то из общака собирается забрать что-то себе, против фруктов, потому что от них может появиться лишняя живность.

Рядом стоит танк, говорят, сейчас будет громко. Держимся.

19.38

Выпили немного шампанского, мужики водку, коньяк и пиво. Сидим, поем песни, а Сергей старается сделать фонарик из батареек и часов, которые принес Никита из АТБ. Подозрительно тихо.

У меня предчувствие, что скоро все это кончится, но я пока даже не подозреваю, что делать после. Исход событий же неизвестен

5 марта. Десятый день войны

10.02

Сегодня начали стрелять в 4 утра, очень сильно и кажется по нашему зданию. Это страшно, и на момент я даже подумала, что уже все. Такие мысли закрадываются достаточно часто, но я по-прежнему их отгоняю. Алкоголь ночью весь разбили.

Родители, Сергей и Оксана (*муж и жена из одной из семей, переживавших осаду вместе с Ковалевскими, — прим. «Медузы»*) ругались с Наташей и Толей из-за того, что разнились мнения. Нам принесли оливки и банку красной икры со склада.

Наташа сильно поругалась с Сергеем из-за воды, подключились все и от этого стало еще более нервно. Сейчас уже спокойнее, Андрей пошел на Ленинградский [проспект] (*старое название проспекта Свободы, —*

прим. «Медузы»), говорят на шестом рядом с [супермаркетом] Сильпо что-то горит.

Наш район пострадал сильно. Могли бы мы такое представить себе месяц назад? Конечно, нет.

Хочется уже скорее выйти отсюда живыми и здоровыми в мирную Украину.

11:55

Люди выходят в несогласованный зеленый коридор [в Запорожье], к нам приехали украинские военные. Мы решили остаться

12:20

Андрей пришел, принес часы, алкоголь и какие-то вещи, поговорил с военными, говорит по пути видел минимум 25 трупов, хотя их увозят, все магазины и банки вскрыты, ломбарды открыты, ювелирка вскрыта.

На улице говорит, что настоящий апокалипсис

Пока люди выходили, чтобы уехать в центр, Люда и Сергей убрались в комнату. Они подмели пол влажным веником и обработали пропером.

Сергей все пытается сделать свет с помощью масла и ватки, но пахнет не особо приятно. Наташа целый день возмущается

16:06

Большая часть людей эвакуировалась в центр [города] *(для последующей эвакуации в Запорожье, которая планировалась на этот день, но сорвалась из-за обстрелов, о чем люди в убежище, видимо, не знали, — прим. «Медузы»)*. Мы остались, родители больше из-за того, что здесь дом и есть продовольствие. Я не знаю, правильный ли выбор мы сделали, но надеюсь, что да

Третий автобус попал под обстрел и люди разбежались, первые два доехали нормально. Над Ильичевским районом зарево.

У нас со дня [украинские] военные, они привели девочку для опознания человека, показали ей паспорт. Та разрыдалась, но ничего не рассказала, когда ее начали расспрашивать. Видимо, военные сказали ничего не сообщать. Перед уходом они сообщили, что ночь будет жаркая. Один уходя крикнул «Сегодня будет *****[тяжело]. Держитесь». В центре, говорят, спокойно. Я на нервах и хочу выпить метадона, чтобы смерть была легче. И все равно надеюсь на лучшее

Поем песни и играем в карты, потом спать

6 марта. 11-й день войны

11:17

Утро началось в пять со взрывов, но я рада, что мы проснулись. Спустя время я постаралась уснуть еще раз, и проснулась уже от гонора Наташи про то, какие все лицемерные и конченные. Кажется, она начала сходить с ума. Мне снились на удивление хорошие сны, хотя проснулась я в поту. Каждый новый день дарит надежду. Каждый день я надеюсь, что война закончится. До сих пор недоумеваю, как на маленькую Украину могли напасть РФ, помочь Белоруссия и чеченцы

Вот недавно прибежали парни с рынка. Бегали папа, Сергей, Андрей, Женя. Голя и Дима (*члены семей, переживавших осаду вместе с Ковалевскими, — прим. «Медузы»*). Принесли носки, расчески, батарейки, стаканы, тарелки и воду. Вода вообще имеет очень большую ценность в военные времена. Конечно, она в основном пошла на общак по всему убежищу. Вспомнилась, как с детьми в лагере так стремилась записать ролик на тему важности воды. Теперь никто не счел бы эту идею глупой, ведь когда сам сталкиваешься с проблемой — смотришь совсем по-другому.

Сегодня горит 3 участок [левобережного района Мариуполя] и площадь. Наташа собирается с Лерой домой.

Андрей подарил колечко, я взяла на память, оно как раз ассоциируется с Украиной.

Теперь я понимаю, почему герои книг про тюрьму или войну так радуются новостям. Когда ты сидишь в темноте, без доступа во внешний мир, никакой связи нет, даже воды особо нет, то единственное, что дает надежду — наличие достоверных новостей.

Мне так хочется иногда просто зайти в Инстаграм и написать, что со мной все в порядке. С другой стороны, ты никогда не знаешь, что будет завтра. Есть ли смысл тогда обнадеживать?

Сергей нашего полковника Никиту называет «бедолагой-чудовищем». Это такой пацан, который в первый день был с одним синяком, потом с двумя, а сегодня наполовину с обожженным лицом, вылил на себя какую-то химию. Подозреваю, что у него алкогольная зависимость вперемешку с наркотической, если такое вообще бывает. Его выгоняли отсюда несколько раз за то, что бухой был, вот теперь не возвращается, ходит где-то поверху

12:10

Андрей поет Лизке «baby shark», он работал раньше аниматором, оказывается однажды был даже Супер-котом (с Леди Баг) (*персонажи*

французского мультипликационного сериала «Супер-Кот и Леди Баг», — прим. «Медузы»).

Володя и Люда, как всегда, сидят с Габи (*члены одной из семей, которые вместе с Ковалевскими пережили осаду; Габи — их французский бульдог, — прим. «Медузы»*) молча. Папа брется, остальные уже, остался Дима. Толя лежит с Мишей (*отец одной из семей вместе с Ковалевскими и их собака, — прим. «Медузы»*), а Наташа пошла с Лерой чистить зубы (она трясется за ее брекетки больше, чем за жизнь). Дима — тип молчаливый, сидит, рассматривает какую-то штуку с фонариком. Его девушка Саша в Москве. Женя как обычно с Кайди, Оксана лежит, а Сергей, как самый деятельный, что-то готовит. Он вообще не умеет отдыхать и даже спит всегда на полу без подушек не в самом удобном положении. Вероника (*девушка сына одной из семей, с которыми были Ковалевские, — прим. «Медузы»*) переделась в туалете, куда ее еле пустили, и вернулась.

12:55

Володя пришел с новостью, что скоро война закончится. Это узнал майор с рацией. Очень надеемся

14:10

Нам военные снова привезли еды и воды. Так мило с их стороны

14:35

Вышла на улицу впервые за эти 4 дня на 5 минут. Слишком светло и аж голова кружится от свежего воздуха

17:45

Несколько минут назад в наше здание попал снаряд, сейчас горит крыша, никто не выходит. Не знаю, что будет дальше

18:51

Пожар не смогли остановить, но мы выехали. Перед выходом из задымленного помещения мы договорились о позывном нашей комнаты «мухомор». Как же я разрыдалась, когда мы добрались на разных машинах (*в здание администрации Левобережного района, — прим. «Медузы»*), и я услышала этот самый «мухомор»

В новом здании меня трусило очень сильно, я плакала, наверное, час без остановки. Ночью меня снова трусило. Выпила корвалол и карвалмент (*имеется в виду корвалмент — успокоительное на основе ментола, — прим. «Медузы»*)

С нами оставили троих полицейских и сказали, что остальная информация по эвакуации будет завтра. Говорят, война должна скоро закончиться

Мама предложила взломать дверь, и пацаны сделали это. Нам повезло спать в тепле

7 марта. 12-й день войны

12:41

Утром меня трясло сильно, я боялась даже в туалет выйти, есть ничего не могла. Сейчас +— спокойно, нам привезли воду, мужики немного обустроили нашу каморку (здесь полно бумаг по субсидии, их убрали, настроили баррикады в других комнатах)

17:20

Возле нашего здания прилетел снаряд, но не разорвался. Главное, чтобы его успели забрать. У нас появилось радио. Новости не самые позитивные, вот уже полтора часа длятся переговоры. Очень надеюсь, что настанет мир. Мне еще так много хочется сделать

21:23

Очень нервный день вышел, думала, что последний, выпила снова карвалмент. Столько клеточек нервных сожгла, еще и эти новости

8 марта. 13-й день войны

6:44

На удивление ночью и утром было тихо, на улице выпал снег, я надеюсь на мир и хочу почистить зубы

17:26

Рядом были сильные взрывы, нервничала сильно, но переключилась на разговоры впервые за эти дни, чтобы было меньше паники

9 марта. 14-й день войны

Писать особо ничего не хотела, потому что настроение было на 25% живое. Я уже смирилась со смертью, еще больше боюсь русской жизни. Сегодня много говорили с мамой. Она бегала под выстрелами и градами домой, у нас стекол в комнатах нет. Бегала, чтобы написать Софье/Насте (племяннице Виктории Ковалевской и третьей сестре Полины и Лизы Ковалевских, которая сразу после начала вторжения уехала к родственнице в Италию, — прим. «Медузы»), взять вещей и посмотреть, что там у нас. Связи не было. Я думала, умру, пока дождусь ее

10 марта. 15-й день войны

15:09

Вчера в Мариуполе погибших было 1300 и около 10000 раненых, сегодня, говорят, больше *(вероятно, Полина услышала по радио*

количество жертв за все время блокады, сообщенное советником мэра города Петром Андрющенко 9 марта, — прим. «Медузы»). Все это из-за авиабомб. Попали в роддом, детскую больницу, ПГТУ [Приазовский государственный технический университет], драмтеатр. Войска вроде сдвинули. Сегодня мое сердце не колотится как бешеное и настроение более радостное. Я понятия не имею, с чем это связано.

Хочется поскорее, чтобы война закончилась, хочется жить, хочется сообщить близким, что жива, хочется, чтобы они были живы

11 марта. 16-й день войны

Пацаны нашли инструменты автомобильные. Настроение более-менее позитивное. Гуманитарную помощь в Мариуполь из Запорожья не пропускают (коридоры обстреливают).

У меня начались критические дни. Когда были в туалете, застали очень сильный взрыв, хорошо, что не пострадали.

Говорят, недалеко от нашего дома перестрелка с пулеметов и автоматов. Ближе к ночи стало + — спокойно

12 марта. 17-й день войны

16.28

Ночь была тихая, утром только перестрелки из автоматов и пулеметов, а сейчас сильные взрывы недалеко. Ругались уже почти все, даже Ника с Женей. Сегодня на завтрак была гречка, на обед куриный бульон, который я, конечно, не ела, на ужин пшеница. Ем я совсем мало, потому что мне не принципиально, да и я вегетарианка, а большинство блюд с мясом. Сейчас вот принесли устрицы и мидии. Все это достается нашими пацанами со складов и готовится на улице в котле, который достали в здании, куда попала авиабомба. Благодаря парням и волонтерам у нас есть вода и еда. Понятно, что никто не шикует, но мы и не умираем с голоду. На днях в Мариуполе скончалась девочка от обезвоживания. Говорят ДНР где-то в домах на Комсомольском (*Комсомольский проспект — старое название Морского бульвара, где находился дом Ковалевских, — прим. «Медузы»*) уже. По новостям ничего такого не передают. Все просят прекращения огня, но пока безрезультатно.

Неплохо, что нам дошла какая-то гуманитарная помощь в виде одежды и подушек. Мне достались кроссы, и это хорошо, потому что мои сапоги и кроссы сгорели в ДК, и все это время я ходила в обуви Лизы.

Хочется, чтобы скорее война закончилась, получить доступ к интернету и сообщить, что я жива.

Забавно, но мылась я последний раз 10 дней назад. Вообще, все эти дни до сих пор отсутствует электричество, связь, газ и вода. Очевидно, что ни транспорт, ни магазины, ни какие-либо другие службы, кроме больниц и, возможно, полицейских участков не работают. Соскучились мы все по обычной жизни, но сейчас, как и прежде в военные времена, главная цель — выжить.

Если посмотреть карту, то можно понять, что Мариуполь среди всех украинских городов в самом невыгодном для войны положении (рядом море, по границе Россия и ДНР, наверху Белоруссия). Выехать из этого города сложнее всего. Уже 2 недели мы в кольце/котле, нам пытаются доставить гуманитарную помощь и автобусы для эвакуации, но все зеленые коридоры расстреливают и минируют военнослужащие России. Они разворовывают продукты и воду, которые поставляют в Мариуполь, в то время как военнослужащие Украины приносят нам свое продовольствие, свои запасы. Вот такие мы разные люди

Почти три недели мы без связи, без электричества, без газа, без воды, без прекращения огня. Конечно, магазины и любые другие заведения, кроме больниц (в которые регулярно попадают снаряды) не работают. Уже многие военные волонтеры со всего мира говорят, что ситуация в Мариуполе не сравнить ни с чем. Кто-то говорил, что это похоже на блокаду Ленинграда, но настолько тяжелого оружия и там не было. Экспериментируем теперь как можем, еще и песни поем. Последнее время часто солнце, но понятно, что выходить из помещения крайне небезопасно (внутри есть шансы сохранить себя, если летит не авиабомба). Когда ты пещерный житель, то легко можно потерять способность видеть на солнце, зато можно приобрести способность по звуку различать

грады/танки/пулеметы/автоматы/ракеты/авиабомбы/отлеты (*артиллерийские залпы, — прим. «Медузы»*) /прилеты (*попадания при артобстреле, — прим. «Медузы»*). В военное время есть много нюансов. Если выживу, то потом расскажу [много] интересного и веселого. Жаль, конечно, нормальных русских, которые страдают от санкций. Уверена, что им очень нелегко и обидно. Но они никогда-никогда в жизни, надеюсь, не поймут, насколько своеобразная жизнь и смерть в Мариуполе последние 3 недели

Трупы у нас не успевают собирать, в наш район попросту очень боятся ехать, потому что опасно. Из того, что посчитали, более 1.5 тысяч убитых, более 10 тысяч раненых. Также много людей под завалами.

Россияне обстреливают гуманитарные коридоры. Поэтому люди умирают не только от оружия, но и от обезвоживания, болезней итд

14 марта. 19-й день войны

19.35

Чувствую себя я хорошо. Мы зарядили немного телефоны от генератора, который нашли и заправили парни, слушаем музыку. Представляю, что мы едем в поезде, и на фоне не взрывы, а просто звуки железной дороги. Я уже не реагирую на вечно трясущееся здание. Если проснусь, то завтра планирую немного прогуляться

Я надеюсь на зеленый коридор, потому что еще хотелось бы несколько вещей попробовать: латиноамериканские танцы, кайтсерфинг, организовать выставки своих фотографий, снова и снова работать с детьми в лагере. Мне хочется обняться с близкими, особенно Софой, выпить и гулять по ночному городу, а потом нырнуть в море и плыть, пока все тело не начнет болеть. Мне бы еще плавать научиться ☺

Благодаря радио узнаем новости, они, как всегда, не самые позитивные. Все что-то думают, беседуют, нагнетают, говорят о санкциях, оружии, жертвах. По новостям РФ сказали, что в Мариуполе будет *****[конец], а у нас по каналам все твердят о гуманитарной катастрофе в городе. По факту же никто не знает, что здесь, потому что связи нет, электричества нет, воды нет, газа нет, прекращения огня нет и все боятся ехать сюда.

Что я поняла точно, так это то, что никому нет дела до нас, кроме украинских военных, которые делятся своей едой и водой. Я не удивлена, но, честно признаться, ожидала большей поддержки. Конечно же, не ожидала такой жестокости и агрессии от российских военнослужащих

Хочется выйти на связь поскорее, пока я жива, сказать, что я счастлива, успокоить тех, кто волнуется. Понятно, что добраться живыми до европейской страны отсюда очень и очень сложно в нынешних реалиях, но попробовать стоит. Да и если что случится, то мне не хочется жалости Блин, реально, обнять бы сейчас тех, кто был рядом со мной в лучшие и худшие моменты жизни. Как бы я ни злилась, я всегда благодарна, даже сейчас. У меня классные соседи в этом хрупком здании, я сплю на ложе из коробок бумаг, накрытом пледом (а могла бы на полу или на улице), у меня есть вода и немного еды, почти вся моя семья рядом, мне даже телефон зарядили. Такой повод для счастья звучит для обычных людей глупо, но в сложившихся обстоятельствах можно сказать, что мне крупно повезло

Смерти я не боюсь, ничего не боюсь, я люблю людей и смеюсь над собой, над тем, как горела, смеюсь. Я не виновата в том, что происходит, и нет никаких причин негодовать. Да, так случилось, что в моем родном любимом городе снова дяди играютя чужими жизнями и пытаются забрать то, что им никогда не принадлежало. Ну шо поделатъ, если в 21 веке остались такие дураки □♀□

15 марта. 20-й день войны

7.51

С половины третьего [ночи] стреляют по новостройкам, которые в половине километра от нас. Там стоит украинская техника и на протяжении пяти часов идет эта перестрелка. Конечно, поспать нормально не удалось. Здание ходуном, взрывы слышны каждые полминуты. Мне все еще хочется зайти в инсту и тг, чтобы написать своим, что мы живы.

2 недели не выхожу на связь, надеюсь, все в курсе о том, что у нас ее нет. Количество жертв огромное, надеюсь, меня к ним знакомые не причисляют

Сегодня я даже не знаю, стоит ли пытаться выехать при возможности, это большой риск. По новостям говорят, что в Мариуполе отбили 1.5 тысячи живой силы и несколько танков, БТР

Из того, что известно, погибло как минимум 2350 человек только в Мариуполе. По-прежнему к нам на левый берег почти никто не едет собирать трупы, потому что опасно. К тому же нам разбили пост-мост (*мост, связывающий Центральный и Левобережный районы Мариуполя*, — прим. «Медузы»), и добраться теперь сюда практически невозможно

16 марта. 21-й день войны

8.24

Утро было относительно спокойным в нашем районе, всего несколько взрывов. Сейчас летает российский самолет, который у нас который день не могут сбить из-за отсутствия ПВО. Изредка работают гранатометами и пулеметами азовцы. Недавно бой шел ближе к нашему дому, это в 15 минутах пешком с места нашего обитания. Не знаю, стоит ли там квартира или нет, но нам бы сейчас жизнь сохранить.

Папа решил пойти проверить, что у нас дома происходит, и взять несколько вещей. Держим кулачки, чтобы дошел нормально. Говорят, что сегодня уже около 1000 машин выехали из Мариуполя, но мы на

левом [берегу Кальмиуса] живем и оторваны от города (пост-мост разбомбили с авиации). Выбраться было бы неплохо.

Стараемся сохранять позитивный настрой, сегодня солнечно, и мы немного погуляли. Я взяла на память осколок от снаряда, думаю найти еще для своих друзей 😊

Я понимаю, что нет смысла паниковать, это не поможет. Просто нужно очень тщательно обдумывать каждый шаг, потому что любое неправильно принятое решение может лишить жизни.

Ребята радостные. Достали сигареты Kent, каждому досталось по 5 пачек, папе отложили, отдадим, когда придет

Мариуполь не удастся взять сухопутными войсками, поэтому русские заходят с моря и стреляют ракетами. Мы как раз живем в нескольких метрах от моря.

10:35

Возле нашего здания ближний бой, мы снова горим. Пока находимся в здании, потому что выходить опасно

11:00

Мы все еще на цокольном этаже, дышать сложнее, надели маски и мокрые тряпки под них. Рядом идет ближний бой. Здесь и танки, и пулеметы, и автоматы, так что выйти пока нельзя

11.11

Пожар уже тушат, мы с собранными вещами сидим и надеемся на лучшее

11.35

Своими силами потушили, на этаж выше сейчас догорает, огонь дальше не пускаем

11.45

Папа пришел 😊 Заходил к Тане и Вове (*соседка Ковалевских и старший брат их отца, оставшиеся дома, чтобы ухаживать за больными родственниками, — прим. «Медузы»*), по пути взорвался хлебозавод и был сильный бой возле нашего дома, где папа. Дядя Вова сказал, что там стреляют с моря. Везде БТРы, на левом [берегу — войска] ДНР. Мы загорелись, потому что украинские [войска] начали стрелять по БТР из мухи (пулеметов), а те в панике куда попало. Раздали маршмэллоу, говорят, что надо эвакуироваться, если что, пойдём. В город вошли чеченцы

12.30

Четвертый этаж горит уже полностью, сказали спускаться в подвалы, так как авиация, посмотрим, что и как. Уху доварили и занесли сюда.

Услышали, что рушатся верхние этажи, заходит Андрей и говорит: «Да все нормально, там снаряд прилетел».

Третий этаж полностью в дыму

По украинским новостям говорят, что в Мариуполь никто не прорвался, но по факту здесь все вперемешку. Они прорвались почти полностью на Левобережный район и стоят на [проспекте] Ильича (*старое название проспекта Владимира Бойко, — прим. «Медузы»*). Разбили пост-мост, чтобы с левого до Ильича только для них был приход. Если захватят и решат отбивать, то вся техника, как и сейчас, снова будет идти через нас. Мариуполь не такой большой, ни одного целого микрорайона, вместо некоторых домов деревяшки. Грустно смотреть

Температура по народу разная, кто-то хочет в ДНР, кто-то четко за Украину, но большинство готовы переобуться в любой момент. Я понимаю, почему так, люди боятся за свои жизни, не хотят больше терпеть этот бесконечный огонь, многие готовы уже на все, лишь бы мир

14.00

Поели уху, сидим, думаем — идти домой или оставаться. Часть людей эвакуировалась в соседний дом в подвал, но теперь некоторые возвращаются. Володя предлагает переместиться в бункер на завод [«Азовсталь»], но, чтобы туда дойти, надо проходить парк, где сидят украинские военные с техникой. Сегодня уже никто никуда не рвется, Дима планирует завтра с кем-то на разведку. Сейчас думаем найти военных наверху и спросить у них обстановку. Я просто прокручиваю все варианты в голове, но, не зная планов обеих сторон (если они у них есть, конечно), невозможно найти точно верный вариант

Полицейские не сидят с нами, они еще несколько дней назад свалили в РУВД. Сейчас хочу послушать радио, пока не сбивается, вечером волну нормально поймать не удается

На своих машинах люди нормально из Мариуполя добрались, но они ехали из центра, а мы на левом и без автомобилей. Нам бы добраться до центра, до Запорожья для начала, а потом ехать дальше. Наденюсь только на чудо, счет сейчас на минуты, для начала нам бы ночь пережить

20:02

Только расслабились, собрались спать, и в нас снова прилетело, разбились стекла, все наши ребята живы, проверяем здание, не хочется снова гореть

20.26

Второй прилет, вроде все окей

20.31

Третий прилет

20.36

Четвертый прилет

20.41

Пятый прилет, сказали, что по нам, что спать надо одетыми

17 марта. 22-й день войны

5.04

Не верится, что пошла уже четвертая неделя войны. Никогда бы не подумала, что могу 2 недели не мыть голову и полноценно не принимать душ

Мы остались в здании, и здесь было спокойно все оставшееся время, но очень холодно из-за разбитых дверей и окон. Казалось бы, первый месяц весны подходит к концу, мы живем на юге Украины, а у нас ночью замерзает вода в бутылках

Есть люди, которые попадали в чрезвычайные ситуации, но не бывали на войне. Разница здесь только в том, что, когда ты попадаешь в опасную ситуацию при обычной жизни, тебе оказывают помощь, а потом постепенно выхаживают. Здесь же, на войне, если ты попал в пожар, то задача не только выбраться живым из здания, но и не попасть под снаряд или осколок, когда выйдешь. Поэтому, как правило, приходится сидеть до последнего, иначе, если выходишь и тебя видит любая из сторон — стреляют на поражение. Если все-таки удается безопасно выйти из горящего здания, то дальше нужно понять, куда идти. Место должно быть максимально безопасным, не сильно холодным и известным хоть кому-нибудь из внешнего мира. Сейчас, например, к нам раз в день навещается майор, который жил с нами в прошлом сгоревшем убежище. Это помогает узнать новое по обстановке и получить какое-то продовольствие

Третью неделю в город не пропускают гуманитарную помощь, а наш район оторван от остальных (3 моста разбиты), так что отсюда можно выбираться только в ДНР. что тоже не вариант. Склады с едой и водой продолжают обстреливать, поэтому да, очень важно, чтобы о нашем местонахождении знали. К тому же, одной семье везти специально ничего не будут, а вот нас «мухоморов» 15 человек и 3 собаки. Так мы держимся вместе со 2-го марта

Точно, убежище. Здание горит, вы выбираетесь, ищете наиболее безопасный путь и добираетесь до нового места. С каждым разом это все сложнее и сложнее, потому как ежедневно разрушается инфраструктура, а убежища переполняются людьми

Если повезло, то ты оказываешься в каком-нибудь другом подвале и начинаешь обустриваться заново. Главное, не заболеть и не пораниться, потому что перейти куда-нибудь под обстрелами сложно, ну а больницы не работают (*некоторые марциупольские больницы в этот момент все же работали, хотя и с крайне ограниченным персоналом и в максимально тяжелых условиях, — прим. «Медузы»*)

И вот теперь, когда ты жив и здоров, нужно продолжать думать о дальнейшем выживании и разрабатывать план действий, если и это здание начнут уничтожать.

Расслабляться нельзя, нервничать тоже, надо оставаться спокойным, при этом настороже. Никто не знает, когда война закончится, потому надеемся на лучшее, готовимся к худшему

5.54

Начинаются рядом выстрелы

9.51

Делим продукты, мухоморы планируют уходить. Сергей и Оксана утром сходили на Ленинградский, там спокойно, они собираются домой, Людмила и Володя хотят в 41 школу. Мы пока не знаем, что и как. Наступают вроде как с моря, и через дорогу идет перестрелка. Непонятно, где сейчас опаснее. Настроение немного тоскливо

10.11

Осетровы и Гайдуковы ушли. Рестовские (*семьи, вместе с которыми Ковалевские переживали осаду; фамилии изменены, — прим. «Медузы»*) и Андрей собираются. Ему наверняка тяжело, ему сильно нравится Лиза, и два дня назад они начали встречаться

11.44

Все из комнаты уехали, мы остались семьей, зарядили с Лизой телефоны от генератора и поиграли в карты несколько раз. К нам заезжают другие люди, а мы пока решили оставаться здесь несмотря на то, что рядом военные. Состояние спокойное, и это хорошо. Надеюсь, что все будет в порядке

13.47

Мы поели, готовили кашу и мясо, я ела хлебцы и сейчас почищу картошку, которую передала через папу соседка Таня (ей самой нелегко,

но она поделилась с нами и конфетами, и яйцами, и картофелем). Вот бы у каждого были такие соседи

15.10

Пришел Андрей, будет ночевать здесь. Вынес бабушку и дедушку (они умерли), когда шел обратно, видел трупы и три горящие девятиэтажки, говорит, здесь много горит. Миша сказал, что на Морском [бульваре] тоже. Его сейчас кормят. это очень смелый парень

На этом дневник Полины Ковалевской обрывается. После здания администрации Левобережного района Ковалевские переместились в городскую больницу, после этого их вывезли в ДНР, а затем и в Россию, откуда они выбрались за границу (подробно об этом можно прочитать в их рассказе «Медузе»). Двадцать третьего апреля 2022 года старшая дочь Ковалевских Софья, о судьбе которой ее родные ничего не знали, прилетела к семье в Таллин. Выяснилось, что в начале войны она благополучно выехала из Харькова и попала в Милан. Теперь семья воссоединилась — впервые после начала войны.

Владимир Севриновский (Москва)

За решеткой

За решеткой я оказался из-за того, что в палатке закончился кипяток. Впрочем, обо всем по порядку. В Ростовской области возникло волонтерское движение, которое заботится о прибывающих в Россию беженцах из Мариуполя. Сотни людей без помощи государства облегчают жизнь пострадавшим от «спецоперации». Я люблю низовую самоорганизацию, и решил устроиться туда волонтером, поработать пару дней, а потом рассказать о своем опыте.

Сделать это несложно – заполняешь форму на сайте, и с тобой связываются другие члены группы. Водителю предлагают подкинуть пеших, пешеходов обеспечивают водителем. Моим водилой и будущей напарницей оказалась Олеся, ловко рулившая новенькой бэхой. Фамилия у Олеси украинская – как и у многих волонтеров, однако взгляды – вполне провластные. Всю дорогу от Таганрога до границы мы слушали радио с путинской пропагандой, а во время перерывов на музыку Олеся рассказывала истории о прилетающих в Россию «Точках-У» и пойманном в Белгороде диверсанте:

– Люди в шоке. Как, сосед! Россиянин, а работал на ВСУ. Я тоже родилась в Одессе. Мы все потенциальные...

Она не договорила.

Широкий багажник бэхи был забит продуктами, памперсами, колясками и прочими вещами, которые так нужны беженцам. Я молчал и думал: «Как же прекрасно, что даже человек, поддерживающий невойну, может благородно поступать, не противореча своим убеждениям! Неважно, каких взглядов мы придерживаемся, главное – желание делать добро».

Приграничный штаб оказался потрясающим местом, где организаторы круглосуточно распределяли помощь и координировали десятки волонтеров, помогающих беженцам на всех этапах прохождения границы. Нас с Олесей и еще двумя добровольцами отправили на самый дальний рубеж – нейтральную полосу. Предыдущая смена отдала нам зеленые светоотражающие жилеты, и тут же началась работа. Пахать мы должны были с 9 утра до 7 вечера – под дождем, в продуваемой ветрами палатке. Перед ней на размокшей глине стоял пластиковый стол. Беженцы подходили и просили еду и питье, а порой и корм для собак. Когда их поток иссякал, мы пытались укрепить палатку, и ближе к обеду преуспели – забросали края землей, отвели воду из лужи, а самый непослушный уголок брезента прижали бордюрным камнем, специально привезенным организаторами. Остывшая гречка закончилась, и нам подвезли макароны по-флотски, которые голодные люди смели почти сразу. Координаторы обещали скоро доставить борщ, а пока мы дружно заваривали беженцам лапшу в пластиковых стаканчиках – половину пакетика на человека. Скорее всего, такой вдохновляющий труд продолжался бы до конца смены, и мы бы расстались лучшими друзьями, но в обоих наших термопотах закончился кипяток. Минут двадцать, пока они заново грелись, волонтеры отдыхали. Я разговорился с беженкой – лет пятидесяти на вид. Она рассказала, как боялась оголодавших солдат «Азова», ворвавшихся в их подвал. Гражданские украли у них еду, и она была уверена: найдись пропажа в убежище, их бы там и порешили. Кто запрещал снимать улицы, она говорить не захотела, но мы и так поняли. Потом, уже в палатке, волонтеры мельком обсуждали сказанное. Я заметил, что это неверно – запрещать фотографировать. Тут Олеся внезапно подобралась и с нажимом сказала:

– Правильно запрещают! Зачем эти ужасы снимать?

Я объяснил, что документальные свидетельства исторических событий такой важности бесценны, и у человека есть право фиксировать происходящее.

– Какие права? – заорала Олеся. – Идет война, а ты талдычишь про какие-то права!

Она еще минут пять возмущалась нецензурным словом «права», а затем пробила мой телефон в Getcontact. Сочетание «Владимир ТАСС» не произвело на нее впечатления, а вот «Владимир Медуза» буквально подбросило женщину вверх.

– Вы знаете, что такое «Медуза»? – обратилась она к остальным волонтерам. – «Медуза» – это... это Собчак!

После столь парадоксального вывода Олеся немедля накатала организаторам донос на оппозиционного журналиста, который якобы собирается писать про нарушения прав беженцев. Вскоре приехала машина, меня отвезли обратно в штаб, где передали полицейским. С ними мы довольно мило общались несколько часов до приезда участкового Ивана Гордиенко, который сходу потребовал открыть ему телефон. Я, конечно, отказался, и он меня тут же отвез в участок, пообещав запереть в камере с бомжами.

Бомжей там, правда, не оказалось, зато нашлась книжка «Над пропастью во ржи», которую я и читал до следующего дня. Полицейские успели меня три раза покормить, поставили пластиковую бутылку с водой.

Правда, не дали постельного белья, а в туалет не пускали несколько часов, так что я уже подумывал насрать в уголке. В камере было холодно, но, если прикрыть ноги курткой, можно даже заснуть.

Около двух часов дня состоялся суд. Было интересно, что же предъявят человеку, который ничего не нарушал. Загадка разрешилась быстро.

Судья зачитала показания и хамоватого Ивана, и дружелюбных полицейских, с которыми я его ждал. Все в один голос лгали, будто я отказался предъявить паспорт и даже попробовал. Когда я забирал в участке вещи, подошел высокопоставленный полицейский – должно быть, местный начальник. Он сказал, что на первый раз «они» меня предупредили, а если я не уеду, даже если просто останусь в Таганроге, все будет куда более печально. О деталях он не распространялся, но я и так знаю немало случаев, когда неугодным подбрасывали оружие или наркоту. Жалею, что не спросил его, можно ли построить достойное государство на массовых лжесвидетельствах тех, кто должен охранять закон. Но умные реплики всегда приходят слишком поздно.

скрыться. За это «преступление» мне выписали штраф в 2000 рублей.

Так я попытался рассказать добрую, общепримирающую историю про то, что люди способны делать прекрасное, даже если они одобряют вооруженное вторжение в соседнюю страну. Потому, что идеологическая прослойка тонка, главное – стремление к человечности. Но жизнь с присущей ей иронией внесла коррективы. А движение и правда хорошее, и мне до сих пор симпатичное. Ведь беженцу все равно, кто поит его чаем и дает макароны по-флотски. Даже если этот милый, сочувствующий человек поддерживает разрушение его дома, города и мира.

Елизавета Крофтс (Берлин)

26-летняя Елизавета Крофтс родилась в Москве, окончила Оксфорд, живёт в Берлине. Вторым домом для неё стала дача в Херсоне, где живёт её русская бабушка.

Невозможно проснуться

*

Прошлой ночью и сегодня утром мы не можем дозвониться к бабушке, интернет и телефонная связь в Херсоне заблокированы.

Пока идет эта война, я не хочу думать ни о чем другом. Ни писать, ни говорить, ни читать, ни постить. Я вижу, что даже самые равнодушные люди здесь, на Западе, начинают меньше чувствовать происходящее, теряют интерес. Но каждый день – это кошмар, от которого невозможно проснуться.

Засыпаю, слушая новости об Украине. Пытаясь понять, какой ещё безумный финт выкинет Путин на этот раз. Гадая, собирается ли Запад сделать больше – а у самой надежды всё меньше. Интересно, в какой момент людей настолько достанут цены на газ, что они скажут своё коллективное «к черту» и перестанут даже пытаться помочь.

Я звоню бабушке и волнуюсь, когда она говорит, что снова слышит выстрелы: достаточно ли далеко наша дача от главной дороги и моста. Я переживаю, смогла ли бабушка поспать и не напугана ли наша собака – ведь она всегда так боялась фейерверков.

Ночами я хожу на Берлинский вокзал, волонтером встречать поезда с беженцами. Я пытаюсь успокоить мать, которой сорок лет, но выглядит она на все шестьдесят. Она сходит с ума, у нее четверо детей, вне себя от происходящего, и младенец, которого она три часа умоляет перестать плакать.

Я перевожу для четырнадцатилетней девочки, которая отрезала палец, попыталась его пришить – и потом неделю не могла поменять повязку по дороге из Харькова.

Я перевожу для другой девушки, которая так стесняется, что почти невозможно выудить из неё, что случилось. В конце концов она говорит, что три дня в автобусе не могла сходить в туалет. Боль в животе у неё сильна настолько, что договорить она уже не может – и врач Красного Креста вызывает скорую помощь.

В час ночи с другими волонтерами я иду на платформу 14. Нас всего четверо. Нам нужно попытаться встретить каждого из 120+ беженцев, прибывших на опоздавшем поезде из Варшавы, прежде чем они потеряются или какая-нибудь сволочь их обдурит и отберёт последнее – что случается нередко. Я вижу испуганных животных, замёрзших и измождённых пожилых людей... Женщин, у которых украли чемоданы, но которым уже на всё наплевать.

Когда я выхожу побегать, я представляю Антоновский мост в Херсоне – мое любимое место для пробежек, с видом на город, камыши и мирный Днепр. Но теперь у меня в голове прочно засела другая картинка этого места: чей-то труп на бордюре у ступенек, по которым мне так нравилось взбегать наверх. Я вспоминаю прекрасный парк, где я тоже любила бегать: два дня назад в него попали ракеты. Я думаю о главной площади Херсона, через которую я носилась за маршрутками, чтобы вернуться на дачу из центра: там недавно стреляли в протестующих. Я волнуюсь за ребят из нашего клуба любителей бега: я обещала, что вернусь в апреле – а сейчас они уже не пишут. Даже когда война кончится – как, черт возьми, я снова смогу ходить по этим местам. Когда я думаю, что эту часть моей жизни за два месяца уничтожили, я не могу перестать плакать.

Когда не получается дозвониться до бабушки, я звоню снова и снова: а вдруг связь вернётся. И думаю: неужели это конец?

Обычно я стараюсь, чтобы в моих постах была главная мысль. Но этом посте нет никакой главной мысли. Мне просто плохо, и я хочу, чтобы другие люди тоже это почувствовали. Не надо похлопывать меня по плечу и жалеть. Я просто пытаюсь пробиться сквозь равнодушие, пришедшее после февраля, когда новости перестали быть необычными и «захватывающими». Мне плевать, что вы ждёте здесь разнообразия или развлекашек. Пока это не закончится, вы не услышите от меня ничего, кроме Украины, даже если вам это уже неинтересно.

Я ненавижу людей, которые это сделали. Я ненавижу апатию к происходящему. Я ненавижу себя за то, что недостаточно компетентна, чтобы сделать больше, и за то, что внутри у меня сейчас – грусть и ужас. Что я даже не могу вернуться домой и обнять бабушку.

ΠΡΟΖΑ
ΑΖΟΡΠ

НАУМ ВИНАРСКИЙ

Я родом из Украины, кандидат технических наук и изобретатель. Писать стихи, басни, рассказы, воспоминания и песни начал с предпенсионного возраста. В Харькове вышло семь сборников моих литературных произведений. В Австралии, куда переехал в 1912 году в г. Аделаида, продолжил заниматься художественным творчеством. Издал сказку для детей и взрослых "Гава" на украинском языке и сборник стихов и репродукций своих картин.

Мои рассказы и эссе периодически публиковались в "Меноре" (г. Мельбурн), "Австралийская мозаика" (г. Сидней) и газете "Горизонт".

Тетя Соня

Тетя Соня, о которой хочу рассказать, родная сестра моего отца. Родившись и прожив молодые годы в небольшом местечке Монастырище на Черниговщине, она легко изъяснялась на идиш. Переехав в Харьков, тетя Соня, а точнее, Софья Моисеевна пошла на компромисс, освоив половину разговорного русского, языка. Вторую половину она заменяла еврейскими словами, справедливо полагая, что эту половину должны выучить и знать русскоговорящие.

– Майн гот, перестаньте говорить эти глупости, а зайне мансы, прямо уши вянут, – говорила она человеку, заподозрить в котором носителя еврейской крови даже в десятом колене казалось невысказанным кощунством.

Аполитичная в силу своей безграмотности, умевшая только расписаться, чтобы получить пенсию за погибшего на войне сына, она могла громко, ничуть не смущаясь чужих ушей, возмущаться:

– Что с того, что он член ЦК? Сегодня он член ЦК, а завтра будет цекактер член.

Или:

– Я шлю им мой пламенный привет, фарбрент зол зи верн! (Чтоб они сгорели!)

Если она чувствовала, что ее собеседник поступил неразумно или собирается так поступить, тут же интересовалась:

– Герзох цу, майн тайер, случайно, это сделать вам посоветовал не агроисер специалист, профессор Шмундак?

Таким вопросом она донимала многих, и я заинтересовался этим профессором. Тетка рассказала.

Однажды в их местечко заехал врач, сегодня его назвали бы гинекологом. К нему потянулись женщины со своими болячками. Пошла и Двойра с болями в животе. Он ее внимательно осмотрел, выслушал и посоветовал для сохранения беременности лежать.

Двойра так и сделала – ведь это сказал сам профессор Шмундак!

Но, через несколько месяцев лежания, измучив всех своих близких, поняла, что сохранять ничего не надо – она совершенно не беременна.

Жаль, что вы не знали мою тетю. Уверяю вас, вы получили бы массу удовольствия и извлекли для себя пользу. Удовольствие – потому что ее речь сплошь и рядом пересыпалась местечковыми

выражениями и поговорками, которые были редкостью в городе. Пользу – потому что говорила одновременно на двух языках, и те, кто с ней общался, быстро осваивали еврейский язык. Ее

многочисленные квартирантки – студентки, делившие с ней девять квадратных метров в коммунальной квартире, могут это подтвердить.

– Люда, почему ты не убрала лефл мид глейзер со стола?

И Люде ничего не оставалось, как взять ложку, стакан и спрятать их в шкафчик.

– Людочка, фармахт форточку, – просила тетя, и та шла закрывать форточку.

Уже через год тетя без всякого насилия над собой и угрызений совести говорила с Людой, студенткой института общественного питания, только на еврейском языке.

Иногда в квартире тети появлялся Борис. Прикрывшись дверью от шифоньера, Люда быстро переодевалась, и они уходили гулять.

Борису нравилась стройная блондинка с толстой косой и зажигательными бирюзовыми глазами. Он готов был на Люде жениться, но боялся знакомить ее с престарелыми родителями, не скрывавшими своего желания видеть в доме только еврейскую невестку.

Как-то, зная, что предков нет дома, Борис пригласил Людмилу к себе. Они долго болтали, слушали пластинки, а под конец, крепко

прильнув друг к другу, забылись в медленном танце.

Когда вернулись родители и увидели обнявшихся и целующихся Бориса и Люду, они ушли на кухню и на идише с беспокойством за сына, стали обсуждать создавшуюся ситуацию.

– Нет, ты посмотри на этого идиота. Он хочет привести ее к нам в дом и, кажется, навсегда. Что ты молчишь, Лева? Мне что, теперь и дома говорить на русском? Ты завтра же поговори с ним, чтобы он поскорей забыл эту повариху.

Понять о чем говорили родители Бориса, было нетрудно.

Сложней для девушки оказалось составить целое предложение и отстоять свое достоинство. Борису бросились в глаза напряженность возлюбленной и ее побелевшее лицо.

Людмила решительно зашла на кухню и на едином дыхании произнесла на чистейшем идише:

– Я очень люблю вашего сына и прошу нас благословить.

Опешившие старики смотрели друг на друга с недоумением.

– А насчет «поварихи», – продолжала Людмила, – скажу так. Когда я сделаю фаршированную рыбу и испеку «плэцэлэх», которым меня научила Софья Моисеевна, то вы просто пальчики оближите.

– Слушай, Лева, может, она действительно права? Чем иметь еврейскую невестку, не умеющую говорить на идиш, то, может, лучше иметь русскую, но свободно говорящую на нем?

Вернувшись домой, Люда кинулась к моей тетке и долго благодарила за уроки еврейского языка.

P. S.

Тетя Соня – герой не вымышленный. Ее судьба достаточно трагична. В гражданскую войну тетя Соня пережила два петлюровских погрома. Во время одного из них ее изнасиловали на глазах мужа. Тогда же тупой стороной шашки ее отцу, моему дедушке, раздробили пальцы на руках. При другом погроме тетю догнал конный петлюровец, от которого она убегала с сыном на руках. Верзила вырвал сверток с грудным ребенком и забросил через плетень далеко в заросший огород, а ей шашкой проломил череп. К счастью, тетя Соня осталась жива, а Митю только к ночи соседи нашли по его плачу.

После этого она долго болела, перенесла три операции, но дикие головные боли и припадки «черной» болезни продолжались. Спустя несколько лет, в Германии ей сделали сложнейшую операцию, вставив в

череп платиновую пластинку и покрыв кожей, взятой с ноги. Головные боли и припадки утихли, но в дни больших переживаний и потрясений случались приступы, при которых тетя непроизвольно истерично кричала. Было это и во время войны, когда узнала о гибели сына, и когда оплакивала рано ушедшего из жизни мужа, и тревожным ранним мартовским утром 1953 года, когда по радио сообщили о смерти Сталина.

При всем этом тетя Соня проявляла жизненную стойкость национальную самобытность, чем оставила светлый след в моих воспоминаниях.

Одесское море

Впервые я окунулся в море в девятнадцать лет, когда приехал погостить к родственникам в Одессу.

В день приезда погода выдалась осенняя. Время от времени низкие тяжелые облака не выдерживали, и на землю выпадал короткий плотный дождь, переходивший в моросящий. Бросив вещи, сразу же поспешил к морю. Зонтик не очень помогал, к памятнику Дюку подходил промокшим до пят. Как же я расстроился, когда, взглянув в сторону моря, его не увидел. Море и небо слились одним светло-серым цветом. Разочарованным вернулся домой.

Утро следующего дня проснулось ясным. Летнее солнце пахнуло теплом. Тротуары быстро подсыхали. До наступления жары решил посмотреть на знаменитую улицу.

Шел по Пушкинской, поглядывая на таблички угловых зданий. Наконец, не выдержав, подошел к мужчине, стоящему в полосатой пижаме, и задал вопрос.

– Вот, – он поднял руку и указал на перпендикулярную улицу, – вот, молодой человек, наша Дерибасовская.

Я не знал на кого смотреть – на стоящего в пижаме в центре большого города одессита или на Дерибасовскую.

– А кто ее с меня снимет, – перехватив мой взгляд, спросил незнакомец, – посмотрите какая она симпатичная и отглаженная.

Затем он вытащил из верхнего карманчика пижамной куртки уголок платочка и с улыбкой посмотрел на меня.

Я прогуливался по Дерибасовской, пока не наткнулся на

«Гамбринус». Даже не верилось, что, возможно, это та самая пивнушка, которая описана Куприным и названна именем создателя пива.

«Может, именно здесь заседала компания, пристрелившая Мурку под звуки скрипача Саши», – думал я, напевая известную песенку.

С таким приподнятым настроением первооткрывателя подошел к морю. Оно было светлое, умытое и умиротворенное. Полный штиль, лишь на берег накатывалась небольшая ленивая волна. Я стоял и, вглядываясь вдаль, любовался дорожкой из осколков рыжего солнца, как вдруг по моей спине морзянкой заиграла чья-то рука.

– Молодой человек, не могли бы отойти в сторонку, вы мешаєте мне мулатиться.

Оглянувшись, увидел толстую даму в соломенной шляпке. Она стояла, разбросив руки в стороны, как распятый Христос.

Я медленно побрел вдоль пляжа, останавливаясь у мест, где шум волны не заглушался визгом детей и окриками родителей. Войдя в воду, первое что сделал, лизнул ладонь, убедившись, что море действительно соленое.

Загорать прилег на полотенце рядом с простыней, натянутой на четыре палки. В тени самодельного тента две одесситки вели разговор.

– Нет, чтоб вы не говорили, но наша Софочка большая рукодельница. Если бы вы попробовали ее постный борщ, сваренный на курином бульоне, то, не сомневаюсь, пальчики облизали б до локтей. А ее проворность? В один миг разрежет помидор на семь половинок.

– Перестаньте говорить такие глупости, Маргарита Иосифовна. Сам Пифагор захотел бы посмотреть на эти семь половинок, а наши гурманы с «Одиннадцатой станции» подали б на нее заявку в Нобелевский комитет.

– Так вы, Инга Львовна, хотите сказать, что я идиотка?

– Успокойтесь, милочка, я ничего не хотела сказать, я об этом только подумала.

Солнце поднялось еще выше, стало припекать. Приходилось чаще менять положение тела, чтоб не обгореть. Под тентом продолжалась беседа двух одесситок.

– Я на прошлой неделе, Инга Львовна, забрала платье у своей модистки. Примерила и ахнула. Оно на мне влитое, как на Венере Милонской.

– И какого цвета ваш сарафан, милочка?

– Почему сарафан?

– Потому что Венере Милосской не нужны рукава. У нее нет обеих рук.

– Вы меня опять за кого-то принимаете. Я говорю об Венере Изольдовне, нашей маникюрше.

– Прошу прощения, Маргарита Иосифовна, мне так послышалось. Так какого цвета ваше платье?

– О, это желто-осенний кленовый лист, только синего цвета.

Через пару минут из-под тента вновь донеслись голоса.

– Маргарита Иосифовна, вы слышали, Семен добился своей цели.

– Какой Семен?

– Блюмкин.

– Вы меня просто удивляете, Инга Львовна. О какой цели может быть речь? Он старый немощный человек, прикованный своими болячками к постели.

– Правильно, так он-таки умер.

От всего услышанного захотелось поскорее окунуться в теплое одесское море.

Как-то раз я проснулся от шума, напоминавшего гул дальних бомбардировщиков. Лениво встав, вышел в сад. Густой абрикосовый запах зашекотал ноздри. На длинном столе стояло несколько примусов, а в медных тазиках булькало абрикосовое варенье. Мой дядька по очереди подкачивал примусы. Их стон сливался со звуками пикирующих ос. Эти камикадзе с последним криком "Банзай!" садились на кипящее варенье и тут же погибали. Но от этого их не становилось меньше. Наоборот, им на смену прилетали другие, еще в большем количестве.

Тетка еле успевала вылавливать ложкой смертников и сбрасывать их вместе с пенкой в миску. Осы не жалили. Как кошки валерьянку, они жаждали вкусить ароматный сладостный сироп.

Сад находился на дачном участке "Седьмой станции", куда добираться приходилось трамваем. Молодцы одесситы! Они догадались не стеклить окна в трамваях, что облегчало участь в длительной поездке.

Однажды напротив меня села уже немолодая пара. Полная, крашенная блондинка, облепленная веснушками, как липучка мухами,

заняла почти всю скамейку. Ее муж пристроился рядом, рискуя свалиться каждую минуту. Говорили между собой громко, не обращая внимания на пассажиров.

– Ленечка, дорогой, если кто-то из нас двоих умрет первым, то я перееду жить к сестре на Чкаловскую. Ты не возражаешь?

– Зачем ты поднимаешь этот спорный вопрос, – ответил муж и тут же продолжил, – ты знаешь, кого я сегодня утром встретил возле нашего дома?

– Кого?

– Ицика с шестого подъезда. Он так постарел и так плохо выглядит.

– А что ты хотел? Он два года отвоевал в кавалерии. С его ростом вскочить на лошадь, так это уже подвиг. Ну, ну, что тебе рассказывал сосед, – оживилась блондинка.

– Ты угадала, он почему-то вспоминал те годы и своего командира, бывшего сослуживца с Молдаванки.

Когда Ицик выезжал из заставы, то подводил лошадь вплотную к казарме, а сам забегал вовнутрь и через раскрытое окно с подоконника садился на нее. После привалов в лесу или в поле просил однополчан подставить ему колено. Лошадь любила его за малый вес. Она неслась легко, буквально летела и обычно вырывалась вперед, оставляя в арьергарде остальных. Это увеличивало шансы первому получить пулю в лоб, за что Ицик свою лошадь не жаловал и обзывал нехорошими словами.

А пораженный необыкновенной храбростью бойца, здоровенный, как биндюжник, командир с ухмылкой кричал кавалеристам: "Эскадрон имени Ицика Шлеймовича, на коники, ап! Напра... Отставить! Налево, марш!".

– Что еще интересного он тебе рассказывал, – перебила незнакомка.

К сожалению, ответ я уже не услышал. Трамвай остановился, дама встала и потащила за собой мужа.

Летний отпуск подходил к концу. Чем меньше оставалось дней до отъезда, чем темнее становился загар на теле, тем больше набиралось впечатлений от увиденного и услышанного.

К сожалению, наша память избирательна. Воспоминания всплывают сами по себе и в непонятной последовательности. Иначе чем объяснить, что продолжить рассказ хочу с описания огромного количества жирных тараканов, которое не видел за все свои тогдашние девятнадцать лет и за последующие почти пятьдесят.

Подходя к кухне коммунальной квартиры родственников, у которых гостил, я слегка приоткрывал дверь, просовывал руку и включал свет. Только на счет пять заходил туда, не боясь поскользнуться на зазевавшемся таракане.

Еще больше удивился, когда наблюдал аналогичную картину в летнем кинотеатре, зажатом с трех сторон старинными зданиями. Когда кончился сеанс и зажегся свет, зрители встали, но продолжали оставаться на месте, пропуская вперед разбегавшиеся под ногами темно-коричневые полчища.

Возможно, я забыл бы в каком году шел нашумевший фильм «Анжелика и король», если не посмотрел его в то лето. А запомнил, потому что до сих пор перед глазами вижу небольшой полуподвальный кассовый зал кинотеатра и толпу людей, прижатых друг к другу, как в вагоне метро в час пик. Неожиданно над толпой вознесся парень. Его подняла над своими головами компания молодых ребят. Проныра принял горизонтальное положение и направился к кассе. Размахивая руками и ногами, опираясь на чьи-то головы и плечи, он довольно быстро подплыл к заветному окошку. Опустив руку, передал деньги кассирше и, оттолкнувшись от стены, как пловец в бассейне, тем же стилем и с билетами в зубах вернулся к своим друзьям.

Просмотр фильма с участием Мишель Мерсье не остудил жара изнурительного стояния в тесном и душном помещении кассового зала. Помогла прийти в себя лишь бело-голубая волна одесского пляжа.

В последний день пребывания, как и в первый, прошел дождик. Но он не смыл впечатления, оставшиеся во мне на всю жизнь. Память вновь и вновь возвращает меня в прекрасный город, спускающийся к морю широкой потемкинской лестницей.

Память

С утра маленький городок, приютившийся вблизи Южного Буга, наполнялся гулом грузовиков и лаем собак. Немцы выскакивали из

крытых брезентом автомашин на брусчатку мостовых и под звуки кованных сапог, прихватив собак, обходили дома и дворы.

По улицам тонкими неспешными ручейками потекли жители с вещмешками и чемоданами в руках. Из листовок немецкой комендатурой, все знали, когда и куда им нужно явиться, но евреи не спешили. Надеялись, что в последнюю минуту что-то изменится.

Анна с матерью присели на край дивана, а Леня, четырнадцатилетний братишка, одетый в пальто, без шапки, возился с конструктором.

– Нюсенька, мирн нит висен вогин зейн вил фирн унз, – забеспокоилась мать, – баумройкт виазойэр ит висен вин цу шрайбен ту унз? Ой, вэй, Готеню, сохрани майн Лёвочки лэбен. Лозер зайн а калечным, нор ккумен цурик а гэйм. Ду герст мих, Готеню!*

Анна выскочила в коридор и вскоре вернулась. Мать смотрела на нее и не могла налюбоваться. Соседи часто говорили: «Не девочка, а царица Тамара». Миндалевидные глаза оливкового цвета, коса толщиной в два кулака и смуглая кожа усиливали это сходство. А какая умница! После школы окончила курсы бухгалтеров и теперь работает учетчицей в паровозном депо.

– Мамочка, я договорилась с соседями, они будут собирать письма папы, а когда мы им сообщим наш адрес, перешлют нам.

В двери застучали прикладами. Семья Кизнеров молча поднялась, взяла вещи и вышла на улицу, похожую скорей на перрон вокзала, чем на их тихую Земляничную, которая упиралась ближним своим концом в небольшой лесной массив.

Анне сразу же вспомнились лето и походы с подругами за земляничкой. На склонах оврагов ее высыпало столько, что запах докатывался до их дома. Как здорово было окунуться в разнотравье бесконечных полей, увидеть полет стрекоз или услышать пчел, перелетавших с чабреца на душицу, с грудницы на шалфей.

От неожиданного лая овчарки Анна дернулась, воспоминания растаяли. Она оказалась в толпе молчаливо идущих с вещами людей. Ряды уплотнялись и расширялись. Время от времени Анна забирала у матери вещмешок, одевала себе на плечо и, наклонившись вперед, глядя себе под ноги, шла, вспоминая вчерашний разговор с Ниной. Анна

просила подружку спрятать в сарае Ленью, пока они не обоснуются на новом месте, и не вернуться за ним.

– Нюся, родная, пойми меня. Я согласна, но ты же знаешь этих Петрусенко. Если что-то пронюхают, конец мне с больной матерью и твоему Лене. Не могу, родная. Может, все еще образумится.

От мыслей отвлек Ленья.

– Нюся, посмотри, кто идет возле нас.

Она взглянула на идущих рядом молодую женщину и бледного старика.

– Нет, не туда,– дернул за рукав Ленья,– смотри, кто нас охраняет.

Анна перевела взгляд на конвоира. То был Петр. Когда они поравнялись, глаза их встретились. «Милый Петушок, вот, стало быть, почему не приходил к нам в дом, вот где, оказывается, ты пропал последние дни. Если б только знал, сколько мне стоило сил и здоровья, уговорить маму не мешать нашему счастью.

– Воз ду гефинен ин дэйм гойм? Воз из эр, миллионер? Эр из а босяк, ин зе эрште скандале эр вил зуген дир воз ду бист а жидовка. Форвуз мир гэф зис наказание, Лёвочка, форгиф мих. Ду бист дортен визаут мих унд защищаешь Родину, ун их бин дотер кэн нит защитить май тохтер.**

– Мамочка, ты не права, Петя меня любит...

Воспоминания вновь и вновь возвращали Анну к тем дням, когда они после смены бежали на речку купаться, до полуночи танцевали в саду под духовой оркестр, или встречались на своем укромном месте в лесу. Толстый, выгнутый змеей корень дуба служил им скамейкой, на которой так много сказано. Она так ярко представила свое свидание, что почувствовала на себе теплые руки Петушка, нежность его объятий.

Любовь их созревала медленно. Петр часто заглядывал к ней в конторку в обеденный перерыв, прибегая из ремонтного цеха. Он рассказывал, как их семью раскулачивали, как родителей угнали куда-то в Сибирь, а его отдали в детдом.

Её сопереживания переросли в дружбу, затем в любовь. Почти по Шекспиру: «Она его за муки полюбила, а он ее за состраданья к ним».

Сейчас руки Анны были заняты ношей. Слезы скатывались по щеке, но смахнуть их она не могла, да и не хотела. Пусть Петр видит эти слезы. Они расскажут ему о боли разлуки и о предстоящей жизни вдали от него.

Пётр видел эти слезы. И думал о том же. Он даже почувствовал запах ее нежной кожи. Никогда, никогда и никто не ласкал его так, как ласкали эти руки. Никто его так не понимал, как она, буквально с полуслова, с нею он не был одинок.

«Аннушка, Нюсенька моя, за что нас так наказывает жизнь. Это не справедливо,– глаза Петра стали влажными, лицо побледнело,– опять судьба хочет сыграть со мною злую шутку, забрать любимую. Но, нет!»

– Аннушка, родная,– быстро заговорил Петр,– сейчас будем проходить мимо Слесарного переулка, убегай.

– Петушок, я без матери и братишки никуда не уйду.

– Но всех вас я спасти не смогу. Прошу тебя, Анна, убегай, а ночью приходи в лес, к нашему месту. Что-нибудь придумаем. Я спасу тебя, спасу твою жизнь!

Последние слова Петра отрезвили девушку, она поняла, что другой встречи с Петром уже не будет, не будет никогда. Это не расставание, это – прощание.

– Нет, или всех отпусти, или я остаюсь с ними,– ответила Анна, покрепче прижимая к себе брата.

Откуда-то сбоку влилась новая толпа людей. Пока их расставили по рядам, Анна потеряла из виду Петра. Рядом шел рыжий немец, держа огромную овчарку на длинном поводке.

Перед самым пунктом сбора Анна назвала Лене деревню, где он должен найти Галину Степановну, тетку Петра, у которой в прошлом году они гостили. Выбрав удачный момент, шепнула: «Беги, Ленечка!» и вытолкнула его из толпы...

...Мы возвращались автобусом из Дробицкого Яра. Я сидел с закрытыми глазами и внимательно слушал рассказ жены. После посещения мемориала и услышанных трех молитв в исполнении арт-группы «Хор Турецкого», её воспоминания были понятны и уместны.

– Там, под Гайсином, немцы расстреляли не только мою тетю

Веру и ее дочку Ньюсю, но почти всю родню моего отца.

– А Леня Кизнер остался жив?– спросил я, а перед глазами в который раз всплывала чаша музея, в черной бездне которой разноцветными огоньками-звездочками светились души расстрелянных людей.

– Да. Он на четвертый или пятый день добрался до деревни, где жила Галина Степановна. Шел ночами, в основном лесом, боясь наткнуться на немецких солдат. Пришел к ней ободранным, грязным и голодным. Она его приняла, обогрела, накормила. Спрятала от соседей в погреб. Он быстро к ней привязался и стал называть бабой Галей.

Когда подрос, немного партизанил, потом отслужил в рядах Советской Армии. Сразу же после войны батрачил на Западной Украине и в Румынии. Окончил горный техникум и горный институт. Работал в Луганске на шахте. Там женился. Когда родилась дочь, назвал Аннушкой.

Много лет спустя приехал погостить в родной Гайсин. И вот однажды на берегу реки он увидел Петра. Леня кинулся на него, схватил за шею и начал душить. Петр сбрасывал незнакомца с себя, но тот зубами впивался ему в горло пока не показалась кровь. Опомился Леня уже в отделении милиции. Когда все объяснил, его отпустили. Это был не первый такой случай.

– Знали, что Петр служил полицаем, и не расстреляли его?– спросил я в недоумении.

– Да нет. Он отсидел в лагерях, на лесоповале. Вернулся в свой город, но работать ездил в близлежащую деревню. Его хата всегда стояла с закрытыми ставнями.

– Уехал бы куда подальше,– не выдержал я,– так и убить могут.

– Уезжать далеко он не хотел, так как часто приходил на место расстрела Аннушки. Сидел подолгу, выпивал чекушку и возвращался домой.

В конце восьмидесятых Леня переехал жить в Израиль. Бабу Галю не забыл. Незадолго до своей смерти она стала «Праведницей мира». Теперь на далекой земле обетованной растёт дерево, носящее её имя.

*– Нюсенька, мы же не знаем, куда нас повезут,– забеспокоилась мать,– как наш отец узнает, куда нам писать? Ой, вэй, Готеню, сохрани моему Лёвочке жизнь. Пусть калечным, но вернётся живым. Ты слышишь, Готеню!

**– Что ты нашла в этом гое? Он что, миллионер? Он босяк, который при первой же ссоре будет обзывать тебя «жидовкой». За что нам такое наказание? Лёвочка, прости меня. Ты там без меня защищаешь Родину, а я здесь не могу защитить нашу дочку.

ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ

(18 июня 1950 – 3 февраля 2020)

Родился 18 июня 1950 года в Москве. До отмены в СССР цензуры печатался как поэт-переводчик; опубликовал множество переложений из Китса, Уайльда, Киплинга, Рильке, Рембо, и других. В 1990-е годы подготовил к печати четырехтомную антологию поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой», трёхтомное собрание сочинений Георгия Иванова и многое иное.

В 2003 году создал сайт «Век перевода» (www.vekperevoda.com), в 2005 и 2006 годах издательством «Водолей Publishers» по материалам сайта изданы антологии русского поэтического перевода XXI века – «Век перевода». Лауреат премии «Серебряный век» за 2014 год, эксперт Союза переводчиков России, поэт, переводчик, романист, был главным редактором издательства «Водолей».

Штабс-капитан Янов

Опубликовано в журнале Новый Журнал, номер 229, 2002

Время – это наркотик.
Т. Прэтчетт

Было зябко, было необходимо. Был десятый час утра.

Впрочем, идти оставалось всего ничего: трактир “Викентьич”, – собственно бывший Остафьева, но этого, кроме завсегдагаев, никто уж не помнил, – располагался во дворике на Сретенке, возле Сухарева рынка, втиснувшись между книготорговцем Даниловым и адвокатской конторой Авербуха. Сухой закон соблюдался здесь довольно строго, то есть ровно настолько, насколько требовало того военное время. Околоточный раз на дню непременно приволакивал собственную тушу, – понятно, чтобы “кваском остудиться”. Квас ему выносили – как и прочим – в фарфоровом кофейничке, и был в том кофейничке отнюдь не портвейн № 137, а простое очищенное, на мерзлой рябине. Околоточный

выщеживал весь чайник из носика, бурчал, что квас “стоялый, бесхмельный” – и мирно исчезал.

Прочих посетителей, если не платить бешено, ждал в кофейничках слабый кларет. Впрочем, в утренние часы, после ночи за картами, то за винтом, то за преферансом, как раз такой напиток и требовался Станиславу Люциановичу. Долгая ночь, пройди она за азартной игрой в клубе, утешила бы сама по себе. Но здесь, на Мещанской, жил и принимал бесконечных гостей знаменитый писатель, большой мастер долгого и расчетливого картежа; некогда он много пил, а теперь вот уже три года как был верным рабом морфины. Сегодня игра шла вообще без хозяина, тот сказался нездоровым. По теории, в этом случае возглавлять стол должна была бы его матушка – тоже великая мастерица и винта, и преферанса. Но нынче не вышла и она, годы брали свое.

Последний раз Станислав Люцианович виделся со старухой девятого, в день именин ее, и старуху преферансом очень утешил, – хотя для него самого была эта в целом тоже отличнейшая игра тем же, чем для любителя очищенного вина – кларет. Сегодняшний бридж тоже особой радости не принес, ибо за столом сидел новичок, молодой и противный, хотя с некоторым литературным именем. Впрочем, видал Станислав Люцианович таких новичков: если б не имя хозяина, после полуночи непременно появилось бы предложение перейти к настоящей игре, – однако затевать шмендефер в этом доме было и неприлично, и... еще неизвестно, кто ушел бы с шерстью, а кто стриженным. Проиграть много Станислав Люцианович не мог просто физически, не того класса он был игрок, – но что радости за таким столом? Так что ночь пропала, ни физического успокоения не принесла, ни денег, на которые он отчасти рассчитывал. Последние, добытые другом-пушкинистом в аванс под книгу переводных стихотворений другого еврея, петербургского, шли к концу, и это никак радовать не могло. Станислав Люцианович никогда не был хоть сколько-то богат, но боялся нищеты. Порой боялся вообще всего на свете.

А теперь, когда вот уж полгода прошло с тех пор, как застрелился Ли, настроение было совсем из рук вон. Он все хуже переносил одиночество, даже совсем короткое, и даже сегодня в трактире предпочел не оставаться за столиком наедине с собой. Одновременно в трактир вошел очень высокий, одного роста со Станиславом Люциановичем, старик, и как-то получилось, что за столик у окна с видом на Сухареву башню они сели одновременно.

Заказ завтрака упрощался для Станислава Люциановича двумя обстоятельствами: скудостью наличности и скудостью того меню, какое вообще соглашался принимать в себя его очень и очень нездоровый организм. Ел он почти одно только мясо с макаронами всю свою сознательную жизнь, кроме разве что двух очень голодных отрезков времени, выпавших в начале войны. Старик заказал отчего-то то же самое, и очень посетовал на реплику полового, что “какавы по военному положению-с...” Станислав Люцианович этот напиток тоже очень любил, но ведь и вправду “военное положение-с...”

К тому времени, когда белоснежный половой принес горячее и кофейнички, они со стариком уже перекинулись фразой-другой из тех, что предшествуют доброжелательному разговору хотя бы до окончания трапезы. Старик похвалил “Викентьича” за чистоту, которой трактир и вправду отличался от прочих на Сухаревке: видно, потому что хозяин сменился в нем недавно, и трактир быстро набирал популярность у москвичей. Похоже было, что не век вековать этому кряжистому астраханскому мужику на задворках рынка. А к тому же расстегаями он мог заткнуть за пояс кого угодно, пожалуй, что и знаменитую “Прагу”. Похвалил трактирщика и Станислав Люцианович, добавив расхожее мнение, что “Викентьич” далеко пойдет. Тут старик поперхнулся.

– Не скажите, не скажите, милостивый государь, – произнес он, запив кашель “квасом”, – жизнь так устроена, что многим из тех, кто собирается в ней далеко идти, приходится на самом деле далеко ехать, а уж если и идти, то даже слишком далеко и совсем не туда, куда хочется. Причем и такая участь еще не худшая, хуже всего – идти и не добровольно, и не далеко. Тогда плохо совсем. Но пока время не придет, то и час не настанет, извините за странную пословицу, она у нас в роду.

Мрачноватая мысль старика как нельзя более соответствовала собственному настроению Станислава Люциановича, но он все же полагал, что при любом раскладе уж кто-кто, а “Викентьич” из всех водоворотов верхом на расстегае выплывет и, хоть падай на него австрияцкие “чемоданы” с зажигательной смесью, будет только богатеть да богатеть. Именно у таких людей, правда, когда они свежие-приезжие, от пяти тысяч, проигранных за ночь, голова не болит. Сам-то Станислав Люцианович только однажды в клубе выиграл столько, даже больше, но случай пришел под утро и денег в банке оказалось всего девятьсот рублей – теми пришлось и обойтись, шмендефер был в клубе все-таки несовершенно нелегальный. Слишком любил Станислав Люцианович саму игру; быть может, поэтому в настоящие карточные профессионалы

идти не намеревался и оставался литератором, поэтом, критиком и прочее, если платили хотя бы полтинник со строки.

Философская реплика старика, вместе с принятым еще натошак стаканом кисленького, наконец-то отвлекли мысли Станислава Люциановича от картежной темы. Зато вновь проступило мучившее его в последние месяцы еще больше, чем одиночество, острое чувство какого-то разлитого во Вселенной отчаяния. Посреди ночи просыпался он от кошмаров, другой раз не засыпал и вовсе, лежал до рассвета, переживая ужас повторимый и повторяемый, усугубляемый малейшими причинами: криком на улице, расплзающимся по дому запахом жареной рыбы, пением зажившейся осенней мухи в комнате, которуюонзанимал сейчас у старшего из братьев, у того, что был на два десятка лет его старше, имел хорошую юридическую практику, брался за трудные гражданские иски и к самому младшему в семье относился вполне по-отцовски. Если бы не старший брат, вряд ли был бы Станислав Люцианович тем, чем оказался теперь – картежником с примесью литератора, а был бы он большим петроградским поэтом, наехавшим в родную Москву к брату на харчи от холодной зимы и от слишком уж придвинувшегося к столице фронта. Самого его в армию не брали, на щеках играл яркий румянец и, хотя настоящей чахотки у него, кажется, не было, но в призывной комиссии, где был он дважды, только бросали взгляд на его затянутую в корсет фигуру и сразу изрекали: “Не годен”. Он боялся туберкулеза, хотя почти что сам себе его придумал: неудачно поскользнулся в гостях у очень приятной собою поэтессы, ударился позвонком, и с тех пор жил с малой, но непроходящей болью в нем. Даже корсет снимать было боязно, хотя надел он его впервые именно для призывной комиссии. Но вот придумалось, да и поселилось. Досаждал ему и фурункулез, но это, видимо, от неумеренного питания, да еще, быть может, от вечных макарон с мясом. Но ничего другого Станислав Люцианович есть не умел.

Он мучительно готовил к изданию третью книгу стихотворений, десятки раз менял название, переставлял строфы, менял порядок содержания, – при этом нового писал очень мало, все больше критику, все больше о русской поэзии, о нынешней и о прежней. Получался небольшой доход, то складывавшийся с картежным, то им пожираемый, но единожды статьи были уже изданы под одной обложкой и доставили Станиславу Люциановичу прочную репутацию, впрочем, не очень лестную: мол, как поэт он так себе, зато и знает, и понимает. Кажется, сочинили эту легенду друзья-писатели, свято верившие, что картами “Люцианыч” загребает большие тысячи. Сами своей выдумке поверили и

сами стали “приработку” завидовать: на это ведь и впрямь талант нужен, потрудней это, чем про митиленскую прохладу сочинять фетовским размером. Станислав Люцианович, беря карты с зеленого сукна, иной раз думал то же самое.

Стояла поздняя осень, почти уже зима, на улицах то и дело попадались парни с гармониями и стоял бабий плач. Мобилизация шла непрерывно, даже в бескрайней империи не хватало людей для длинного фронта на западе, дела на нем обстояли все хуже, носились в воздухе также слухи о революции, которой все время один только Распутин и мешает, но это мы уж как-нибудь, это нам не в первый раз, бывало хуже, пусть только нас господин Мережковский каким-то неведомым “Тришкой” не пугает. Словом, в воздухе веяло переменами. Все ждали, что будут они к лучшему, но Станислав Люцианович почти твердо верил, что таких не бывает, ибо всё на свете – только к худшему. Да и старик-визави, ливший тонкую струйку кларета в чашку, думал так же. Все до единого его суждения были эсхатологичны, притом ничуть не дышали старческой злобой на мир из-за невозможности пользоваться радостями жизни по болезни и по дряхлости; нет, его мирный пессимизм опирался на что-то вроде точного знания. Знания, что все плохо – но это не повод отчаиваться. Станислав Люцианович слышал про такой подход к жизни, но сам видел его впервые.

– Нет, вы не подумайте, что я лично здешнего хозяина имею в виду. Даже если нет у него, предположим, особенно блестящего будущего в ближайшем будущем, кто же может загадывать на времена еще более отдаленные? Мало ли людей, да что там, династий, держав, наконец, отслужат свой срок, впадут в забвение, всё, кажется, в их жизни уже случилось – а нет, пройдет сколько-то годков, и все для них, оказывается, только начинается, да еще и с новым блеском.

Старик помолчал, медленно пережевывая гордость “Викентьича”, а Станислав Люцианович ее не тронул – рыбу в тесте он есть не умел.

– Тема эта интересная! Вон Данилов говорит, что иной раз один и тот же экземпляр книги приходит к нему раз до двадцати. И то подешевле он ее продаст, то подороже, так и служит ему книга, пока вовсе не рассыплется. Вы ведь, простите старика за вольный вопрос, тоже из пишущих? – Визави намекал, видимо, на длинные артистические волосы Станислава Люциановича, получил в ответ сдержанный кивок и продолжил: – Кстати, случилось мне когда-то в Туле побывать, так не поверите, престранный видал я там памятник, как бы с двумя лицами, в разные стороны глядящими. Монумент, говорят, в честь одного

литератора; помнится, это по его воле ему после смерти такой памятник поставили. Даже лицо у него как будто ваше. Не имеете отношения случайно?..

Станислав Люцианович в Туле бывал, никакого он там памятника не видел. Впрочем, всякое могло быть – стоял памятник, да не стоит уже, старик, быть может, еще при Пушкине родился. К тому же, как обмолвился он в одной из первых фраз, был некогда лицом военным, а теперь числился в отставке при небольшом чине. Мало ли какой предмет мог показаться ему двуликим памятником литератору – Янус какой-нибудь губернский в саду чьем-нибудь.

– Впрочем, это, кажется, слишком... далеко было, чтобы вы помнить могли. В совершенно другие времена.

– Я, простите, более современной литературой занимаюсь. Также и Пушкиным, и Державиным, но более – современными авторами. К нынешним поэтам люди вашего возраста равнодушны ведь чаще всего.

– Да нет... – старик вдруг словно опомнился, – позвольте, кстати, представиться: штабс-капитан Янов. В отставке, разумеется. Но в молодости, в молодости... очень, очень я изящной словесностью бывал увлечен. Поэтами начала века интересовался, а как же, весь мой интерес к эпохе – из-за них. Начало века, верите ли, нет ли, это моя первая и самая большая страсть, моя жизнь, если на то пошло. Вам, быть может, такое престранно от военного человека слышать, но я ведь и сам пописывал кое-что, в подражание тем, которые в начале века.

“Вот оно что, – со скукой подумал Станислав Люцианович. – Старый бумагомаратель. Сейчас начнет юность вспоминать и свои опыты декламировать. Луна-волна. Тебя-любя”. Но нечто в облике старика было приятно, некую горькую симпатию вызывал сей встреченный случайно человек, наподобие той, которую вызывает давно ослепший или давно потерявший руки: его незрячие глаза, возможно, еще видят солнце золотого века России, его отсеченные ладони осязают еще, быть может, шершавую рукоять дагестанской шашки, атлас жаркой талии, холодок почти уже канувшего столетия, которое совсем недавно еще странно было и называть “прошлым”. Но тоска старика едва ли была о прошлом. Так что, о будущем? Теоретически такое могло бы приключиться, старику на вид казалось под восемьдесят, едва ли долго протянет. Подобной тоски о прошлом в будущем Станислав Люцианович и выдумать не взялся бы, ему становилось интересно. Даже если придется слушать уж и вовсе плохие стихи.

– А потом вот вжился в эпоху... поглубже. И тогда, знаете, писать перестал. Только читал уже с той поры. Хватит мне того, что с тогдашними поэтами могу одним воздухом дышать. Общим.

Фраза казалась бессмысленной: кларет, что ли? Но старик без остановки продолжал:

– Только вот ведь и более поздние писатели были замечательные. А их-то я себя и лишил, по доброй воле. И без некоторых книг, которые в юности читал, теперь очень тоскую. Перечесть негде.

– Отчего же, многие книги можно у букинистов найти. У того же Данилова. – Станислав Люцианович старался держаться сухо и сдержанно, чтобы старик не свернул с загадочного монолога на все еще небезопасные цветы своего юношеского вдохновения, не приведи Господи, начнет Олина читать, или “Птичку” Туманского, – над котлетами-то! Они у “Викентьича” были отменные, шел от них горячий и свежий мясной пар, некоторое время собеседники молчали. Потом старик продолжил, и как раз в прежнем духе.

– О нет, тех книг уже не найти ни за какие деньги, они все слишком недостижимы. Впрочем, это все мечты и вовсе неинтересные рассуждения. Кстати, вы поэта Кончакова знать еще не изволите? – старик сжал губы, словно боялся рассмеяться. “Ну вот, – подумал Станислав Люцианович, – дождались”.

– Не доводилось. Он печатается?

– Разумеется, хотя... пока что это еще не настоящее. Полагаю, у вас с ним состоится знакомство, просто не может иначе быть, не в ближайшем будущем, правда, но отчего-то именно так мне непреодолимо кажется. Непременно вы с ним познакомитесь, так жизнь устроена, что... вы, по всей вероятности, может быть и несомненно, есть к этому все основания, должны будете с ним познакомиться.

Выражение лица штабс-капитана изменилось, он продекламировал:

Несчастный дурак на берлинском дворе
Поет о туманной заре,
И надо бы бросить башмак в дурака,
Да не стоит дурак башмака...

– Вам, конечно, сейчас еще вряд ли нравится, – оборвал старик сам себя.

– Отчего же, но по четырем строчкам судить трудно. А ведь это стихи на злобу дня, отклик на военные события и сатира на Вильгельма, думаю...

– О нет, нет. Ни в коем случае не сатира. Впрочем, неважно. Разве мало и в истории искусства таких случаев, когда произведение обретало новое значение, едва проходило... так ли много времени? А династии? Сколько их было реставрировано? Бурбоны, Романовы, Стюарты...

То ли штабс-капитан заговаривался из-за возраста, то ли представлял собою редкий тип защитника личного мнения царя Михаила Федоровича, считавшего, что никакие бояре его на царство не выбирали, а прямо принял он престол от своего родича Ивана Грозного, – над этой точкой зрения, впрочем, кто только не потешался во время славного юбилея три года тому назад – перед самой войной.

Старик тем временем доел котлетку, допил “квас”, позвал стуком ножа пологого и спросил еще кофейник. Половой окинул его оценивающим взором, – пьяным клиенту по военному времени быть совсем негоже – но свое мнение составил, оказалось оно в пользу гостя, и кофейник появился, а половой растаял в воздухе. Ниоткуда затем явился и кофий, – гороховый, правда, но неплохой. Завтрак затягивался. Станислав Люцианович нынче все-таки не спал, и беседа готова была тихо скончаться.

Но что-то в монологе старика, в разговоре о какой-то реставрации, когда все кругом только и бубнят о революции, вдруг напомнило Станиславу Люциановичу голос неизвестно куда девшегося минувшей весной петроградского поэта Игоря Юрьева, человека безусловно одаренного, хотя порой и невыносимого, в каждой строфе у него имелось от одного до пяти таких слов, за которыми приходилось лезть в Брокгауза. Исчез он почти тогда же, когда бедный Ли застрелился в Минске, украв револьвер из чужого стола. Память о тех днях у Станислава Люциановича болезненно дремала, но и разговоры, и интонации Юрьева вспомнились сразу. Лично знаком он с петроградцем не был, один раз попал на его выступление в какой-то не самый почтенный салон, обменялся пятью словами – и всё; кроме того, оба поэтических сборника рецензировал в “Утре России”, находил у того дарование, но полагал, что все это какая-то рифмованная геология, то есть область, равно бесполезная и геологу, и поэту. Что и говорить, были эти стихи куда аполитичней рассуждений штабс-капитана, но что-то общее тут имелось. Словно один и тот же человек, прожив долгую жизнь, примирился и простил кому-то тяжкую обиду, ибо удалиться от него эта обида в пространстве и во времени. Коль скоро старик позволил

себе уйти в литературные темы, Станислав Люцианович решил и сам задать вопрос.

– Я, простите, могу ошибаться, но ваше лицо мне напоминает одного человека. Его зовут Игорь Юрьев, он исчез из Петрограда весной, поэт был не из последних... – Тут Станислав Люцианович душой pokrивил, но полагал, что родственнику что-то такое все же услышать непременно полагается.

Штабс-капитан понимающе кивнул, выражая что-то вроде сдержанного сочувствия.

– Игорь Юрьев... Нет, он не умер, не тревожьтесь. Он, знаете ли, наследство получил в некотором роде... Вынужден был начать жить заново. Он всегда мечтал о Париже, впрочем, в Париже тогда была война. Он мог мечтать и о каком-нибудь другом городе... Вам с ним едва ли доведется свидеться, уверяю вас, но тем не менее все с ним хорошо. Так мне кажется отчего-то. Хотя я, если желаете, мог бы ему что-то передать, если у вас к нему важное... Он ведь мой сравнительно близкий родственник, сын сестры моего брата... сводного. Постойте, сколько же ему... весной... было лет? Родился в пятьдесят восьмом, значит, до восемьдесят второго двадцать четыре, да еще пятнадцать, тридцать девятый ему шел... Для поэта, конечно, уже многовато, а вообще-то совсем еще молодой был тогда, и обстоятельства непреодолимые...

Старик что-то безнадежно путал в подсчетах: ни он сам, ни Юрьев в пятьдесят восьмом году родиться никак не могли, старик был лет на двадцать старше, исчезнувший Юрьев, напротив, лет на двадцать моложе. Речь старика напоминала знаменитый трактирный подсчет по “Петру Кириллычу”: “Сорок и сорок – рупь сорок...” – почти бессмыслица, нужная лишь для того, чтобы уйти от темы. Видимо, не так уж просто все с этим Юрьевым обошлось. Кстати, на вид Юрьеву, когда его видел Станислав Люцианович, тридцати девяти быть не могло – едва ли тридцать. Против намерения окончить завтрак, Станислав Люцианович спросил еще кларету – и тут же его получил.

– Скажите, – продолжил Янов после долгого глотка из кофейника, – вы задумывались, в какое живете время?

– В нелегкое... – ответил Станислав Люцианович и тут понял, что разговор не закончился, а как раз наоборот – начинается. – В военное время. Так думают все, кто думает о России. Во мне русской крови нет ни капли, но другой родины у меня нет. Но ведь и войне когда-то же придет конец, будут ведь и перемены...

Старик чуть усмехнулся.

– Тут вы правы. Но перемены, полагаю, вам понятно, в такое время возможны только к худшему. Всегда, везде, никак иначе, и именно вам, мне так видится почему-то, суждено это понять и утвердить лучше, чем другим, хотя... хотя... вы – счастливый человек.

Станислав Люцианович оторопел: старик ясно произнес название его собственнойвторой, то есть пока что последней изданной, поэтической книги. Интонация его чуть ли не прямо намекала: Янов отлично знает своего собеседника. Откуда бы? Никакого ключа к пониманию его собственной личности, кроме сомнительного родства с вовсе уж непонятым Игорем Юрьевым, не отыскивалось. Поэтому волей-неволей пришлось вернуться мыслями к пропавшему поэту. Стихи тот писал, сколько помнилось, обо всяких допотопных чудовищах, которым Кювье с учениками надавали названий, и еще о Ниобеях и Навзикаях, которые с этими монстрами ухитрились порою вмещаться в одну и ту же строку. К символистам был он не ближе самого Станислава Люциановича, хотя как бы с другой стороны. В “Аполлоне” его высмеивали, хотя, помнится раз или два печатали. Книги просто не раскупались – но кто нынче раскупается? Все то же – Надсон... да вот Северянин. Ну, Блок. Впрочем, один подход к любому литератору у Станислава Люциановича всегда был. Пришлось врать прямо в глаза, потому как стало любопытно.

– Может, все-таки вы могли бы подсказать, как связаться с Игорем Юрьевым. Это не мне нужно, ему ведь Шацкина деньги должна: хоть и немного, но полтинник за строчку она всегда платит. И в “Полифеме” совсем ведь недавно стихи были. – Станислав Люцианович вдруг понял, что и не врет даже, ибо в последнем номере стихотворение Юрьева как раз мелькнуло и понравилось даже, хотя всего три строфы там было. Видимо, завалилось в редакционном портфеле.

– Вы передайте и Шацкиной, и... этим, словом... чтобы не изволили тревожиться. Молодой человек все сменил в своей жизни, простите, не столько не хочет он, сколько не может поддерживать прежних связей. Всякое ведь с человеком в молодости бывает.

Если верить Янову, молодость Юрьева носила относительный характер – почти сорок лет, но старику его вероятный родственник, видимо, казался юношей.

– Но деньги-то?

– Нет, и денег не надо. Игорь Юрьев человек обеспеченный. По крайней мере теперь. Он, простите, что напоминаю, получил заветное

наследство. Ведь и наследство – это к нашему прежнему разговору – тоже в сущности вещь, живущая заново! Второй раз, третий...

Старик все так же ничего ясного не хотел сообщить о судьбе родственника. Значит, не погиб Юрьев ни в какой готической истории, романтики тоже никакой – деньги получил, наследство. Тогда были мегатерии и навзикаи, но теперь всё, никаких навзикай, поехал куда-нибудь в усадьбу хорошо жить. Заветное наследство... Тьфу, но ведь это цитата из прошлогоднего, помнится, стихотворения Мандельштама: этот почти еще юноша с первых строк показался. Старик был все-таки что-то уж слишком начитан в области того, что пишут новейшие. Тут Станислав Люцианович вспомнил петроградского генерала, у которого, как в усадьбе, на квартире жили красивой жизнью чуть ли не все кубофутуристы. Не из такой ли породы визави? Хоть и не генерал. Впрочем, что-то не сходилось и в этом, уж очень грубо сочиненном варианте.

– А вы ведь еще не бывали в Париже? – спросил старик, недвусмысленно выделив слово “еще”. Станислав Люцианович только усмехнулся про себя. На поездку в Париж у него никогда не было денег. В Италии он, впрочем, побывал, но больше за границей – нигде. Не жениться же на миллионерше... Впрочем, с амурными делами у него и в прошлом, и теперь дела обстояли неважно: орел – решка, стерва – сука, вечная чересполосица, а насчет любви, так пусть кошки мышам о ней пишут.

– А я вот побывал там... В начале восьмидесятых, и еще однажды... Долго, словом, там жил. И видел много любопытных людей – в самый первый еще раз. Русские люди очень часто живут... жили и умирали в Париже. Может быть, в Париже и полагается русскому человеку умирать. Жаль. Но это все к делу не относится. На войне как на войне.

– Но вы ведь на фронте не были ни в эту войну, ни в японскую?

– Помнится, вы об этом с Юрьевым беседовали... Ему ведь в девятьсот четвертом всего двадцать седьмой год шел, так что... Да что это я о пустяках. Скажите лучше, а такие стихи вы как находите: “И каменный дом – это каменный дом, / И белая лошадь стоит под окном, / Никто не поможет, ни дьявол, ни Бог. / Танцует со шваброй солдатский сапог...” Он переждал и продолжил: “По улицам ветер несет шелуху. / Напялив халаты на рыбьем меху, / Бегут эмигранты нестройной гурьбой...” – Последнюю строку штабс-капитан попридержал, но все-

таки выговорил, – быть может, не без влияния допитого кларета: “В Москве Маяковский покончил с собой”.

– То есть как покончил? – удивился Станислав Люцианович, – футуристы с собой не кончают, они все хотят кому-нибудь морду набить. Как такое может быть, то ли я все новости за картами...

– Да нет, конечно, нет... пока. Это все мечтательные измышления моегоюногодруга Кончакова. Впрочем, что мы о таких отвлеченностях. Скажите, а в каком городе, если бы у вас был выбор, вы бы хотели умереть?

Станислав Люцианович поразмыслил.

– Мне кажется, каждый человек волен для себя такой город выбрать. Приехать в этот город, взять номер в гостинице, зарядить револьвер поаккуратнее... Впрочем, порою мне кажется, город сам выбирает человека. – Ему вспомнилось, как Ли застрелился в Минске. – Можно, думаю, просто приехать в такой город и жить в нем. Пока не умрешь. Мне, к примеру, и Петербург... виноват, Петроград... равно любезны. Разве плохой выбор?

Янов улыбнулся. Так улыбается только рыбак, следящий за дрогнувшим поплавком. А Станислав Люцианович нутром чувствовал, что проглотил не наживку даже, а голый крючок. Поэтому очередной кофейничек появился на столе именно по его требованию, причем наливали из него в обе чашки. Народу было уже немало, но половой не выказывал недовольства: гости не штаны просиживали, а делали заказ. В кофейничке на этот раз против всяких ожиданий обнаружился крепкий, грубоватый портвейн: видимо, долго пьющим гостям его подавали тут по взаимопониманию. Станислава Люциановича это устроило в высшей степени, да и к разговору именно портвейн годился, – может быть, своей нереальностью.

– Мне, конечно, хотелось бы побывать в Париже – ринулся Станислав Люцианович уже как в омут с обрыва, – видимо, Юрьеву тоже хотелось? Как там сейчас? Вот и думаю, может быть, еще побываю...

– Да, да, вы еще не бывали... Но побываете, не сомневайтесь. Это тоже характерно для... нашего времени. Хотя я не хотел бы в Париже умереть, там очень плохо ухаживают за могилами. Вы представить не можете, какой был скандал в восьмидесятых, когда оказалось, что могила чуть ли не лучшего русского поэта там стоит в заброшенном виде – и крест обрушен. Студент голландский обнаружил, сраму-то... Так и стояло, пока вдова из-за океана не примчалась. Не его одного вдова,

впрочем, вдова много чья... А умер давно, то ли в тридцать седьмом, то ли в тридцать девятом, от печени, кажется...

“Какой там еще лучший поэт похоронен в Париже? В тридцать седьмом – да, Пушкин, но печень тут при чем, да и Париж?” – успел подумать Станислав Люцианович, а старика несло дальше:

– Да, вы правы, это хорошо – жить, пока не умрешь. Для человека ведь обычно и неважно, где умирать, важно, когда. Иной согласен, чтоб где угодно – лишь бы попозже. Другой, напротив, считает, что чем раньше, тем лучше... как вот друг ваш, например, которого вы упоминали. Да, Париж.

Станислав Люцианович готов был поклясться, что о самоубийстве Ли он за столом не упоминал – но тут уж, видимо, был портвейн виноват.

Создавалось впечатление, что весь разговор идет вообще о чем-то совсем другом, о чем на самом деле за столом не говорится ни слова. Это вовсе не была обычная болтовня военного времени о жизни и смерти – где и когда умирать, где, когда, может быть, воскресать и служить заново; такой разговор был бы для этих дней так же необязателен и пуст, как “Лукоморье” младшего Суворина. Там, правда, платили, а тут приходилось приплачивать за портвейн.

– Хотели бы вы заново прожить те же годы, что уже прожили? Нет, не начать жить заново, а вернуться в какой-нибудь определенный год, и снова жить рядом с самим собой, даже, возможно, рискуя себя же самого встретить. Чем не сюжет?..

– Трудно сказать сразу. Но, думается, дьяволу таким предложением меня искусить не удалось бы.

– Всё-то вам позаманчивей бы... А нам-то... А вот нам, может быть, и не только мне одному, трудно как-то поверить, что выпало мне одному эту тропинку найти, – нам только такая вот судьба и казалась заманчивой. Не жили вы в те, в другие годы. Представьте, что живете вы в одном времени, а влюблены в другое. Скажем, можете вы уйти... во времена, когда Пушкин лицом заканчивал. И вы за ним черновики можете подбирать. А потом, когда его убьют, – этому вы помешать не можете, – вернетесь к лицу еще раз и будете подбирать все те черновики, которые в первый раз подобрать не успели. А потом, если захотите, в третий раз...

– Надоест, – ответил Станислав Люцианович на паузу в речи Янова. Пушкиным он занимался много, но обрисованная стариком перспектива сразу породило в нем глухое недовольство самой своей

кошунственной возможностью. “Мало ли что там в этих черновиках обнаружишь”, – подумал он, вспоминая свои собственные черновики, тщательно уничтожаемые – хотя, увы, не так уж тщательно. Вот недавно в своей же галоше один такой нашел, правда, стихотворение оказалось приличное, доработал и в книжку вставил. Но мало ли что так найти можно.

– Деловкуса, милостивый государь, – хрипло ответил старик.

В глазах его, полных старческой голубизны, сейчас стояла темная пророческая вода, в которую даже искушенному Станиславу Люциановичу заглядывать было боязно. Неожиданно он представил старика в качестве партнера по бриджу, и подумал теми же словами, что и обычно в таких случаях за картами: “Какой отличнейший партнер, надо бы в жизни подальше от него держаться”.

– Все дело в вашем отношении к той эпохе, в которую вы идете по тропинке из своего времени. Ясное дело, в будущее вы влюблены быть не можете, его кто же знает. Вы вспомните тех, кто видел будущее более или менее ясно – чем хорошим для них знание будущего оборачивалось? Кассандра, Тиресий в Греции, в Риме еще тоже были... Да чего там, Сухаревская башня вон рядом стоит пока что – так Брюса помните? А в конце восемнадцатого века – последние русские предсказатели, Андрей Враль, Авель... Чем хорошим для них все обернулось? Тюрьмой, милостивый государь, или записью в скорбность умом. Один Мишель Нострадам, кажется, из будущего извлек немалые деньги, но только потому, что говорил уж так туманно, так рифмовано, что каждый его “Сотни” читает и что удобно, то и находит. Так что видеть будущее худо-бедно еще можно, но о нем непременно надо молчать. А влюбиться в него, уйти – это никогда и никому не дано, хотя, конечно, можно во имя этого будущего, ничего не говоря, зато давая обещания, много народа надуть. А тоска по прошлому зато – кто не болел ею? Разве вас эта болезнь миновала? Разве мало вы таких друзей нынче имеете, которым дорог шестнадцатый век во Флоренции, либо же восемнадцатый в Версале? Найдутся, кстати, и любители самых препоганых эпох – очень уж все привлекательно выглядит с дальнего расстояния.

– Не хотите ли вы сказать, что когда-нибудь станет возможно влюбиться и в российское начало двадцатого века? – Станислав Люцианович, видимо, в силу большого количества крепкого портвейна, уже окончательно принял словесную игру старика, – когда на фронтах удушливые газы применяются, я вот у Канатчиковой дачи позавчера

был, через решетку смотрел на офицеров, с фронта привезенных. Разве такой ужас был когда-нибудь? А Распутин? А дороговизна?

– Да, дороговизна, – старик сумрачно осклабился, – соль в нынешнем году уже полкопейки фунт... Ну, это еще не так дорого. Соли всюду грош цена – просыпали, ну, и так далее. Нет, эти стихи вам не понравятся, вам их не прочесть, – впрочем, могу и ошибаться, не помню. Я о другом. Не буду вас уверять, что у этого... у вашего времени будет столько поклонников, как ни у какой другой эпохи за всю российскую тысячу лет. Не буду.

– Но ведь кончается что-то... Значит, и начнется что-нибудь?

– Вот-вот-вот... Так вот, представьте вы, что начнется, что окажется – на ваш собственный взгляд – неизмеримо хуже. Таким оно скверным станет, что и вообразить нынче вы не можете, нет в человеческом языке слов для этого. Пока что – нет. И так несколько раз: дальше – хуже. Но, конечно, не до бесконечности, и в какой-то момент совсем плохое начнет казаться не окончательно плохим по сравнению с чудовищно отвратительным, и тогда вернутся времена уже лишь относительно плохие, такие времена, когда хоть можно дух перевести и взглянуть назад – чтобы увидеть, ну... ну хотя бы нас с вами за столиком у Викентьича. И вот оглянется потомок... и захочет к нам с вами за столик. Третьим будет.

– Стул попросить надо... – машинально сболтнул Станислав Люцианович, но тут же подхватил нить игры. – Да, ужасный вы вариант придумали, но ведь правдоподобный...

– И вот... появится у него, у потомка, специалиста по истории и теории... неважно чего, но появится у него возможность уйти в какой-нибудь один давний, специально выбранный год. Чтобы жить, с него начиная, покуда не придет другой год, в котором жить уже нельзя, эпоха в нем кончается.

Тогда надо прийти к той же тропинке и опять уйти к началу и снова прожить, сколько хочется – ни с каким дьяволом ничем не рассчитываясь, просто как в дверь сквозь стену войти и с другой стороны выйти – примерно как у одного английского писателя описано, он скоро, кстати, в Москве будет... ну, да Господь с ним. До того самого неприятного года, – или, скажем, до конца мирного времени, если думать о войне станет особенно гадко. Ну, и в третий раз... словом, покуда просто не пройдешь весь свой земной срок. Только уговор – не встречать самого себя. Впрочем, это как раз просто – только и дела, что в другом городе селиться.

– А если встретишь самого себя? Себя самого... на глади зеркальной? – Станислав Люцианович подхватил манеру старика говорить оборванными цитатами из современной поэзии. Старик опознал Блока и одобрительно кивнул.

– Настоятельно не рекомендуется, ибо вызовет возвращение назад, за стену, в точку, из которой пришел. А потомку туда нельзя: там только что помер занудный и косноязычный дед, думавший, что чем-то управляет... Думаю, он сейчас где-нибудь в глухой провинции в школу ходит, ребяенок такой безобидный. А там, потом... Ну, нельзя там быть, там вот-вот охота на ведьм начнется, словом, простите, и сам не знаю, что там дальше будет, но страшно и мерзко. И нельзя туда, и не надо поэтому.

– Дичь какая-то, – возмутился Станислав Люцианович. Нереально просвечивающий мир трагического и величественного будущего – вдруг в него почему-то нельзя. Чушь. Не бывает. – Сатира, простите. Низкий жанр, – сказал он вслух.

– Жизнь вообще очень часто пахнет одною сатирою, только не все это видеть хотят. И вот, простите уж, dokonчу. И вот уйдет потомок в прошлое, скажем для примера – в одна тысяча девятьсот первый год. И начнет вживаться в эпоху – неторопливо, как у себя привык, там время вообще медленнее идет. Проживет лучшие годы своей молодости и ранней зрелости рядом с вами... и со мной. А потом, когда срок придет, уйдет в тот же самый год во второй раз, ну, на час позже выйдет, чтоб с собой не встречаться. Очень еще будет жалеть, что парижскую выставку тысяча девятисотого года так и не может своими глазами увидеть. И зрелость свою всю промотается по белому свету, даже в Трансвааль заедет, хоть война давно и кончилась. А под вечер наступающего четырнадцатого года уже зрелым, отпраздновавшим пятидесятилетие человеком, выпьет бокал настоящей “Вдовы Клико”, и снова уйдет в девятьсот первый. Заберется в культурную провинцию у себя на родине, вовсе уверенный, что больше никогда никуда идти не придется. Но в тот же самый новый год четырнадцатого поймет, что шестьдесят три – еще не настоящая старость, а хуже не будет, чем доживать эту самую настоящую старость в голодном Киеве... или неважно где. Словом, уйдет он в девятьсот первый год снова...

Старик замолчал, надолго припал к чашке почти допитого портвейна. Станислав Люцианович уже не помнил – который же это по счету, и соображал, откуда возьмет столько наличности. Впрочем, старик явно собирался платить за себя сам, так что ничего страшного. За

путаными ходами мысли штабс-капитана он уследить уже не мог, но идея судьбы добровольного Агасфера, проживающего во времени все одну и ту же эпоху, была страшна и необычна, а особенно – непонятно было, зачем такой сложный сюжет привязывать именно к нынешнему, отнюдь не такому уж привлекательному времени. Станислав Люцианович долго смотрел в окно на Сухареву башню, а когда возвратился взглядом к опустевшему кофейничку, то обнаружил, что на столе появился еще один предмет, видимо, извлеченный стариком из кармана. Присмотревшись через очки, Станислав Люцианович понял, что перед Яновым разложен план города Одессы, вынутый из Бедекера за 1896 год.

– Ведущие к морю ступени... – пробормотал старик, углубляясь в изучение плана, – Вы ведь никогда в Одессе не бывали?

– Был, но коротко. По дороге в Италию, пять лет тому назад.

– Да? Об этом, кажется, в мое время никто не писал...

Реплика была очевидно бессмысленна, если только невероятный старик не служил в тайной полиции. Но с метафизикой жизни, идущей по кругу, как цепь на велосипеде, подобная служба как-то не связывалась. Станислав Люцианович чувствовал, что явно перебрал содержимого кофейничков, устал как собака и от дальнейшей беседы проку не будет: позвал полового и расплатился. Попрощался со стариком, – тот поднял на него бледно-голубые глаза и поморгал. Слова не вырывались из его горла, только катался кадык на шее, покрытой возрастными пятнами. Одними губами сказал он что-то, быть может, даже и не по-русски, а на каком языке – поди угадай. Станислав Люцианович счел прощание оконченным. Надевая остроконечную котиковую шапку – тоже подарок брата-адвоката – он обернулся. Штабс-капитан Янов сидел за тем же столиком, низко склонившись над планом города Одессы.

Этот план, да и сам старик, неоднократно вспоминались Станиславу Люциановичу тремя годами позже, в той самой Одессе, куда занес его пыльный ветер переворота, и вот-вот, с уходом французской эскадры с рейда, грозил этот ветер смести его дальше – то ли в море, то ли в Бессарабию, то ли в Турцию. Станислав Люцианович совсем оголодал за последние годы, даже забыл свое отвращение к любой еде, кроме макарон с мясом: есть приходилось то, что удавалось добыть, ифурункулез замучил его вконец. Он долгими часами бродил по Одессе безо всякой цели и размышлял, что план города из Бедекера, пусть даже и за 1896 год, ему бы сейчас очень пригодился. Старик

вспоминался плохо, его подернула пелена нереальности, слова, размытые алкоголем, вспоминались совсем смутно. Одно не вызывало сомнений: предсказание, что дальше будет много хуже, а потом – еще хуже, уже сбылось и, вероятно, должно было состояться и все прочее. Станислав Люцианович, может быть, и не согласился бы возвратиться в тот осенний день шестнадцатого года, за считанные недели до убийства Распутина: после этого он выпустил свой третий сборник, а сейчас так же медленно готовил четвертый, понятия не имея, где его можно будет издать, но чувствовал, что книга получается куда как значительней всего, что было у него до сих пор, да к тому же предвидел, что самое важное скажет лишь потом – когда и четвертая книга отойдет в прошлое. Где-то впереди и вверху мерещилась ему такая высота поэзии, что та дорога в приморское небо, которая виделась ему сейчас, должна будет показаться низинным проселком.

В карты он больше не играл, жил продажей оставшихся вещей. С ним была девочка-жена, которую он вывез из последнего набега в Петроград, которую нужно было довести до Италии – кажется, у нее было плохо с легкими. Пережив в Питере две жутких зимы, Станислав Люцианович убедился в справедливости мнения, что холод хуже голода, и подался на юг. Оба они как-то уцелели, сейчас третий день ели купленный на предпоследние деньги кашкавал, тяжелый молдавский сыр. Девочка-жена осталась одна в нанятой комнате, а Станислава Люциановича выгнала на улицу лютая нужда: стало нечего курить. На папиросы еще хватало, на рассыпные, конечно.

Купив два десятка “Зефира” у дикого мальчишки, едва ли не китайчонка по виду, Станислав Люцианович пошел к морю: можно было еще полчаса побродить, прежде чем начнется лютый приступ одиночества, и потребность ухватиться за невообразимо сильные руки девочки-жены станет страшнее всех других – чтоб не бредить поисками яда или не кинуться в сухой колодец. Сам того не заметив, он забрел на кладбище, неухоженное и оттого совершенно утратившее право на почтение памяти усопших. “Мерзость запустения” – обычный литературный штамп – было бы для этого места еще комплиментом. Станислав Люцианович сел на край массивного надгробия и закурил.

Надпись на плите не удивила его. Он привык к совпадениям, а смерть лучшего и единственного друга, бедного самоубийцы Ли, свято верившего в свою способность влиять на реальность метафизически, убедила в том, что ливень совпадений должен рушиться теперь на него самого, одного из двоих, кто остался зачем-то жить в распадающемся

мире, где, однако, все же еще не все стихи написаны на страшном в своей красоте русском языке.

Надпись на плите гласила:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ РАБ БОЖИЙ АЛЕКСАНДР
НИКИФОРОВИЧ ЯНОВ, ШТАБС-КАПИТАН. ПРЕСТАВИЛСЯ
НОВАЯ ДЕВЯТОГО 1909 ГОДА. ЖИЗНИ ЕГО ШЕЛ ВОСЕМЬДЕСЯТ
ШЕСТОЙ ГОД. ПОМОЛИСЬ О НЕМ, СТРАННИК.

“Другой, конечно, но ничто не случайно”, – подумал Станислав Люцианович, затягиваясь. Могила штабс-капитана была такая же голая и грязная, как все кладбище, лишь тяжкая плита из непонятого камня, пока еще никем не свороченная для хозяйственных нужд, успевшая за десять лет пребывания на своем месте сильно покрыться мхом, говорила, что покойник был человек не бедный, и было кому позаботиться об установке этого печального, но не такого уж дешевого напоминания живым о мертвом. Станислав Люцианович прикинул в уме: когда они встретились у “Викентьича” с тем, другим Яновым, этот, одесский, уже семь лет как спал смертным сном на приморском кладбище. В каком же году родился этот? В тысяча восемьсот двадцать третьем, надо полагать. В царствование государя Александра Первого, выходит, при Пушкине. Так что едва ли родственник тому, московскому. Отец разве? Может быть, в конце-то концов. Но напоминание пришло с того самого дальнего холодного берега, к которому устремлена вся жизнь и где ждет его, хочется верить, душа бедного Ли. На память пришли стихи покойного друга с эпитафией из Баратынского насчет “безчарной Цирцеи”:

Пусть дни идут. И вестью дольной вея,
Меня настигла хладная струя.
И жизнь моя – безчарная Цирцея
Пред холодом иного бытия.

Вторая строфа куда-то пропала. Станислав Люцианович поскреб ногтем зелень, облепившую буквы надгробия, и вспомнил слова московского собеседника о том, что в Париже могилы лучших русских поэтов пребывают в полном небрежении. Отчего-то тут же память отдала и вторую строфу:

О жизнь моя! Не сам ли корень моли
К своим устам без страха я поднес.
И вот теперь – ни радости, ни боли,

Ни долгих мук, ни мимолетных слез.

Третью строфу Станислав Люцианович пробормотал уже вслух, вспоминая, как шевелились губы старика в миг прощания в московском трактире, что-то шепча невыносимо важное, но уже никогда не узнать – что именно, и даже не вспомнить – на каком языке

Ты, как равнина плоская, открыта
Напору волн и вою всех ветров.
И всякая волна – волна Коцита,
И всякий ветер – с Летейских берегов¹.

Ветер с моря усиливался, и Станислав Люцианович почувствовал одновременно приближение ночи и подступание ужаса. Он поднялся, погасил папиросу о надгробие и, покашливая от дурного табаку, побрел домой.

Москва

¹ Подлинное стихотворение Муни (С.В.Киссина) 1911 года

ЕКАТЕРИНА ДАНОВА

Журналист с полувековым стажем работы в России. Четверть века работала главным редактором на телевидении. Живет в Австралии с 1996 года. Публикуется в различных печатных изданиях. Регулярно выступает в русской программе радио SBS. Проводит самые содержательные экскурсии по Мельбурну. За годы жизни в Австралии выпустила 10 книг о городе Мельбурне и стране Австралии.

ТАЙНА АВСТРАЛИЙСКИХ ГАСТРОЛЕЙ ОЛЬГИ СПЕСИВЦЕВОЙ

Давно известно, что у австралийцев и новозеландцев существует богатая история подкалывать друг друга. Разногласия случились даже в отношении национального флага. Но чаще это шуточные споры по спорту или о подлинной национальности Рассела Кроу. В течение многих лет решался вопрос, кто все-таки изобрел торт «Pavlova». Хотя, судя по новейшим изысканиям, знаменитый десерт был придуман в США, да еще по мотивам немецкого рецепта!

Скорее всего, нам с вами сейчас не так уж важно, кто первым додумался прослоить меренги сбитыми сливками и добавить в них 25 г кукурузной муки со щепоткой винного камня, украсив сладкое белое сооружение киви или клубникой. Старый ли то новозеландский рецепт 1926 года или изобретение поселенца немецкого происхождения Герберта Сачас (Sachese), работавшего в гостинице Перта «Экспланада», в которой останавливалась во время своего второго гастрольного тура по Австралии Анна Павлова. Тем более, что в те поры мир, действительно, охватила «павломания»: в кондитерских Старого Света продавались коробки шоколадных конфет с ее подписью, в парфюмерных магазинах – одноименные духи, в цветочных – особый сорт роз пепельно-серого цвета с бесчисленными лепестками, а в модных лавках = расшитые шали с кистями, придуманные знаменитой русской балериной. Главное, что в 1926-1929 годах в Сиднее, Мельбурне, Брисбене и Аделаиде с триумфом прошли два тура ее группы. И в концертных

программках балета «Лебединое озеро» не проставлялась фамилия исполнителя – ведь «лебедя» никто не танцевал, кроме нее.

Рассказывают, что когда Сен-Санс увидел Павлову в этой роли, то добился встречи с ней, чтобы сказать: «Мадам, благодаря вам, я понял, что написал прекрасную музыку!» Может быть, потому, что она первой из балерин привнесла в развлекательное искусство невиданную дотоле глубину психологических трактовок. И ее имя знают и помнят жители всех государств, где есть балет. В том числе, конечно, здесь, в Австралии!

Тем не менее, одинаковое восхищение и почти в те же годы вызывала и другая великая русская танцовщица – Ол, Оленька, на афишах Ольга Спесивцева. Каким –то образом ей удалось вырваться из кровавого водоворота послеоктябрьских событий в Петрограде, и мудрая история все расставила на свои места. О ее появлении на сценах Европы сразу же заговорили, и через несколько лет сама Павлова, затаив дыхание, со слезами на глазах следила за пируэтами молодой балерины в «Спящей красавице». А в «Жизели» ей уже не было равных! Зрительный зал попадал под волшебное очарование этой хрупкой дивы с лицом мадонны, ибо то был воистину глубоко психологический танец, раскрывающий трагедию безысходной любви! Парижские газеты цитировали слова Дягилева о том, что Спесивцева – создание более тонкое, чем Павлова, писали и о том, что в мире появилось яблоко, его разрезали надвое, одна половина стала Павловой, другая Спесивцевой, и именно она – та сторона, что повернута к солнцу!

Однако жизнь новой звезды была не из легких: изнурительные репетиции, гастроли, непростые взаимоотношения с партнерами, даже с таким, как Серж Лифарь. По его воспоминаниям – и надвигающаяся на нее болезнь – раздвоение личности между реальной Ольгой и живущими на сцене ее героинями. Где она уже не играла роль, а сама попадала во власть персонажа. Доходило до посещения психиатрической лечебницы, чтобы вживе увидеть внешние симптомы сумасшествия, необходимые для такой коронной роли как Жизель. Увы, никто не мог предположить, что ее собственная жизнь закончится многолетним пребыванием в одном из подобных заведений.

Пока же Виктор Дендре, муж недавно умершей Анны Павловой, пригласил Ольгу Спесивцеву в Англию, где она в очередной раз покорила Лондон. А затем и в Австралию! И та с радостью согласилась. На Яве в течение пяти недель она тянула на себе весь классический репертуар. В Сиднее же, где к 1934 году работала своя постоянная и

неплохая труппа, публика виделась более требовательной, не говоря о том, что память об Анне Павловой была в Австралии еще очень свежа. Сохранилась фотография, сделанная художником из газеты «Labor Daily» Сэмом Худ: 25 октября 1934 год, – на Central Station в Сиднее (день почему –то выдался холодным) «Olga Spessiva» в шерстяном костюме с лисьим мехом с хвостом, головой и лапами.

Открытие сезона началось с «Лебединого озера» - в зале сразу установилась мертвая тишина, публика оставалась онемевшей до последней минуты, и лишь затем дала волю эмоциям. Это даже нельзя было назвать успехом – триумф! Ее вызывали на «бис» 17 раз, заставив повторить дивертисмент. И каждый спектакль с участием Спесивцевой превращался в настоящий праздник уже перед зданием театра. она давала по 10 спектаклей в неделю, учитывая дневные, и каждый раз с невероятным успехом.

Но однажды утром во время репетиции Ольга, не сказав никому ни слова, покинула сцену, разрыдавшись. Дендре понял, что это нервное перенапряжение и метался между театром и гостиницей. А назавтра в нескольких км от Сиднея автомобилист заметил странную женщину, бредущую по проселочной дороге. И только уговорив ее сесть в машину, узнал в ней русскую балерину, которой сам недавно аплодировал. После чего и началась тайна австралийского тура Ольги Спесивцевой. Газета «The Age» поспешила сообщить, что балерина повредила лодыжку. Один из танцовщиков в письме матери – что прима срочно отбыла в Европу, хотя в списках пассажиров 2 декабря 1934 года ее имя не значилось. Есть сведения и о том, что в течение иесяца она лечилась якобы. от туберкулеза в одном из заведений санаторного типа в Голубых горах. И, наконец, по сообщению газеты «The west Australian» балерина все из-за той же травмы левой ноги покинула континент из Перта. Неизвестно, был ли расторгнут контракт с Дендре, но гастроли продолжились в Мельбурне, Брисбене, Перте, в которых Спесивцеву заменяла Наташа Бойкович.

На сей раз, хотя вместо деликатеса, остался горький осадок, тем не менее имя Ольги Спесивцевой и 10 недель знаменитых гастролей остались в истории Австралии и в памяти здешних любителей балета!

МАЛИНОВЫЙ ЗВОН НАД КАНБЕРРОЙ

Российское: « И перед новою столицей померкла старая Москва» здесь, в Австралии, обернулась взаимными претензиями давних городов-

соперников Сиднея и Мельбурна. Сидней не мог смириться с тем, что после образования Федерации в 1901 году более четверти века Мельбурн оставался ее столицей. И если бы не английское искусство компромисса, кто знает, как долго продолжались бы споры, которые привели, наконец, к уникальному решению построить новую столицу на нейтральной территории. И, гордясь, австралийцы особо подчеркивают первый слог Can в его названии, на аборигенском наречии означающе «Место встреч», ибо с успехом, действительно, преодолели все трудности полувекового строительства и создали подлинный шедевр градостроительства.

В конкурсе, а книга со 134 предложениями, как известно, буквально обошла мир, победил чикагский архитектор Уолтер Берли Гриффин. Говорят, что нет ничего тайного, которое со временем не стало бы явным. И спустя годы все чаще упоминается то обстоятельство, что с американцем работала его жена Мэри Люси — все дело, мол, в том, что у женщины в то не очень уж далекие годы проект просто бы не взяли. А меж тем, выстроенный в полной гармонии с природой прекрасный город словно шептывает « шерше ля фам» - «ищите женщину»!

И все-таки в самом центре Канберры рукотворное озеро с береговой линией в 35 км зовется именно его именем — официального архитектора Берли Гриффина. Ибо плотина, хоть и сделана только в 1963 году, с самого начала была сердцем его проекта. В 1970-м из озера забила 6-тонная струя фонтана в честь капитана Кука высотой 144 метра. А с 10 утра до обеда и вечерами шуму его кружевного водяного шлейфа каждые четверть часа вторят удары колоколов Национального корильона — 50-метровой колокольни, подаренной и открытой Елизаветой 11 26 апреля того же 1970 года в честь 50-летия столичного статуса Канберры!

Корильон или куранты — поистине царственный музыкальный инструмент, непростой и очень дорогой. По сути это набор колоколов (от 23 до 77) разного регистра. Языки из мягкого железа прикреплены проволокой и, играя, за них дергают, ударяют кулаками по клавишам, а самые большие управляются педалями.. Сами колокола от 7 кг до 6 тонн веса, все вместе берут 4,5 октавы.

В Европе корильоны появились в 15 веке, и профессия звонаря передавалась от отца к сыну. В 18 веке наблюдался упадок колокольной музыки и литья колоколов. Но в XX-м ее возрождение! И нынче в мире около 900 корильонов — во Франции, Бельгии, в бельгийском городе Михелене даже четыре звонницы. Но самый большой в мире находится в США.

Канберрский же — самый большой в Австралии и отливался в Англии, но поначалу имел только 53 колокола. Башню создавали архитекторы из Западной Австралии. В трех ее полых колоннах расположены лифт, лестница и помещение для служащих. На самом верху сама звонница. Комната для мероприятий отделана мрамором и белым цементом. Островок Аспен с башней соединен с берегом пешеходным мостиком, названным именем Джона Дугласа Гордона, корильониста, игравшего на открытии курантов.

В 2003–4 годах в Национальном австралийском корильоне были обновлены все внутренние помещения и добавлены два колокола. Теперь их 55! Музыканты на нем играют разную музыку — от классики до народных мотивов и песен. И лучшее место для слушания в радиусе 100 метров от башни. Можно подняться и на смотровую площадку, с которой ко всему открывается великолепный вид не только на озеро, а и на центр города.

Каждые четверть часа куранты бьют автоматически, что позволяет специальная система, а каждый понедельник, среду, пятницу и воскресенье с 12.30 до 1.20 можно услышать и музыку, специально написанную для корильона. Играют теперь и женщины, и не только местные, а и приезжие музыканты. Существует школа для обучения музыкантов. Директор Канберрского корильона с 2001 года — Тимоти Харт получил образование в Ельнском Университете, учился в Бельгии, США, имеет призы, а в 1994 году получил медаль за службу. Дает концерты по всему миру.

В дни, когда концертов нет, для желающих организуются экскурсии на остров. В первые месяцы 2020 года наш Национальный корильон был закрыт на очередную реставрацию: колокола нуждались в настройке, языки, ударяясь о колокол, сплющивают металл, и сила звука, его тональность меняются. Переделывалась в соответствии мировым стандартом и система педалей, молоточков. А главное — были добавлены два новых колокола, два языка и новая клавиатура.

И всем этим занимались самые известные в мире эксперты из Британии.

И ныне над стольным градом Австралии вновь плывет ни с чем не сравнимый малиновый звон!

Выступают не только местные музыканты, а и приезжие.

СЕРГЕЙ КУЗНЕЧИХИН

Родился в сорок шестом. Вырос в центре России: Костромская, Ярославская и Тверская области, но любимые места и любимые реки на Востоке. В шестьдесят девятом году, после окончания Калининского политехнического института, взял распределение в город Свирск Иркутской области. Потом перебрался в Красноярск. Около двадцати лет отработал в пуско-наладочном управлении – постоянные и долгие командировки от Урала до Чукотки. Автор десяти стихотворных сборников изданных в Красноярске. Первая книга прозы «Аварийная ситуация» вышла в издательстве Советский писатель» в 1990 году. Потом выходили «Омулёвая бочка» (Красноярск, 1994), «Бич-рыба» (Москва, «Эксмо», 2014), «Седьмая жена Есенина» (Москва, «Эксмо», 2017), «Игры на интерес» (Москва, «Эксмо», 2018), «Закрытый перелом» (Красноярск, 2017), За книгу «Где наша не пропадала» (Москва «Вече» 2020) стал лауреатом международной премии имени Фазиля Искандера Был составителем в книжной серии “Поэты свинцового века ” подготовил сборники А. Барковой, А. Тинякова, Н. Рябеченкова, А Кутилова. Составил антологию интимной лирики «Свойства страсти». Печатался в «Литературной газете», в журналах: «Енисей», «Дальний Восток», «Радуга», «Сибирские огни», «День и ночь», “Киевская Русь», «Наши Современники», «Дети Ра», «Арион», «Юность», «Подъём», в альманахе «День поэзии» и др...

СВИДЕТЕЛЬ

Помнил ли он? Больше, чем помнил. Этот день неотвязно следовал за ним, чуть зазевался, а он уже перед глазами – здравствуйте, вы не забыли меня? Ладно еще, если один на один, так он и при людях норовит в самый неподходящий момент. Так врезался, что ни стереть, ни смыть, ни закрасить, ни вытравить.

Их рейс задержали на три часа, и самолет взлетел уже ночью. Сразу после набора высоты в салоне выключили свет. За иллюминатором было темно: ни звезд, ни облаков – сплошная непроглядная чернота. Он

закрыв глаза и опустил спинку кресла, но под ребра уперлись колени сидящего за ним акселерата. Какой уж там сон. Пришлось доставать карты и раскладывать пасьянс, более надежного способа скоротать время он не знал. Включая лампочку индивидуального освещения, он по ошибке нажал кнопку вызова стюардессы. Извиняться за ложный вызов с картами в руках он посчитал неприличным и спрятал колоду в карман. Но стюардесса не спешила, и досаду на собственную рассеянность сменило желание нажать кнопку повторно и выговорить этой размалеванной девице, как следует обслуживать пассажиров. А когда в его спину очередной раз толкнулись чужие колени – подумал, что и этому длинноному не мешало бы объяснить, что воспитанные люди должны думать о том, чтобы не докучать попутчикам излишками своего тела. Кнопку он, конечно, не тронул и выговаривать никому не стал. Только удивился своей раздражительности. Еще подумал, с чего бы такое или – к чему. Отгоняя дурные мысли, он вернулся к пасьянсу. И тут появилась стюардесса. Она подошла неслышно, и ее появление даже немного напугало его, ну, если не напугало, то привело в растерянность.

– Вы меня звали?– спросила она шепотом, чтобы не беспокоить спящих.

– Извините, пожалуйста, я нечаянно нажал на вашу кнопку, когда включал свет.

Она посмотрела на карты, разложенные на столике.

– Ну как? Сходится пасьянс?

Спросила и улыбнулась. И сочувственный голос, и простоватая улыбка словно застали его врасплох. Не ждал он такого интереса к себе. И ему захотелось вдруг понравиться девушке без всяких, разумеется, продолжений, просто оставить хорошее впечатление.

– Пока не сходится, но будем надеяться.

– А можно загадать на него желание?

– Конечно, можно.

Ей очень шла форма, подчеркивала и поразительно узкую талию, и высокую, еще не расплывшуюся грудь. Насчет размалеванности он тоже перегнул, совсем наоборот: очень приятное и свежее лицо, немного деревенское даже. Впрочем, это могло ему показаться из-за плохого освещения, недаром же оно размылось в памяти, а фигура и осанка запомнились четко.

– Загадывайте, – сказал он. – Пасьянс довольно-таки сложный, зато, если сойдется, желание обязательно сбудется. А я постараюсь, мне хочется, чтобы сошлось.

Ему и желание хотелось узнать, но спросить не решился. Жалко было, что место рядом с ним занято, иначе бы она непременно присела. Он же видел, как ей интересно. Но рядом с ним размеренно сопела пожилая и на самом деле размалеванная дама. В самолете вообще не оставалось свободных мест. Он сам видел, как люди просились на этот рейс, а им отказывали.

– А когда можно узнать, сошлось или нет? До посадки успеете?

– Буду стараться, а не уложусь – сяду в зале ожидания и не уйду, пока не получится, – пошутил он.

– Смотрите, не обманите, я на вас надеюсь.

Стоять долго в проходе было неудобно да, наверно, и неприлично. Стюардесса ушла к себе, а вернулась уже перед началом снижения.

– Ну как? Сбудется мое желание?

Пасьянс не сошелся, но он все-таки обнадежил ее.

– Обязательно.

– Вот спасибоочки. Не забудьте пристегнуться, идем на посадку.

Очень милая девушка, но ремнем он не пользовался никогда, из суеверия: «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет», – говорил он обычно в таких случаях.

Самолет сделал круг над аэродромом, но не сел и пошел на второй заход. В хвостовой отсек торопливо прошел человек в летной форме, скорее всего, бортмеханик. Потом появилась стюардесса с привычной программой.

– Граждане пассажиры, не забудьте пристегнуть ремни, температура в городе...

Договорить она не успела. Самолет дернулся от резкого удара. Стюардесса вскинула руки. Колени длинноногого врезались в его ребра. Он подскочил над креслом. И тут же погас свет. Но не надолго. Ему показалось – всего на секунду. И снова вспыхнул. Только это уже был настоящий, живой огонь.

Горели обломки самолета.

Он стоял по пояс в снегу и ничего не слышал, ничего не понимал. Снег от огня окрасился в бледно-розовый цвет. На нем чернели человеческие тела. Все казалось неподвижным. Все, кроме пламени над обломками. И тишина, подозрительная, совсем ненужная, пугающая тишина. Он крикнул, но голоса своего не услышал. Он крикнул еще раз, и еще, и еще. Плясал огонь, розовел снег, метрах в пяти от него стоял

лысый мужчина и размахивал руками. И вдруг обрушился рев, мощный, до боли в ушах, словно где-то повернули регулятор звука на полную мощность: вой сирены, стреляющий треск пламени, стоны и чей-то дребезжащий голос, может быть, и его собственный.

Потом появилась машина, забегали люди с носилками, а за ними – и он: кому-то помогал, подставлял плечи под чью-то руку, вел к машине и снова брел на чей-то крик или стон.

Глубокий снег спас его и еще многих, но передвигаться по нему было невыносимо тяжело, особенно на обратном пути, когда приходилось тащить на себе человека. Это в кино красивый мужчина берет на руки больную женщину и несет без отдыха долгие километры, а здесь волоком, пятишься, вцепившись в воротник. Хорошо, если повезет и выберешься на уже проторенную тропу, а – нет, тогда ползком, проклиная каждый метр.

Совсем рядом с одной из таких троп он увидел распластанное тело. Ему послышалось, что его зовут. Но он ошибся. Человек лежал неподвижно и уже успел заоченеть. Но не смерть его испугала, а вывернутые карманы: кто-то грабил мертвецов. Он начал присматриваться, надеялся застать мародера за его подлым занятием. Вот уж на ком следовало бы отыграться. Однако помощь была нужнее мести. И он снова тащил кого-то к машине, временами сам теряя сознание.

Потом ему рассказали, что их самолет разломился пополам, поэтому и уцелела часть пассажиров из среднего салона. Поиски раненых продолжались до утра. Но никто не смог объяснить ему, сколько времени продержался он сам. Час? Два? Очнулся он в больнице, через день. Последнее, что помнил из кошмарной ночи, – тело стюардессы. Верхнюю часть ее прекрасного тела. Разрубленного по талии.

Домой он возвратился спустя месяц. Посмотрел в зеркало и не узнал себя.

В больнице он с трудом вспомнил, что зовут его Александр Матвеевич, а фамилия у него Коншин. Зато слишком помнил другое. Больше, чем помнил. И уживаться с такими воспоминаниями, держать их в себе было страшно...

И вот он сидит в гостинице затерянного на отшибе от города рабочего поселка, а какой-то холеный красавчик рассказывает об этом рейсе, на котором якобы должен был лететь, но заболела супруга и так

далее, и тому подобное. Рассказывает ему, Коншину. Что за несурязицу он несет? Какое имеет право? И тогда Коншин обрывает его.

Он – о ч е в и д е ц.

Нет, он не выставляет себя героем. И если упоминает, что помогал собирать раненых, то не с целью самовосхваления, а потому, что сам не понимает, за счет чего держался. Правда, врачи объяснили, что в шоковом состоянии подобное случается. Врачам виднее. Остается им верить, а что делать, иначе можно сойти с ума. Он почти не останавливается на том, как ползал по сугробам. Зачем? Холеный чистюля с породистым лицом наверняка думает, что и он бы так поступил. Коншин, конечно, сомневается. Но, опять же, не в этом дело. В памяти встает мертвый человек с вывернутыми карманами. А чему удивляться: северный рейс, и каждый второй бумажник туго набит серьезными купюрами. Денежки – они не пахнут. Вот для чего нужна смелость. Холеный собеседник смущен. Живых грабить страшно, а мертвых еще страшнее. Глаза мертвых страшнее суда и тюрьмы. Слушателю не по себе от таких слов, он не может понять, куда клонит Коншин. Не у всякого хватает смелости совершить подлость, а вот способных на подлость ради своей шкуры – предостаточно. Значительно больше ожидаемого. А это страшнее, чем мародерство. Он, Коншин, видел, как люди дрались из-за места в уезжающей машине. И не те, кому помощь нужна была в первую очередь. Те драться не в состоянии. А среди тех, кто дрался, было не только отребье, но и вполне уважающие себя люди. Вы думаете, если у Коншина – бельмо, значит, он ничего не видел. Все видел. Оно не смогло помешать. А может, его и не было – этого ужасного бельма. Коншин сам его обнаружил только после выхода из больницы. Так что, уважаемый счастливчик, случайно не попавший на аварийный рейс, не отводите взгляда, рассматривайте, не бойтесь обидеть Коншина. Вы, конечно, сочувствуете ему, жалеете. А кто дал вам право его жалеть? Жалеют беденьких, слабеньких, обиженных. А Коншин не беденький. Он богаче вас. Он сумел побывать в аду и вернуться оттуда. Сумеете ли вы? Холеный тяжело переваривает услышанное: впечатлительная натура. Он потрясен и растерян. И еще он напуган возбуждением, охватившим самого рассказчика. Он достает из портфеля коньяк, припасенный на случай делового визита. Он хочет помочь человеку, который оказался на том рейсе, может быть, вместо него. В возможности такого совпадения Коншин не сомневается. Он в него не верит, только и всего. Чудес не бывает. Ну, а коньяк не

помешает, вместо снотворного, но рассказывал он не ради выпивки. Да и откуда ему знать, что припрятано в чужом портфеле.

Рассказывал он для того, чтобы этот холеный мужик не завирался. Или – знал свое место. Так ближе к истине. Но, главное, что ему не под силу держать в себе увиденное той ночью. Оно требует выхода. И он рассказывает...

Какой-то плешивый экспедитор ничуть не удивился появлению мародеров. И обнаженная грудь на обрубленном теле юной стюардессы нисколько не впечатлила его. Интерес вызвало совсем другое: возместил Аэрофлот убытки или нет? Ведь у пассажиров в аварии пропал багаж, могла пострадать и одежда. А если возместил, то каким образом? Можно признаться, что добра в чемодане было шиш да маленько, а можно и на солидную сумму замахнуться. Как проверить? Вопросы рассердили Коншина. Кого не оскорбит человеческая черствость? Но с другой стороны – кто про что, а вшивый про баню – стоит ли тратить нервы на всякое ничтожество? Коншин летел в командировку на пять дней, и в его портфелишке, кроме бумаг и смены белья, ничего не было. Да разве в этом дело? Разве о барахле он думал? Но экспедитор гнул свое и рассуждал о компенсации. Коншину даже показалось, что ему не поверили.

Кончилось тем, что они поссорились.

После встречи с мнительным экспедитором Коншин зачастил на барахолку и сумел купить форменный полушубок. Отдал месячную зарплату, а в его рассказе появилась новая деталь: когда его выбросило из кресла, пальто лопнуло на спине и, что характерно, не по шву, а поперек. Разумеется, он узнал об этом лишь при выходе из больницы, когда после долгих извинений ему вручили новенький полушубок. За потерянный портфель тоже обещали выплатить, но излишне бдительные бухгалтерши потребовали кучу справок. Их бездушная подозрительность оскорбила Коншина и он хлопнул дверью, сказав на прощание, что пусть они подавятся этими вонючими деньгами.

Находились и другие подробности, более яркие. Он почти не вспоминал о вывернутых карманах, зато появился щупленький мужичонка в мутоновой шубе с рукавами, свисающими почти до земли.

Но малoverы попадались редко. Да и не с каждым встречным делился Коншин своей историей, приглядывался, выбирал момент. Лучше всего располагали к беседе провинциальные гостиницы и

привокзальные буфеты. И, конечно, обязательное отсутствие знакомых. И вообще, прежние знакомые стали его тяготить. Специально он ни с кем не ссорился, но раздражительность свою не старался сдерживать. Их разговоры казались ему скучными и пустыми. Если он оказывался в гостях, то чаще отмалчивался, сидел с мрачным лицом, листал газеты и разве что изредка зачитывал заметки о происшествиях. Никому не понятная новая манера Коншина быстро надоела, и его стали избегать. Разладилось у него и с сослуживцами. К тому же он стал попивать, пусть в меру, не теряя памяти и контроля над собой, но регулярно. Работу выполнял рассеянно, путал документацию, ошибался в расчетах. Натянулись отношения с начальством. После очередного объяснения он подал заявление и ушел работать заготовителем, без обид, без сожаления. Через месяц он уже и не вспоминал, что когда-то звался инженером–проектировщиком.

В новом коллективе Коншин старался держаться ровнее, не выделялся и с достоинством, но не грубо, отводил любые попытки сближения. Потому и удивился, когда у дверей конторы к нему шагнул молодой парень.

– Здравствуй. Не узнаешь? – спросил парень.

Обращение на <ты> насторожило Коншина.

– Нет, не припоминаю.

– Странно. Год назад мы встречались в Салаирской гостинице.

Коншин действительно не помнил его, хотя в Салаире он был, и время совпадало, но парень ему не нравился.

– Ошибаетесь. Я не знаю никакой Салаирской гостиницы.

– Рад бы ошибиться. Только должочек за мной.

– Какой долг? – Коншин силился вспомнить и не мог, но усмешка парня его тревожила. – Вы спутали меня с кем–то.

– Ты же рассказывал, как в аварию попал?

– Какую аварию? – Коншин притворился удивленным.

На парня это не подействовало.

– Контору сменил. Следы заметаешь? А я в прошлом месяце в том же Салаире встретил человека с твоей прежней работы. Савельева знаешь?

Савельева Коншин знал и понял, что его продали, но отчитываться перед этим сопливом не собирался – много чести. Он развернулся, но парень загородил дорогу и цепко схватил его за руку.

– Постой! Я и так в третий раз прихожу. Так вот, Савельев сказал мне, что ни в какую аварию ты не попадал. Это был совсем другой

человек. И было там совсем по-другому. А ты, гнида, если не видел, так не плети на людей напраслину. Тоже мне – мужик в женской шубе. Уж не с бельмом ли он был?

На них оглядывались. Коншин вырвал руку и шагнул было мимо парня, на тротуар, но тот успел ударить его в лицо. Коншин упал.

– Вставай!

Коншин услышал приближающийся топот и решил, что парень побежит: народ же видел, кто затеял драку.

– А ну вставай! Легко захотел отделаться! – Убегать он явно не собирался.

И тогда побежал Коншин.

За ним никто не гнался. Но все-таки заскочил в первый же троллейбус, не обращая внимания на маршрут, лишь бы ехать, лишь бы подальше от опасного места. Очень хотелось пить и не чего-нибудь, а пива. Пива, и как можно больше.

А уже через неделю в тамбуре плацкартного вагона он объяснял простодушному деревенскому старичку, почему, несмотря на спешку, едет на поезде. Но в его истории появился новый герой – молодой парень, вырывающий сережки из ушей мертвой женщины. Коншин хорошо запомнил его лицо и надеется его встретить, вероятность, конечно, мала, но должна же быть справедливость.

Старичок торопливо соглашается. Взгляд его полон сочувствия. Он немного напуган, этот уставший от поездки в шумный город человек, но ему не терпится услышать, что было дальше.

И Коншин продолжает свой рассказ.

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

Путешествие в другой мир

Итак, строгая стюардесса объяснила, как пользоваться спасательными средствами в случае непредвиденных ситуаций, вселив тем самым, еще до взлета, вероятность того, что мы можем не долететь до пункта назначения.

Это послужило сигналом для верующих. Кто-то перебирал четки, кто-то достал молитвослов, а кто-то мысленно прощался с близкими.

Надо сказать, что демонстрация жилета, масок и позы в случае аварии самолета, является, на мой взгляд, абсолютно бесполезным, более того, вредным проявлением «заботы» со стороны экипажа.

Ну, во-первых, никто давным-давно не слушает эти увещевания, а во-вторых, это выглядит, как-то настораживающе. Всем понятно, что, не дай Бог, произойди авария, пассажиры вряд ли вспомнят, как надевать спасательный жилет, да и вообще где этот жилет находится.

Моторы взрвели, и я моментально уснула. Это такая защитная реакция моего организма – засыпать при взлете. Очень удобно, надо сказать. Взлетели – открыл глаза, и уже над облаками, а не взлетели – пропустил момент перехода из одного мира в другой, плавно так, без нервов, слез и истерики.

Правда, перед сном, я все же отругала себя. Как мне только в голову взбрело лететь вместе с внучкой?!

А четырнадцатилетняя девочка сидела рядом со мной в предвкушении приключений.

Впереди ее ожидали Греция, Италия, Израиль и загадочная Россия.

Ника родилась в Австралии, и русский язык изучала, время от времени, пересматривая сериалы «Кухня» и «Интернь», поэтому она очень волновалась, сможет ли общаться с русскоговорящими на их родном языке.

Ее опасения оказались напрасны. Когда миловидная девушка в Аэропорту Бен Гурион громко, не стесняясь, выстрелила предложением, в котором печатными словами были только союзы, моя внучка, воспрянув духом, повернулась ко мне и с радостным лицом сообщила, что поняла абсолютно все.

Несмотря на это, экскурсии было решено заказывать все же на английском. У нас был замечательный гид в Питере, но после первых

минут общения Ника призналась мне, что его русский она понимает лучше, чем его английский.

Она быстро освоилась в магазинах и безошибочно находила полки с шоколадом и мороженое. Обедали мы в ресторанах, но однажды по пути нам попалась столовая.

Меня одолела ностальгия, и мы спустились в подвал по бетонным ступенькам. Внутри было чисто и даже уютно.

Я объяснила внучке, что нужно самой взять поднос, поставить на него компот и салат. Но, когда дело дошло до мармита со вторым, она сделала несколько попыток открыть стекло, за которым красовались мясные блюда и гарнир, а когда женщина за прилавком широко улыбнулась ей, показав при этом тридцать два металлических зуба, внучка, со словами «Я не голодная», быстро направилась к выходу.

В Москву мы решили ехать дневным поездом. За окнами мелькали деревушки с покосившимися, заброшенными домиками, старушки в платках, лесопосадки. Ника долго молчала, глядя в окно, а потом спросила меня: «А что, здесь люди тоже живут?».

В Москве было солнечно и оживленно. Остановились мы в центре, в районе Красной площади. Отель Метрополь мою внучку не впечатлил. Несмотря на запредельные цены, великолепные холлы и ресторан с огромным выбором блюд, арфисткой и фонтаном, номер оказался небольшим и неудобным.

Вечером нас ожидал цирк. Это было захватывающее зрелище, и не только для Ники.

Она спокойно наблюдала за представлением до тех пор, пока на арену не привели бурого мишку. Он кувыркался, рычал, и ее восклицание «О, майн Год!», рассмешило публику больше, чем ужимки старенького клоуна.

По дороге в отель мы решили поужинать и, увидав вареничную, вошли. Внутри было чисто. Сделав заказ, мы удобно расположились за столиком. Принесли нам вкусные, но холодные вареники с творогом. Мои родственники, коренные москвичи, привыкшие к московскому сервису, с удовольствием принялись уплетать это тесто с сыром, а я попросила официанта подогреть их. Вареники унесли.

Прождав минут пятнадцать, я повторила просьбу. Когда мои родственники допивали морс, есть мне уже не хотелось. Но моя сестра, очень интеллигентная и сдержанная, решив доказать мне, что московский сервис все же неплохой, отправилась на поиски моих

вареников. Вернувшись, гордо сообщила, что этим вопросом занимаются уже несколько человек, и будет просто невежливо встать и уйти.

Еще через полчаса мне принесли все те же холодные вареники.

Израиль меня удивил. Четыре года отсутствия сказались не только на моей внешности. Страна постарела тоже. Некогда чистые улицы сегодня пестрили свалками мусора, автобусы, машины, люди, все сегодня, казалось каким-то запыленным, что ли, подернутым паутиной.

Заказанная мною по Интернету гостиница была недостойна этого гордого звания. Сырые углы комнаты с облупившейся побелкой, влажные простыни, курилка под окнами и рычание всех кранов одновременно не подняли нам настроения. Было одиннадцать часов вечера, но оставаться в этом помещении мы не могли.

Мы вышли на улицу в поисках ночлега. Город жил своей жизнью. Все было, как обычно. Прохожие нам улыбались, было тепло.

– Давай будем гулять всю ночь, – предложила Ника, с первых же минут полюбившая эту страну.

Погода баловала, настроение было приподнятое. Ночной Тель-Авив радовал с каждой минутой все больше. Родные, с детства знакомые выражения, слышались со всех сторон.

– Отойди, мент поганый!

– Маша сядь, не шуми.

– Да пошел ты...

Со времени моего последнего посещения Европы, каким-то непонятным образом, русский мат занял почетное место в мире, втиснувшись между местным наречьем. И этот «русский» мало чем отличался от фени в современных боевиках. Ненормативная лексика, это не что-то новое и шокирующее, пикантность же заключалась в том, что ругались в основном молодые женщины, как будто это просто вошло в моду.

В Афинах, на светофоре, рядом с нами остановился мотоцикл, и миловидная девушка по-русски, довольно красноречиво, высказала свое отношение к трафику на дорогах Греции.

В Аэропорту Рима элегантно одетая девушка, в шляпе и перчатках, обращала на себя внимание представителей обоих полов, пока из ее прелестного ротика не посыпались изощренные ругательства на русском языке в адрес таможенника, пожелавшего отобрать у нее при посадке бутылку с водой.

В Москве, на мой вопрос «Как пройти к гостинице», обращенный к семейной паре с ребенком, муж, пожелавший показать нам дорогу,

получил от жены довольно сильный толчок в спину, сопровождаемый трехэтажным матом, смысл которого сводился к тому, что идти нужно вперед, не останавливаясь.

В общем, моя внучка, получила незабываемый опыт разговорного русского, правда, немного не тот, на который мы рассчитывали, и, по приезде, читая для меня вслух Виктора Суворова, запнувшись на слове «Империализм», вставила ругательство на английском. В ответ на мою ремарку «русский, пожалуйста», она автоматически, без запинки перевела этот шедевр на русский язык.

На следующий год мы снова собираемся с внучкой в Россию, а это значит, что весь год ей придется практиковаться, дабы не позабыть все те перлы, которые она уже знает, а возможно, и подучить, что-то новенькое.

Ведь эволюция русского языка в России тоже не стоит на месте.

Уроки иврита

Вводный урок в ульпане русскоговорящий преподаватель иврита начал с правил поведения в Израиле.

– Дорогие женщины, запомните, если израильтянин приглашает вас на чашечку кофе, не спешите принимать приглашение, потому что это просто сленг, так сказать, условный знак, и кофе пить вы будете вряд ли. Израиль, – говорил он, – страна особенная, с ивритом нужно обращаться очень аккуратно. Израильские мужчины любвеобильные и навязчивые, поэтому их улыбка – это не дружеское проявление чувств, а плотоядный оскал. Некоторые словосочетания, такие, например, как «новые репатрианты должны вооружиться терпением» двусмысленны и не могут употребляться в обществе.

После первого урока женщины отказывались выходить на улицу без мужей, а мужчины, держали руки свободными, дабы отбивать возможные поползновения озабоченных израильтян.

Через неделю мы попросили сменить нам русскоговорящего преподавателя на коренного израильтянина.

На сей раз, это была приятной наружности молодая девушка, обладающая большим запасом энергии и страстным желанием как можно быстрее обучить приезжих ивриту.

Несмотря на все ее старания, понимали мы ее с трудом.

Когда она, раскинув руки в стороны, порхала по классу, изображая то ли птицу, то ли самолет, мы, с помощью звуков, пытались определить демонстрируемый предмет.

То есть наши уроки иврита представляли собой нечто смутно напоминающее психиатрическую лечебницу. Кто-то летал по классу, издавая при этом рокот самолета, кто-то заливался птицей, а кто-то, в ужасе забившись в угол, тарашил глаза.

Нетрудно себе представить на каком уровне был мой разговорный иврит после окончания ульпана.

С момента нашего приезда прошло около полугода.

В первый свободный от занятий день, я отправилась в магазин. Дело в том, что до сих пор мы покупали только знакомые нам продукты в близлежащем супермаркете.

Папа настаивал на холодце, и я, как учили в ульпане, «вооружившись терпением», отправилась искать говяжьих ножи.

Рядом с домом находился кошерный мясной магазин. Витрины пестрели красивыми этикетками, но читала я еще хуже, чем говорила, поэтому приходилась внимательно рассматривать содержимое упаковок. Наверное, со стороны это выглядело так, как будто бы я впервые увидела мясо.

Продавец в это время мирно беседовал с немолодой израильянкой, видимо, постоянной покупательницей.

Проверив все витрины и не обнаружив ножек, я обратилась за помощью.

Показывая рукой на свою правую голень, я жестами попросила отвесить мне две такие же. Жест был двусмысленный и мог означать, что угодно.

Продавец в течение нескольких минут озадаченно смотрел на меня, пытаюсь понять, о чем это я, затем обратился к израильянке с вопросом. Слов я не разобрала, но женщина, до сих пор заинтересованно наблюдающая за моими действиями, тут же бросилась ему на помощь.

Из ее тирады я выудила несколько знакомых мне слов, таких как «что», «шабат», «суп». Вероятно, она интересовалась блюдом, которое я собираюсь приготовить.

Я, тщательно подбирая слова, постаралась описать ей процесс приготовления холодного. Я вспомнила почти все названия. И слово «кастрюля», и «вода», и «лук». Я перепутала всего лишь одно слово. Дело в том, что слова «реглаим», обозначающее ноги в переводе с

иврита, и «налааим» – туфли, почему-то всегда казались мне созвучными, видимо, из-за окончания.

Поэтому, мой рассказ в переводе прозвучал примерно так:

– Берем большую кастрюлю, кладем в нее хорошо вымытые туфли и долго-долго варим с добавлением лука и специй. Часов восемь. После чего процеживаем, добавляем соль, перец, чеснок и ставим в холодильник, чтобы холодец застыл.

С расширенными от ужаса глазами, продавец и дама недоверчиво выслушали меня, после чего заговорили друг с другом, отчаянно жестикулируя, качая головами и цокая языком.

Из их диалога я выудила слова, выученные мною в Ульпане: «Бедные, голодные, еда».

Затем, обратившись ко мне, продавец протянул мне кусок мяса, сочувственно улыбаясь, и произнес слово – «матана».

Матана для нового репатрианта волшебное слово, потому как означает оно «подарок».

Поблагодарив, я направилась к выходу, думая только о том, где бы купить ножки на холодное.

Итак, пришлось ехать на рынок.

Не без труда отыскав мясной магазин, я остолбенела у входа. Чего здесь только не было! И вымя, и свинина, и ножки. Вот папа обрадуется!

Выстояв длинную очередь и подойдя к прилавку, я была уверена, что проблем с языком не возникнет, так как все, что я собиралась купить, лежало на витрине. Просто покажу пальцем и все дела. Но, не тут-то было.

По-видимому, с такими вот красноречивыми покупателями, как я, здесь сталкивались не впервые, и продавец не мог отказать себе в удовольствии лишний раз повеселиться.

С ножками вопрос был решен быстро, но когда очередь дошла до свинины, и я, ткнув пальцем в кусок мяса, произнесла слово «хазир», продавец, улыбнувшись, с помощью жестов спросил, какую именно часть «низкой коровы» (так в Израиле называют свинину), я бы желала. Мне нужна была задняя часть, и, недолго думая, я, похлопав себя по мягкому месту, произнесла единственное знакомое мне с детства слово на идиш «тухес».

Продавец покатывался со смеху, очередь тоже, а мне было все равно. Я представляла себе радость папы при виде свиной отбивной.

Надо ли говорить, что купить вымя я уже не решилась, потому что в этом случае мне пришлось бы полагаться исключительно на жесты.

ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА

Родилась в Казахстане. Археолог. Сделала самостоятельное археологическое открытие в Хорезме. Четверо детей: сын, сноха, внук, племянница. Им и посвящала первые стихи и сказки. До приезда в Австралию работала на радио города Ташкента, как оператор и участник литературно – поэтических программ на русском и узбекском языках.

Дженифер

День выдался холодным. Платформа метро продувалась со всех сторон так, что нигде нельзя было укрыться. Море рядом, но его сумрачный серый пейзаж не радовал. Хотелось скорей войти в теплый поезд, сесть у окна, почитать новости или полюбоваться красотами за окном. Наконец, вагон раскрыл свои теплые объятия. И, оказавшись внутри, я сразу обратила внимание на человека, громко повторяющего одну и ту же фразу - “Some one, please, talk to me in English in Melbourne”. С заметным славянским акцентом, каждое слово чеканилось, произносилось с трудом, как бы по слогам. Возраст трудно определялся: худощавый, лицо закрыто маской, мокрой в области рта, запотевшие линзы очков, низко опущенный на лоб козырек бейсболки. Голос казался молодым. Безостановочное повторение одной и той же фразы, давало повод сделать вывод: человек нездоров. Он обратился к девушке, сидящей недалеко у окна: “Girl, talk to me in English”. Девушка сердито бросила взгляд в его сторону и уткнулось в айфон. На соседнем сиденье расположилась пожилая пара с внучкой. “Dear friends, talk to me in English” - прозвучало обращение к супругам. Люди сделали вид, что не слышат, продолжая шутить друг с другом и мне показалось, что подтрунивали над больным. Не найдя собеседника, парень вернулся на свое место и принялся вновь и вновь повторять: “Some one, please, talk to me in Melbourne”. В ответ - тишина...

На очередной остановке в вагон вошла эффектная кареглазая блондинка. Безукоризненно подобранная офисная одежда, подчеркивала идеальную фигуру. Пышные волосы, костюм, обувь, макияж, ухоженная кожа рук и лица, делали ее необыкновенно привлекательной. Я долго не могла отвести от нее взгляда. Девушка села в одном ряду с мужчиной у

противоположного окна, открыла лэптоп и принялась что-то печатать. Но, по всей вероятности, сосед своим неоднократно повторяющимся вопросом не давал ей сосредоточиться. Она закрыла лэптоп, надела маску, повернулась в его сторону: “Ну, что же, давай поговорим. Как тебя зовут?”

- Алекс, а тебя?

- Дженифер, можно просто Джейн. Откуда ты?

- Из Минска. Это столица Беларуси.

- Как давно живешь в Австралии?

- Десять лет и десять лет я сам учу английский.

- Каким образом?

- Много слушал радио и телевизор. Много повторял. Волонтеры не хотели со мной заниматься. Я все делал сам, как умел.

- Ты работаешь? - задала Джейн очередной вопрос, хотя ответ был очевиден.

- Нет, а ты?

- Работаю в сити. У тебя есть семья?

- Да, мама и папа, но они не знают английский. А я хочу говорить и говорить много.

- Мы будем с тобой говорить по телефону. Хорошо?

- У меня нет твоего номера.

- Сейчас будет. Джейн достала блокнот, крупным шрифтом записала длинный ряд цифр и вручила листок Алексу. Он надежно спрятал его во внутреннем кармане куртки.

Поезд приближался к станции Richmond, я готовилась к выходу. Диктор объявил остановку. Алекс спохватился: ”Мне нужно выходить. Пока, Джейн. Он нежно тронул ее за локоть, - я позвоню .

- Я буду ждать, звони, поговорим.

Алекс спешно вышел на платформу и подошел к окну, где сидела Дженифер. Она помахала рукой, улыбнулась и приложила ладонь к стеклу. Алекс в ответ приложил свою. Поезд тронулся, ладони разъединились... Алекс прижал к груди ладонь, сжатую в кулак, которая только что, хоть и через стекло, касалась ладони Дженифер, словно желая запомнить и сохранить ее тепло. Он долго смотрел вслед уходящему поезду. Я стояла поодаль, смотрела на Алекса. Он повернулся и мы встретились взглядом. Я мысленно попросила у него прощения за себя, за ту девушку с айфоном, за тех пожилых людей, что позволили себя посмеиваться над больным человеком. Никто из нас не знал, в какой момент Алекс заболел и что послужило причиной его

недуга? Да и важно ли это? Наше молчание и безучастие было равносильно отказу в помощи. Сердце переполнялось благодарностью к Дженифер - деликатной, понимающей, чуткой, с большим добрым сердцем. Прости нас, Алекс, и спасибо тебе, Дженифер, за урок доброты и чуткости к чужой беде.

ВАДИМ МЕСЯЦ

Поэт, прозаик, переводчик. Руководитель издательского проекта "Русский Гулливер". Творчество отмечено рядом международных премий, стихи и проза переведены на многие языки.

ДУХ ДЖОНА МАЙЕРА

В 2004 году я купил дом в Пенсильвании на берегу озера Arrowhead. Два кирпичных дома: хозяйский в стиле шале и гостевой в виде квартиры над гаражом. Горный воздух, сосны до небес, падающие зимой от тяжести снегов, шикарная летняя рыбалка. В жару у нас на горе всегда было прохладнее, чем в долине. Микроклимат. Все лето мы с детьми ловили рыбу и коптили ее. Ребятишки со всех окрестностей приходили к нам купаться, рыбачить и хулиганить. Озеро отличалось от соседних тем, что было естественного происхождения. Остальные водоемы в этих краях - затопленные шахты. Наше - настоящее. Именно поэтому в нем водились доисторические черепахи - снэпперы, так называемые кусающиеся черепахи. Они часто цеплялись ногами за наши крючки. Иногда мы доставали их, чтобы продемонстрировать американцам, каким богатством они обладают, но не ценят его. Под торжественные крики толпы дети отпускали снэпперов на волю. Черепахи этой породы - длинноногие, с маленьким панцирем-ермолкой, под которую голову не спрятать. Перемешаются очень быстро, за некоторыми нам приходилось бежать, чтобы как следует распрощаться. Кроме этой забавы на протяжении нескольких лет мы вызывали дух Джона Майера, человека, который построил в 70-х два этих дома и тут же умер. Недвижимость мы приобрели у его вдовы, купили, не торгуясь, взяв ссуду в банке. Слишком здесь было хорошо. Джон не только поставил два здания на берегу, но и проложил кирпичные дорожки по территории. Они плутали по участку, огибали корни деревьев и оканчивались у пристани, где берег порос таинственным изумрудным мхом. Впервые эта идея

возникла, когда мы привезли из резервации священную траву индейцев - sag grass, и воскурили ее в большой стеклянной пепельнице. Тайнство производили вчетвером. Я и мои дети: Артемий, Варвара и Дарья. Местные жители на первый сеанс магии не допускались. Я нашёл в интернете слова древнего абенакского заговора, прочитал его и в конце добавил по-русски и по-английски. «Джон Майер, вольный каменщик, приходи ко мне». В этот момент шторы зашевелились, по стенам прошли волнообразные тени — длилось это не более трёх секунд. После этого пепельница лопнула, развалившись на пять одинаковых частей. И я, и мои дети, с некоторых пор стали принципиальными материалистами. Мамаша пыталась приучить нас к церкви, но в конце концов отдала предпочтение бизнесу. В тот вечер мы испугались. Мы с Артемием считали, что пепельницы изготавливаются из жаростойкого стекла, чтобы в них можно было тушить огромные сигары и сжигать компрометирующие документы. Щепотка тлеющей индейской травы не могла привести к разрушению пепельницы. Мы закрыли все двери на замок, и с горем-пополам уснули. На следующий день история повторилась. К нам пришли Саймон, Дэвид, Макс и Мирра. О возвращении «кирпичного человека» они уже были наслышаны. Вновь колыхнулись шторы над sliding door, в глазах на мгновение потемнело и очередная стеклянная пепельница рассыпалась. Слух о возвращении Джона Майера разнесся по посёлку. Его помнили лишь старухи, которые жили в Arrowhead зимой и летом. Остальные — сезонные отдыхающие из Нью-Йорка. Им это имя ни о чем не говорило, но и они приутихли. Бабка Патриция из соседнего дома, божий одуванчик с перманентом на голове, принесла мне пустой и пыльный доисторический штоф, квадратную бутылку из-под какого-то зелья, которым ее когда-то угостил Джон. — Он должен помнить эту бутылку, — сказала она. — В доме полно его вещей. Диваны, люстры, шкафы. Я почти не менял мебель. Что ему твоя бутылка? Что он в ней хранил. Шнапс? — Бутылку он должен помнить, — повторила она. — И напиток тоже. — Ты думаешь его дух может залезть в неё? — Это было бы очень хорошо, — сказала она со значением. Я поставил штоф на полку над камином, предоставив ему полную свободу покрываться пылью и дальше. Больше тем летом мы Джона Майера не вызывали. У нас кончились волшебные травы и пепельницы. На наличие бумбарашек мой дом когда-то проверяли наши постояльцы. Летом 2007 года я жил здесь один и сдавал помещения рыбакам весь сезон. Однажды ко мне приехало четыре семейных пары. Мужчины ловили судаков на живца, а женщины

пытались найти привидение в моем доме. Привидения любят старинные кирпичные постройки. Шуршат в печной трубе, раскачивают люстры, пробираются к тебе под одеяло и пронизывают тело пугающим холодком. Чтобы испугать девушек, я приколотил на чердаке гостевого дома красные персидские туфли на потолок, выкрасил несколько лампочек на веранде в чёрный цвет, спрятал магнитофон в одну из тайных ниш и включил на нем запись с индейскими ритуальными завываниями. Девки были обкурены. Когда сели на измену, и их затрясло, попросили, чтобы я вывез их из этой ужасной хижины. Я признался, что пошутил. Пришлось съездить за водкой, чтобы не потерять клиентов. После этой истории во время ночёвки в гостевом доме ко мне на постель села девушка в синих джинсах — я помню на ощупь их фактуру, запах ее духов — настолько этот сон был реалистичен. Она была похожа на одну из моих tenants, снимающих хату под Новый год, но была с парнем. Из-за этого я с нею толком не познакомился, о чем до сих пор сожалею. Звали ее Кристина. Это все, что я могу о ней сказать. На следующий год после вызывния духа Джона Майера мы решили вызвать ее. Это была моя личная инициатива. Я хотел признаться ей в любви. Мужчина не может любить только детей. Кто-то любит женщин, я полюбил привидение. На этот раз народу было много. Русские и американские дети всех национальностей. Все были наслышаны о Кристине и о моей скорой помолвке. Траву жгли на веранде гостевого дома. Я сказал свои скво-моя-твоя. Неожиданно с лестницы скатился мальчик Саймон с криками «она там ходит». Увлекаемый группой подростков я забрался на второй этаж, проник по лестнице на чердак. Персидские туфли быстро пробежали по потолку и тут же вернулись на место, где я их приколачивал. — Что это такое, дядя Вадим? — спросил меня Саймон. — Тётя Кристина вернулась, — сказал я. — Нас ждёт сегодня первая брачная ночь. Тётя Кристина спустилась с чердака, такая же молодая и сияющая, как под Новый год. Она была идеальна, даже когда курила. Мы ловили с ней до утра рыбу и коптили ее до состояния обугливания. Когда утром, на наши закидушки зацепилась черепаха, она достала ее и поцеловала панцырь, оставив на нем алый цвет своих губ. — Здравствуйте, Кристина. — Здравствуйте, Джон Майер. — Скажите, почему вы скрывались от меня все эти годы? — Я скромна. Я безбожно скромна. Она всегда приходила в этих синих, только что из магазина, джинсах. И я любил ее то как дочь, то как сестру, то как жену. В черепахах разобраться трудно. Поэтому я привёз ещё

один самосвал кирпичей и выложил за ночь дорожку от моего до ее дома.

БОЙЦОВСКИЙ КЛУБ

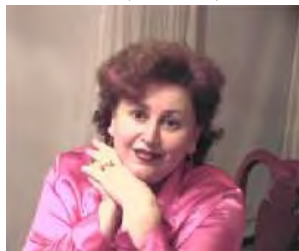
Отцу на работу пришло письмо, что он избран иностранным членом Американской академии наук. Церемония должна была состояться 20 сентября 2012 года в Вашингтоне, округ Колумбия. В приглашении было написано, что он может явиться с супругой или сопровождающим лицом. Дресс код обязателен. Смокинг можно взять напрокат по такому-то адресу. Кроме смокинга, отец решил взять с собой меня. В качестве водителя, переводчика и фотографа. Роли для меня привычные. Я не раз исполнял их после того, как оставил науку и стал свободным художником. Пригласить — пригласили, но визу не дали. В посольстве моему академику сказали, что власти США избегают встреч с русскими учеными, чтобы те не похитили их военные секреты. Будучи резидентом США, я написал приглашение отцу сам. С обычной формулировкой. Хочу, чтобы он осмотрел Статую свободы и посетил Дисней-ленд. Это всегда срабатывало, сработало и сейчас. Ранним утром мы очутились в аэропорту Шереметьево в бизнес-зале. Раньше это называлось депутатской. Здесь и на этот раз встречались редкие депутаты и нувориши. В отличие от 90-х они были трезвы. Тем утром это меня устраивало. Иногда хочется, чтоб все вокруг были пьяными. Все пьяные, а я — трезвый такой Д' Артаньян. Я пошёл за стойку, где давали бесплатные напитки и жратву. Отец развернул из фольги домашнюю курицу. В самолете он отправился в первый класс, я — в экономический. В течение полёта зашёл к нему пару-тройку раз в гости, чтобы ощутить себя хозяином жизни. За несколько часов до посадки углубился в новинки кинематографа. Они пришлись мне по не душе, и я в который раз посмотрел «Бойцовский клуб». Этот фильм я всегда выключал на том месте, где выяснялось, что у героя раздвоение личности. Мне казалось это недостатком фантазии автора. Пиши проще, и не кривляйся. Расщепленное сознание слишком сложно для нормальных пацанов. Биполярка — для извращенцев. Фаина Раневская говорила «у жопы — две половинки, у мозга две, у таблетки, а я — цельная». Как было бы хорошо, если бы герой не был бы один. Два друга, организовав мировую сеть мордобойных организаций, поставили на уши общество потребления. Работают, дерутся. Потом один умирает на руках у другого. Или оба хохоча падают в пропасть Великого Каньона на

гоночном автомобиле. Я ценю мужскую дружбу. В JFK я взял на прокат совсем не гоночный автомобиль и повёз батюшку в Пенсильванию, где у меня оставался дом в Аппалачах. По пробкам тащился часов пять. Джордж Вашингтон Бридж самая длинная надводная парковка в мире. В Attowhead меня ждало разочарование. Моя дача была оккупирована группой азербайджанских мужчин, друзей Руслана, который взялся присматривать за моим хозяйством. — Что же ты не предупредил меня? — сокрушался мой загадочный, бакинский дворецкий. — Ты же сказал, сейчас здесь ничего не сдаётся. Кризис. — Мы планировали эту встречу три года. До этого я не смог остановиться здесь, когда привёз жену из роддома. Дом кто-то снял. Мы поехали с новорождённой в гостиницу. Руслан предлагал странные услуги. Моя недвижимость пользовалась спросом клиентов в те моменты, когда была нужна мне. Это не справедливо. Обидно. Я вывел свой внедорожник из гаража, перетащил туда вещи. Повёз отца в аэропорт Скрентона сдать арендованную машину. Благо, Руслан сел за ее руль и помог мне с логистикой. В Уилксе я заехал к Володе. Он ремонтировал трехэтажный многоквартирный дом. Готовы были только кухня и спальня, где он жил с женой. Володя предложил нам с академиком ночевать на полу. На надувных матрасах. Мы благоразумно отказались. Матрасы могли сдуться под тяжестью наших тел. День был жаркий, мы после перелёта валились с ног, и хотели покоя в комнате с кондиционером. — Давай купим тебе приличные брюки, — сказал Руслан, чтоб загладить вину за негостеприимство. — И туфли. — Хочешь сделать мне подарок? Тем же вечером я рванул в Вашингтон. Чтобы не уснуть, пел в дороге блатные песни. В тайниках памяти хранятся удивительные вещи. В столице мы оказались глубокой ночью. Гостиница располагалась в центре, в двух шагах от Белого дома. Это не предполагало роскоши. Тем не менее, здесь функционировал wallet parking. Это когда твой автомобиль отводит в гараж специальный клерк. Машина моя смотрелась здесь, как надо. Белый грузовик выпуска 1998 года по кличке «белый конь» был облеплен стикерами в виде паффигов, черепах, девок в купальниках. Из-за внешнего облика моего тарантая в Пенсильвании ко мне часто обращалась молодёжь в поисках марихуаны. Я ликовал, когда водила в красной фуражке сел за руль «белого коня» и поставил ее рядом с ройсами и мерсами. Свистели тормозные ремни. Перекрикивали друг друга братья Жемчужные. Я похлопал по щечке американское чванство, и оно проглотило язык в поисках ответа. Мы проспали полтора дня. Когда мы проснулись, тут же отправились за смокингami. Их выдавали

индусы на соседней улице. Гостиницу тоже держали индусы. Она пропахла соусом карри от занавесок до потолка. Мы напялили на себя парадные костюмы, и направились к гостевому автобусу. Он был заполнен индусами, китайцами и восточными европейцами. Здесь тоже воняло курицей тандури. Дорога до академии заняла пятнадцать минут. Нам прицепили беджики и отправили на фуршет. Я был с большой камерой. Местные академики считали меня за профессионального фотографа. Я не стал разочаровывать их. Снимал, заставлял улыбаться и обнимать жён. На прощание брал визитки, и обещал выслать фотографии. Мог бы заработать на этом деле, но не стал злоупотреблять. Мы выслушали вводную лекцию о состоянии здешней науки. Большая часть доклада была посвящена успехам Советского Союза и американской конкуренции с ним. Слова «спутник», «Гагарин» и «водородная бомба» не исчезали со слайдов на экране. Потом организаторы приступили к вручению дипломов, и мы ошарашено поняли, что единственные русские здесь — мы. Наше одиночество не было страшным, оно было странным. В поляках и канадских украинцах родственных душ мы не видели. Как мы попали сюда вообще? В самый квалифицированный мозг потенциального противника. У отца были влиятельные американские друзья. Ученые-физики, магнаты здешнего военно-промышленного комплекса, мои «американские девушки». Арт Гензер успел побывать советником по науке у губернатора Новой Мексики, Магн Кристиансен руководил институтом в Техасе, Джим Томпсон был деканом технологического факультета одного из университетов в Миссури. Когда-то они пересылали через отца в Россию джинсы и игрушечные револьверы для меня. Когда я переехал в Америку, подыскивали мне невест. Проблема заключалась в том, что все они несколько лет назад по очереди умерли, и влиять на выборы в Академию не могли. Когда на сцену пригласили отца, он вышел и поблагодарил организаторов за оказанную честь, внимательно осматривая зал. Нет, никого знакомого здесь не было. Ужин мы провели со сравнительно молодой парой из Италии. Говорили ни о чем, хихикали над американской пищей и манерами. На следующий день пошли сдавать смокинги, но пункт проката оказался закрытым. Мы покружили по району. Сувениры нас не интересовали. Я догадался передать барахло старику, работающему в прачечной по соседству, и он обещал вернуть товар владельцу. Погуляли у правительственных зданий, я сделал фотографию отца у большого памятника Альберту Эйнштейну. Снимать меня на видео около здания Госдепа академик отказался. Я привёз сюда

камни с Синайской горы Моисея, Гималаев Будды, Гефсиманского сада Христа и Стоунхенджа Мерлина. Я хотел освятить этим жестом американскую политическую и военную мощь. Без духовности она, на мой взгляд, не имела смысла. Мой жест отцу не понравился. Я сделал селфи. Произнёс речь и швырнул камешки в сторону Департамента. Я считал это своей миссией в США. В глубине души я конечный индивидуалист. Об этом я и думал, когда мы возвращались домой. Свистели ремни кондиционера, Аркадий Северный подпевал братьям Жемчужным. Я мечтал о том, как хорошо было бы, если бы отец не был гениальным учёным, а я — гениальным поэтом. Мы бы организовали бойцовский клуб и били бы морды всем, кто этого захочет. И подставляли бы свои. Лучше бить морду, чем спасти душу. Все равно мы все умрем. Чтобы выжить надо придумать свою собственную цивилизацию. В этой мы, в лучшем случае — странные гости. В районе Филадельфии птица ударила меня в лобовое стекло. Я не сбавил скорости: птица да птица. Отец вообще ничего не заметил. В рамках новой цивилизации старые приметы отменялись. К нашему возвращению азербайджанцы мой дом покинули. Мы перекусили вонтон-супом из китайской забегаловки, разошлись по комнатам. Ночью разразилась гроза. Молнии били по воде Arrowhead, пытаясь вытащить оттуда давних утопленников и доисторических черепах. Я услышал, что отец зовёт меня и спустился на первый этаж. Мой академик сидел на кровати в пижаме и растерянно озирался: — Где мы? — спросил он, вглядываясь в потоки дождя за окном. — В лесу, — ответил я. — Мы ушли в лес. Навсегда расстались с обществом потребления. Нам нужно поверить в свои силы на пути к абсолютной свободе. Отец посмотрел на меня и улыбнулся, делая рукой знак, чтобы я отправлялся спать.

ИРИНА (ЛЯЛЯ) НИСИНА

Родилась на Украине в городе Винница. Закончила Казанский Институт Культуры и Винницкий Педагогический институт. В 1994 году переехала на постоянное жительство в Австралию, живёт на Голд Кост в штате Квинслэнд. Главы из повести и отдельные рассказы опубликованы в многочисленных журналах, сборниках и газетах («Нева»,

«Новый журнал», «Стороны света», «Крестьянин», «Чайка», «Австралийская мозаика» и др.).

Крестики

Семен Михайлович давно оформил пенсию, а пять лет назад вообще перестал ходить на работу. Тяжело стало толкаться в метро, еще тяжелее ходить в сумерках по скользким московским улицам. Ранней весной Семен с женой Верой съезжали из тесной квартиры на дачу, где и оставались до октября. Возвращение в Москву всегда расстраивало Веру до слез. За летние месяцы квартира так зарастала грязью, что это становилось заметно даже Семену. Целый месяц Вера приводила в порядок кухню, скребла плитки в ванной, отмывала полы и очищала водкой пятна на паркете. По ночам она жаловалась на леность невестки, безразличие сына и безалаберность обожаемых внуков.

Семен и сам видел всю эту кутерьму. В мечтах своих он покупал им с Верой отдельную квартиру, пускай маленькую однокомнатную, но отдельную, где Вера навела бы свой идеальный порядок, расставила бы свои кастрюльки и вазочки, пекла бы пирожки, и с нетерпением ждала прихода внуков. Но мечты эти не могли осуществиться, потому что денег на покупку жилья у них с Верой не было, да и быть не могло. Откуда деньги у переплетчика и медсестры на пенсии?

Семен, воспитанный после смерти родителей дедом и бабушкой, образования хорошего не получил. Он с детства помогал деду, так что профессию переплетчика освоил еще до окончания восьмилетки. Уговорами бабушки, Семен все же получил в местном техникуме диплом по делопроизводству, но жизнь свою посвятил любимому делу – книгам. Проводив деда, а за ним через полгода и бабушку на кладбище, ушел Семен служить в стройбат. После армии он обменялся с двоюродной теткой жильем, и стал московским жителем. Тетка давно манил

чистенький беленый домик в яблоневоm саду, а Семену виделись необыкновенные книги, которые, конечно же можно увидеть только в столице. В Москве Семен женился на Вере, родил с ней одного за другим двух сыновей, и зажил счастливо, занимаясь любимым делом. Последние двадцать лет работал Семен начальником переплетного цеха, да не где-нибудь, а в самой главной библиотеке страны, в знаменитой «Ленинке», как по старинке называли ее сотрудники. Книги Семену попадали самые трудные, старинные, обращаться с которыми нужно было очень бережно, руками не касаться. Почти всю работу приходилось выполнять в перчатках. Трудно, руки как чужие, а любил Семен эту работу, и книги любил, редкую не пролистывал от корки до корки пока с ней работал! Лет пятнадцать прожили они с Верой в комнате в два окна с общей кухней на четырнадцать семей и удобствами во дворе, потом пошел их барак под снос, и получили они отдельную квартиру. Квартира была двухкомнатная, в новом пятиэтажном доме улучшенной планировки, и Вера на квартиру эту нарадоваться не могла! Под эту радость, получился у них с Верой еще один ребеночек – дочка Маринка. И всем места в двух комнатах хватало. Времена другие были. Им с Верой еще и завидовали, что кухня своя, что в ванной вода горячая, да что в туалете чистота, не так как в коммуналке.

Ну, жизнь быстро пролетела. Старший сын институт окончил и по распределению в Иркутск уехал. Прижился там, женился, детки растут. Раз в год обязательно приезжает повидаться. Маринка замуж вышла, хорошая у них семья, тоже уже деток двое. Квартиру построили, ипотеку выплачивают. С деньгами туговато, но не бедствуют, хотя отпуска на даче проводят, либо в доме отдыха в Подмосковье.

А вот со средним сыном незадача! Выучился, а работы по специальности не нашел. Женился, а жена глупой бабой оказалась: пилит его день и ночь, что денег мало, но сама работать не хочет, с утра до вечера в Интернете висит. Вот и застряли все в этой самой двушке, повезло, что комнаты отдельные. Внук на кухне спит, кухня у них не маленькая, двенадцать метров, но дети быстро растут, скоро ему уже на кухонном диванчике не улечься будет.

Семен с коллективом распрощался, но чуть не каждый месяц звонят ему, на консультацию приглашают, а то и домой приходит новый начальник цеха посоветоваться. Опыт ведь дело наживное, а где опыта набраться, если новый и пяти лет не проработал! Но видно, хочет человек сделать как надо, учиться с удовольствием, совета спрашивает.

Семен и частные заказы всю жизнь брал, особенно летом, когда они в Верой на даче, и клейстер сварить не проблема, не то что в московской квартире, где невестка нос сморщит и к себе в комнате демонстративно дверь захлопнет. А то, что благодаря деньгам за эти заказы Вера внука практически сама одевает, это не считается!

Тезку своего, Семена Андреевича Прозорова, Семен знал много лет, еще кандидатскую диссертацию ему переплетал. Дача у Прозорова в том же поселке была, вот кто-то и посоветовал ему с переплетом к Семену обратиться. У него и сейчас дача на соседней улице, только участок втрое больше, чем у Семена с Верой, да дом новый он построил в два этажа. Прозоров академиком стал, большим ученым! За прошедшие годы эти стали они с Семеном почти друзьями. Один - академик, другой – простой переплетчик, а было им интересно друг с другом.

Библиотека у Прозорова была богатая, еще от прадеда осталась, книг старинных много, так что работу он Семену подбрасывал постоянно. В последние годы занялся Прозоров бизнесом, стал настойки травяные для аптек выпускать. Производство небольшое, но и расходов не так много, а сырье для него сначала бабушки их дачного поселка собирали. Прозоров преуспел, и сына к себе в компаньоны взял, а вместе у них еще быстрее дело пошло. Теперь уже травки целебные на арендованном поле выращивали.

В прошлом году решил Прозоров сыну на сорокалетие большую коллекцию книг подарить, и стал загодя готовиться. Купил где-то целый рулон дорожкой кожи, и стал приносить к Семену Михайловичу отобранные для сына книги, чтобы тот их в одинаковые переплеты оформлял. Среди других томов принес Прозоров и старую Библию. Рассказал, что книга эта прабабкина, ей, мол, к свадьбе подарили, показал в начале книги первую запись, октябрём 1893 года датированную. «Любимой внучке Вареньке к свадьбе!» Старинная книга, интересная, а переплет из телячьей кожи истрепался, из корешка нитки лезут, но книжный блок в хорошем состоянии, проблем с реставрацией не будет. Род Прозоровых, понятно, старинный, дворянский род, и не из бедных, сразу видно. Уголки на книге когда-то золотые были, не сохранились, правда, но Прозоров уже заказал их у ювелира, чтобы уж засияла Библия во всем былом великолепии.

Семен любил такую интересную реставрацию, и всегда делал ее с удовольствием. С любовью делал, время выбирал, чтобы ничего не мешало, чтоб не отвлекали его. Вера всегда знала: работает Семен, значит не надо мешать. Библию Семен отложил до отъезда на дачу, и там

в первый же день взялся за нее. Работал он всегда на просторной веранде, где стоял его верстак, висела лампа, и все было им сделано для того, чтобы ничто не мешало любимому делу. Аккуратно отделив книжный блок от переплета, Семен разровнял страницы, уложил блок под пресс и занялся переплетом. Он задумал сохранить форзац - страницу скрепляющую блок и переплет книги. На форзаце как раз и была дарственная надпись незнакомой прабабушке Вареньке. Семен медленно отпарил нужную страницу, аккуратно отделил форзац вместе с авантитолом и уложил под малый пресс. Затем он смахнул с обнажившейся обложки куски истлевшей корпии, и обомлел. Изнутри к переплету был приклеен бумажный конверт. Семен привычно потянулся к перчаткам, и только надев их, осторожно открыл конверт. Внутри были два бриллиантовых крестика в золотом обрамлении и на золотой же цепочке каждый. Потемневшее от времени золото засветилось под весенним солнцем старинным достоинством, а бриллианты заблестели, рассыпая радужные отблески по всей веранде. В конверте лежало письмо, и Семен, считая себя не вправе прочитать его, снял перчатки и набрал телефон Прозорова.

Тот приехал под вечер: высокий, подтянутый, дорого и со вкусом одетый, всегда с доброжелательной улыбкой на лице. Прозоров принял из рук Веры чашку чая, откусил свежее испеченного печенья, и устроившись в плетеном кресле, вопросительно посмотрел на Семена. Руками в перчатках Семен вынул письмо и, закрепив мелко исписанный лист между двух стекол, подал его Прозорову.

«Дорогие мои дети, внуки, правнуки, и дети их детей до седьмого колена!» - удивленным голосом прочел Прозоров. – Это письмо, – он перевернул стекла, чтобы посмотреть на подпись в конце письма, – от графини Прозоровой, моей прабабушки Варвары! Она из семьи тех самых Демидовых, первая хозяйка этой Библии! – Прозоров опустил письмо на стол. – Дайте мне, пожалуйста, воды, Вера! - попросил он. – Что-то дышать трудно.

- Моя прабабушка, – отдышавшись рассказывал Прозоров, – княжна Варвара Демидова. Семья ее из обедневшей ветви Демидовых. Замуж она по любви вышла, жили очень счастливо, но не долго. Мужа ее, моего прадеда, в семнадцатом году расстреляли по решению солдатского комитета. Через десять лет прабабушка снова вышла замуж, за Ремизова, профессора медицины, хирурга. Мы и сейчас в его квартире живем. От первого брака у нее было двое детей: мой дед и сестра его. Сестра умерла от голода в девятнадцатом году. Бабушка рассказывала, что

свекровь ее себе простить не могла, что ребенок не выжил. А она в тот голодный год все с себя продала, на продукты обменяла, - тогда же и уголки с Библии на еду ушли, - а все равно дочку не уберегла. Во втором браке у них детей не было. Дед Ремизов очень ее любил, одевал как принцессу, хотя в то время это было даже опасно. Драгоценностями ее обвешал, у нас фотография есть. Как эти подарки в блокаду кстати пришлись – не рассказать! Деда этого, вернее прадеда, мы с сестрой очень любили. Он всю войну в госпитале в Ярославле проработал, а после войны вернулся в Петербург. А прабабушка умерла весной сорок второго во время блокады. Ни дед, ни отец с войны не вернулись, а нас с сестрой бабушка Нина вырастила. Прадед помогал чем мог, самым родным человеком для нас был.

- А мама ваша? – спросила Вера. Она присела на стул напротив Прозорова, готовая в любую минуту подняться и оставить мужчин говорить о делах, но рассказ Семена Андреевича о семье остановил ее. – Где ваша мама была блокаду?

- В Петербурге, конечно, - подтвердил Прозоров. – Двое детей маленьких, побоялась эвакуироваться. Тане, сестре моей в сорок первом пять лет исполнилось, а мне и трех лет не было. Мама с бабушкой остались, думали, большой город, все-таки, не может быть чтобы немцам сдали. А прабабушка вообще никуда из Питера уезжать не хотела. Говорила, мол, здесь меня крестили, здесь и отпевать будут! Он замолчал, вспоминая.

- Вы, Семен Андреевич, письмо прочитайте, - напомнила Вера.

- Да-да, - прервал размышления Прозоров, - письмо!

Он откашлялся и начал читать вслух:

«Дорогие мои дети, внуки, правнуки, их дети, и дети их детей до седьмого колена! Я умираю. В этом году умерло так много людей, что смерть еще одной семидесятилетней женщины никого не удивит. Но на мне смертный грех, и хочу я покаяться перед смертью, хотя и знаю, что грех этот непрощителен и может пасть на головы всех моих потомков до седьмого колена. И молю Всевышнего, чтобы несла наказание я одна, и не тронула чернота чистые души моих маленьких правнуков, которые должны пережить эту страшную войну, вырасти и продолжить род наш. Крестики, вложенные в письмо, наши фамильные, демидовские. Ими окрестила я новорожденных детей Натальи, жены моего внука Андрея Прозорова. Девочка крещена мною Анной, а мальчик Александром. Нина, невестка моя, имена их знает, скажет за кого молиться. Дети умерли на моих руках. Молока у Натальи не было, а молочный порошок

на пользу детям не пошел. Я знала, видела, что не жильцы они на этом свете, и скоро станут ангелами небесными. Так и случилось. И молила я Всевышнего только об одном: спаси старших! Сенечка и Таня в конце февраля перестали вставать, почти все время дремали. Тела новорожденных лежали в холодной спальне. Ни у кого из нас не было сил похоронить малышей. Я думала всю ночь. Долго не могла я решиться на такой чудовищный поступок, но в тот день Сенечка спросил меня: - Бабуля, правда мы все умрем, как твоя маленькая девочка? Я решилась...»

Прозоров перевел дыхание, глотнул воды и снова поставил стакан на стол.

Все молчали. Вера прижала руки ко рту чтобы не закричать.

- Мама моя, вы знаете, врач, мобилизовали ее еще в сентябре, но в Петербурге оставили, – начал рассказывать Прозоров. - Она в госпитале на казарменном положении жила. А оставили ее в городе потому, что была она беременна, это я уже потом понял. В начале февраля мама в своем же госпитале родила близнецов. Молока у нее не было совсем. Через пару дней привезла она новорожденных к бабушке, а сама в госпиталь вернулась. Раненых тогда везли много, не только палаты, коридоры были переполнены. Мама оставила порошковое молоко, его малышам разводили, оно тогда только появилось, привезли откуда-то. Помню, бабушка хлеб блокадный размачивала теплой водой, трясла бутылочку и кормила младенцев. Потом остатки хлеба нам с сестрой отдавала. Я так ясно помню голод! Помню, малыши даже не плакали, а как-то жалко скулили. Прожили они недолго. Еще холодно было, и бабушка положила их, мертвеньких, в свою спальню. Сказала, что станет потеплее и тогда она их похоронит как следует. Мы все тогда жили в маминой спальне, там буржуйка стояла, печка, там и спали. Что с маленькими дальше стало я не помню. Мы с сестрой в конце зимы уже совсем доходили, спали все время. А когда маленькие померли, в тот месяц стало полегче, потому что их карточки детские бабушка отоварила и нас с Таней подкормила.

Вера шумно вздохнула, словно всхлипнула.

– Вы до конца читайте, Семен Андреевич, что там дальше-то в письме.

- Сейчас, сейчас дочитаю, – Прозоров допил воду. - А потом, не поверите, чудо случилось! – продолжал он. - Бабуля где-то обменяла свои драгоценности на мясо. И стала каждый день варить нам с сестрой мясной суп. Представляете, что в Петербурге тогда значил мясной суп? Вера охнула, и в ужасе прижала ладони к щекам.

Стало тихо. Слышно было как в комнате тикают старые ходики, и поскрипывает их металлический маятник.

Прозоров оглядел замершую в ужасе Веру и оторопевшего Семена.

- Ну, вы же не думаете... - пробормотал он, и снова поднес к глазам стекла с письмом.

«Самое страшное было начать. Детей я обмыла, помолилась над ними, прочла что положено, души их невинные вручила Господу. А тельца маленькие, скрюченные, похожие на замороженные тушки пулярок... Страшно было начать. Я ходила вокруг них весь день, и только перед вечером, когда стемнело, я решилась...

Суп варился в большой кастрюле, которой мы уже полгода не пользовались. Для того мизерного количества еды, что у нас было, мы обходились маленькой кастрюлькой, в которой перед войной готовили для детей. Большая кастрюля стояла на печке, и запах настоящей еды расходился по всей квартире. И я, грешная, тогда подумала: - Хорошо, что все жильцы в нашем подъезде уже померли, что никто не слышит этого греховного запаха!

Сенечка и Таня сидели возле печки и не сводили запавших глаз с кастрюли. Наконец, Нина поставила перед каждым из нас тарелку с супом. Она даже принесла из столовой тарелки и большие ложки. Дети ели медленно, видно сил уже не было быстро есть.

- Вкусно, Сенечка? - спросила я. - Вкусно, Танюша?

- Очень вкусно, бабуля, я такого никогда не ел!

- А завтра мы тоже это будем есть? - спросила Танечка.

Ребенок уже не помнил, что ел до войны. Сердце мое кровоточило, я не могла заставить себя взяться за ложку.

- Мама, ешьте! - прошептала Нина. - Вы свалитесь, мы без вас пропадем. Ешьте, ну пожалуйста!

Нина съела свою порцию. Наверное, в тот февральский день, она уже дошла до такой степени голода, что ей было все равно что есть, лишь бы съедобное. В тот вечер я не смогла прикоснуться к супу, и Нина отдала мне немного хлеба от своего пайка. Сто двадцать пять грамм хлеба в сутки! Нина отрезала мне грамм пятьдесят. Хлеб по цене жизни...

Дети мои, если вы читаете мое письмо, то вы, слава Господу, выжили в этом аду. Хочу верить, что у меня уже есть праправнуки.

Я молю Всевышнего, чтобы грех, который я совершила сознательно и с единой целью спасти моих внуков, лег на мои плечи. Не виновна моя невестка Нина, она не смогла удержаться, ела, пряча глаза, не спрашивая, откуда взялась еда. Не виновна жена моего внука Наталья, не могла она

держат детей при себе в госпитале. Да и молока у нее не было, от голода, наверное, кормить детей ей было нечем. Дети, Сенечка и Танюша, не виновны! Не знали они, что едят, грехи их несут родители. Виновна только я, и вину эту буду нести до скончания времен. Я к этому готова.

Прощайте, мои дети, внуки, правнуки, все Прозоровы.
Живите благородно, делайте людям добро, и дай вам Б-г счастья.
Ваша, Варвара Прозорова – Ремизова, урожденная княжна Демидова»

Было тихо. Прошуршали над головой крылья ночной птицы.

- Гордыня! – вдруг сказал Прозоров.

Он глянул на Веру и Семена.

- Я всю жизнь гордился своей семьей: все правильные, благородные и чистые люди! И я такой же, и сына я так же воспитывал! И только сейчас понял...

Он замолчал.

- Что вы поняли, Семен Андреевич? - мягко спросила Вера.

- Что гордиться мне нечем, что я так мало знаю о своей матери, о бабушке... И не мне судить! Ведь то, что сделала бабушка Варвара – настоящий подвиг, и в то же время кощунство. И никто сейчас не определит, что же это было на самом деле: благо спасения или злейшее зло!

- Но, вы то живы, - тихо сказала Вера. – Сестра ваша Таня, девочки ее, ваш Андрюша. И вы столько всего успели в жизни сделать, столько всего полезного. Да только ваш вклад в науку уже давно покрыл тот старый грех! Да и такой ли это грех, если посмотреть, для чего бабушка ваша его совершила?

- Ох, не все так просто, Вера, - пробормотал Прозоров. – А давай, Семен, мы с тобой водки, что ли выпьем, а то у меня ей же ей голова совсем отказала.

Вера быстро собрала на стол, Семен разлил водку.

- За упокой младенцев Анны и Александра! – очень тихо и быстро пробормотал Прозоров, и выпил не чокаясь.

- Я и не знал их имена, - продолжал он. – Бабушка Нина никогда об этом не говорила. Я спросил как-то раз, но она только сказала, что они прожили недолго. Удивилась очень, что я помню это. Таня забыла совсем. Когда ее девочки родились, она все удивлялась, что в семье до этого случая ни у кого двойни не было. Я ей напомнил о тех блокадных малютках, но она совсем о них забыла. А ведь на два года старше,

должна была помнить. Видно, на нее голод сильно повлиял, больше чем на меня...

- А мама ваша знала, что малышей больше нет? – спросила Вера.

- Нет, так и не узнала, - горько ответил Прозоров. – Весной, когда снег сошел, бабушка Нина пошла в госпиталь маму проведать. В живых она ее уже не застала. Мама в начале марта в стационаре умерла от дистрофии.

- Видно так и не оправилась после родов, бедная, - печально вздохнула Вера.

- Наверное так, - отозвался Прозоров. – Ну, еще по одной, Семен Михайлович, разливай, дорогой.

Они выпили, закусили, и долго сидели молча.

- И как только крестики демидовские у вашей прабабушки сохранились? – спросил Семен. – Революция, гражданская, бандитизм всех сортов. А крестики удалось сберечь.

Вот ведь еще одна тайна!

- Я думаю, что крестики эти ей прадед передал. Он хирургом был, с пятнадцатого года в полевом госпитале работал. Прадед ведь в гимназии с братьями бабушки Варвары учился. У нее братья-погодки были – Андрей и Арсений Демидовы. Потом они офицерами стали, рядом с прадедом воевать пришлось. И погибли оба почти в одно время, прадед о них нам с Верой много рассказывал.

Семен снова наполнил стопки.

- Крестикам этим сейчас цены нет, – сказал Прозоров, отдышавшись, - на них должно быть демидовское клеймо. Новые предприниматели за такую штучку кучу денег отвалить могут. Сейчас ведь все ищут родословную, да как бы себя из дворян вывести, да не из простых, а из известных.

Таковыми вот мелочами доказывают историю своего дворянства железно!

Не подкопаться – демидовские крестики!

Они опять помолчали. Вера принесла из кухни миску с картофельным пюре и котлеты.

- И ты, Семен, мог богатым стать, - задумчиво сказал Прозоров. – А остался человеком. Вот, как прабабушка писала - благородным и счастливым.

Разошлись в тот вечер после полуночи.

Всю неделю Семен потихоньку, без спешки трудился над переплетом Библии. В четверг позвонил Прозоров и обещал вечером принести уголки, которые забрал в городе у ювелира.

Он приехал вместе с сыном, высоким, подстриженным по моде, таким же улыбочивым, с открытым взглядом. Оба Прозоровы были одеты не по-дачному, в костюмах и строгих галстуках. Вере даже показалось, что это они так разodelись специально для сегодняшней встречи. Впрочем, она тут же подумала, что этого быть не может, потому что к ним Прозоров всегда заходил по-дачному запросто, мог и в спортивных штанах забежать.

Она тепло поздоровалась с Андреем, знала его с малых лет, улыбнулась Семену Андреевичу, и уже хотела уйти на кухню ставить чайник, когда Прозоров старший попросил ее остаться.

- Мы с Андреем только что от нотариуса, - сказал Прозоров. – Вы останьтесь, Вера, послушайте, что мы придумали.

- От матери моей жены осталась квартира, - начал он, - Андрею завещана. Тещи моей уже два года как нет, квартира пустует. Мы думали, что внук мой там поселится, когда в университете учиться будет, а он уже два года в английской школе, и в университет там же в Англии поступать планирует. В общем, квартира эта нам оказалась не нужна.

Скажи ты, Андрей, - обратился Прозоров к молчавшему до сих пор сыну.

- Мы с отцом составили нотариальный договор. Вы, Семен Михайлович и вы, тетя Вера, можете владеть бабушкиной квартирой пожизненно. Хотите – живите, хотите – сдавайте, ваше право. Никаких условий, делайте там все по вашему усмотрению.

Вера с Семеном переглянулись, все еще не понимая, что сейчас происходит.

- Мы еще год назад забрали из этой квартиры все, что для нас представляло ценность. Мебель там осталась, но нам она не нужна. Хотите пользуйтесь, не хотите – выбрасывайте – продолжал Андрей.

- Ну, Семен Михайлович, не молчи, скажи, что вы принимаете нашу благодарность, сними у меня камень с души! – весело проговорил Прозоров, поднимаясь со стула и пожимая руку Семену.

- Ну, ладно, тетя Вера, - обнял ее за плечи Андрей. – Давайте радоваться, а не плакать! У вас случайно ореховых коржиков нету? С детства любимые коржики, забыть не могу!

Конечно, нашлись и коржики, и варенье, и хороший чай, припасенный Верой специально для гостей и заваренный в китайском фарфоровом чайнике.

После чая Вера и Семен проводили гостей до калитки, помахали вслед отъезжающей машине, и медленно пошли по дорожке назад к веранде.

- Ну, Сенька, ты, наконец, понял, почему я с тобой так счастлива? – вдруг спросила Вера.

- Не понял, - виновато ответил Семен.

- Ну и не надо, - легко вздохнула Вера, - иногда чем меньше знаешь, тем лучше!

- А вот это я уже понял... - тихо сказал Семен.

ВЛАДИМИР ПАХОМОВ

*Родился 13 апреля 1948 г. Ленинград.
Образование высшее - геолог.
После окончания института в 1971 г.
работал в Приморье и на Крайнем Севере
(Колыма, Чукотка)
С 1998 года проживаю в США г. Нью
Йорк.
Печатался в журналах и
Альманахах России
Рассказы на военную тематику не
печатались.*

Никто не забыт!?!....

***“Я не участвую в войне,
Война участвует во мне “***
Ю. Левитанский

Сын солдата, прошедшего войну я считал, что знаю о ней много (во всяком случае больше моих сверстников), благодаря скрупулезным рассказам отца, воспоминаниям ветеранов, живших неподалеку, книгам и фильмам. Отец много лет выписывал “Военно-Исторический Журнал “ и мы подолгу погружались в мир войсковых операций, большей частью, конечно же победоносных.

Неизгладимое впечатление оказала на меня поездка с отцом в Мясной Бор – место гибели 2-ой ударной армии, произошедшей весной 1942 года.

Но, оказывается была ещё совсем другая сторона той войны и, я хочу рассказать Вам об одной встрече, полностью изменившей мои представления о том, что я, казалось бы знал.

Итак, Хабаровск, 9 мая 1985 года.

Я задержался в служебной командировке и после того, как схлынула с улиц праздничная толпа, постояв на высоком берегу Амура решил выпить где нибудь рюмку “супа” по такому случаю.

Работая в это время на Чукотке я, конечно же, не был широко ограничен в средствах, и поэтому решил выбрать между ресторанами “Уссури” и “Центральным”.

Однако не только в этих, но и в других ресторанах мест не оказалось, что подтвердило еще раз непреложную истину: даже люди с умом ниже среднего (а не только главные геологи экспедиций) должны в праздничные дни заказывать столик заранее.

Места оказались в типовой ”стекляшке” на улице Серьшева.

Я выбрал столик в углу зала, за которым спиной к окну сидел невысокий плотный

мужчина с совершенно седой курчавой шевелюрой, обрамляющей довольно невыразительное широкое лицо в простеньких роговых очках.

“Разрешите?”

“Садитесь !”

На левой стороне мало поношенного пиджака сидящего, на потёртой колодке, была одна медаль “За победу над Германией”.

Заметив мой взгляд он как-то невесело (именно не весело, а не смущенно) улыбнулся.

Перед ним стояла тарелочка с аккуратно нарезанной селедочкой, посыпанной зеленым луком и глиняный горшочек от которого шел вкусный запах.

Сначала я не придавал значения стоящему перед ним обычному заварному чайнику

и такой же обычной небольшой чайной чашке.

Подошла официантка - дородная, ещё привлекательная женщина средних лет,

со смешливым взглядом больших светло карих глаз из под густых черных бровей.

“Пельмени закажите в горшочке, рекомендую”- посоветовал сидящий.

“У нас только сухое” добродушно пояснила официантка.

“Он со мной, Аннушка”- подал голос человек напротив.

“Другое дело, Лев Аркадьевич, только будет в чайничке и немного

“Байкалом” закрашенная”- она заговорщицки подмигнула.

“Так вам сколько? 150? 200 ?”

Я оторопело моргнул “200 пожалуй”.

Не спрашивая меня, Лев Аркадьевич налил в стоящий на столике стакан жидкость,

напоминающую по цвету слабо заваренный чай.

“Твою – пока принесут, давай за знакомство, что ли... Ну меня Аннушка уже представила – теперь ты.

Хлебом занюхай, а то горчичкой подмажь”

Узнав что я геолог, он вдруг широко улыбнулся, отчего морщины на его лице разгладились.

“Коллега, значит? Ну за это срочно еще по одной.

Да, Володя- я на ты, не возражаешь? Я тоже геолог, работаю в Хабаровском управлении начальником партии”.

Выпили еще по одной уже из моего чайничка. Пельмени и правда были отменные.

Лев Аркадьевич заметно хмелел и вдруг заговорил горячо, взволнованно, как будто желая выплеснуть незнакомому человеку, то что копилось у него в душе.

“Я ведь, Володя, начинал учиться еще до войны в Свердловском Горном, а в 1941 со второго курса пошел добровольцем”.

“Геолог, говоришь?”- повертел мои документы капитан на призывном пункте.

“Копать, стало быть умеешь?”

Так я попал в 1234 саперный батальон 26-ой резервной армии.

Базировались мы тогда в районе города Алатырь, где я и постигал азы военного дела, мечтая о подвигах на передовой.

В ноябре 1941 нас перебросили в район Коломны для усиления и переформирования во 2-ую ударную армию.

И тут худой как жердь майор со словно замороженным лицом и взглядом в круглых очках с прикрученной проволокой железной оправой одним росчерком решил мою фронтovou, да, наверное и всю дальнейшую судьбу.

“Давай ещё налей !”

Вскоре я прибыл на Лентинградский фронт в расположение 372-го медико-санитарного батальона, 3-ей дивизии.

Бегло посмотрев мои документы, комбат, женщина с петлицами майора пыхнув “Беломором” махнула рукой: “Тебе туда”

Я увидел палатку, дым из железной высокой трубы, двух распряженных лошадей

возле подвод с брезентами, какими то мешками, лопатами, ломami и сидящего на пеньке с самокруткой здорового усатого мужика в засаленном ватнике.

Так я - двадцатилетний недоучившийся студент, мечтавший о подвигах и не успевший сделать ни одного выстрела попал в похоронную команду.

И похоронная команда на подводу

Меня забыла в среду положить...

А.Дольский

Почти весь вечер меня, оглушенного с путающимися и бегущими куда то мыслями вразумлял наш начальник – тот самый усатый здоровяк с самокруткой.

“Старшина Семен Дмитриевич Веревка”- с ярко выраженным украинским акцентом”- представился он: старшой, стало быть, у нас. Когда мы одни - Митричем зови - по простому, мы тут вроде как семья одна. Тебя стало быть Студентом звать будем- возражения есть ? “

“Никак нет”- машинально по уставному ответил я

“А это вот - Куандык-казах, ну а мы Колей зовем его”- с нар поднялся приземистый, широкоплечий (тоже молодой- отметил я) человек азиатской внешности с жиденькими усиками на верхней губе.

“По нашему не очень то говорит, но понимает все.”

(“И друг степей – калмык”-некстати вспомнилось мне)

“И малыш наш- Сашко” С дальнего угла нар медленно поднималось то, что я принял за огромную кучу какого-то тряпья!

Громадного роста, под самый потолок палатки детина с удивительно детским лицом, и вдруг резанувшим меня по сердцу взглядом полным какой-то затаённой тоски и боли.

Он молча протянул мне лопатообразную ладонь и ушёл обратно в угол палатки.

“Молчанка он, молчит”- еле слышно вздохнул Митрич.

“С того дня, как двух братьев в августе под Уманью нашёл и похоронил.

От старшего аккурат только половина и осталась.

А ты стало быть войны то ещё и не видел?

Я вот брат третью уже ломаю - Халхин-Гол, финскую и вот теперь - опять вздохнул он, а ребята с июля со мной вместе.

Наши вот, по всему видать, в прорыв пойдут и мы сзади – свою работу делать. Давай-ка я тебе немного расскажу – что и как.

Самое главное в нашем деле не похоронить - велика ли забота, а что?

Личность установить - вот что! Поэтому первым делом ищи на нём, сердечном

медальон, стало быть смертный, а он может быть на шее и в кармане шинели и гимнастерки. Собирай и вечером сдавай мне.

А ещё ищи письма в карманах, на фотокарточках могут адреса тоже быть.

Полевые сумки сразу клади на телегу, я их вечером сдам куда нужно. Часы, там кольца разные у командиров в сумки ихнии ложки сразу, да и думать не смей себе что-нибудь оставить

.“Эх” – тяжело вздохнул он. “Под Уманью почитай 400 страдальцев зарыли в яме, а всего то 17 медальонов нашли - 17 бойцов только и опознали.

Да я тебе скажу: жара была, июль то, вот и поплыли они, сгребали лопатами- в мешки да в ямы. Кольшек сверху ставишь и табличку с количеством- сколько значит всего лежит здесь.

А небрунных осталось, он глубоко затянулся самокруткой - “не пересчитать”.

По рошицам, овражкам, на полях минных (мы и не заходили туда никогда), а утопло сколько в речушках, озерцах, болотцах..

А землёй засыпано при разрывах, в землянках да окопах..

Ну да скоро сам всё увидишь!

Мы, значит только на поле работаем - у Васильевны (ты её видел - майорша из медсанбата) свои ребята есть.

Сарайчик вон тот видишь? Туда сносят тех, кто живой ещё, да только место в госпитале занимает (с тяжкими ранами в живот, голову, ну и в грудь наверное).

Так и лежат там на соломе, пока не помрут, вперемежку с мертвыми то. Сегодня вот тихо что-то, а то оттуда не то стон не то вой идет, уши вот ватой затыкаю - иначе не уснёшь.

Потом машина приходит и освобождают места для других.

Куришь? вдруг спросил он.

“Надо, чтобы закурил, узнаешь скоро почему”.

Через два дня наша команда выехала на позиции- кусок земли , поросший редкими кривыми ёлочками, изрытый окопами и воронками; задумчиво продолжил

Лев Аркадиевич.

“Ты вот что, Аннушка - завари ка нам свеженького, пожалуйста”.

По словам Митрича, этот клочок земли несколько раз переходил от наших к немцам, а ночью немцы отошли, забрав своих убитых и раненых.

“Оружие отдельно складывайте в кучу, вечером вывезем” строго приказал Митрич.

(С конца 1942 впереди нас шла трофейная команда - собирала оружие, ну и разные ценности, которые попадались)

В лощине я увидел три танка; один обгорелый и два с перебитыми гусеницами.

“Т-26 это” – определил Митрич- “видишь люки открыты, стало быть никого там нет и нечего туда подходить.”

Своего первого (да ,Володя – первого) я увидел почти сразу немного отойдя от подводы.

Это был совсем ещё молодой солдат (может даже моложе меня).

Он лежал на спине с правой рукой за расстегнутой на одну пуговицу шинели

и далеко откинутой назад левой, сжатой в кулак.

Я заметил, что солнце отражалось в льдинках на его широко раскрытых глазах.

“Плакал, наверное перед смертью-то” тихо сказал Митрич“ посмотри-ка, что у него там под шинелью, да не бойся ты, ничего они уже не сделают, мертвые-то”.

Под шинелью не оказалось ничего, но в кармане гимнастёрки я нашел уже потёртую

фотокарточку, с которой смотрела, большеротая девчонка стоящая с цветами на берегу какого-то то ли озера, то ли пруда.

“Женечке от Нади в день рождения! 16 Мая 1941”- было на обороте.

“ Ишь ты! Некрасивая, а хорошая, наверное “– пробурчал Митрич – “не дожидаться ей Женечки то...

Ну бери, Студент за ноги, чего встал-то, не на прогулку вышел!”

Я, зажмурив глаза, взял Женечку за негнувшиеся, будто деревянные ноги.

“Примерз, кровь наверное натекла под спину, видишь входное-то где, пояснил Митрич. Сходи-ка за лопатой!”

С жутким хрустом оторвали тело от смерзшейся земли со снегом, обнажив

большое кровавое пятно.

“Ну теперь поехали” и я вместе с ним, не способный ни о чём, думать понёс Женечку к подводе.

В тот день мы захоронили 74 человека, собрали 11 медальонов и 3 письма с обратным адресом.

Зарыли всех в глубокой воронке от снаряда, попавшего прямо в траншею, засыпали комьями уже порядком промёрзшей земли. Митрич радостно прокричал, что нашел отличную землянку с печкой и что даже кой какой харч (тут он выразительно щелкнул себя по горлу) сохранился.

В этот вечер я впервые в жизни напился до беспамьятства.

Январь 1942.

Я неопознанный солдат.

Я рядовой. Я имярек.

Я лед кровавый в январе.

Я прочно впаян в этот лед...

Ю.Левитанский

Лев Аркальевич вдруг как-будто перестал хмелеть и посмотрел на меня почти трезвым взглядом.

«Все последующие дни, Володя, были похожи один на другой. Менялись места боёв, расположение частей, тела, воронки, залитый кровью грязный снег, кровавые мозоли на руках от лопат и ломов, похмельный запах изо рта, несвежее бельё.

Однажды я спросил Митрича:

“А почему наши лошади не боятся мёртвых?”

“А ты у Коли (Куандыка нашего-то) спроси, он им каждый день какие-то сказки на своем языке рассказывает.

Уж больно они, лошади-то его любят и всё похоже понимают, что он им говорит-то”.

А вот этот день я, Володя запомнил: 24 января это было 42-го.

Приехали мы на берег речушки какой-то (да я и тогда то её названия не знал).

Ты вот представь только, до самого другого берега и до поворота речки трупы изо льда торчат: руки , по большей части, спины, а то и головы.

“Очистить приказали”- как то, даже растерянно, убитым голосом объявил Митрич.

Раздал нам каждому по большому куску марли: “Морды закутайте, да в несколько слоёв, и за работу!»

«Эти наверное, где-то в сентябре утопли, и вот аккурат перед тем, как лёд то встал и повсплывали”...

Два дня мы долбили ломами лёд, и тающие ледяные крошки вместе с частичками одежды и мертвых тел, смешиваясь с горячим потом, стекали по лицам бледно

розовыми ручейками с отчетливым гнилостным запахом.

Марлю, как грязно-розовую тряпку меняли каждые два часа, стаскивали на берег уже мало похожие на людей фигуры, грузили их на подводки.

Никаких документов мы не нашли, да никто и не искал.

Вечером второго дня мы долго мылись в бане и сменили всю одежду.

Душное лето 1942.

Ну, что с того, что я там был.

Я все избыл. Я Все забыл.

Не помню дат. Не помню дней,

Названий вспомнить не могу...

Ю.Левитанский

«Лето 1942 а может 43-го, пьяненько улыбнулся Лев Аркадьевич.

“ Ничего не помню, ничего... Помню, что было нестерпимо душно и всё вокруг-

всё понимаешь-всё пропитано трупным запахом.

Всё тело, волосы, одежда, тушонка, гороховый концентрат, водка и казалось даже небо все имело тошнотворно-приторный запах и несущий прохладу ветерок приносил тот же мерзкий запах.

Скопления павших мы чаще всего находили по стаям раскормленных с шумом взлетающих ворон, голодной грызне бродячих собак и волков.

И там лежали они нередко рядом друг с другом и даже иногда обнявшись, как

в каком-то порыве, гадать о котором почему, не было ни времени ни сил.

С оголенными местами черепами, пустыми глазницами, раскисшими телами покрытыми тучами зеленых мух.

Мы растаскивали их специальными крючьями и лопатами и зловонная бурая слизь покрывала наши клеенчатые фартуки, резиновые перчатки и сапоги, собирали в мешки бесформенные куски тел, разбитые головы с выбитыми зубами.

Запомнилось, как оторванная рука все ещё сжимала винтовку, да так что не расжать.

Признаюсь тебе Володя, ничего мы не искали у таких: ни документы, ни медальоны..

Стаскивали в воронки, а то и просто в низинку- присыпали землей сверху, чтобы только не видно было.

С танкистами из сгоревших танков было проще - выскребали оттуда черно бурое месиво- зарывали отдельно и номер машины на табличке писали, а Митрич уже сообщал там, куда надо.

Тогда летом (не помню, где и когда) я увидел немецкие захоронения; аккуратные, как по линейке, ряды деревянных крестов с каской и табличкой на каждом: имя , фамилия, год рождения и смерти, номер части.

Сейчас вот пишут – березовые кресты ... Были конечно и березовые, но и другие, тоже - сосновых много было.

Курил махорку я уже к тому времени давно (все таки прав был Митрич) перебивал иногда едкий дым постоянное зловоние, ну а пили-то, конечно, каждый день

Январь 1944

***“И я лежу – уже десятилетия –
В чужой земле, я к этому привык.
Я слышу, надо мной играют дети,
Но я не понимаю их язык.”***

А.Дольский

“Ты, что не наливаешь-то Володя, а то я сам сейчас” рука его дрогнула и он пролил“чайк” на стол.

«Вот, вспомнил же ведь; зиму 44-го встречали мы в Прибалтике, ну не совсем там, а

где-то с Белоруссией граница... короче в Прибалтике.

1-й Прибалтийский у меня в военном билете написано.

Вот что запомнилось.

Немцев убитых уже находили много, очень много иногда .

Был приказ СМЕРША- скажу тебе очень строгий- он поднял палец вверх-“ты слышишь, что я говорю- строгий”- все жетоны (металлические у них были) собирать и сдавать, ну а самих немцев зарывать в общих могилах.

Однажды, возле полусгоревшей деревни или хутора, не помню уже точно, наткнулись мы в одной низине, на группу немецких трупов. Смотрим; три офицера раздеты, а ноги по колено аккуратно пилой отпилены?!

“Местные это”- хмуро кивнул в сторону деревни Митрич.

“Ты не осуждай – за сапоги эти можно мешок картошки выменять, а то и ещё чегонибудь, да и шинели офицерские перешить- милое дело! Ты вот что, Студент- жетоны собери и давай снегом их закидаем, пошли они в ж... , до ночи тут проваландаемся с ними.”

Я стал собирать жетоны и, вдруг, из под каски на меня увидел юное лицо абсолютно схожее с Женечкой - моим первым похороненным солдатом. “Похож, такой же молодой”- раздался сзади голос Митрича “посмотри, что там у него”?

Я достал из кармана френча солдатскую книжку из которой выпала фотография. С неё на меня смотрела ещё молодая светловолосая женщина с собранными в пучок на затылке густыми волосами.

“На русскую похожа” пробурчал Митрич“ написала чего-то?”

“Мой любимый мальчик, Мой Эрик, Каждый день молю бога, чтобы ты вернулся домой! Твоя мама. 23 марта 1943 года”

(надо отметить, что знание немецкого значительно укрепило мой авторитет .Я свободно читал этикетки на продуктах, пачках бритвенных лезвий, бутылках со спиртным и на разном другом барахле в брошенных немецких блиндажах).

“Не дошла молитва значит до бога-то” задумчиво сказал Митрич“, а кто его звал то сюда?”

“Его послали, не спрашивая“отозвался я, не сводя глаз с фотографии.

“Это верно. Эх, судьба наша солдатская. Вот и останется здесь в чужой земле-то.

Ну, давай заканчивать, а то стемнеет скоро.”

Я накрыл лицо Эрика втопанной в снег офицерской фуражкой.

Слезы Куандыка

16 апреля 1944 года. В этот день для меня закончилась война.

Было это уже в Курляндии - Эстония сегодня.

Моросил злой, не по-весеннему холодный дождь.

Мы уже собрали и похоронили наших, осталась только кучка немцев на опушке небольшой, почти полностью сгоревшей рощицы.

“Бросить, что ли их к черту, промокли уже все, а еще ехать до блиндажа “ неуверенно произнёс Митрич “да давай жетоны только соберем, да вот глянь, сумка набитая чем то лежит”

И тут случилось непоправимое.

Один из немцев приподнялся на локтях и в руках его был автомат.

Никогда не забуду его худое костистое, покрытое щетиной лицо и полные боли и смертной тоски почти безумные глаза, неправдоподобно увеличенные линзами очков в железной оправе.

Звука очереди я не услышал, как-будто вообще все звуки пропали.

Как в немом кино сложился и упал Митрич и завалился набок Сашко.

Потом накатила жуткая боль в обеих ногах и правой руке и сквозь пелену застилавшую глаза я увидел, как в немыслимом прыжке Куандык выбил автомат из рук немца, а вторым косым ударом почти отрубил ему голову, которая теперь висела на куске кожи.

Очнувшись я увидел, что ноги выше колен и рука выше локтя были туго перехвачены веревкой и неумело перевязаны.

Сумка, про которую говорил Митрич была пуста, а мертвые немцы бали покрыты открытками и письмами, втоптаннами в мокрый снег и раздавленными сапогами Куандыка.

Сам он сидел прямо на убитом немце, держа на коленях голову Митрича, и, раскачиваясь взад и вперед, всхлипывал. Слезы смешиваясь с дождем текли по его лицу.

Обратно он ехал прямо в медсанбат и всю дорогу тянул (именно тянул) какую-то песню на своем языке, как показалось мне состоящую только из двух нот.

Я лежал между Митричем и Сашком и тоже плакал - первый раз за всю войну.

Уже в медсанбате я узнал, что очередь почти перерезала Митрича, а Сашку пуля попала чуть выше левого глаза. Оба они умерли мгновенно.

“Вот и остались мои боевые товарищи лежать там. Нашёл я их имена в 1964 году на обелиске над братской могилой.

«Да, боевые; уже кричал Лев Аркадиевич, боевые! Потому-что у нас тоже был бой, каждый день за жизнь! Да мы не стреляли” он ударил кулаком по столу.

“А сколько мы схоронили, а сколько матерей, жен, детей узнали, что их родной человек не дезертир, не сдался в плен а пал смертью храбрых!” он опять ударил по столу кулаком, смахнув на пол чашку.

“А ты смотрел на меня и думал наверное- одна медалька, да? Крыса тыловая.

Да что знаешь о войне?” пьяно усмехнулся он.

Кто то мягко положил мне руку на плечо.

Я обернулся - Аннушка!

“Домой отвезите его, дальше начнет ругаться, кричать, посуду бить.. такси я вызвала и адрес вот” протянула она клочок бумаги.

Эпизод

Дверь открыла худенькая черноволосая с сильной проседью женщина. “Сюда вот, на диван давайте, я сейчас раздену его, а вы на кухню проходите”.

“Да пойду я, поздно уже.”

“Нет, нет поьем чаю (я вздрогнул), у меня торт есть.

Серафима Ивановна меня зовут, а вас?

Я представился.

Узнав , что я геолог, она просияла.

“А я тоже, как Лева.

Его в 1944 отправили санитарным поездом в Пермь, ранения были тяжёлые, да ещё и пневмония (пока его мокрого-то в медсанбат везли), вышел из госпиталя он в феврале 1945.

Восстановился в 1948 на геологический факультет Пермского университета окончил его и получил распределение в Хабаровск.

Тут мы и познакомились и поженились. Сын у нас Семен, тоже геолог в НИИ во Владивостоке работает, уже кандидат наук. Семеном назвали в честь Митрича.

А Куандыка он долго разыскивал и вот получил”- она достала из шкатулки листочек бумаги.

“На ваш запрос отвечаем, что младший сержант Жамалетдинов Куандык Аскарлович пал смертью храбрых в боях за освобождение Праги 10 мая 1945 года.”

“Так вот он один из всей его команды и выжил.

Ну куда же вы, посидите еще...”

“Пойду я Серафима Ивановна, у меня самолет завтра” – почему то соврал я.

Послесловие

Несмотря на выпитое и усталость заснуть я не мог.

Как же могло случиться, что тысячи, десятки, сотни тысяч павших смертью храбрых остались неизвестными солдатами.

Сколько их ещё лежит на полях России, Польши, Венгрии, Чехословакии, Германии прорастая весной травой и цветами?

Знают об этом лишь шумящие березы Рязанщины, сосны Карелии и рижского взморья, дубы Карпат и каштаны Праги.

Откуда взялся этот кошунственно-пропагандистский лозунг “Никто не забыт”..?.

Честь и хвала десяткам поисковых отрядов, стирающих фальшивую позолоту с этого лозунга! Засияет-ли он истиной при нашей жизни-жизни сыновей и дочерей солдат, их внуков и правнуков!

Смогут ли последующие поколения с гордостью сказать “Никто не забыт!”?

В.А. Пахомов
Нью Йорк, США
Январь 2022

ВЛАДИМИР СЕДОВ

Писатель; драматург; киносценарист; член Союза писателей России; член президиума Российского фонда культуры; секретарь Союза кинематографистов НО; лауреат премии "Оскар" американской киноакадемии за фильм "Утомленные солнцем"; сопродюсер фильма "Утомленные солнцем" (премия "Золотой медведь" Берлинского кинофестиваля, "Гран-при" Каннского

кинофестиваля); директор съемок фильма "Сибирский цирюльник" (премия "Золотой лев" Венецианского кинофестиваля); председатель комитета по проведению Дней Московского Международного кинофестиваля в Нижнем Новгороде; издатель литературно-художественного журнала "Нижний Новгород"; автор более двадцати книг, трех пьес.

Синдром Ады.

Глеб очень часто был в поездках. Но и быт семьи нужно было устраивать.

Он купил старый дом на Гребном канале, снёс его и стал строить себе городскую усадьбу.

На время пока шло строительство Глеб поставил там сторожа и купил ему для порядка трехмесячного щенка - кавказца, сучку по кличке Ада. А так как ездил туда почти каждый день контролировать, как идет стройка, то привязался к Аде как к человеку. Та росла быстро и в год уже была здоровая псина. Кормили ее только свежим мясом и со временем она превратилась в великолепного зверя, больше похожего на светло бурого медведя чем на собаку.

Ада была умное животное. Она сразу определилась, что живет в стае.

Все люди вокруг это члены ее стаи, и она точно такая же как все вокруг нее и не важно, что некоторые ходят на двух ногах.

Есть вожак стаи, это Глеб, если он разрешает так ходить, значит и должно быть так. И самый главный здесь Глеб.

Все должны его слушаться, ему подчиняться и все должны любить его так же, как она любит его. И когда машина Глеба только поворачивала

с трассы к дому она уже встала в стойку, начинала скулить от любви и нетерпения.

Хозяин едет.

В усадьбе было много работников. Их Глеб подбирал по принципу украсть можно все, поэтому от них ничего не пряталось и все лежало открыто, но эти люди воровать не хотели. Получали очень хорошие деньги. И угроза потерять их, подавляла желание стащить то, что как бы лежало под руками. Вот за усадьбой было много людей, которым принцип воровства того, что плохо лежит, был смыслом жизни. А вот усадьбу охраняли довольно серьезно. Здесь как раз и была большая роль кавказской овчарки.

Всех остальных членов «стаи» Ада делила по ранжиру. Ида, самый близкий член стаи к хозяину, после Ады, конечно.

Дети, смешные щенки.

Работники, члены стаи.

Кто-то готовил, кто-то подметал, кто-то за цветами и садом-огородом ухаживал, кто-то охранял усадьбу, кто-то возил хозяина.

Ада же была естественно самая главная над всеми, вторая после вожака стаи. Когда она вставала на задние лапы и клала их на грудь хозяина, его лицо было напротив ее морды, и она видела, как они были похожи.

Она так любила хозяина, что готова была разорвать любого, кто задумал что-либо плохое против него.

Готова была умереть за него, сразиться с кем угодно, где угодно и когда угодно. Естественно, она тоже любила тех, кого любил хозяин. Особенно его детей. Дети тоже очень любили с ней играть. Она видела, что хозяин их любит и поэтому детям позволяла все. Они катались на ней, валялись с ней, бегали, прятались.

Но однажды произошел случай, который заставил Глеба пересмотреть свое отношение к тем, кто рядом.

Самая младшая из дочерей Глеба, познавая мир, стала изучать его более тщательно. Ей в этот день попала на глаза Ада.

Малышка в начале поизучав хвост, лапы постепенно перешла к глазам, носу и клыкам. Увидев в пасти этого мохнатой игрушки огромное количество зубов, она моментально засунула в эту пасть свою ручонку. Ада, не ожидая такого, подавилась, закашлявшись и слегка прикусила руку малышки. Сколько было крика, слез. Даже Глеб напугался. В итоге на руке дочки оказалось маленькое пятнышко. Но это было пятнышко и

пятнышко на нежной маленькой ручке дочери. И Глеб в сердцах так сильно отругал Аду, что та, распластавшись на земле, закрыв морду передними лапами, застыла, только виновато поскуливая.

К вечеру она тихо уползла к себе в загон, а Глеб, проходя мимо добавил к ее горю, еще раз отругал е: «И как тебе не стыдно. Ты укусила такую маленькую девочку. Мою дочь. Бесстыжая. Эх, хе..хе».

Утром Аде не вышла из загона.

Отказалась от еды. Она лежала в углу, спрятав морду под лапы и ни на что не реагировала. Вечером приехал Глеб. Ему доложили, что с собакой происходит что-то не ладное.

Глеб, вместо того чтобы пожалеть Аду, еще добавил: «Ну что бесстыжая, стыдно?» и не сказав больше ни слова ушел в дом. Ада, подняв голову растерянно смотрела вслед своему хозяину такими виноватыми глазами, что те, кто это видел чуть не расплакались.

Утром следующего дня она опять лежала в углу и ничего не ела. Потом Глеба дня два не было дома, а когда приехал, оказалось, что Ада, как и прежде отказывается от еды и не выходит из загона.

Тут уже Глеб сменил гнев на милость. Зашел в загон и стал гладить Аду. Она устало подняла голову, посмотрела в глаза Глебу. «Да, - говорил ее взгляд, - виновата хозяйин, прости. Хотя понимаю, что мне прощения нет и лучше я умру чем так жить дальше.» - и она опять спрятала голову в лапах.

Глеб постоял, постоял, но решил, что ничего, пройдет. Но на всякий случай велел вызвать ветеринара.

Ветеринар приехал, осмотрел вялую Аду и сказал Глебу: «Стресс, очень сильный стресс, может умереть. Она очень сильно переживает что вы так сильно ее отругали.»

«Чушь какая-то, - подумал Глеб, - еще у собак не хватало гамлетовских страстей».

Но так это или не так, через неделю Ада уже еле дышала. Она по-прежнему ничего не ела, только пила. И реагировала только на Глеба и смотрела на него виноватыми глазами, а потом и совсем перестала смотреть. Прячала глаза.

Глеб уже не ругал ее, а гладил и говорил: «Ну что ты? Ну поругал маленько, что ты обиделась? Всякое бывает. Ну извини переборщил. Давай вставай, уже не сержусь.»

Но Ада не вставала.

Глеб опять вызвал ветеринара. Поставили Аде питательную капельницу. Но ничего не помогало. Она тухла. Ветеринар сказал, что все бесполезно, она вот-вот умрет.

Глеб уже не знал, что делать, присаживался к Аде, тихим голосом заговорил, поглаживая ее: «Ну прости меня, дурака, давай уж забудем все, хорошо?» Глеб разговаривал с собакой как с самым близким человеком. В последний раз, когда она уже почти не дышала, Глеб подошел,

Ада шевельнулась, подняла морду и опустила, не открыв глаз. И тут Глеб увидел, как из ее закрытых глаз текут слезы. Она дернулась, вытянулась и умерла.

Глеб встал, вышел из загона и бесцельно стал бродить по участку.

«Черти что, - думал он, - уж если у зверей творится в душах такое, на что же способен человек? А может мы люди не способны на такие, чувства, на которые способны они. Может мы, оторвавшись от природы забыли про эти чувства внутри нас. Все бежим, суетимся, чего-то ищем, что-то все надо. А настоящее вот оно рядом, а мы и не замечаем ни любви, ни верности, ни преданности.»

Аду похоронили и вскоре привезли нового щеночка. Тоже кавказца, тоже суку. Назвали ее Тера. Но с ней Глеб уже был подальше. Слишком опасно быть совсем рядом с тем, с кем не можешь быть всегда рядом. Можешь стать причиной несчастья и душевных травм.

Но «Синдром Ады» у него остался на всю его оставшуюся жизнь.

ВИКТОРИЯ СИНЮК

Родилась 21 августа 1988 года в Минске. Окончила с отличием филологический факультет БГУ (специальность «русская филология»), защитила магистерскую диссертацию (присвоена степень магистра филологических наук). Работает преподавателем. Публиковалась в литературно-художественных журналах Беларуси и России, автор нескольких книг прозы, лауреат премии Союзного государства для молодых авторов. Член

Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

Иван-чай

Константину Шакарян

1

Никогда этот дом не был так одинокий и тих, как в ту пору, после смерти бабушки; и хотя звучали в нём голоса, шипела по утрам на старой сковородке яичница, скрипела в ночи кровать, тишина не таяла – и от всех этих звуков, особенно вечерами, когда в окно лился золотой, как из рая, из прошлого, из давних каникул, летний свет, хотелось укрыться в ней. Жизнь продолжалась, летела, распаивала окна, варилась в чугушке молодой картошкой, гремела грозами, но больше – томилась памятью. И ушедшее счастье, о котором никогда раньше и не думалось, что оно – счастье, казалось простым и неповторимым даром...

Пять утра – росный шепоток рассвета: «Проснись!» В то лето ранние пробуждения были для меня обычным делом. Тревожно спалось по ночам, а бывало, и не спалось вовсе. Иногда охватывал страх, такой, как в детстве, когда ни с того ни с сего вдруг боязно открыть глаза, выглянуть из-под одеяла. На окраинной улице ни одного зажжённого фонаря, тьма непроглядная. К двум часам смолкал вдали собачий перелай, и наступал самый глухой и бессонный час; только тикали стрелки старых ходиков да с перебоями урчал холодильник. И лишь утром, после короткого рассветного пробуждения, начинался настоящий сон, глубокий, дающий отдых...

Думала: приедет из рейса Володя – отступят эти ночи, рядом с ним высплюсь. Приехал. Ночи стали добрее, уютнее, а зори будили так же рано – поговорить, побродить по меже сна и яви. Сон – лес, явь – поле; высокий, в человеческий рост, иван-чай мягко глядит в глаза...

Тем утром Володя спал рядом, отвернувшись к стене, обитой тёмным узорчатым ковром. Крепкая белая спина в родинках, на шее – тёмная старенькая верёвочка (крестик), русые, немного поредевшие волосы. Сорокалетний, жаркий, в зените. Не заветный, но близкий, даже родной. Скиталец, душа бесприютная. «Только не бросай меня...» – просил. В счастливую, хмельную минутку дала слово: «Не брошу!» Так и пошло-поехало... Уезжал на работу, на Север (моряк дальнего плавания) – ниточка, которая нас связывала, истончалась, темнела, как та верёвка с крестиком на его шее; казалось, чуть дёрни – и всё, жизнь пойдёт дальше, пусть и по одинокой тропе. А приезжал – снова теплели, хмелели друг от друга. Так и жили без малого три года – как на качелях...

Володя вздрогнул, заворочался (видно, от рассветного холодка, хлынувшего в распахнутое окно, стало зябко), но не проснулся. Я укрыла его тонким одеялом и встала: сон больше не шёл – позвал светлый день... Пора!

В комнате пахло кипреем. Листья его были разложены на покрывале, расстеленном на полу, и накрыты старой простынёй. Подняла её, посмотрела: почти высох. Поправила листья и снова накрыла: ещё чуть-чуть – и можно убирать в банки, на зиму, везти домой, в большой город. Взясась же заготавливать целебный чай, даже увлеклась! Посмотрела не одну передачу в интернете, изучила особенности ферментации иван-чая в домашних условиях – и принялась за дело. Дело отблагодарило душистым напитком, который, говорят, продлевает молодость. Вот уже целую неделю иван-чай – поиски его (велосипедные экспедиции!), сбор, ферментация, сушка – был для меня настоящей отрадой. Да что там – целым приключением! Выехать за городок, проехать деревнями, свернуть на полевую дорогу, надышаться пшеницей, взошедшей высоко и тучно, лихо проскакать по ухабам, как в детстве, – и в лес! Там смотри в оба, ищи малиновые островки на опушках. Найдешь – радостно! Подходишь к нему – высылают царский цветок свиту из бабочек и шмелей – встречать гостью. Знает, что обойдусь с ним по-родственному: стебель ломать не стану, малиновой короны не трону, аккуратно оборву листья да сложу их в тряпичный мешок... Дома поднесу ладонь к тёмно-зелёному вороху – дышит

теплом, греет. Знатоки советуют: перед тем как ферментировать, листья иван-чая нужно укутать чем-то тёплым и на время оставить, чтобы они потеплели в тепле. Я укутывала их старой дедовой курткой, ставила в уголок комнаты – и потом всё поглядывала туда, словно там, под курткой, тайлось что-то живое, доброе...

Ещё лет десять назад, когда были силы сесть на велосипед и привезти мешок-другой сочных листьев, иван-чай заготавливала бабушка. Теперь возилась с ним я, и в этих хлопотах словно продолжался наш тихий женский разговор.

Я сварила кофе, сделала бутерброды, села у открытого кухонного окна. Позавтракать – потом за блины. Володя любил их по утрам с яичницей. Ставил перед собой на стол сковородку и в ярко-оранжевый желток макал горячий блин, закусывал огурцом, запивал кефиром. Залюбуешься. И даже подумаешь: «А вдруг – это ему вот так всю жизнь начинать с тобой дни?..» И тепло от этой мысли, и страшно...

К половине седьмого блины были готовы. Володя спит часов до девяти – есть время сесть на велосипед, проехать по окрестностям, поискать малиновые островки, набрать тёплых листьев для последней заготовки. Когда в коридоре укладывала в рюкзак воду, тряпичный мешок и книгу, из комнаты вышел Володя, сонный и недовольный: разбудила.

– Опять в лес? – спросил, зевая.

– Да, съезжу...

– А мне, как обычно, сидеть одному?

– А ты не сиди. Позавтракаешь – сходи в магазин, займись каким-нибудь делом...

– Найду, чем заняться. А лучше завалюсь на диван и просплю до обеда.

Я ж не нужен никому...

– Ну, начинается!

– Нет чтобы вместе проснуться, позавтракать... Вот хочется же тебе постоянно бежать из дома!

– Глупости!

– Конечно, глупости... Кто-то у нас слишком умный для таких глупостей, как семья.

– Кто-то? Не тот ли, кого по полгода не бывает дома?

– Знала, с кем связываешься...

– И ты знал. Как говорится, «бачили очі, що купували»...

Володя хмыкнул, но уже без злости. Подошёл ко мне, обнял:

– Машка... – мурлыкнул как-то несыто.

– Ну что? – поцеловала его в лукавые губы. – Я скоро вернусь...

- Ладно... В тот самый лес? – Да. Там на опушках ещё много иван-чая. Насушим – возьмёшь в рейс, будешь в термосе заваривать, брать с собой на вахту...
- Ждешь не дождешься, пока уеду...
- Слушай, прекрати этот детский сад!
- Тоже мне, взрослая... Может, подождешь, пока я позавтракаю и соберусь, да вместе поедем?
- Не надо, я справлюсь.
- Ясно. Ну, иди давай, справляйся... И будь осторожна.

2

Выехала за город. Кругом поля: пшеница, кукуруза, свёкла. Жирно на земле, урожайно, жарко. Всё трудится: солнце, почва. Овощи тянут из земли горячие соки, ягоды в палисадах наливаются цветом, сахаром, скрипят колодезные цепи, трудится вода, растекаясь по грядкам... Трудится человек. Жизнь трудится, катит себя по земле, по времени дальше и дальше. «...так бы и душе твоей жить», – прошелестел в лицо ветерок с пшеничного поля.

По ухабистой полевой дороге, поворот на которую был в самом конце деревни, я направилась в сторону знакомого леса. Доехав до него, повернула не налево, как обычно, а направо: опушки той стороны были у меня не изучены.

Ни души вокруг. Густое, душистое разнотравье. Пшеничное поле соседствует с лесом, наливаются желтым маслом, зерном. Скоро колосья станут клонить головки долу – а там не за горами жатва; и осень, и чёрная земля, поутру присыпанная инеем, и белый снег без конца и края...

Ехала по тропинке между полем и лесом, напевая песню. Иван-чай ещё не показывался – любит, чтобы его искали, дождались.

Вдруг!..

Нет, не малиновый островок. Голубая ограда. В лесу, чуть поодаль от дороги, под берёзами. В ограде – холмик, невысокая тёмная тумба с пятиконечной звездой. Чья-то могила... От неожиданности я нажала на ручной тормоз на руле сильнее обыкновенного – велосипед мгновенно остановился, так что я чудом осталась в седле. Поставив велосипед на подножку, направилась к могиле. По дороге сорвала несколько ромашек. Ни имени, ни фамилии, ни дат – никаких примет на старом памятнике. Положила цветы у подножия тумбы, задумалась. Очевидно, солдат. Похоронен там, где погиб, скорее всего, вдали от дома, родных. Цвет

ограды, довольно насыщенный, говорил о том, что деревенские приглядывают за могилой, ходят сюда; отрадно, и всё же не по себе – ходят ведь без любви, просто по совести. И этого много; но душе – жив ты или мёртв – мало... Грустно стало. Захотелось остаться здесь ненадолго, хоть немного разделить с человеком это одиночество. Просто побыть здесь, подумать, не спеша за временем, не торопясь домой. Сесть в траве – и смотреть за двоих, как входит в зенит июльское солнце... Я достала из рюкзака тряпичный мешок, расстелила его под берёзой и села, облокотившись на крепкий молодой ствол. День стоял душный, хотелось пить – благо, в рюкзаке была бутылка холодной воды. Ещё в нём лежала книга стихов – «Дар» Василия Казанцева. Сегодня взять с собой захотелось именно её. Ни одна «экспедиция» не обходилась у меня без книги, без чтения под каким-нибудь деревом или на пригорке. Чаще всего с собой у меня была короткая проза или статьи о литературе, но теперь – понадобились стихи...

Напившись воды, открыла книгу и стала читать; начался разговор. Поначалу беседовали двое: я и поэт; мне хотелось узнать секрет несказанного, а ему – сохранить его, но при этом высказаться. Непростая, но счастливая беседа... Тут на страничку села белая бабочка и застыла. Налетел ветерок, сбросил на книжный листок былинку. В лесу ухнула, будто попросила о чём, какая-то птаха. Бабочка не улетала, баловала сахарной красотой взгляд, и её тёмные лапки сливались с чёрными буквами. «Надо читать вслух», – догадалась я. Хрупкая гостья встрепенулась, поднялась в воздух – и добрый ветер сам перевернул страницу. Луч солнца, пробившийся сквозь березовую сень, лежал на могильной тумбе, живо подрагивал от ожидания. Сперва я читала тихо, словно боясь кого-то разбудить, а потом – дала себе волю...

Молча бродишь средь трав суховатых –
Неуверенно, будто впотьмах.
Что ты ищешь на этих покатых,
Позабыто безлюдных холмах?

Здесь, на склонах отлогих, устало,
Троп и трав постигая письмо,
Детство – счастье когда-то искало...
Стало счастьем далеким – само.

Чем дольше читала, тем свободнее звучал мой голос, постепенно становясь таким, каким только я его слышала и знала. Слова чужие, мысль чужая – а голос твой, сокровенно твой...

Дверь – настежь длинным сквозняком!..
Набито вздулись занавески.
Как выстрел, холод острый, резкий
Пронзил оторопевший дом.

Сверкнула высь, блеснули воды.
Плеснул огнём кремень дорог.
Простора, счастья и свободы
Ударил в сердце смертный ток.

Вспоминалось детство, недавняя юность... Подумалось вдруг: как хорошо иметь прошлое! Вольнее дышало одиночество, и от него совсем не хотелось укрыться. Казанцевские пейзажи, напитанные вечными токами, удивительно сливались с тем, что меня окружало. И порой возникало чувство, что они появлялись в книге прямо на глазах, ткались из здешнего воздуха...

Прохладно-солнечный, пахучий,
К щеке ласкающийся цвет.
И в листьях – быстрый шёпот жгучий:
«Опасней счастья – выси нет!»

Сколько времени это длилось, сказать трудно – помню только, что от книги меня оторвал резкий порыв ветра – предгрозового, очень свежего, дерзкого. Ветер-мальчик, ветер-подросток, юный, взбудораженный ветер, в котором был колючий ток и душистая влага! Пробежался по голым предплечьям, по волосам – и скрылся в лесу. Погудел в малиннике, искал ягод, чем-то весело хрустнул и рванул дальше. Я подняла глаза: небо надо мной было затянуто, а с запада шла тёмная туча. Садиться на велосипед и ехать домой было поздно – вот-вот начнётся гроза, а дорога идёт через поле: опасно! Всё, что осталось, – найти крону погуще и укрыться под ней, надеясь на лучшее. Спрятав книгу в рюкзак, я подбежала к велосипеду и закатала его под раскидистую берёзу (говорят, в берёзы редко попадает молния), где и решила остаться до окончания бури.

Сверкнула молния, загремело. Володя учил меня: если гроза застала в лесу, надо сесть под деревом в позе «эмбриона»: обхватить руками колени и положить на них голову. Так я и сделала.

Начался ливень, щедрый, густой, душистый – дождь зрелого, пшеничного лета. «Скоро яблочки спеть станут», – пропела в кроне озорная струйка и юркнула мне под майку, обожгла шею тёплым дождевым холодком.

Гремело не долго, но, когда туча проходила над полем и забрасывала в него свои электрические удочки, было не по себе. Однажды молния ударила совсем близко, ослепила, вызвав внутри разряд животного страха, за которым тут же вспыхнула радость: жива!..

После этой шутки гроза стала уходить в сторону.

Крона моей берёзы, как могла, спасала меня от ливня, но не от холода. И не оставалось ничего, кроме как встать из позы «эмбриона»

(«родиться!») обхватить руками ствол дерева, прислониться к нему щекой и греться, ожидая, пока закончится дождь. Постепенно я стала согреваться, а с деревом расставаться не хотелось. Вспомнилось, как в детстве с бабушкой и мамой ходили в лес и вот так же, обняв стволы, набирались сил, даже говорили с ними, о чём-то шептались... И вот – захотелось шептаться! Бабушка говорила, что дереву можно рассказать многое – всё уйдёт в землю, в ветер, а сердцу станет легче. Заманчиво... Надо закрыть глаза – и начать. Не так-то это и просто, но стихи, прочитанные вслух, сделали своё дело – и я тихо заговорила:

– Послушай... Я кое-что расскажу тебе, если ты не против. Во всяком случае, в моём детстве деревья не отказывались выслушать какую-нибудь историю. Надеюсь, порядки здесь царят вечные, и это в силе. Так вот... Мне почти тридцать лет. За тридцать лет может вырасти целое дерево! А я чувствую, будто меня – меня в полный рост – на земле ещё не было. Ты выросло, а я никак не рвану ввысь... Всё время кажется, что чего-то главного для этого я не делаю. И никак не могу понять – чего? Что-то загудело внутри ствола; наверное, корни крепче впились во влажную почву, чтобы напиться дождя, и влага тихо, сладко пошла по ним. Дерево жило, властно брало своё, и у него не было для меня ни вопросов, ни ответов. Почувствовав неожиданное воодушевление, я продолжила:

– Не подумай, что я гордячка, но во мне есть всё. Ты, этот лес, и другие леса, и поля, и деревни – у меня есть родина. Есть стихи – сотни стихов! Я могла бы читать тебе их днями напролёт! Есть картины, которые я люблю и о которых могу рассказывать часами... Музыка... Прошрое.

Память. Мои ушедшие... Всё на свете во мне отражается, потому что я человек. Но и мне со всем этим отражённым, полюбленным нужно отразиться в ком-то, в чём-то. В слове, в чьей-то памяти, в любви. Вот этого нет... Значит, что-то не так... Я лгу. По привычке живу с человеком, которого не люблю. И он лжёт. Ему страшно остаться одному, не иметь дома, женщины, семьи, но ведь если я не люблю его, то и он – нет? Злимся друг на друга за то, что мы не те, кому нам не пришлось бы врать. В глубине души надеемся, что встреча с «теми» всё-таки состоится – тогда вырвемся на свободу, полюбим, широко развернёмся в делах... Но это, пожалуй, пустая и смешная надежда... До бабушкиной смерти я не думала о таких вещах – а теперь каждое утро меня будят мысли, и я не знаю, куда от них деться и у кого мне просить прощения... Вот, пожалуй, и всё... Спасибо.

Так, не разлучаясь с деревом и не открывая глаз, я простояла ещё какое-то время, уже не чувствуя ни холода, ни дождя. Вспоминала бабушку... Что она поверяла своим деревьям? Я почти ни о чём её не расспрашивала, просто любила, как могла, – молодой, подслеповатой любовью. Потом представила, что рассказал бы здесь Володя о себе, обо мне, о нас, о своих странствиях – и мне захотелось просто поговорить с ним, поговорить дружески, без обид, ожиданий, семейных ролей, нотаций в духе «детского сада»... Так, мысленно, я приставила к этому дереву родителей, брата, поэта Казанцева (секрет своего несказанного он так и не выдал!), бойца, погибшего здесь, и даже любимого человека, которого ещё не было в моей жизни... К каждому из них у меня появились вопросы, для каждого родилось слово. В те минуты мне верилось, что оно будет сказано прежде, чем вечность охватит нас своими голубыми оградками. Даже цветок иван-чая представился мне у берёзы со своей исповедью о русском бессмертии... И вот спустя четверть часа моя собственная исповедь уже не казалась мне откровением, словно многое из неё осталось позади, а душа сделала лёгкий шаг вперёд, ещё один, и ещё...

«За полчаса «материала» собралось на целую книгу», – улыбнулась я, а потом, повернувшись к могиле солдата, поклонилась ему. Мои ромашки совсем вымокли, и жёлтые глазки их казались заплаканными...

«Жись-жись!» – чирикнул кто-то над головой. Заканчивалось ненастье. На землю возвращался солнечный летний день с птичьими голосами, звонами, гудами, бесконечный день, за которым придёт вечер с чередой небесных чудес, а после – спокойная чёрная ночь.

Постепенно унимался дождь – и вскоре совсем унялся, растворился в солнце. Я села на велосипед и поехала по мокрой межевой дорожке. Перед тем, как вырулить на полевую дорогу, ведущую к деревне, решила проехаться вдоль знакомых опушек...

И вот, по законам чудесного дня, чуть поодаль от них меня ждала удача: не просто островок, а целый архипелаг иван-чая! Такого высокого, крепкого и царственного кипрея мне ещё не доводилось видеть! На жирных темно-зелёных листьях, на ягодах малины, алевшей сквозь иван-чайные заросли, блестели капли дождя. У цветков, как веками водится, хлопотали пчёлы, а заметив меня, тут же стали проявлять назойливое любопытство. Из высокой травы доносился стрёкот кузнечиков и мерная трещотка какого-то тайного существа. Все жило, все было жизнью; того и гляди – придёт по малину зверь, зашипит у ноги гадюка или уж скользнёт рядом, чтобы о чём-то напомнить...

Меньше чем через час мой тряпичный мешок был полон влажных листьев, на ладонях красовались зеленые пятна, а во рту было сладко от захмелевшей поздней малины. Вот теперь можно было прощаться с лесом...

Доехав до деревни, я вырулила на шоссе и быстро закрутила педали, чтобы согреться и побыстрее добраться до дома...

ЮЛИЯ СТАРЦЕВА

*Родилась в 1969 г. в Норильске. Окончила с отличием филологический факультет Красноярского госуниверситета (1994), затем Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (1997). Работала корреспондентом, литературным редактором, корректором, главным редактором в печатных Участник Первого Всероссийского совещания молодых писателей (Ярославль, 1996), Международного форума писателей «Литературный экспресс Европа–2000» (Москва, 2000), юбилейных мероприятий «Астафьевские дни-95» (Красноярск-Овсянка, 2019). Член Союза российских писателей. Лауреат двух литературных премий: Всероссийской литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева и сибирской премии «Вдохновение». Обе премии присуждены за роман «Время нереально». В 1998 г. роман выдвигался и электронных СМИ и издательствах Живет в Петербурге. Автор трех книг: «Избранная проза» (США, 2013), «Двуликий сирич» (СПб, 2017), «Время нереально» (Красноярск, 2019). Романы, повести, рассказы, очерки и эссе печатались в журналах и альманахах «День и Ночь», «Звезда», «Волшебная гора», «Новый Берег», «Енисей», «Соло» и мн. др. изданиях. Проза Юлии Старцевой переведена на итальянский язык.
. на соискание премии «Русский Букер» (вошел в длинный список).*

ПАВЛОВСКИЕ ЧАСЫ

Посвящаю В.В.Н. – с благодарностью

Стрелкам часов поневоле приходится верить.

Садовой

1

Дважды в сутки они показывали точное время.

Увы! Солдаты в киверах и с примкнутыми штыками замерли

золочёными изваяниями у стальных решёток; дезертир Алексис застыл

на коленях пред лишившейся чувств невестой, томной и печальной, как золотая осень, Луизой. Пьедестал нарядной тюрьмы из карельской берёзы с золочёной бронзой: гирлянды, курильницы, ажурные решётки. Ни звука, ни такта, ни движения.

Нутро времени было разъято и разложено на тонких салфетках. «Старые автоматы трудно чинить, Володечка», говорил когда-то почтенный дядя-часовщик. «Трещинка с волосок – и сложнейшая машина не движется. Механизм изношен столетиями».

Ещё он говорил, как важно часовщику беречь руки, всё равно как пианисту. Сокрушался: «Вот в армию заберут тебя, кончатся все отсрочки, отводы, и погубишь пальцы».

На крыше тюрьмы помещён полковой барабан со знамёнами и военными трофеями: трубы и пики, топоры, всё из золочёной бронзы; по белой эмали разметка римскими цифрами, обе латунные стрелки неподвижны. Клеймо на циферблате: мэтр Жан Гойе, Париж.

В Павловском дворце сто пятьдесят хронометров, парижских и лондонских. Редкие из них имеют копии. Дядя, часовой механик, знал все сто пятьдесят изнутри.

Теперь Володя Котин сам сидел над расстроенным механизмом. Время умертвило собственный символ и увело дядю. *«Не слышим ли в бою часов // Глас смерти, двери скрыт подземной?»*

В минувшую весну морового поветрия пустынные парки цвели лишь для великих теней, призрачных хозяев покинутых дворцов.

Безлюдье праздничного Петергофа с его фонтанами и тихой Александрией, Павловска, Царского Села, Гатчины, – явный знак промыслительной исторической иронии. Стада посетителей, бегущих за гидом-пастухом, приносят «прибыль интересную», но облик и суть болтающего на всех языках мира, жующего, позирующего (Нарциссы, зачарованные объективами собственных телефончиков) современного человечества («мама, где здесь туалеты?») дисгармоничны изящным пейзажам. Комичная одежонка, звонки «мобил»... Уж лучше посвисты птиц, цокотанье белок...

А нынче всё вернулось. Из дощатых гробов на Итальянской лестнице высвобождались львы, белого мрамора – на верху лестницы, чёрного литья – внизу.

Но его хитрая и тонкая работа не ладилась. Шаркающие шаги посетителей дворца и восхищённые шёпоты давно умолкли, попугаи-экскурсоводы давно отвердели заученный урок; все музейщики собрались по домам, прошли по залам с проверкой знакомые охранники,

а молодой часовщик всё сидел в дальнем углу одного из служебных помещений, ссутулившись над столом, позабытый и незамеченный охраной.

Пинцеты и кисточки, привычные инструменты Венеры перед зеркалом. Миниатюрные жальца отвёрток, длинные и тонкие щипчики. Лупа и жидкости, уничтожающие ржавчину.

Он собрал механизм заново, но часы не шли.

В старину голубые немецкие глаза следили по золотому циферблату, с листьями и виноградами, когда же стрелки укажут заветный час.

Павловское владение Русского Гамлета и его немецкой Офелии слыло местом нежнейшей и пылкой супружеской любви: недаром мраморный сатир, осклабясь, уславливался с мраморной же сатирессой в Собственном садике, не напрасно Амогино натягивал свой лук, — детей у августейшей четы родилось десять, по драгоценному кольцу на каждый перст.

«Рая – нет, те только утверждают, которы Павловска не знают».

Элизиум русский — Павловск, всегда, при любых горестях, отдыхаешь там и улыбаешься невольно; веет в дыхании цветов и древес неуловимое обещание Щастия; знать, бедный мученик Император Павел Петрович, оклеветанный и убиенный, частицу райского в душе имел.

Нескоро Володя Котин обнаружил, что заперт в личных покоях императрицы-матери, августейшей вдовы.

2

Конечно, то были не первые часы, превратившиеся в изящное, но бесполезное для приземлённых профанов, людей века сего, вечных торопыг, украшение дворца. *«Въ 1828 г. Императрица скончалась; въ часъ Ея кончины остановлены навсегда часы на стъверномъ флигель дворца»*, писал биограф Павловска. Именно в два часа остановилось сердце государыни – сим скорбным напоминанием они служили и не заводились без малого два столетия.

Сто пятьдесят хронометров, каминных, настольных и настенных картелей и консолей. Аллегии наук и благоразумия, с непременно циркулями, линейками, транспортирами, петухом на свитках и орлами на верхушках, ротаторы в виде ваз, скелетоны, часы в виде миниатюрных портиков и колодцев, с философскими девизами и музыкою на выбор: от марша до гавота и менуэта. Сатиресса, чернее ночи, патинированной бронзовой гроздьё дразнила смуглого сыночка с копытцами, нагая Эригона разомлела от любви и доброго вина, золотые павлины мчали на

колеснице Юнону, мрачный Хронос косой-маятником отмерял время жизни, беломраморная Артемизия-плакальщица горевала над урной Мавзола.

«Вот так приключение! Фирса забыли!»

Припомнился курьёзный случай из хроники городских происшествий: года три назад приезжий из Сибири опоздился в парке, по пьяному делу влез, разбив стекло, в кабинет Палатку и переночевал на постели императрицы Марии Феодоровны; неизвестно, какие сны ему приврались, но поутру забулдыга прихватил в Фонарике пресс-папье памяти 1812 года в миллион ценой и хотел сбить на Сенном рынке в Петербурге, чтобы опохмелиться, – тут-то красного молодца и взяли под белы ручки.

И у Володи тоже прихвачена красная фляжка виски, с учтиво приподнявшим шляпу на бегу Джонни Уокером. А за обедом он принял дешёвого глинтвейна в баре «Кюхельбекер» – в стекляшке над мостом. Рыжий котик, обретавшийся при злачном месте, кланчил у него жареную колбасу, выпросив, стал валять лапкой, играя, и не ел гостинца.

Там, в баре, мелькнула странная дева – «патинированной бронзы», усмехнулся Володя, заглядевшись на чёрное лицо аттической красоты, совсем не африканского типа. «Рея, эй, Рея», окликали негритянку её приятели, она светила белками глаз и весёлым оскалом. Туристов из-за карантина в Россию не пускают, из здешних студенток она? Где-то он её уже видел, но никак не мог вспомнить, когда и где.

Арапка походила на его подругу, о которой лучше не думать, – будто негатив не отпечатанной чёрно-белой фотографии. На бывшую, бывшую, давно чужую.

Славно согрел нутро и утешил Джонни Уокер. «Прилуниться на музейную оттоманку да чужой краденый сон увидеть». Уйти через балкон? А сигнализация? Лучше остаться во дворце до прихода служителей: такое приключение!

Под рассеянным светом фонарей в панорамном окне, в полукруглом эркере, меж двух мраморных кариатид и колонн, синели перелески и ярко-оранжевые и лиловые крокусы. Павильон Трёх Граций белел в сумерках. Напрасная весна!

С меланхолическим удовольствием бродил Володя Котин из комнаты в комнату флигеля, где оказался заточен до утра, присаживался в ампирные кресла, рассматривал картины и портреты, лениво перебирал антики, не имевшие цены, перетрогал фарфоровые сосудцы: версальские подарки венценосцев, спустя десятилетие убиенных восставшей чернью

Парижа, – путешествующим графу и графине Северным, *Comte et Comtesse du Nord*. Мимо этих статуй, бронз, зеркал он проходил пять дней в неделю, в рабочее время, однако нынче всё это присвоил – на одну-единственную ночь.

3

Киприда-владычица тут повсюду, попробуй-ка забыть сладчайшие и печальные минуты.

Венера давала урок Амуру, утешала укушенного пчелой, Венера просыпалась, разбуженная четырьмя пухлыми купидонами, Венера любезничала с Марсом, – и всё то были часы! А ещё навещала Вулкана в мастерской, мчалась на колеснице – на гобеленах; выказывала прекрасный круп в мраморах и в бронзах.

Да, Венус, белая богиня: ты так вольно смеялась, закинув кудрявую рыжую голову, что он не распознал оскала смерти своей.

Тогда они, едва познакомившись на улице самого умышленного и нереального города на земле, спаслись в кафе от грозы. Под ливнем живые фигуры в цилиндрах, с лирами и крыльями удирали по Невскому, и с них стекала серебряная или золотая краска. Он рассказывал, волнуясь: «в Царском Селе высаживают розы преимущественно исторических сортов. Старинные розы отличает сильный аромат. И небо в пушкинскую эпоху было другое, и рассветы-закаты (из-за извержения Этны). Другие духи. Иные люди». А она отвечала: «Вы – мой друг сердешный, навечно, навсегда». Даже платье, сшитое по фасону монастырского приюта для кающихся магдалин, не скрывало классических очертаний белой Венеры.

Она не жеманилась, и на «правило трёх свиданий» ей было наплевать. От счастья Володя ходил тогда, – шугила она, – «вечно молодой, вечно пьяный, как младенец в Кунст-Камере».

В Павловске они много дней провели вдвоём. И в Царском Селе. И в Петергофе, в уединённой Александрии, на Островах и у фонтанов. «Мы были здесь очень давно с одной моей школьной подругой, – вспоминала она, – мы только окончили школу и приехали посмотреть Питер. Знаете ли вы, что Петергоф суть алхимическая схема Великого Делания? Оттого там фонтаны Чаши, каскад Золотая Гора, фонтан Солнце. Нижний парк – реторта, Верхний парк – горлышко алхимического сосуда. Как и положено простецам с нулевой карты Тарота, в первый приезд мы блуждали во тьме, по длинному горлышку недоступной реторты. Обе мы явились из царства Серы и Металлов, где

вечной ночью не стихает в атанорах inferнальный огонь... Сказано в Писании: один берётся, другой оставляется, вот и её, бедняжку, унесла смерть очень рано».

Володе казалось тогда, что он понимает её тёмные речи.

Петергоф представлял книгой, открытой всем гуляющим, но внятной немногим.

Тогда стоял октябрь: фонтаны умолкли, и из пересохшей пасти свейского льва сочилась слюна.

Куда она делась потом? Просто исчезла. Никто из приятелей ничего не знал о ней. Может быть, уехала за границу, вышла замуж там за какого-нибудь богатого немца и живёт в горе благодати.

Как же так может статься, чтобы и следов не осталось от его проклятой любви, совсем никаких. Фотографии с нею все оказались засвечены: вот постамент среди каменного амфитеатра в Павловском парке, куда она влезла, хохоча во всё горло, и застыла Каллипигой, задрав подол с античным бесстыдством, – постамент остался, а вместо подруги – размытое пятно. Вот огромный дубовый пенёк (тот дуб, верно, помнил ещё Павла Петровича и Марию Феодоровну) на одичалом Острове Любви, где они распивали шампанское из запасённых бутылочек и целовались, – проворный клещ укусил Володю под лопатку, а она шутила, дескать, стрелой Амура ужален, и снова на снимке солнечные блики вместо милой.

Паршивая кусачая букашка оказалась безобиднее любовной стрелы.

Надо идти в армию, авось убьют.

«Бродила сейчас здесь нагая Venus Silvestris, съ вѣткой сосны въ рукахъ, обмахиваясь ею отъ назойливыхъ майскихъ жуковъ», прочёл он однажды в старинном сочинении позабытого безумца.

4

Но владелец сего удела безумцем не был.

«Бедный, бедный Павел! Бедный князь!»

Он был Дон-Кишот, совершенно как тот, чья потешная история расцветила гатчинские и павловские стены гобеленами, будучи выткана мастерами королевской мануфактуры в Париже. Какой триумф приурочивался всемирный, под началом иерарха вовек по чину Мелхиседекову, таинственного царя Салима, – восстановление древнего христианства и вечного Рима! Белый мальтийский крест, Всевидящее Око Божие, лики икон византийских, русская слава. Хлеб и вино причастия, подаваемые из рук царских.

Явился Новый Год нам в мире // И Павел в блищущей порфире.

Узник дворца там и закемарил, на зелёной козетке, под шёлковым шпалерным портретом Павла Петровича в треуголке с плюмажем, с Андреевской звездой и голубой лентой по мундиру преображенца: обшлага и ворот красные, мундир зелёного сукна. Любопытно, что Блаженная Ксения, мужеумная, тоже наряжалась в те же воинские цвета: юбку носила красную, мужнин камзол зелёный («*Аз есмь Андрей, а не почившая Ксения!*»).

В детстве Володя любил сказку своего тёзки, сиятельного мистика, про городок в табакерке. «*В одно мгновенье пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень, и вдруг пружинка лопнула. Всё умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались*». В той золотой табакерке был не один городок, а вся держава Российская, царственной кровью освященная. Впалый висок раздроблен. По малому, узкоплечему, слабому телу плясали сапоги со шпорами. Шёлковым офицерским шарфом отнято дыхание. Так российские дворяне отблагодарили за вольность благодетеля. Венчанный мечтатель удушен, убит, а обыватели на радостях раскупили всё шампанское в столице. И проклятие предуказанной истории легло на них с детьми, внуками и правнуками их. *Упокой, Господи, душу убиенного раба Твоего Императора Павла I и его молитвами даруй нам во дни сии лукавые и страшные в делах мудрость, в страданиях кротость и душам нашим спасение Твое.*

Покойный дядя, мастер-часомер, почитал владельца Павловска и Гатчины, водил племянника в Михайловский замок и в Петропавловский собор-усыпальницу, где монархисты Петербурга служили панихиду в неверные мартовские иды, всякий раз Великим постом. Нанятый священник пел над беломраморным надгробием древние слова, от сквозняков метались огоньки свечей, рискуя поджечь чёрно-бело-жёлтое полотнище склоненного знамени. «*Двух автобусов чекистам хватит, чтобы вывезти на Левашовскую пустошь всех монархистов Петербурга!*» – шутил с дядей церковный историк-краевед Виктор Васильевич, седой великан с благообразным лицом.

Призри, Господи, на вернаго Твоего молитвенника за сырых, убогих и обездоленных, Императора Павла, и, по молитвам его святым, подай, Господи, скорую и верную помощь просящим чрез него у Тебя, Боже наш. Аминь.

Иоаннова ночь снилась духовидцу.

Всюду старина, которая забавлялась игрою в древность, но венчанный магистр Мальтийский, истинный немецкий рыцарь и русский блаженный, не знал сомнений, верил священной мистерии. Палили костры по уставу Ордена; регалии покоились на поставце в Тронном зале, где ещё не просохли известь стен и лак паркетов; гвардейцы в парадных мундирах маршировали с совершенством стойких оловянных солдатиков; на гусарах не плащи – барсовые шкуры, красное сукно на изнанке, лапа и хвост прихвачены серебряной пряжкой с вензелем *PI* – священные коты! Мальтийцы в красных супервестах и мантиях чёрных, сии цвета присвоены католическим иерархам, береты с перьями. Пока не прогорели девять костров, длилось безмолвие.

Занавесы колыхнулись, поползли в стороны, словно кулисы.

Свет шёл, как будто от догоравших костров. Громадные тени – четой – касались высоченного потолка покоев.

«Люди вашего жалкого века опутаны сетью времени – и вы считаете ячейки в ней. Вы рождены в субботу, под знаком Сатурна-Хроноса, нашли своё призвание и преуспеете в нём».

Малого роста, курнос, серые очи огромны, туманны, белые букли под алмазно-блещущей имперской короной, да только стиснуто чело венцом терновым, висок окровавлен. В далматике цареградском и мальтийской мантии алой, как кровь, – материя безмерно льётся в немыслимую даль, сквозь все залы дворца и отдалённый Город.

Володя замер во сне, прислушиваясь к повелительной речи.

«В крепости Петра и Павла, в священном месте упокоения Монархов Российских, отслужите при гробе моем панихиду и впредь не тужите о будущности вашей: в армию вас не призовут, и злобы военного начальства вы не узнаете».

В газовой накидке, об руку с супругом, привиделась пышногрудая государыня. Над круглым лицом – башня пудреного парика, живые цветы у кружев корсажа: повеяло вербеной и фиалками. Милостивая благотворительница больным, бедным и убогим, сиротам и престарелым молвила с ласкою:

«Духи природные, забытые боги, иной раз входят в сосуд: будь то живая дева али статуя, али вещица изящная. Тут место чудесное, славное, не хуже италианских старинных вилл с их призраками и преданиями, тут и статуи бегают сами. Прибавлю ещё: от мук любви избавляет новая счастливая любовь».

Сон благоволения и защиты, необычайно утешительный сон! Володя пробудился от усилий запомнить сновидение, повторяя услышанное раз и другой. «В Петропавловском соборе заказать панихиду... всё хорошо будет».

Новый звук шёл из кабинета. Высокий женский голос пел с механическим старанием чувствительную арию, кажется, на французском языке. Звенели колокольчики, стучали молоточки. Не без робости Володя Котин заглянул туда, где оставил давешнюю работу. Золочёные фигурки кружились в танце. Пела музыкальная шкатулка, спрятанная в пьедестале тюрьмы, и давно забытой арии из «Дезертира» вторили оперные голоса от далёкого амфитеатра в парке и первые соловьи.

Парижские часы мэтра Жана Гойе так же покойно отсчитывали минуты, как при Павле и Марии.

Ария умолкла. Сердце часов билось.

Над Павловском, Петергофом, Царским Селом, Гатчиной, Ораниенбаумом и Городом встало серенькое петербургское утро, по слову большого гения, самое прозаическое на всем земном шаре, — чуть ли не самое фантастическое утро в мире.

Петербург

Октябрь 2021 г.

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ

Редактор Галина Лазарева

ВИКТОРИЯ ГРЕКОВА

Мой родной город – Донецк. Люблю и горжусь нашей Вселенной и страдаю от того, что мы, люди, делаем со своим наследством.

Стихи... Я их чувствую не только глазами – всем телом, иногда с трепетом родства, иногда с дрожью отворачивания. В последнем случае – упрямо считаю, что это не стихи. Сама начала писать в школе, просто решила однажды – я буду писать стихи. И начала. И получилось.

Люблю читать. Люблю горы и звезды. Люблю людей и очень за них переживаю

Я КОРМЛЮ КОТА

Я гонялся за хвостом.
Хвост гонялся за котом.
Кот охотился на славу:
хвост налево -
кот направо.

А потом
под столом
отдохнули мы втроём:
рыжий хвост,
лохматый мальчик,
кот, урчащий животом.

Посмотри, шепчу коту -
я поесть принёс хвосту:
по ковру размазал кашу,
вылил на пол простоквашу.

Вкусная смешная речка
Протекает между гречкой.

Мы поели! Сами-сами!
То-то радость будет маме...

ВЕЛОСИПЕД

Я кричу,
хохочу,
вниз по улице лечу,
и меня увозит в лето
двухколёсная ракета.

Ну и что, что не держу я
равно-
ве-
си-
е?
Всем я дома расскажу, что
это
ве-
се-
ло!

Может, в Африку уеду
на своём велосипеде.
Разойдитесь!
Бах!
Тарах!
Приземляемся в кустах.

Буду хвастаться у Ленки
я зелёнкой на коленке.

У КОТА

У кота
Жизнь не та:
в целом доме пустота.

Сам не чешется живот.
Вот.

Хвост не тянется трубой.
Ой.

И не гладится спина.
Вот те на!

А на чьи коленки ушко
положить как на подушку?

У кота большое горе:
Все уехали на море.

И забрали обнималки,
и кричалки-щекоталки,
догонялки, целовалки
и бумажные шуршалки.

Мышка вышла из подвала -
только зря она пищала
И под рыжим-рыжим носом
до упаду танцевала...
Не смешно ловить мышонка
без хохочущей девчонки.
Так-то, мышь!
Слышишь, мышь?
Кот тебе мякнул:
- Кыш!

Но однажды скрипнет дверь,
ты поверь.
- Где же наш любимый зверь,
рыжий зверь?
И взлетят до потолка
уши, лапы и бока:

- Мяу-мои вернулись люди!
Больше пустоты не будет.

НОЧЬ

Кто сказал, что ночь черна?
Вот молочная луна,
звёзды вот –
одна,
две,
три,
словно дыня изнутри.

Огуречный ветерок
шевелинул траву у ног.
Рыжий кот плывёт в окошке,
словно мёд, налитый в плошку:
рыжим глазом в ночь глядит
и мурчит, мурчит, мурчит.

И звенит нарядная
ночь моя цикадная.

СКАЗКИ СТАРОГО ПОДПОДУШЬЯ

I ПОСПЛЮША

Ночью в Старом Подподушья
тихий перезвон:
мохноухая Посплюша
вяжет первый сон.

Намурлыкивает песню:
- Засьпай-поспи!
Серебром смеётся месяц
из вязальных спиц.

На столе - пирог из груши
да медовый чай,
сон летит из Подподушья.
плавится свеча.

Заплутает в сонной пряже
снега сочный хруст,
и когда Посплюша ляжет -
я уже проснусь.

II ГНОМ УСАТ

Сядет в кресло Гном Усат,
свяжет сон для двух котят.
Сон уютный и лохматый,
рыже-чёрно-полосатый.
Сон пищит,
сон шуршит,
сон сметанкою прошит.

Правый ус взлетел над спицей –
и котятam завтрак снится:
как у рыжей у Ириски
в миске сладкие сосиски,
как у чёрного у Прошки
полкотлетки в круглой плошке.

Левый ус взлетел над спицей,
летний сад котятam снится:
повстречали летом кошки
носорога на дорожке –
Носо-жук,
Жуко-рог,
в травке ползал носорог.

Гном Усат допьёт компот
и мурчалку запоёт:

- Мур-да-мур, мои котята,
вас качает сон Усата.
И сверкает звёздной крошкой
лунный сыр в кошачьей плошке.

III ПЕРЕЕЗД

В доме Гнома
кавардак:
ходит ходуном
чердак,
Пляшут стены,
потолок,
Гном корзины
приволок.

Собирает Гном Усат
книги с полки все подряд,
самовар, часы с кукушкой,
две любимых погремушки,
для котят пушистый сон
и расчёску для усов.

Это в дом пробрался вор?
Нет-нет-нет!
Это загорелся двор?
Нет-нет-нет!
Что же всех согнало с мест?
Пере-
пере-
переезд.

Переход,
перебег,
перелёт,
пересмех.

Будут все переезжать
к Луше в новую кровать.

Под большую под подушку
Узелок несёт Посплюшка.

А у феи Зуболюбы
в сумке два молочных зуба,
чай малиновый с конфеткой
и волшебные монетки.

За подружками с трудом
тянет Гном корзины в дом.

А потом пойдут плясать,
коробчонки раскрывать,
вещи распаковывать,
в шкафчики рассовывать,
с Лушей новую кровать
об-
жи-
вать!

ДАРЬЯ ГЕРАСИМОВА

Кандидат искусствоведения, также пишет взрослые и детские стихи и сказки. За одну из своих первых книг – сборник детских стихов «Крокодиловая роцца» получила премию «Алые паруса», а с одной из последних, книгой «Азбука. Игра в слова», стала лауреатом Всероссийского конкурса книжной иллюстрации «Образ

книги» в номинации «Авторская книга». Живет в Подмоскowie, выращивает детей, котов, собак и маленькую черепашку.

Из цикла «Учитель с другой планеты»

Пуштумель

(рассказ Лёхи)

Первый раз прабабушка потерялась два месяца назад. В тот день я чуть позже пришёл из школы. Мы с малышнёй возле школы обсаживали грядки паутинником. Я и задержался. Обычно я всегда прихожу вовремя. Чтобы прабабушка не сидела долго одна.

В гостинной беззвучно мигал прабабушкин планшет с фильмом. На заднем дворе, где у нас небольшой огородик, треухие заисси рассматривали недавно посаженную морковь. Ничего, недолго им осталось хозяйничать: несколько кустов паутинника дожидались посадки под навесом, возле большой лейки.

На прабабушкином кресле лежал платок. Я сунул в карман ветровки зелёную пирамидку, нам их раздал Линь Борисыч. Я не хотел брать: зачем мне пирамидка, если я всё равно последний год в школе учусь. Потом пойду в техникум. На плотника. Это модно сейчас.

И тут позвонил Нил Саныч. Нил Саныч старый папин друг. Он работает в космопорте. «Лёха, – сказал он, – не волнуйся. Нина Игоревна сидит в зале ожидания. Приезжай». Я помчался туда.

И правда – прабабушка тихо сидела в зале ожидания и вязала. Она теперь почти всегда вяжет, ей врач посоветовал, чтобы, значит, слова и

воспоминания не терялись. По мне, так странно, слова и истории прабабушка не теряет. Просто иногда немного запутывается, не помнит, в каком она живёт времени.

Я подошёл, сказал: «Бабуль, поехали домой». Я всегда её так называю. Привык. Последние пять лет я живу с прабабушкой. У родителей контракт на Соше-5. У бабушки с дедом – работа на Ливне-3. Всем не до прабабушки. А у меня привычная школа здесь. Я вообще терпеть не могу всё новое. Я тогда сразу сказал, что никуда не поеду, когда мама с папой только узнали о своём контракте. Сказал, что я останусь с прабабушкой. Все немного поспорили, правда, больше друг с другом, не со мной. И улетели.

А мы остались. Прабабушка тогда только начала вязать. Она часами сидела в кресле на веранде, рядом с огородиком, вязала и краем глаза смотрела какие-нибудь старые сериалы, ну там всякие «Яблоневый цвет Марса» или «Следы на пыльной дорожке».

Сначала она вязала свитера с узорами. Потом без узоров. Пряжу мы с ней заказывали по сети. Продукты, семена для огорода и прочее тоже. И вот теперь прабабушка сидела в зале ожидания. Нил Саныч стоял рядом. Прабабушка с недоумением осматривалась вокруг, как будто не понимала, как она сюда попала. Она спросила меня, сегодня ли прилетает Глеб или она всё перепутала.

Вообще-то, Глеб Иванович – это мой прадедушка. И он погиб на Вихре-1 ещё до моего рождения. Говорят, я на него похож. Вот, наверное, прабабушка и перепутала.

Потом Нил Саныч отвёз нас домой.

Месяц всё шло как обычно. Мы с прабабушкой посадили вокруг огорода изгородь из паутинника. Я сначала немного боялся, как прабабушка отнесётся к паукам. А она ничего, молодец. Сказала, что нормальные такие зверушки. И тоже вяжут!

Потом начались каникулы и можно было не думать про уроки и всякое такое. Нет, конечно, дела по дому у меня остались. Ну, там, убрать, продукты заказать. Разложить по трем коробочкам прабабушкины лекарства, проследить, чтобы она вовремя их выпила. Включить на огороде поливалку. Прабабушка вязала квадратики с ромбами и цветами, чтобы собирать из них потом покрывало. Это было уже седьмое покрывало. Но выходило красиво!

Зелёная пирамидка лежала в кармане ветровки. Зачем её прорацивать, я совершенно не понимал. Обычное же семечко гинокко. Гинокко это дерево, которое сейчас растёт только в заповедниках. Раньше росло

езде. Ствол у него розовый, всех оттенков кораллового цвета. Это мне Серега сказал, что такой оттенок розового называется «коралловым». По мне так розовый и розовый. Зато у гинокко мягкая древесина, удобная для резьбы и всяких поделок. Прабабушка мне когда-то показала, как вырезать фигурки зверей – прадед такие любил делать. Мне понравилось и я стал сам их вырезать, тем более, в сарае оказалось несколько старых чурбачков. Сейчас такие уже не достать, так как гиннокко находится под охраной.

Семечка у гинокко забавная. Она всегда прорастает. Вернее, прорастает сама оболочка семечки, зеленая пирамидка. Выпускает из вершины несколько листьев, даёт корешки. Цвет и форма листьев зависят от того, где именно она растёт и как её поливают. И дальше пирамидка живёт в таком виде. Может в горшке расти, может на улице. Ей всё равно. Но деревом она не становится никогда. А вот внутри пирамидки находятся семена гинокко. Черные твёрдые шарики. Но они упорно не прорастают. Нигде, кроме заповедников. Но и там ужасно редко.

Ну и зачем такое задание давать?

А потом я заметил в огороде блюдечко. Обычное блюдечко. С молоком. Прабабушка сказала, что это для зверика. Это было странно, раньше прабабушка любовью к домашним животным не отличалась. Я несколько раз собирался завести собаку или свинокота, но всякий раз она поджимала губы и говорила нет. На мое «почему» отвечала, что она не выдержит, если с этим зверем что-то случится. И почему с ним должно что-то случиться?

– Какой зверик? – удивился я.

– Синий, – отозвалась прабабушка, – У меня такой в детстве был. Он сейчас пауков поест и придёт пить молоко.

Возле изгороди и правда сидел зверёк, чуть больше обычного котика, но меньше свинокота. С пушистым хвостом. И это был не котик. И не собака. И даже не свинокот! Это был пуштумель! Самый редкий зверь на Пангее-28! Синий, похожий на маленькую трехую лисичку.

«Пуштумель, пуштумель, почему у тебя большие когти?

По деревьям лазить!

Пуштумель, пуштумель, почему у тебя три ушка?

Чтобы лучше слышать!

Пуштумель, пуштумель, почему у тебя такие острые зубки?» – прабабушка улыбалась, повторяя всем известные слова детской сказки. Зачем пуштумелю, который ел пауков, насекомых и фрукты, три ушка и такие острые зубки, стало понятно сразу, как только я начал доставать из

кармана телефон. У меня в карманах всегда лежит много разных вещей. Нужных. На землю посыпались ключи, конфеты, перочинный ножик, маленький мячик, карандаш и – зелёная пирамидка.

Пуштумель замер. Пошевелил всеми тремя ушками. Потом подскочил к пирамидке и начал её грызть! А затем достал из неё личинку стрелокрылки! Я и не знал, что у стрелокрылок личинки живут в плодах. А вот пуштумель знал и сейчас с наслаждением жевал её, заливая семена, высыпавшиеся на грядку с капустой, зелеными липкими слюнями.

Но самое главное, пуштумеля можно было погладить! Прабабушка сказала, что можно. Шерсть у него оказалась неожиданно жёсткой, как у щётки. Ушки немного подрагивали, пока он хрустел и чавкал. Мне на руку попало немного его слюны и я вытер руку о штанину.

Потом пуштумель выпил молоко. И ушёл.

Прабабушка была счастлива. Вечерами она теперь сидела на огороде, вязала однотипные маленькие квадраты из синей и голубой шерсти и разговаривала с пуштумелем. Понятно же, что когда говоришь, сложно вывязывать узоры. Я сказал ей чтобы осторожно гладила пуштумеля, так как он ядовитый. На руке, там, куда попала его слюна, образовалось красное пятно, типа ожога, которое долго ныло и никак не хотело заживать. А штанина и вовсе расплзлась. Прабушка сказала, что знает. Оказывается, раньше пуштумелей держали дома. Они легко приручались. А потом они вдруг начали чем-то болеть. То ли от земных собак подхватили какую-то дрянь, то ли ещё по какой-то причине. Их становилось всё меньше и меньше. Я прочитал в сети, что сейчас осталось меньше пяти сотен зверьков. Ого, как.

Вечером я теперь почти не гулял с друзьями, а сидел с прабабушкой и пуштумелем. Однажды мы услышали, как он рычит и тявкает. Оказывается, он умеет! Он рычал где-то за оградой, и я перелез посмотреть, что случилось. И увидел, как толпа заиссей наступает на пуштумеля! Пуштумель рычал и пытался к изгороди. Сначала я с ужасом подумал, что мы не всё знаем о заиссях. А вдруг они едят маленьких треххих лисичек? Но потом заметил, что они явно следят за тем, чтобы пуштумель не побежал куда-то ещё, а гнали его прямо на паутинник. К паукам. Которых пуштумель иногда ел. И которые мешали заиссям пройти на огород. Ого, значит они могут действовать коллективно. Надо же.

После этого случая пуштумель стал реже уходить в лес.

Иногда он оставался ночевать на огороде или на веранде. Прабабушка связала для него полосатый коврик.

А потом пуштумель пропал.

Вернее, вместе с ним пропала прабабушка.

В тот день я немного посидел у Мелкого, послушал его новую страшилку о метеорите со спорами ядовитых фиолетовых грибов, которые прорастают из головы человека. Где он только такое находит! Потом я сходил к школе, набрать пауков, так как наши, на радость заиссям, уже заканчивались. Встретил Линя Борисыча. Вот вечно он некстати попадает на пути! Ну почему именно он мне встретился, когда я шёл с большой банкой пауков, а не Надюшка, например? Её бы пауки не удивили. Или не Серёга, который вообще теперь никому не задает вопросов, или не Мей Ли, ну, из старшего класса, в которую половина школы влюблена и которая вообще бы этих пауков не заметила?

На обратном пути я зашёл в зоомагазин, купить пуштумелю какую-нибудь игрушку, а то он у меня уже все мячи разгрыз. Продавец спросил, какую мы завели собаку, потому что сегодня утром к ним заходила моя прабабушка. И купила поводок. Поводок? Зачем?

Я помчался домой.

Прабабушки дома не было. Над огородом кружили бабочки. Где-то стрекотали кузнечики. В небе плавало одинокое облако, похожее на сову. Пуштумеля тоже нигде не было. На планшете храбрые герои сражались с Зеленой слизью. Рядом лежала записка: «Не волнуйся, я поехала встречать Глеба. Он прилетает сегодня».

И я опять поехал в космопорт.

А там толпа. Все кричат. Фотографируют что-то. Хорошо, что я большой. Я растолкал всех и пролез в середину, а там прабабушка. С пуштумелем на поводке. Смотрю, с другой стороны как раз Нил Саныч проталкивается.

Прабабушка стояла в своем самом красивом бархатном платье. И губы накрасила. У её ног сидел испуганный пуштумель. В новеньком красном ошейнике. Прабабушка растерянно моргала, не понимая, зачем все вокруг их фотографируют. А потом кинулась ко мне со словами: «Глеб, как хорошо, что ты, наконец, прилетел!»

Я её обнял.

И мы поехали домой.

Потом, понятно, приехал врач, какие-то горластые тётки из управы по делам несовершеннолетних, какие-то идиотские дядьки, которые орали,

что пуштумеля нужно отвезти в заповедник. Я впустил только врача. Я же его давно знаю. А неизвестных пускать на участок нельзя. Это прабабушка мне с детства говорила. Пригодилось.

Потом звонили родители. И бабушка с дедом. Прабабушка сидела на веранде рядом с огородом и вязала шарф. Доктор немного поговорил с ней. Потом сказал, что теперь мы не можем жить одни, что с нами должна жить сиделка, которая будет всё время находиться рядом с прабабушкой. А если мы не хотим сиделку, то прабабушку надо отвезти в интернат для старушек. Ну, тут, редкий случай, родители и бабка с дедом думали так же, как я, что нафиг интернат.

Родители, правда, сказали, что пока нафиг. Потом может быть. И обещали скоро прилететь.

А потом позвонил Линь Борисыч. И спросил разрешения зайти с несколькими дядьками из заповедника. Пуштумель к этому времени пришёл в себя, съел грушу и посматривал на банку с пауками, которых я не успел высыпать на паутинник. Я взял банку, пустил Линя Борисыча, трёх толстых дядек и какого-то студента. И пошёл в огород, чтобы высыпать пауков. Пуштумель поскакал с нами.

Дядьки что-то говорили, про то, что у них в заповеднике пуштумелю будет лучше, что у них пуштумели даже размножаются. И некоторых они пробуют выпускать из вольеров на территорию заповедника. Что этот наверняка их, просто убежал. Но наш пуштумель не реагировал ни на какие их приборы, а значит у него не было чипа. Что я и сказал. А потом студент заорал «Гинокко!». И все обернулись. У забора на грядке с капустой торчали странные коралловые ростки. Там, куда высыпались семечки.

«Но как? Как вы их проростили?» Линь Борисыч посмотрел на моё растерянное лицо и сказал, что, видимо, случайно.

Я сказал, что пуштумель разгрыз пирамидку, чтобы достать стрелокрылку. Пока чавкал, закапал слюной семена. Слюна у него ядовитая. Наверное, она разъела оболочку семян. И они смогли прорасти. Ученые потрясенно молчали и снимали грядку на телефоны.

– Но это же крутое открытие, – бормотал дядька с седыми волосами, – и вот так, случайно, случайно...

Линь Борисыч сказал, что, случайно или не случайно, а открытие сделано. Потом сыпал какими-то терминами и что-то строго так втолковывал дядькам. Потом погладил пуштумеля. И все ушли. Теперь с нами живёт медсестра, Тамара Юпитеровна. Это уже пятая медсестра за месяц. Но, думаю, она у нас и останется, так как бабушке

она понравилась, в отличие от предыдущих. Она тоже умеет вязать. Готовит пуштумелю фруктовые салаты и не боится пауков. Хорошая тётка!

Мелкий и другой народ из класса принесли потом пуштумелю свои пирамидки. Серёга не принёс, оказывается, ему Линь Борисович не дал пирамидку. Сказал, что и так возьмёт в биологический класс, за паутинник.

Пуштумель пировал неделю.

И вот что занятно, в каждой пирамидке сидела личинка стрекокрылки. Я потом долго искал по сети, ну вот точно же они не в каждой пирамидке селятся. Вот совсем не в каждой! А тут были во всех. Во всех, которые принесли пуштумелю. И как, интересно, Линь Борисыч смог именно такие набрать? И зачем, что отдельно интересно?

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК
(ПОТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ)

ПАМЯТИ НОРЫ КРУК

НОРА КРУК (1920 – 2021)

7-го июля 2021 года ушла из жизни Нора Крук (Элеонора Мариановна Крук, урождённая Кулеш). Поэт и переводчик. Родилась в 1920 году в Харбине, стихи начала писать с семи лет. В 1933 г. переехала в Мукден, а позже – в Шанхай и Гонконг, где работала журналистом, дружила с ведущими поэтами восточной эмиграции В. Перелешиным и Л. Андерсен, была знакома с А. Вертинским. В 1976 году Нора переехала в Австралию, в город Сидней. Стихи Норы вошли в антологию "Русская поэзия Китая" (Москва, 2000),

публиковались в периодических изданиях России, Америки, Китая, Израиля и Австралии. Автор трёх сборников английских стихов, призёр Содружества австралийских писателей (1993) и Ассоциации австралийских писательниц (2000).

В моих стихах
весь смысл как на ладони
хотя ладонь моя
полна секретов
все эти линии
следы агоний
и ожиданий
роковых ответов.

Рождество... то... которое... Помнишь?
Нет.
Как же так ты не помнишь?
Всё это бред.
И пеоны? И томик стихов Тагора?
Опьянение полночного разговора?
Обещанье запомнить и день и час...

А потом...

Ты не помнишь, как свет погас?

Белые, чистые хлопья на этой панели
В грязь превращаются. Белые, чистые – в грязь.
Город жестокий украсить они не посмели,
Он ненавидит всё чистое, не таясь.

Вот он – Шанхай. Над чудовищным месивом грязи
Льется из окон высоких прикрашенный свет,
Судьбы людские без смысла, без цели, без связи
Прячут от жизни нарядные тюль и жоржет.

Климат душевный тяжёл, ограниченны дали,
Страшно, что вакуум жизни уютен и чист.
Люди и сами смертельно уютными стали,
Тянет в болото безжалостный город-садист.

На дереве этом трезвом,
большом, узловатом, прочном,
Как сон, расцвели, как чудо
немыслимые цветы.
И стало дерево новым:
нетронутым и порочным,
Раздвоенно-человечным
и снова юным, как ты.

Мы лечились Парижем. Французским и русским.
Богомольным, похабным, широким и узким.
Красота каждодневна, как хрусткий батон.
Бредит славой и гением Пантеон.
В ресторанчике русском «Вечерний звон».
Бредит...

Мы лечились Парижем. В листве зрела осень.
В облака прорывалась умытая просинь.
Пёстрый говор Метро, Сакрэ-Кер и Монмартр.
Город яркий, как ярмарка, мудрый, как Сартр,
Тасовал нас колодой разыгранных карт.
Париж!

Джакаранда роняет листву, как перья,
Оголясь, расцветает персидским цветом.
Вопреки реальности и неверью,
Возрождаюсь женщиной и поэтом.

Этот праздник кожи и обонянья
Тянет в мир таинственный – за порог,
И сомненья старые и прощанья
На развилке дорог.

Тяжесть лет свинцом на моих подмётках,
Шрамы тонкие светятся на запястьях,
Дни скользят, замоленные, как чётки,
Но весна колдует, и это – счастье!

Ясен мир размеренных занятий,
Жизнь безоблачна? Какая ложь!
Искус несомкнувшихся объятий
Заронил мучительную дрожь.

Только внешне я ещё спокойна.
Всё в душе смятенье и тоска.
Знаю: и грешна, и недостойна,
И к непоправимому близка.

Горький хмель переполняет вены,
К чистой радости не подойдёшь,
А когда сомкнётся круг измены,
Я вживусь в чудовищную ложь.

Зеркала... мы писали о них с придыханьем,
Их таинственный мир был прекрасен и молод.

Все обиды лечились волшебным касаньем,
Врачевала улыбка наш тайный голод...

О предательстве зеркала всем известно:
– Кто блей и румяней? – И та, и эта...
Опасаясь, что мненье зеркал не лестно,
Не прошу у стеклянной судьи ответа.

Но порой... Проходя близ зеркал нескромных,
В голове подбирая стишок по слуху,
Я ловлю чей-то образ... Неужто маму?
Нет, не маму, а чуждую мне старуху.

СЕМЕЙНОЕ ДРЕВО

Наоми занята поисками корней.
Почему сейчас? Она говорит:
Всё изменилось. В новой России
не все пути ведут к братским
могилам.

Она пишет письма –
никого не находит на Украине –
пропали все.

В Белоруссии – никого.
А потом, после долгих поисков,
весточка из Челябинска:
Анна Ведрова.
Аня? Потерянная кузина?

Наоми объясняет – это ради детей:
я так и не расспросила маму,
а папа был скрытным... Он ведь
порвал со своей семьёй,
когда женился на маме.

Но почему?

Дети полны любопытства –
Дед – польский шляхтич,
Бабушка из клана раввинов.
Наоми пишет и возрождает годы.
Память всплывает, как снег тополей,
как парашюты-зёрна огромных вязов...
Аня, помнишь их вкус?
Дачи за нашей рекой...
наша любимая Зотовская заимка...
Сколько нас тогда было!
Отцы приезжали из города,
нагруженные фруктами...
Помнишь купальню для женщин?
Мальчишки ныряли под брёвнами,
грузные мамы визжали...
Мы были худышки.
Помнишь, однажды Сунгари разлилась?
Лодки нас развозили по городу!
Потом была эпидемия и нас застукали
во время холеры с чёрными от вишни губами...
Как ты живёшь, Аня?
Какая была у тебя жизнь?
Когда умер твой папа?
Где он родился?
Я составляю семейное древо.
С кем из родных у тебя сохранилась связь?
Где они живут?

Анин ответ подкосил Наоми.
Позже она мне его показала.
«Дорогая Наоми, твоё письмо
было ударом грома. Я помню всё,
даже твой голос. Твоя мама пекла
замечательный штрудель. Те годы,
Наоми, были счастливейшими
В моей жизни. Я помню всё...

Это письмо ты должна обдумать.
Я овдовела и живу с дочкой.

Она хорошая девочка, но настроена против евреев. Понимаешь, после папиного ареста мама поменяла нашу фамилию, чтоб не потерять работу. Мы выдавали себя за русских, и теперь даже дочка меня не подозревает... Ном, я тебя расстраиваю, я знаю это, сестрёнка, но если ты всё же захочешь переписываться, пиши только на “До востребования”.

Семейное древо?
Мы жгли всё дерево
на отопление.
Это спасло нам жизнь».

При всей моей любви
К словам живым и мёртвым,
Непонятым словам,
Словам трусливо стёртым,
Я не сказала тех,
Что жгут сегодня грудь.

Шепчу себе: забудь.

Бывает ночь, когда мне тридцать лет...
Ну, пятьдесят – да ведь не в этом дело!
А в том, что ночью закипает бред,
И молодеют и душа, и тело.
И радость расцветает, как сирень,
Считаю лепестки, смеюсь и плачу.
Я не сумела удержать тот день,
Не верила, что я его утрачу.

“От русских стихов никуда не уйти”.

Интервью с поэтом русского зарубежья Норой Крук.

В апреле 2016 года прекрасной женщине, поэту восточной ветви русского зарубежья Норе Крук исполнилось 96 лет. Сидя с ней за праздничным столом, я вспомнила нашу первую встречу.

Воздушно-лёгкая фигурка – белоснежная блуза, отутюженные брючки – впорхнула в гостиную своего собственного дома и извинилась за опоздание: она только что примчалась с презентации английского сборника, где напечатаны её стихи. Гости уже сидели, ели-пили в этом гостеприимном доме, собравшем русскоязычных любителей поэзии в австралийском городе Сиднее. Я вскочила с кресла, намереваясь уступить вошедшей место... Вовсе не потому, что она выглядела уставшей, а только из-за того, что я знала год её рождения – 1920.

Лёгкий жест руки тут же уверил меня, что ей пока не до кресел: хозяйка поспешила на кухню – и на столе появились подогретые блинчики. Потом она налила себе бокал красного вина и, наконец-то, уселась слушать чтецов. Тонкие замечания, изысканная вежливость, а в глазах – озорные бесята. Умна, ох, умна! И не просто умна – искромётна, как шампанское.

Это было всего пять лет тому назад. С тех пор мы стали близкими друзьями. Многих удивляет эта дружба – из-за огромной разницы в возрасте. А я в ответ на удивление всегда вспоминаю чудесные слова французского писателя Шодерло де Лакло, написанные ещё в восемнадцатом веке: «Эта женщина неизменно очаровательна: преклонный возраст не повредил ей ни в чём – она сохранила всю свою память и жизнерадостность. Пусть телу её восемьдесят четыре года, душе – не более двадцати».

Наталья: Нора, когда я про Вас услышала, у меня сразу возник вопрос. Вы родились в Харбине, жили в Шанхае, потом в Гонконге, теперь – в Австралии. И при этом Вы – русский поэт. Как такое может быть?

Нора: У меня есть такое стихотворение:

От русских стихов никуда не уйти.

Что же ещё осталось?

В англоязычном моём пути

Слово не затерялось.

Вы знаете, я ведь была русскоязычным ребёнком. Мама часто оставляла меня дома, опасаясь, как бы я в школе не заболела. И я лежала целый день в саду под сливой и читала Бальмонта.

Наталья: А как Ваша семья попала в Харбин?

Нора: Папа сначала работал в украинской гимназии. Он из польского древнего рода и, когда женился на маме, он со всем порвал: она была еврейка. И вот папа хотел её увезти как можно быстрее и дальше от всего этого. А на железной дороге открылись возможности – и они уехали в Харбин. Папа преподавал в гимназии, потом организовал техникум. Я, конечно, выросла в роскошных условиях: в Китае мы жили очень колониальной жизнью.

Историческая справка: Город Харбин был основан русскими в 1898 году как железнодорожная станция Трансманчжурской магистрали. К 1913 году Харбин был фактически русской колонией для обслуживания Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Население города составляло около 70 тысяч человек, в основном русских и китайцев. Нора Крук родилась в Харбине в 1920г.

Нора: Но когда мне исполнилось 13 лет, отец понял, что работа на дороге скоро кончится. И он решил не ехать в Россию.

Историческая справка: В 1935 году СССР продал свою долю КВЖД Маньчжурии, и тысячи русских харбинцев были вывезены поездами в СССР. Большинство из них было арестовано по обвинениям в шпионаже и контрреволюционной деятельности по Приказу НКВД 1937 года. Нора и её семья в Россию не вернулись. Вернулся отец её будущего мужа, Ефима – Лыпа Янкилеевич Крук, чтобы в 1938г. навсегда остаться в иркутской земле.

Из статьи председателя Ассоциации Жертв Политических

Репрессий, Р. Сафронова: "ДЕЛО" N 6210 по обвинению гр. Крук Лыпы Янкилеевича... На слегка пожелтевшей фотографии запечатлено мужественное, красивое лицо, открытые глаза отражают обреченность. Перед нами труженик – мастеровой, слесарь, механик. В 1906 году вступил в члены РСДРП, за что привлекался к ответственности. Притесняемый царизмом по национальному признаку, после службы в царской армии в Манчжурии на жительство остается в Китае. Этот человек был и остался верен людям до последней минуты своей жизни. Мне пришлось встретиться с материалами тысяч "врагов народа". И крайне редко в "Деле" стояло "ВИНОВНЫМ СЕБЯ НЕ ПРИЗНАЛ". Лыпа же Янкилеевич не только не признал себя виновным, но и никого не оговорил, как это сделали большинство пытаемых. Палачи подобного не прощали и выбивали "признания" пытками и издевательством с особой жестокостью. Можно себе представить, что перенес это мужественный человек.

Из письма Ефима Крука в Ассоциацию: Хотя мои родные и, позже, я в Шанхае знали, что отец погиб, мы почему-то думали, что он умер в лагере. И хотя смерть его была трагична, нам легче было свыкнуться с мыслью о том, что его не стало где-то в лагерной больнице, либо даже на казарменной койке, но не от пули, в обстоятельствах настолько страшных, что мое сознание отказывается с ними смириться.

Нора: Сейчас я читаю Гинзбург, «Крутой маршрут». И, Вы знаете, я этим болею. Мне бы лучше не дочитывать – у меня давление поднимается. Всё это я знаю. Но прочесть всё это, так, как это подано... Понимаете, это моё поколение. Это я должна была быть где-то там... Не была. Как будто украли у кого-то.

Наталья: Вас Бог хранил.

Нора: Вы знаете, мой папа был атеист. А мне, почему-то, очень хотелось поверить в Бога. Я даже в детстве сама придумала себе молитву...

А в Россию мы не поехали – переехали в Мукден и прожили там лет пять. Потом – в Шанхай. Там я встретила своего мужа, Ефима.

Наталья: Для русского человека, в Шанхае не бывшего, этот город ассоциируется с Вертинским, с Лунстромом. А с кем у Вас ассоциируется Шанхай?

Нора: Я очень дружила с Лариссой Андерсен, да мы и сейчас дружим, хоть она уже давно живёт во Франции. Ещё дружила с поэтом Валерием Перелешиним.

Историческая справка: Ларисса Николаевна Андерсен (1914, Хабаровск) — известная поэтесса и танцовщица восточной ветви русского зарубежья. В 1922 году эмигрировала в Китай, а после переселилась во Францию, где проживает до сих пор. Её поэзию Александр Вертинский называл «Божьей Милостью талантом». Валерий Перелешин (1913, Иркутск — 1992, Рио-де-Жанейро) — русский поэт и переводчик «первой волны» эмиграции.

Нора: А с Вертинским дружил мой муж, так что мы с ним были знакомы. Вы знаете, впервые я собиралась пойти на концерт Вертинского в Мукдене, он был там проездом. Но мне тогда идти на концерт запретил отец: не надо, это богема. А потом оказалось, что тот концерт так и не состоялся: не набрали зал.

Вертинскому было очень плохо в Шанхае – здесь у него уже был закат. И он уехал. А когда он приехал в Россию, у него всё началось сначала. Гениальный был певец.

Историческая справка: В 1935 Александр Вертинский приехал в Шанхай в поисках русского слушателя. Но именно здесь, впервые в

своей эмигрантской жизни, он узнал нужду. Артист, привыкший к мировой славе, должен был выступать по два раза в день в очень скромных заведениях – и не мог свести концы с концами. Наступил кризис. В 1943г. Александр Николаевич уезжает в Советский Союз.

Наталья: А как сложилась Ваша жизнь после Шанхая? Ведь позже «советская репатриация» пришла и в Шанхай, а потом началась культурная революция. Наверное, это было страшно?

Нора: Страшно... Очень страшно. Мы-то с мужем уехали в Гонконг, но от друзей такие вести приходили об, этой культурной революции! Вы знаете, моя подруга вышла замуж за китайца. Жили они очень хорошо. И вот началась культурная революция, пришли хунвейбины к ним домой. Ковры в доме были тяжёлые, не порвёшь и не порежешь – так хунвейбины поливали их чернилами. Но это дело маленькое. Схватили они её, вывели в парк, поставили на какую-то тумбу, надели на неё дурацкий колпак, ходили вокруг, ругали всяческими словами, плевались. А любимую её собачку, домашнюю, прибили гвоздями к забору. Можете себе представить? Я поражаюсь, что она выжила. А мы с нею в детстве были «девочками из соседних домов». Очаровательная была девочка: музыкальная, способная. Вот как жизнь сложилась. Причём то, что сделали с моей подругой, это ещё не самое ужасное. Всё-таки, её не били...

А друг моего отца женился на китайке, директрисе школы. И с культурной революцией дети стали всё растаскивать на продажу, делали, что хотели: надо старое сломать, чтобы новое построить! Ну, и пришли за этой директрисой: она же начальство из отжитого мира! Посадили её в яму с нечистотами, прикрыли крышкой. Её потом нашли, но к тому времени она уже немного подвинулась умом.

В то время пострадали все. Но, Вы знаете, мой отец преподавал в университете, в Шанхае. И был там даже во время культурной революции. Так вот, китайцы настолько уважали стариков, особенно европейских стариков, что он уцелел. Правда, выписать родителей к себе в Гонконг я не могла, да и поехать в Шанхай тоже: а вдруг назад не выпустят? Но когда от рака умерла моя мама, я стала бомбардировать письмами китайское посольство и, наконец, отца к нам пустили. Свои последние годы он прожил с нами, в Гонконге.

Наталья: В Гонконге жизнь была проще?

Нора: Да, жизнь в Гонконге была очень комфортной. И я была постоянно чем-то занята: организовала Клуб Тамады («Toast Mistress

Club»), занималась икебаной, учила языки, работала в газете. А в 1976г. мужа перевели в Австралию.

Наталья: За кого Вас принимают по акценту здесь, в Австралии?

Нора: Да просто не знают, что и думать. Спрашивают, откуда я – я отвечаю «из Китая». Все очень удивляются (смеётся).

Наталья: А когда Вы начали писать стихи?

Нора: Стихи я стала писать в восемь лет. Это было время конфликтов между СССР и Китаем, и я написала стихотворение, в котором призывала людей разных стран не воевать. Стихотворение вышло с заклеенным текстом, а на другой день журнал закрыли...

А позже я стала писать стихи по-английски. Просто потому, что мне некому было читать русские стихи. Но самое первое моё английское стихотворение было написано по просьбе подруги. Она соврала своему португальскому парню, что пишет стихи. А потом прибежала ко мне: «Ой, нужно написать!»

Наталья: Да это у Вас просто история Сирано де Бержерака! Мы обе смеёмся.

Нора: Я не помню этого стихотворения – совсем. Но, помню, что я ещё подумала: «Ничего себе, это она будет каждую неделю просить по стиху!»

«Двуязычный поэт»: Нора в совершенстве владеет английским и русским, легко переходя с одного языка на другой. Например, она работала журналистом в русской газете Шанхая, а непосредственно после этого – журналистом в английской газете Гонконга! В 1993г. Нора получила австралийскую литературную премию Джин Стоун (Jean Stone).

Наталья: Как Вам кажется, на каком языке Вы, как поэт, пишете лучше?

Нора: Дело в том, что у меня гораздо меньше русских стихов, чем английских. Сейчас выходит уже третья книжка моих английских стихов. Первая вышла в Гонконге в 1975. Называлась она «Пусть даже» (“Even though”). А вторая книжка, появившаяся уже в Австралии, в 2004г., охватывает значительную часть моей жизни. Она называется «Кожа для уюта» (“Skin for comfort”).

Отзывы английской критики о книге Норы Крук «Кожа для уюта»:

«В этой книге собраны стихи, написанные не за шесть месяцев, и не за два года, а за двадцать с лишним лет – трогательная, сильная поэзия, вобравшая в себя целую жизнь – и множество других жизней, вплетённых в её ткань. А ещё в этой книге – значительная часть двадцатого века, с его ужасами, войнами, жестокостью и ложью. Когда я

читаю Нору Крук, я вспоминаю Анну Ахматову. Как Ахматова, Крук – один из представителей глубоко серьёзной и глубоко человеческой традиции в поэзии» (Питер Бойл, 2004г.)

Нора: Я сейчас по-английски пишу, в основном, белым стихом, но иногда вкрапляю рифмы. Когда я стала ходить здесь на поэтические семинары, лет пятнадцать тому назад, мне все говорили: «А что это у Вас? Рифма? Уберите, это совсем не нужно!» Но, сейчас, кажется, отношение меняется, мне начинают говорить: «Это здорово, это забавно». А одна читательница мне сказала: «Мне особенно нравится в Вашей поэзии то, что у Вас есть рифма». Вот так. И точно так же, когда я переводила на английский язык русских поэтов, я делала две версии: с рифмой и без. И редакторы всегда брали нерифмованный перевод.

Наталья: У Вас есть замечательное стихотворение «Париж». Что Вас связывает с этим городом?

Нора: Вы знаете, как-то я очень заболела. И после операции просто не могла больше здесь жить – от жалости всех моих здешних друзей. И тогда я уехала в Париж.

Наталья: Вот уж действительно: «Мы лечились Парижем»! И что же Вам больше всего запомнилось из этого «лекарства»?

Нора: Мой муж, несущий длинный хлебный батон (смеётся).

Наталья: «Красота каждодневна, как хрусткий батон»!

Нора: А из Парижа мы поехали в Россию в первый раз, тогда уже было время перемен. И я ужасно хотела, чтобы меня приняли за местную. Но никак! «Вы – француженка», – говорила мне лифтёрша.

Наталья: И какое у Вас было первое впечатление от России?

Нора: Во-первых, мы ужасно боялись: а вдруг наши паспорта не признают, да и вообще, мало ли что пришьют! Так мы думали. Но главное было повидать родных. Это было очень трогательно. Мой муж увидел своих родных через пятьдесят лет.

А я встретила свою подругу: она приехала из Риги, повидаться со мной. И мы с ней пошли куда-то в кафе поговорить. Говорим, говорим, говорим – и тут я спохватываюсь, что мне нужно назад в гостиницу, а то муж будет волноваться. И мне подруга захотела дать что-нибудь в подарок. Я, конечно, говорю, что мне ничего не надо – но она настаивает: «Ну, хоть что-нибудь!» – и тут же в кафе покупает мне дыню.

Я прихожу в гостиницу – скандал! Муж переволновался: «Ты представляешь, что я тут себе передумал! Я думал, что тебя похитили!». Я пытаюсь его успокоить, говорю: «Смотри, между прочим, тебе Шура

дыню прислала!»). «К чёрту дыню!» – открывает дверь и вышвыривает дыню в коридор. Тут на меня такой смех напал! Отсмеялась, открываю дверь забрать дыню обратно – а дыни уже и след простыл! Она опять весело смеётся. Смеяться над собой – редкий дар, черта мудрого человека. А я смотрю на эту прекрасную женщину, которая много лет ходила где-то рядом со смертью, видела столько всего страшного и прекрасного – и, тем не менее, осталась весёлой и озорной девочкой. Русский листик, выросший на харбинской земле и кружащийся по миру под пронзительно-искренний пульс стихов.

г. Сидней, Австралия; эта беседа состоялась в марте 2011г.
Беседовала **Наталья Крофтс**.

ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА

ПРОЩАНИЕ, ЗАПРЕЩАЮЩЕЕ ПЕЧАЛЬ

7 июля 2021 года, прожив в этом не самом простом из миров 101 год, ушёл человек, милостью которого я была знакома с Александром Вертинским через одно рукопожатие. Через одно нежное, хрупкое, сильное рукопожатие, перекинувшее мостик от них, невообразимо далёких, к нам нынешним. Ушёл голос века, пусть не самый звонкий и узнаваемый, но внятный и различимый, голос, без которого век стал бы самую чуточку скучнее.

Нора Крук, Норочка. Человек двух призваний: поэт и женщина. Она была настолько естественна, великолепна и уверена в своей неотразимой женственности даже тогда, шесть лет назад, когда я с ней познакомилась, что меня не оставляло странное ощущение: наверное, всё-таки они есть на свете, злые волшебники, ворующие время - вот ведь, мою ровесницу, дерзкую, веселую, остроумную, кокетливую даму зачем-то взяли и заковали в старческое, немощное тело: бегала-прыгала всю жизнь, а нука посиди теперь! Она себя саму невероятно раздражала собственной старостью: нет, ну ты посмотри, это что, шея? безобразие это, а не шея. Видела бы ты меня – ох, не будем говорить, сколько лет назад, мне неловко...

Со второй встречи мы перешли на «ты», легко и непринужденно: встречались мы в основном в больницах, куда она регулярно попадала, забывая о возрасте и допрыгавшись до очередного перелома: я сидела на кровати и кормила её запрещенным врачами шоколадом – «я так хочу, значит можно!» Мне было 40, ей – 95. Харбин – Шанхай – Гонконг – Сидней, непрямая, непростая дорожка. Несколько книг стихов – на двух языках, стихов, неоспоримо принадлежащих серебряному веку, как и её русская речь, наследие семьи, покинувшей Россию до её рождения: благодаря Норе я слышала, как говорили они, современники Блока и Цветаевой – ах, Сашенька был такой галантный, такой дамский угодник!

Это о нём, о Вергинском.

В доме было невероятное количество книг, редчайших – как я узнала незадолго до её ухода, все они отправились на помойку: сын умер раньше Норы, скоростижно, не успев сделать распоряжений, а местные родственники – что им какой-то бумажный хлам на зарубежном языке, пусть даже и принадлежавший нежно любимой бабуле, дом надо было продавать. Норочка, что ж ты наделала, солнце, ну почему не попросила позвонить любому из нас – я бы всё бросила, вывезла бы за один день, ну как же так...

Норочкин разум к тому времени уже давно покинул окончательно предавшее её тело, остекленел и застыл, застряв где-то между мирами и временами. Я её навещала, пока было можно, привозила в элитный, прекрасно оборудованный дом престарелых так любимые ею сладости, привет из мира живых миру задержавшихся на пороге теней: эклеры, рогалики с изюмом. Она ела с удовольствием, но сдержанно и деликатно, старческий склероз не посмел замахнуться на накрепко вколоченные в мозг навыки прилично воспитанной девочки из хорошей семьи. Сладости выносились в столовую и делились на всех обитателей элитного Лимба, нянечки смотрели сквозь пальцы: не так уж много радостей остаётся в том, что с трудом можно назвать жизнью, у человека, расставшегося с разумом, но не с телом.

Наши долгие разговоры последних лет походили на пьесы абсурдистов: между вопросами и ответами на первый взгляд не было никакой связи – я назначалась то давно ушедшей подругой, то мамой – нас качало на волнах фрагментированной памяти, среди обломков и осколков

кораблекрушений разбивающихся друг о друга десятилетий, несло в речевом потоке, где интонации были гораздо важнее значения произносимых слов.

Но я же сказала, что Нора была удивительной Женщиной, а это даётся навсегда, не отнимается, даже когда, казалось бы, угасает всё. И однажды, посреди очередного бессмысленного, но странным образом доставлявшего нам обоим удовольствие разговора, произошло маленькое чудо - кондиционер в палате перестарался, Нора начала дрожать, и я укрыла её своей любимой индийской пашминой (тогда моя пашминка еще была выходной шалью, а не любимым в катышках артефактом хюгге, как сейчас) - и вдруг я увидела, как её потерянное лицо осветилось изнутри и приобрело совершенно осмысленное, живое выражение, которое я ещё не успела забыть:

Как красиво! скажи, мне идёт? Где зеркало, я хочу посмотреть! - весело и капризно произнесла на мгновение вынырнувшая из глубин своего сонного разума бывшая Нора, красавица, кокетка, богиня.

До зеркала еще надо было дойти – проще было сфотографировать и показать ей, что я и сделала (ты прекрасна, дорогая, ты посмотри только, какая прелесть, как ты хороша!), втайне радуясь поводу и понимая, что это вполне могла быть наша последняя встреча.

Так оно и вышло: мы еще поговорили по телефону несколько месяцев назад, и я ждала, всё ждала, когда же наконец в закрытое для посещений из-за треклятой ковидлы заведение начнут пускать посетителей...

Не дождалась. Легкой тебе дороги, Норочка. Я знаю, ты сейчас летишь, вырвавшись из опостылевшей темницы, в которую превратилось твоё некогда желанное тело, невидима и свободна, ошалев от свежего ветра, от собственной лёгкости, молодости, вечности, и тонкие прохладные пальцы твои пахнут не ладаном, а духами Коти; летишь к своим дорогим и любимым, ты ведь знаешь, они все там, и Сашенька тоже, ждут тебя, уж совсем заждались...

Лети!

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

БЕЛЛА ВЕРНИКОВА

– поэт, эссеист, художник, историк литературы. Родилась и жила в Одессе. В Израиле с 1992 г.

Автор десяти книг (стихи, эссе, статьи, графика, детская книжка), участник международных художественных выставок. Печаталась в литературных журналах России, Украины, Израиля, США, Англии, Италии, Японии: «Юность», «Радуга», «Арион», «Топос», «Сетевая Словесность», «Бег», «Приокские зори», «Дерибасовская-Ришельевская», «Иерусалимский

журнал», «22», «Артикль», «Литературный Иерусалим», «Интерпоэзия», «Квадрига Аполлона», «Кольцо А», «Новая реальность», «Вещество», «Наша улица», «Luterratura и др. Член Союза писателей Израиля. Живет в Иерусалиме.

НОБЕЛЕВСКАЯ ЖЕРТВА ПЕШКИ

Три повести Михаила Метса, эссе-рецензия

Рецензируемые повести петербургского писателя Михаила Метса напечатаны в литературном Интернет-журнале «Сетевая Словесность» недавно – «1939» в 20-м, «Королевский гамбит. Жертва пешки» в 21-м, «Повесть о Нобелевской премии» несколько ранее, в 2014 году. Как следует из некоторых деталей текста, написаны они незадолго до публикации, то есть, относятся к текущей русской литературе, и хочется показать, чем актуальна эта проза, чем она привлекает читателя. Все три повести имеют много пересечений – жанровых, тематических, культурно-исторических. Социально-психологическая проза Михаила Метса написана в актуальном жанре фэнтези с сюжетными допущениями иррационального характера, не имеющими логической мотивации в тексте, и в не менее популярном сегодня жанре альтернативной истории, с изображением реальности, которая, как сказано в Википедии, «могла бы быть, если бы история в один из своих переломных моментов (точек бифуркации, или точек развилки) пошла по другому пути». Использование в прозе элементов указанных жанров фантастики позволяет читателям увидеть неординарное в окружающей действительности, в человеческих судьбах, и плодотворно для анализа различных аспектов современности.

Повесть «Королевский гамбит. Жертва пешки» открывает авторское предуведомление: «Перед вами – сказка о том, как Иванушка-дурачок женился на принцессе. Прошу отнестись к интеллектуальному уровню главного героя с пониманием». Герою 23 года, он живет в Петербурге и учится в Академии экономических знаний, друзей почти нет, девушки его не замечают, а преподаватели не запоминают, т.к. всех не запомнишь. Все это самохарактеристики, поскольку повествование ведется от лица героя. Зовут его Ваня, похож на некоего толстого литератора, у которого вечно слюни в углах рта, «с самого детства – упертый геймер» (фанат компьютерных игр), поэтому читать книги нет времени, живет с мамой в «двушке», полученной при расселении из коммуналки, и у мамы есть библиотечка поэзии, что имеет существенный для этой повести сюжетобразующий смысл. При том, что он книг не читает, книжные ассоциации ему не чужды, так встреченный персонаж «с укусным ликом» напомнил Ване Акакия Акакиевича, но оказался тезкой другого литературного героя: «Почти угадал!» - довольно подумал я. - «Порфирий Петрович» стоит «Акакия Акакиевича».

Появившийся на занятиях Иннокентий, новый студент из Москвы, садится рядом с Ваней и, проявив намерение подружиться, приглашает его сперва в «Контакт бар» выпить пива, а затем в закрытый клуб «Зебра» – ранее Кеша был членом московского филиала, но головная контора клуба в Питере. Как сможет убедиться читатель, с этим закрытым заведением и с его последователями в общедоступной «Зebre» связано все дальнейшее повествование.

Название клуба характеризует его предназначение – действия членов клуба, подчиненных жесткой иерархии, связаны с зеброй пешеходных переходов. Задания, которые получает Ваня, чтобы стать кандидатом, а затем действительным членом клуба, становятся все опаснее для жизни – от медленного перехода Невского в гриме и костюме старика с палочками перед затормозившей на полном ходу фурой, до пересечения туда и обратно нерегулируемого пешеходного перехода одной из питерских улиц с интенсивным автомобильным движением.

Видеосъемки этих подвигов выкладываются в сети и получают миллионы просмотров, превратив не приметного героя в звезду, широко известную в узких кругах.

В клубе «Зебра» Ваня встречает, а затем теряет любимую девушку, отношениям с которой посвящены многие главы повести, заполненные красноречивым текстом и многострочными пропусками. Сущность этих

отношений осознается героем, когда он находит в маминой библиотеке «красный двухтомник какого-то А.Тарковского. Никогда не слышал про такого поэта... Я взял в руки маленькую книжечку, наугад распахнул и прочел... Прочитав, я ровным счетом ничего не понял. Ведь поэт этот умер тысячу лет назад. Откуда он мог знать... Дочитав до конца, я плачу в голос, как отшлепанный кем-то грудной младенец. Стихи я тут же запоминаю намертво и в течение нескольких дней повторяю их тысячи раз. Именно с этих случайно прочитанных строчек и началось мое медленное выздоровление».

Арсений Тарковский

Отнятая у меня, ночами
Плакавшая обо мне, в нестрогом
Черном платье, с детскими плечами,
Лучший дар, не возвращенный богом,

Заклинаю прошлым, настоящим,
Крепче спи, не всхлипывай спросонок,
Не следи за мной зрчком косящим,
Ангел, олененок, соколенок.

Из камней Шумера, из пустыни
Аравийской, из какого круга
Памяти – в сиянии гордыни
Горло мне захлестываешь туго?

Я не знаю, где твоя держава,
И не знаю, как сложить заклатье,
Чтобы снова потерять мне право
На твое дыханье, руки, платье.
1968

Фантастический, а также криминальный (Порфирий Петрович был назван не случайно) аспекты рассматриваемой повести Метса сопряжены с ее интертекстуальностью. Кроме отсылки к роману Достоевского, здесь упомянуты другие интертексты – телефильм «Приключения принца Флоризеля» (Ленфильм, 1981 г., реж. Евгений Татарский), снятый по

мотивам повестей Роберта Стивенсона «Клуб самоубийц» и «Алмаз раджи», и рассказ Герберта Уэллса «Новейший ускоритель», позволяющие лучше понять проблематику текста и мотивацию главных героев.

Как в телефильме «Приключения принца Флоризеля», завсегда и современного закрытого клуба «Зебра» участвуют в карточной игре, где каждому выдается карта, и получивший туза пик становится очередной жертвой, на сей раз приговоренной к смертельно опасному переходу трассы. Руководит этим действием таинственный Председатель. Тот факт, что киношный Председатель-Клетчатый в исполнении Баниониса – известный преступник, извлекающий выгоду из своего «Клуба самоубийц», а мера его преступности характеризуется тем, что абстрактный портрет Председателя вызывает ужас, обращает внимание читателей на криминальность Председателя в повести «Королевский гамбит. Жертва пешки». Угробивший и покалечивший немало членов клуба и их многочисленных сетевых поклонников, Председатель, принимающий в повести разные обличья, вместе со своими подопечными участвует в смертельных пересечениях городской трассы, но при этом прибегает к мошенничеству, обеспечивающему его безопасность. Таблетки-допинг, которые перед переходом трассы заглатывает Председатель, называются «Новейший ускоритель» и действуют так же, как препарат в одноименном рассказе Герберта Уэллса (см.: <http://lib.ru/INOFANT/UELS/accelera.txt>). И все же, с опорой на интертексты, Председатель не остается безнаказанным.

Демонстративная интертекстуальность присуща и написанной в жанре альтернативной истории «Повести о Нобелевской премии». Название первой главы «Незабываемый тысяча девятьсот пятьдесят третий» намечает проблематику повести, напомнив о широко известной в советские годы пьесе «Незабываемый тысяча девятьсот девятнадцатый» Всеволода Вишневского, «вознесшего усатого генералиссимуса, который еще и не подозревал, что его ждет слава, не снявшаяся Наполеону» (В.Кардин).

В повести Михаила Метса незабываемый пятьдесят третий служит точкой бифуркации, развилкой, с которой начинается альтернативная история. В этот незабываемый год правитель страны (Хозяин) не умер, а впал в кому, в которой пребывал последующие десятилетия под надзором своих бдительных соратников с подпольными кличками Бухгалтер, Большой Мингрел, Мыкита и пр.:

«Уже шестьдесят с лишним лет т. Сталин находился в глубокой коме, но пульс – очень слабый пульс – у т. Сталина был. Именно это едва заметное вздрагивание августейших лучевых артерий и поддерживало политическое равновесие во всей, слегка пообтершейся по краям, но все еще очень обширной Империи – от Кронштадта и до Владивостока». В указанном псевдо-историческом контексте раскручивается фантазмагория повести Метса. Вторая глава называется «Незабываемый тысяча девятьсот шестьдесят пятый», и в этот незабываемый год, как пишет автор:

«Нобелевскую премию по литературе получил Семен Петрович Бабаевский.

Постановление Нобелевского комитета гласило:

«За колоссальную этическую мощь, проявленную при отстаивании преимуществ прогрессивного общественного уклада, а так же за создание совершенно нового жанра социальной утопии Нобелевскую премию по литературе присудить Семену П. Бабаевскому, Совет Юнион».

Все западные интеллектуалы – и Жан Поль Сартр, и Луи Арагон, и Натали Саррот, и Чарльз П. Сноу – восприняли лауреатство Семена как должное. Им заранее было известно, что гуманитарную Нобелевку в шестьдесят пятом должен был получить кто-нибудь из советских. Причем из советских советских. Назывались имена Твардовского, Шолохова, Симонова. Выпало – Бабаевскому. Какая, в сущности, разница?»

О том, что разницы никакой, все дальнейшее повествование, с гротескными встречами, погоней и превращениями, в которых участвуют виновник торжества Бабаевский, известный поэт Евтушенко, безмянный давний знакомец Михаила Булгакова, Большой Мингрел и пр., а их лихорадочная деятельность перебивается в повести размышлениями стороннего наблюдателя из Парижа, живого классика Луи Арагона, за литературными впечатлениями не забывающего о своей ориентации.

Еще одна цитата из повести: «Национальный лидер вдруг вспомнил, что всемогущие Органы любили некогда брать пареньков с безупречной анкетой и назначать их в русские классики» позволяет перейти к серьезному разговору об авторстве реального нобелевского лауреата 1965 года Михаила Шолохова.

В моем эссе «Ещё один военный рассказ Платонова», напечатанном к 70-летию со дня смерти Андрея Платонова в московском литературном

журнале «Наша улица» в январе 2021 года, я останавливаюсь на отношениях писателей Федора Крюкова и Александра Серафимовича и пишу о Федоре Крюкове как авторе «Тихого Дона», применительно к первой публикации романа в журнале «Октябрь» 1928 года. Там же цитируется высказывание Юрия Кувалдина о том, что безумная химера «авторства Шолохова» держалась на терпоре. / <http://kuvaldinu.narod.ru/2021/01/vernikova-rasskaz-platonova.html>

При обсуждении этого эссе в сети Фейсбук один из оппонентов напомнил, что Федор Крюков был идеологом Белого движения, и поэтому не может быть автором «Донских рассказов», в которых симпатии автора явно на стороне красных. А в том, что «Донские рассказы» и «Тихий Дон» написал один автор – нет сомнений. На что я ответила – тот же автор написал дореволюционный рассказ «Офицерша», напечатанный в журнале за подписью Федора Крюкова («Русское Богатство», 1912, №4,5) / <http://fedor-kryukov.imwerden.de/proza/oficersha.htm>, а добавить в «Шибалково семя» идеологически выдержанные фразы мог любой редактор.

Мое замечание по поводу редакторской правки «Донских рассказов» подтверждает история, приведенная в книге Сергея Шаргунова «Катаев. Погоня за вечной весной» (Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2018), где сообщается о публикации в «Новом мире» 1922 года двух рассказов Катаева, причем один из рассказов, написанный и прочитанный Бунину в Одессе 1919 года еще до прихода большевиков, в Москве правил Серафимович, дописав к нему идеологически выдержанную концовку: «Изначально у Катаева все завершалось эффектным изломом: «В ушах стоял оглушительный колокольный звон, и красными буквами гремела фраза, сказанная чьим-то знакомым и незнакомым голосом: "Вы держите папиросу не тем концом"». Правверный Серафимович решил добавить суровых слов, создающих революционно-пролетарский контекст: «А в это время на темных и глухих окраинах рабочие уже смазывали салом пулеметы, набивали ленты, выкапывали ящики с винтовками, назначали начальников участков, и новый день, обозначавшийся светлой полосой за черными фабричными трубами, был последним днем Вавилона». / <https://www.litmir.me/br/?b=551059&p=36>

См. также фрагмент моей публикации «Кижэ в неглиже» в литературном журнале «Сетевая Словесность» 2006 года:

«...проблема авторства текстов опубликованных под именем Шолохова поднималась ещё в 1920-е годы когда был (как тогда, так и в более позднее время) впервые издан «Тихий Дон» основной причиной

сомнений в авторстве Шолохова стал необычайно молодой возраст автора создавшего столь грандиозное произведение и особенно обстоятельства его биографии: роман демонстрирует хорошее знакомство с жизнью донского казачества, знание многих местностей на Дону событий Первой мировой и Гражданской войны, происходивших когда Шолохов был ребёнком и подростком»

В сети открыт сайт Федора Крюкова: <http://fedor-kryukov.imwerden.de/index.htm>, где можно прочесть его прозу, публицистику, дневниковые записи и материалы о писателе, в том числе упомянутый мною рассказ «Офицерша».

И не будь шолоховской нобелевки, давно бы уже вернули замечательному писателю Федору Крюкову написанные им и напечатанные в журнале «Октябрь» 1928 года первые книги «Тихого Дона», который потом дописывался разными писателями, чье авторство требует научной атрибуции. Но Федор Дмитриевич Крюков умер в 1920 году, а Нобелевская премия присуждается живому автору.

Так что гротеск исторической реальности не уступает псевдо-исторической фантазмагии «Повести о Нобелевской премии».

В жанре фэнтези с иррациональной условностью, не имеющей в тексте логического объяснения, написана и повесть Михаила Метса «1939».

Один из героев этой повести – попаданец, пришелец из будущего.

Согласно принятой на сайтах фантастики классификации, Костя относится к добровольным попаданцам, перемещаясь из начала 21-го века в 1939-й год, чтобы встретить старшеклассницу Валу: «А вот как ты думаешь, Валя, ... стал бы я каждый день путешествовать в ад ради простой интрижки? Я полюбил тебя сразу. Как только увидел в альбоме твою фотографию».

Итак, это повесть о любви школьницы из довоенного Ленинграда, чьи родители были репрессированы, и пришельца из нашего времени, студента-историка, который на вопрос девушки: «А какая историческая эпоха тебя больше всего привлекает?», отвечает: «Тридцатые годы XX века». Костя представляется Вале другом ее одноклассника и московских поэтов-ифлийцев Павла Когана и Михаила Кульчицкого, как известно читателям, погибших на фронтах грядущей войны.

Если в повести «Королевский гамбит. Жертва пешки» Ваня соотносит свою любовь с давним стихотворением Арсения Тарковского, то в повести «1939» Костя в реалиях предвоенного года, в ресторане гостиницы «Октябрьская», договорившись с оркестрантами, поет песню Булата Окуджавы из будущего – «Просто мы на крыльях носим, То, что

носят на руках», переполняя поэзией слушателей и пробуждая подлинность чувств не только у Вали, но и у всего «собранного с бору по сосенке зала».

Конечно, общаясь с Костей, Валя замечает за ним разные странности – он не понимает общеизвестного молодежного жаргона, употребляет диковинные слова (потусуемся и т.п.), носит шарф с непонятной надписью «зенит-спб», не зная, что в Ленинграде тех лет нет футбольной команды «Зенит», а есть только «Динамо», «Электрик» и «Сталинец», и там же, в ресторане, между героями происходит диалог, характерный для своего времени:

«– Слушай-ка, Костя, – спросила вдруг я, пользуясь тем, что громыханье оркестра делало наш разговор недоступным для прослушивания, – а ты чей шпион: немецкий или английский?»

– Нет, я не шпион, – моментально ответил мне Костя, как будто бы ждавший именно этого вопроса. – И никогда им не был. Я, Валь, из Будущего. Ты веришь?

– Нет, Костя, не верю.

.....

– И давно ты считаешь меня шпионом?

– Уже несколько дней.

– Стукануть не пыталась?

– Пыталась. Но в последний момент передумала».

Незадолго до происходящего Валя, действительно, написала донос на Костю и отправилась отнести его в Большой Дом на Литейном 6, но не смогла туда зайти потому, что это мрачное здание сожрало ее маму и папу. В жанре фэнтези «писатель заставляет читателя по-настоящему осознать социальные тупики недавнего прошлого, свою собственную, далекую от идеальности природу» (Т.Давыдова, И.Сушилина).

Героиня повести «1939» повторяет вбитые в головы официальной идеологией аргументы: «мой мама и папа не могли быть виноваты ни в чем умышленном, но они – точно так же, как я сейчас с Костей – могли проявить буржуазное прекрасодушие и стать игрушкой в чьих-то грязных руках». Но, потеряв родителей, живя в атмосфере страха и видя, что происходит вокруг, в том числе увольнение директора школы, поскольку «политико-просветительная работа в школе ведется из рук вон плохо», Валя признается себе, что она любит в Косте именно то, что он не похож на окружающих коммунистов и комсомольцев. «И, наконец, самое-самое страшное: то, что Костя НЕ ЛЮБИТ товарища Сталина, мне тоже – какая я все-таки сволочь! – нравится. (Нет, он никогда его не

ругает. Просто ничего о нем не говорит. А, если деваться совсем уже некуда, называет товарища Сталина "крупным государственным деятелем")»).

Правда, наедине с Валей, Костя находит другие определения. Вспоминая родителей, Валя говорит Костику:

«Он был идеалистом, мой папа.

– За это его Гуталин и сожрал.

На эту реплику Кости я ничего не ответила.

...Конечно, я знать не знала, кто такой Гуталин и, вообще, впервые услышала эту дурацкую кличку. Но я почему-то сразу поняла, кого именно Костя имеет в виду. И мне стало страшно. Намного страшней, чем тогда в переулке с бандитами».

Во второй части повести Михаила Метса «1939» Валентина признается: «Любила я всю свою жизнь только Костю, хотя монахиней и не была. Свою судьбу я считаю счастливой. В моей жизни случилось все: и любовь, и семья, и успех, и достаток, и материнство. Просто все это приходило не одновременно».

Заканчивается тетрадь, куда внесены многие из этих признаний, припиской на полях, сделанной чернилами другого цвета: «Сейчас, тридцать четыре года спустя, я твердо знаю, что это было самое главное прикосновение в моей жизни». / <https://www.netslova.ru/mets/1939.html>

В заключение эссе-рецензии хочу привести созвучную строфу из своего стихотворения, написанного в прошлом веке:

Еще до слов, и до прикосновенья
вы близки так, как будете ли впредь,
вам любо глубину за отраженье
принять и в это зеркало смотреть.
И, может быть, любовь, терпенье, время
соединят реальные черты
с придуманными, памятными, теми,
спасающими нас от пустоты.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

О КОЛИЧЕСТВЕ РИТМИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ЧЕТВЕРОСТИШИЯХ

(попытка литературно-математического эссе – по мотивам одной задачи для австралийских семиклассников)

**Я памятник воздвиг себе нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа...**

А. С. Пушкин

Надеюсь, что сие “математическое” произведение не очень напугает любителей поэзии, хотя бы потому, что множества математиков и поэтов имеют отнюдь не пустое пересечение :-). Да и много надо общего иметь, чтобы писать или просто любить стихи и чтобы заниматься математикой или ее преподаванием. Как ни странно. К примеру, без фантазии и творчества нечего делать и там, и там. Даже в математических олимпиадах для школьников вы можете встретить задачи комбинаторного характера, связанные с поэзией, стихосложением. Расскажу об одной из них, постараюсь сделать это на максимально доступном языке.

Понятно, что большинство поэтических произведений, состоящих из отдельных строф, куплетов и т. д., может быть охарактеризовано с точки зрения математики количеством строк в каждой строфе, а также количеством рифмованных строк в ней (так называемых ритмических структур). Например, полное отсутствие рифмы – это «белый» стих, образцом которого могут быть известные японские хайку (иногда отсутствие рифмы встречается и в рифмованных стихотворениях, как правило, для усиления какой-то мысли).

Безусловно, нетленные образцы ритмического стихосложения самого различного типа читатели всегда найдут и в творчестве великого А.С. Пушкина, очередной юбилей которого мы будем отмечать через два года.

Сегодня мы предлагаем читателям попытаться установить зависимость количества возможных ритмических структур от числа строк в строфе. Это потребует от них определенных комбинаторных навыков, которые входят в математическую программу старших классов большинства школ мира, в частности, австралийской.

Зададим сначала правила нашей весьма ограниченной «логической игры в поэзию» (как говорят математики, «построим математическую модель (простейших) стихотворений»).

Обозначим через n число строк в строфе (для определенности задачи ограничимся случаями $0 < n < 5$, т. е. $n = 1, 2, 3, 4$). Далее, обозначим символами a, b, c, d строки стихотворения так, чтобы одинаковые символы означали рифмующиеся между собой строки, а разные – те, где рифма отсутствует. Также договоримся использовать символы строго по порядку, т. е. использовать новый символ только тогда, когда все предыдущие возможности исчерпаны.

Назовём ритмической структурой любую последовательность таких одного, двух, трёх, четырёх, символов.

Так, при $n = 1$ имеем ритмическую структуру a :

Взошла заря. Погасли свечи.

Ясно, что в этой простейшей структуре речь о рифме фактически не идёт, для художественной красоты необходим только ритм и, конечно, оригинальное содержание «министихотворения».

Для $n = 2$ имеем уже две возможные ритмические структуры, например: aa :

Мне от бабушки-татарки

Были редкостью подарки.

и ab :

Следить стараюсь за фигурой,

Чуть отвлекусь – она жуёт.

Для $n = 3$ могут реализовываться гораздо больше различных структур – от aaa до abc , например:

Я испугался собственного страха

Покусанный собакой адмирал,

Ушёл и кортик поломал с размаха. (aba)

Или:

Бережно грабли кладу

Перед дверью соседа

Ошибкам учиться хочу. (abc)

Конечно, легко привести примеры трехстиший и других типов, вы их можете придумать или найти в безбрежном океане поэзии и сами. Образец ритмической структуры $abab$ для $n=4$ вы можете видеть в эпиграфе статьи – это уже давно классика.

Также приведём примеры ритмических структур только abba и abcd для $n=4$:

*Не сбываются вещие сны,
Но сбываются вечные муки,
Когда сердце сгорает в разлуке
На пороге зелёной весны...*

*Семьдесят лет...
Где-то плачет ребенок.
Это тревога моя,
Но уже не забота.*

*А теперь внимание, «вопрос в студию»!
Сколько всего различных поэтических ритмических структур
существует для $n=4$?
Попробуйте подобрать отрывки из известных (и не очень) авторов,
иллюстрирующих ваши изыскания. Вот, например:*

*В онный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

*Суета, суета, суета без конца,
Нам бы очи поднять на обитель Творца -
Наблюдать бы, робея, в прохладе ночей,
Как по небу течёт тихий звездный ручей...*

Конечно, случаем $n = 4$ совсем не ограничивается глубина и красота поэзии – это только один из простейших, но очень распространенных примеров поэтического творчества. Полюбуйтесь, например, на гораздо более сложную ритмическую структуру при $n=12$ – а их могут быть и тысячи при больших n !

*Доживать, ни о чем не жалея,
даже если итогов (прости!)
кот наплакал. В дождливой аллее
лесопарка (две трети пути
миновало) спрягаешь глаголы
в идеальном прошедшем. Давно*

*в голове неуютно и голо,
о душе и подумать смешно.
Дым отечества, черен и сладок,
опьяняет московскую тьму.
Роцца претерпевает упадок.
Вот и я покоряюсь ему.*

И, конечно, завершить работу хотелось бы цитатами из А. С. Пушкина.

*Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.
В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гряднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мёд из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.*

В этом отрывке великий поэт виртуозно соединяет две структуры для $n = 4$ и получает новую сложную структуру при $n = 8$ (их всего очень много!). И, наконец – классика, знаменитый 14-строчный ритмический стиль “Евгения Онегина”. Читайте, наслаждайтесь – это музыка!

*Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волишебных звуков, чувств и дум;
Пишу, и сердце не тоскует,
Перо, забывшись, не рисует,
Близ неоконченных стихов,
Ни женских ножсек, ни голов;
Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я все грущу; но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет:
Тогда-то я начну писать
Поэму песен в двадцать пять.*

АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ

(род. 1962, Нижний Тагил)

Русский писатель; прозаик и литературный критик. Получил филологическое образование в Нижнетагильском Педагогическом Институте. Был учителем, монтером пути, рабочим чёрной и цветной металлургии. Позже работал журналистом в газетах Братска, также в разных качествах на местном телевидении. «Однако, – как писал Олег Августовский, – в силу свойств собственного характера он не смог там надолго задержаться, поскольку желание говорить то,

что думает и поступать так, как хочет, оказалась сильнее желания получать постоянную заработную плату». Долгое время жил в Братске (поэтому там его считают братским писателем), где последней специальностью его была — «сторож». В 2012 году вернулся в родной Нижний Тагил. С июля 2014 года ведёт постоянную критическую рубрику в «Литературной Газете».

Автор книг «Бахмутовские хроники», «День облачный», «Корабль уродов» и др. Печатался в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Волга» (Саратов), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Бельские просторы» (Уфа), «Урал» (Екатеринбург), «Новый берег» (Дания), издательстве «Franc-Tireur» (США). Лауреат международной литературной премии «Silver Bullet» (США, 2009), премий журналов «Урал» и «Бельские просторы» в номинации «Литературная критика» (2012).

Дмитрий Быков назвал Кузьменкова одним из лучших прозаиков современной России:

ВАСЯКИНА И НЕМНОЖКО НЕРВНО

(О. Васякина «Рана»; М., «Новое литературное обозрение», 2021)

О Васякиной нынче говорят исключительно с придыханием, иного не дано. Сами понимаете: времена такие. Это раньше герой обязан был сокрушить крепостенную Троию, поймать рыбу-меч, сорвать переговоры Вольфа с Даллесом или поднять солдат в атаку под Аустерлицем. Ну, на худой конец, процентщицу грохнуть или черкешенку умыкнуть. У пищеварительного периода мировой истории своя система ценностей и своя архиважная повестка дня: вербализация травм, поиски гендерной идентичности, однополые шалости. Для приличия можно вяло потягивать на гомофобию и патриархат. Федор Михайлович фатально заблуждался: тварь дрожащая право имеет. Причем преимущественное.

Применительно к литературе право на убожество не могло обернуться ничем, кроме фрик-шоу: широкий выбор гидроцефальных, сколиотических, педикулезных и ревматических текстов. Весь синклит-с. И «Рана» там что яичко ко Христову дню.

Не знаю, право, что с опусом Васякиной делали редакторы «НЛО»: мне он достался в нецелованном виде. Тем лучше: тамошний идиостиль способен впечатлить самого железобетонного флегматика. Фоностилистика у выпускницы ЛитПТУ страдает энурезом и диареей одновременно – то и дело норовит справить малую или большую нужду: «с сумкой», «с сыном», «с рисом», «с рук», «девушка Катя». Абсолютный слух, правда? Эпитеты сплошь со знаком качества: «пронырливый запах», «предсмертная агония». Фразы страдают болезнью Альцгеймера в разных стадиях. «Я была осунувшаяся и одутловатая, словно утопленница или чем-то серьезно больна», – худоба и пастозность суть вещи несовместные, а однородные члены следует приводить к одному синтаксическому знаменателю. «Он делал ей операцию и выхаживал ее, менял утку. И очень сильно ее полюбил», – кого, неужели утку? Какая любопытная перверсия! Оксана Юрьевна, *Jahrbuch für Psychoanalytik* ждет вашу статью. «Мама плакала во время гадания ей бабушкой Аней на бобах», – прошу прощения, кто на ком стоял? Остальное изложено выморочным новоязом второсортной колумнистики: «токсичный быт», «обладающие собственной агентностью»...

Ах да, я было и забыл: алекситимия в терминальной стадии – дело десятое, на первом месте посттравматический стресс. Ему нынче аплодируют до мозолей, будто не было ни Эгиля Скаллаgrimссона, ни Хорхе Манрике, ни Бусона, ни Павла Антокольского. «Это голая тупая боль, для которой раньше не было слов, а теперь есть», – бросила в воздух чепчик бескопромиссная Татьяна Симакова. Следом Константин Мильчин рванул рубаху на груди: «Васякина – настоящая, а вы все нет».

Холоднокровней, коллеги. Профессиональных страдальцев в нынешней словесности – пруд пруди, от Старобинец до Пустовой. Сама О.В. года два-три назад азартно страдала напоказ от: а) нищей и голодной жизни в Сибири; б) тяжелого-тяжелого-бессмысленного труда; в) похотливых и патологически жестоких членомразей. За что и получила лицейскую лычку. Можем повторить!

Я уже не раз перефразировал Уайльда: мученичество – способ при помощи костра достичь того, чего не удалось достичь талантом. Оттого сам факт психотравмы мало что значит. Ибо в чистом виде это материал

для духовника или психотерапевта, не более. Важно, как фактура преобразуется в литературу. В случае Васякиной – да никак, в сущности.

Мемориям об умершей матери пишбарышня отвела не более четверти текста. Все остальное родилось из необходимости размазать небольшой опус до девяти авторских листов.

Бал здесь правит тоскливый нарратив, похожий на худшие страницы Сенчина или Владимира Козлова: *«Обед в киоске не кончался, хотя на картонке, прилепленной с внутренней стороны стеклянной двери, было написано, что обед на пятнадцать минут. Я стояла на ветру уже полчаса, купила сигареты и выкурила две из новой пачки и одну из старой. Сигареты из новой пачки были хуже на вкус. Паленые, подумала я. Хотя что такое не паленые сигареты, я не знаю, может быть, они все паленые. Просто одни сигареты хуже, другие лучше».* Поход в сортир в самолете, покупка багажной сумки, переезд в новую съемную квартиру и тому подобная словесная вата – уверяю, столовское меню гораздо увлекательнее.

На второй ступеньке пьедестала – рассказ о собственном лесбийском опыте: что за Танатос без Эроса? *«Самыми презируемыми были бучи – маскулинные женщины. Считалось, что они подражают мужчинам, занимаются сексом в одежде и пьяные дерутся на тусовках. Любить бучей можно было только если ты фемка или сумасшедшая. Я, похоже, была и то и другое. Потому что мне ужасно нравились маскулинные, короткостриженные женщины. Мне они казались идеальными».* Публика просто кушать не сможет, если не узнает.

Бронзовый призер – отчет о психических дисфункциях авторессы: панические атаки, фобии, бред преследования: *«Я мастурбировала в ванной и, лежа на спине, неотрывно смотрела в вентиляционное отверстие между ванной и туалетом. Достать до него технически было невозможно, но я была уверена в том, что кто-то там, в темноте, следит за мной. Он злой и хочет сделать мне больно».* Алло, полиция? Если вы не разберетесь, мы напишем в «Спортлото»!

А что же покойная? Она большей частью – повод для мутного резонанса, понятного одной авторессе: *«Я ощущала мать как пространство. Как матрицу. Матрица – это постоянная интерпретация получаемого опыта»; «Смерть матери – это не одно и то же, что смерть отца. Смерть отца разрушает мир, но смерть матери уничтожает хранилище мира. Смерть отца рождает письменный вопль, смерть матери – долгое, дотошное, как внимательные подслеповатые глаза, письмо-взгляд».* Не взывайте, но скорбь, облеченная

в пустопорожнюю риторику, не располагает к состраданию. Впрочем, и за рамками словоблудия тоже мало поводов для эмпатии: *«В капсуле с ее прахом остались недогоревшие фрагменты костей, я слышала, как они постукивали о плотный пластик, когда я вертела капсулу в руках. Я иногда вытаскивала капсулу из урны и двигала ею как большим черным маракасом. Этот звук успокаивал меня».*

В жизни радфем-активистки всегда есть место подвигу – борьбе со сраным мужлом. Мужские тела жестоки, глупы и уродливы. Ублюдки то и дело допиваются до чертей и до полусмерти бьют жен, а после воруют у них деньги на курево. Ладно. И на том спасибо, что децимацию не обещали, как в «Ветре ярости».

Из чего сделана «Рана», в общих чертах понятно. Как сделана? – да я уже докладывал: никак. Авторское внимание расфокусировано, поэтому текст даже лоскутным одеялом не назовешь: давние посиделки на пляже в Усть-Илимске – кружок рукоделия – подруга Катя – покупка кружевных трусов – подруга Лера – страсти святой Агаты – вульвит – Прокна и Филомела... Не уверен, что иду след в след за авторессой, да невелика печаль. Текст устроен много проще, чем кубик Рубика: части взаимозаменяемы без ущерба для целого. В психиатрии это называется аморфным мышлением, но такие мелочи – не повод для беспокойства. Равно и все прочие.

Главное, что социальный заказ выполнен на 150 процентов. Проговаривание травмы? – есть. ЛГБТ? – тут как тут. Феминизм? – присутствует. И чернокрылый воробей злобно тарашится из вентиляции. Какого вам еще рожна?

А литературное мастерство, Аустерлиц и процентщица отменяются: по нашим временам – отягчающие обстоятельства. Понимать надо.

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕРЕВО!

(Ш. Шафиева «Не спи под инжировым деревом»; М., «Эксмо», 2020)

Если боги хотят наказать человека, они исполняют его желания. Это, если угодно, синопсис последнего романа Ширин Шафиевой, намеренно номинированного на «Нацбест». А заодно и ее литературная карьера в кратком пересказе. К 30 годам – три изданных книги и «Русская премия», но сбывча девичьих мечт тождественна лютому сраму: ведь это же читать будут.

На сайте «Эксмо» обретается трогательная история Золушки, которая никому-то на фиг не сдалась ни в родном Азербайджане, ни в России, пока не добрела до волшебной избушки... Вот что, Шахразада Эксмовна, сказки поберегите для младшей группы детсада. А то мы не знаем, как самотек в издательствах читают: никак. Тут все по Маяковскому: попробуй полазий без родственных связей. А также прочих. Благо Аллах Милостивый, Милосердный внешностью барышню не обидел – живо воображаю, как редакторы мужеска пола, глядя на эту бакинскую пахлаву-шекербуру, развесили слюни аж до... э-э... в общем, вам по поясу будет, сказал бы деликатный старшина Васков.

Если по гамбургскому счету, то причина успеха Ш.Ш. одна: Россия жутко хочет оставаться метрополией и на постсоветском пространстве. На худой конец, хотя бы культурной. Поэтому любого гусана, ашуга или акына, способного с грехом пополам выдавить из себя два-три слова по-русски, у нас моментально зацеловывают до дыр. Дело Ленина живет и побеждает: *«Лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»*. Переведем цитату в культурный регистр и получим прогноз Топорова: *«Литературная Россия будет прирастать бывшим СССР»*.

Ну, и чем обогатили литературную Россию кавказские, к примеру, гастарбайтеры? Алиса Ганиева – выкопанным фундаментом и отчертоломившим елдыком (именно так, через «ы»). Мариам Петросян – черепом, усохшим от долгого пребывания в могиле, и лосиными рогами, похожими на дубовые листья. Алан Черчесов – торчкастыми букетами. И прочая бамбарбия киргуду центнерами. Кто ее читал, тот в цирке не смеется.

Но! – если Петросян с Ганиевой и несут откровенную <censored>, то хотя бы грамматически правильно. Шафиева себя этим не утруждает – ей вместо «Русской премии» не повредил бы комплект школьных учебников по русскому языку:

«Мама на самом деле является преданным рабом меня», – Ширинджан, ради ваших прекрасных глаз я забыл падежов: я преданный раб... вас? вами? о вас? Короче, вы поняли. Да, а почему мама в мужском роде – раб, а не рабыня? Проблемы с гендерной идентичностью?

Не счастье алмазов в каменных пещерах. Без Шафиевой Золотой Фонд российской словесности – просто деревенская сберкасса. Сим-сим, откройся!

«Неаппетитные фото интимно-гигиенических процедур, вроде эпиляции ногтей», – впрочем, это, по-моему, была тонкая ирония. Но дальше все всерьез, мамой клянусь.

«Люминесцентно-оранжевое солнце», – люминесценция, подсказывают словари, есть нетепловое свечение. Спасайтесь, граждане, армагеддец на пороге: Солнце остывает.

«Он выйдет из выставочного зала, сохранив свою девичью честь», – он – и вдруг девичью? Опять трансгендеры? Да уж. Вы как хотите, а я в Баку ни ногой – жуткое место.

«Персонаж, ужаленный в самую нежную попу своей души», – о Аллахе Слышащий, Видящий!

Здравствуй, дерево! В смысле, инжировое. А вы о чем подумали?

Временами авторесса принимается пародировать графоманов: *«Завистники из под тяжка глядят / И поиметь все жизнь мою хотят. / Ночей не спят, ворочаясь в аду / Как мертвые вставают поутру»*. Умиляет до слез: видяй сломицу в оце ближнего не зри в своем ниже бруса.

И, чтобы закрыть стилистическую тему: шамаханская наша царица словечка в простоте не скажет, все с ужимкой. Мы проголодались? – ну на фиг, примитив: *«Мы ощутили, что питательное действие чипсов и пива закончилось»*. Наморщив лоб? – топорная работа, вот вам мастер-класс: *«Складывая кожу на лбу в сложнейшее оригами из продольных и поперечных морщин»*. А есть еще *«рябь сексуальных эмоций на спокойной воде отстраненной скорби»*, *«тела, измученные необходимостью предаваться метаболизму»*, *«портреты неправдоподобно округленных женских ягодиц»*. И *«печаль рассеивается клубами невидимого удушающего тумана»*. Э-э, ханым, мозги мне не делай, да? Хотя кавказские гурии сплошь сладкоречивы, вспомните хоть Ахмедову: *«страшное варево мести в его душе забурлило»*. Вабабай-вададай, мороз по коже, астагфируллах!

Морально дозрели до спойлера? Подождите немного, тут без преамбулы не обойтись. Ш.Ш. искренне считает, что работает в жанре магического реализма: *«В детстве я была уверена, что буду писать фэнтези, но потом поняла, что придется выбирать – либо я становлюсь популярным писателем, либо серьезным. Магический реализм – это как раз больше, чем просто реализм»*. Жанр в шафиевском изводе ну о-очень своеобразен – сейчас сами убедитесь.

Итак, под инжировым деревом спать нельзя: черти заберут. Главный герой, не особо удачливый айтишник и лидер убогой рок-группы,

приметой пренебрег – ему и впрямь приснились черти. Один хитрый шайтан посулил парню выполнить два его желания, их даже можно вслух не называть – и так, мол, известны. Проснувшись, протагонист знакомится с неким Ниязи, и тот сразу же выдумывает лихой PR-проект: а давай сделаем тебя звездой – пустим слух, что ты утопился. На фейсбучной странице героя появляется пост о суициде, и все заверте... И еще как заверте. Поток лайков и репостов не иссякает месяцами. Тут явно не без волшебства: надо же, в полуторамиллионном Баку не о чем потолковать, кроме смерти лабуха-задрота. Дальше еще чудесатей: вообще-то, местной прокуратуре полагалось бы проверку провести по двум статьям УК Азербайджанской Республики – 120-й «Умышленное убийство» и 125-й «Доведение до самоубийства». Тут и бы кирдык проекту, но правоохранители активно околачивают гру... ах да, инжир. А новопреставленный шарается по пивнушкам, где его даже одноклассники не узнают. Готов подтвердить хоть под присягой: это больше, чем реализм.

Сеанс магии, как и подобает, завершим разоблачением: из всех заклинаний Шафиева усвоила лишь одно – «Ridiculus!» После каждого ее пассажа хочется кататься по полу в пароксизме утробного неандертальского хохота.

Однако главное чудо у Ш.Ш. не задалось: романа как такового нет. Есть эрзац-действие: персонажи 380 страниц подряд лунатически кочуют из паба в бар, из бара в клуб, на колу мочало, начинай сначала. Есть эрзац-герои: выдумала авторесса людей-кошек, а что с ними делать, так и не решила, – сгинули болезные без следа. Есть эрзац-философия: пространные рассуждения протагониста о публике из соцсетей, девочках-богемочках и прочих материях, не имеющих отношения к сюжету. Вылитая колумнистика из журнала «Лиза» – что по изяществу формы, что по глубине мысли: *«В мужчинах, проявляющих скупость по отношению к любимой женщине, есть какая-то неполноценность, притом в физиологическом смысле этого слова. Даже в животном мире, особенно среди птиц, самцы, дабы понравиться самке, преподносят ей дары. Обычный инстинкт. Если мужчина не ощущает в себе тягу к одариванию подруги, значит, что-то не так с его организмом и репродуктивной функцией»*. Вот, кстати, и эрзац-психология: это мужские мысли? Хм. Ширин-джан, ради вашего же блага: при мужиках не повторите ненароком.

Простите, отвлекся. Продолжим спойлер: пока суд да дело, родные и близкие и впрямь начинают думать о герое как о мертвом – группа нашла

нового гитариста, невеста непритворно рыдает на бутафорской могиле и проч. Ну да, человек – чужой среди своих, а свято место не бывает пусто. Об этом написаны десятки книг – от толстовского «Живого трупа» до токаревского «Греки» и минаевского «Dухless'а 21 века». Раньше, а главное – лучше. Вообще-то, работа над текстом начинается с тематического досье, иначе быть тебе десятой спицей в колеснице. Но и этого простого правила луноликая пери не ведает.

Виноват, опять занесло. Впредь обязуюсь – по счастью недолго и осталось. Под занавес имеет быть еще одно ridiculous-чудо: герою, который и в Баку-то девятый <censored> без соли доедал, предлагают работу в Англии. Злой гений Ниязи провожает его многозначительным: увидимся, ведь у тебя еще одно желание осталось...

Кстати, о желаниях. Невыносимо хочется послать барышню на все буквы родного алфавита, да профессиональная этика не велит. А равно и Роскомнадзор. Но тут, пожалуй, возможен компромисс между желаемым и действительным.

Гыз, в литературе вам не место – ступайте лучше ногти эпилировать. И люминесцентного вам солнца в самую нежную попу души.

И последнее: на «Нацбест» этот отстой номинировал Константин Мильчин. Вай, джигит! – страна должна знать своих героев. Жаль, что литкритика не спорт, и дисквалификации здесь не существует.

«БОЛЬНО ТОЛЬКО,
КОГДА СМЕЮСЬ»

Редактор раздела Лев Вайсфельд

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД

Послевоенный одесский выпуск. До 2000 – Одесса. Сейчас – Нетания, Израиль. Публикации в периодической печати, в альманахах. В 2011 – сборник стихов. В 2006 - Международный конкурс сатириков и юмористов – 1-е место в номинации «Афоризмы».

СПЕЦФРАЗЫ

Спецпожелание русским военным кораблям:

– Семь футов над клотиком!

Если на стене всё ещё висит ружьё,

то нужно его немедленно снять, чтобы радушно встретить оккупанта.

НАТАЛЬЯ РЕЗНИК

Родилась и училась в Ленинграде. С 94-го - в США, в штате Колорадо. Публикации стихов и прозы в журналах "Новая юность", "Интерпоэзия", "Студия", "Дружба народов", "Вестник Европы" и др.

* * *

Ну, вот, значит, насильник насилует жертву, и тут приходит пацифист, противник насилия, ну, такой, у которого голубь и «миру мир» на аватарке. Пацифист обращается к обоим и говорит:

– Перестаньте, вы разрываете мне сердце.

Никакого результата.

Тогда пацифист обращается к жертве и говорит:

– Хоть ты прояви благоразумие: расслабься, чтобы этот акт перестал быть изнасилованием, потому что я как пацифист всей душой против насилия.

Жертва ему:

– Да пошёл ты на хуй!

Пацифист:

– Вот видите: что и требовалось доказать, ни одна из сторон не хочет прекращать конфликта.

И пацифист уходит, наслаждаясь собственным совершенством и скорбью о несовершенстве мира.

* * *

Не думали ли вы о том, что они сами отсаживаются от Путина на двадцать метров? Ведь последствия укуса зомби необратимы (а скольких уже перекусал!).

* * *

Руководство Минобороны РФ на совещании с Шойгу производит впечатление собрания коматозных мундиров. То есть мундир еще сохраняет вертикальное положение, в то время как его содержимое уже впало в кому.

* * *

- Все идёт по плану.
- А какой был план?
- План русского военного корабля.

* * *

- Ведь там могли бы быть ракеты НАТО!
- Именно. Жаль, что их там вовремя не оказалось.

* * *

ПЕСНЯ

Широка страна моя родная
Вместе с ДНР и ЛНР.
Я другой такой страны не знаю,
Кроме КНР, КНДР.

* * *

По Сети распространяется информация, что у Путина рак и он страдает какой-то стероидной яростью, которая у него появилась как побочный эффект лечения.

Это все меняет.

Раньше-то он был просто выродок, а теперь выродок со справкой.

* * *

- Простите, сколько стоит поставить свечку за упокой?
- Так он же ещё жив.
- Так я потому и спрашиваю: сколько?

* * *

ЛЮБИТЕЛЯМ КИНО

Смотрела интервью с Драпеко и не могла отделаться от дурацкой мысли: «Лучше бы она утонула в болоте».

* * *

Путин наконец вывел Россию на ее особый путь – вслед за русским военным кораблем.

* * *

За последние дни прочитала несколько глубокомысленных постов разных сомневающихся любителей мира и братства о том, как всё сложно, что война, конечно, идёт, но надо разбираться, ещё не до конца понятно, кто в ней виноват, и т. п.

Мне бы тоже хотелось поделиться своими сомнениями:

В раздумьях о российском флаге

И я, колеблясь, морщусь лоб:

Что лучше, камера в Гааге

Или большой красивый гроб?

* * *

КАКИМ ЖЕ СЛЕДУЕТ СТАРАТЕЛЬНЫМ...

Каким же следует старательным

Сегодня быть учеником,

Чтоб вдруг заговорить нематерным

Забывтым русским языком.

Каким ты должен быть мечтательным,

Как крепко уши затыкать,

Чтоб называть своею матерью

Вот эту форменную блядь!

О, мне крупницу той наивности,

Глоток бессмысленных идей,

Чтоб разглядеть в ползучей живности

Побитых временем людей!

МАША РУБИНА

Мария Рубина – поэтесса из Массачусетса, урожденная петербурженка, постоянный автор журналов "Чайка" и "Фонтан", создатель немногочисленных лирических и многочисленных юмористических стихотворений, миниатюр и афоризмов, в том числе беспардонно ушедших в народ.

* * *

Это уже Расёмон какой-то. Появляются новые версии. Песков назвал предотвращение третьей мировой целью операции на Украине. Полагаю, что эта версия не последняя, и нам ещё предстоит узнать, что целями операции" являются:

1. Денатофикация НАТО
2. Деамериканизация США
3. Дегуманизация гумна
4. Депортация портков
5. Деморализация мурла
6. Присоединение чугунной калитки к воротам Кремля
7. Возвращение квадрата на круги своя
8. Спасение патриарха Кирилла от геев Португалии
9. Спасение рук утопающих от ног утопающих
10. Возврат святой воды из лужи города Великие Кресты в краны города Усть-Козлойска

* * *

Одна сопля держит в заложниках весь нос.

* * *

Бабы новых навооружают.

* * *

Хорошее слово - "кабыздох". Цукерберг не подкопается, а остальным понятно.

* * *

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Пропал шёлковый зелёный шарфик. Нашедшего просьба не возвращать,
а использовать по назначению.

Айседора Дункан

* * *

Есть у меня одноклассница. Поёт, как соловей. И человек отличный. И
чудесные пишет стихи, не оторваться:

Предков кровь трактует веру
Сердце говорит моё.
МНЕ НЕ СТЫДНО. Высшей мерой
Есть Отечество моё.
Я ни с кем не буду спорить.
Битва слов – что толку в ней?
Я и в радости и в горе
БУДУ С РОДИНОЙ СВОЕЙ

Конечно, я не смогла не откликнуться на этот крик "души":

Рассупонилась химера.
Ботокс бродит в голове.
Мало суке высшей меры.
Заверните сразу две.

МИХАИЛ ЮДОВСКИЙ

Родился 13 марта 1966 года в Киеве. Учился в художественно-промышленном техникуме и институте иностранных языков. Два года отслужил в армии, на Дальнем Востоке. С 1989 года – свободный художник. Первую книгу («Приключения Торпа и Турпа») написал в соавторстве с Михаилом Валигурой. Книга была издана в 1992 году в издательстве «Эссе».

В том же 1992 году переехал в Германию (город Франкенталь). Долгое время писал для себя, не участвуя в

литературной жизни, не пытаясь публиковаться и выставляя свои живописные работы – в странах СНГ, Европы и Америки.

В 2009 году в Украине вышла книга М. Юдовского «Поэмы и стихи». Поэзию и прозу автора опубликовали литературные журналы и альманахи в Украине, России, Германии, Великобритании, Финляндии, Израиле, Австралии и США. В 2013 году издательство АСТ (Москва) выпустило книгу прозы М. Юдовского «Воздушный шарик со свинцовым грузом», в апреле того же года американское издательство «POEZIA.US» опубликовало поэтический сборник автора «Тела и тени», а в 2014 году в издательстве «Петит» (Латвия) вышла книга стихов «Полусредние века».

Юдовский является лауреатом нескольких литературных премий, его живописные работы находятся в музеях, а также частных коллекциях пятнадцати стран мира. Пишет как на русском, так и на украинском языке. В 2015 году закончил работу над переводом на русский и украинский языки всех сонетов Шекспира.

Позвонил Макрон — ни с того, ни с сего.

— Эммочка, — говорю, взяв трубку, — ты не ошибся? У вовы другой номер. Ты хотя бы на код страны смотрел, когда звонишь.

— Миша, — не слушая меня, — произнес Макрон, — что я тебе сделал? Зачем ты обо мне херню у себя в фейсбуке пишешь? Ты же ничего не знаешь...

— Знаю, — отвечаю, — Эммочка. Я всё знаю.

— Merde, — пробормотал Макрон на языке цветов. Потом сделал паузу и просяще добавил:

— Но ты же никому не расскажешь?

— Расскажу, Эммочка, — говорю.

— Обязательно. Всем расскажу. Последовала очередная пауза.

— Миша, — почти прошептал Эммочка, — что я должен сделать?

— Ничего. Сиди, Елисей, в своем дворце, молчи и не высывайся. И

вовe больше не звони. Твоя жена жалуется уже, просит на тебя повлиять. Ты бы о ней подумал, женщина уже немолодая, в будущем году семидесятник, сердце слабое. Вона ж тебе, падлюку, французській мові навчала.

— Quoі? — снова перешел Макрон на язык цветов.

— Не квакай, — говорю.

— Я понимаю. что ты ешь лягушек, но я же, покушав сала, не хрюкаю. В общем, так — не морочь мои украинские яйца и не смеши мой еврейский хер. Вове больше не звони. Вообще никому больше не звони. Разве что своему мобильному оператору и в ближайшую пиццерию. У вас что, с Брижит уже совсем никак?

Эммочка вздохнул.

— Ох, — говорю, — не те уроки французского она тебе давала. Ладно, пока. Мне тоже больше не звони. Словом, положил я трубку, но осадок остался. Ведь симпатичная когда-то страна была — Монмартр, Лувр, Эйфелева башня, луковый суп, Дом Периньон. Вот вам и *vive la France*, вот вам и *art de vivre*, вот вам и *savoir-faire*. Хүйня это всё, пані та панове.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПОЭЗИЯ

АНАТОЛИЙ АВРУТИН.....	4
ОЛЬГА АНДРЕЕВА.....	10
ЕЛЕНА БЕЗРУКОВА.....	16
ДИНА БЕРЕЗОВСКАЯ.....	22
ИГОРЬ БИРЮКОВ.....	27
ЯН БРУШТЕЙН.....	33
ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ.....	39
ЮРИЙ ВАЙСМАН.....	45
НАТАЛЬЯ ВОЗЖАЕВА.....	48
ЕФИМ ГАММЕР.....	52
ЛЮБОВЬ ГОЛЕЙЧУК КОЭН.....	58
МИХАИЛ ГОФАЙЗЕН.....	64
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ.....	68
ОЛЬГА ГУЛЯЕВА.....	70
АНДРЕЙ ГУЩИН.....	75
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ.....	80
ВЕРА ДОРДИ.....	82
МАКСИМ ЖУКОВ.....	87
ФАИНА ЗИЛЬП.....	92
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ.....	98
АЛЕКСАНДР КАБАНОВ.....	101
ГЕННАДИЙ КАЗАКЕВИЧ.....	107
ИВАН КЛИНОВОЙ.....	112
АНДРЕЙ КОЗЫРЕВ.....	116
АЛЕКСАНДР КРУПИНИН.....	121
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	126
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА.....	130
СЕРГЕЙ МАКСИМОВ.....	134
КАТЯ МАЛИНОВСКАЯ.....	137
ЕВГЕНИЙ МОГИЛЕВСКИЙ.....	141
ВИТАЛИЙ МОЛЧАНОВ.....	147
ЮННА МОРИЦ.....	151
МИЯСАТ МУСЛИМОВА.....	157
АЛЕКСАНДР ОБЕРЕМОК.....	160
АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН.....	164
ЛЮДМИЛА ПРАСАД.....	170
АНАСТАСИЯ ЛИЕНЕ ПРИЕДНИЕЦЕ.....	176
СЕРГЕЙ СЛЕПУХИН.....	182
АНАСТАСИЯ СОЙФЕР.....	187

МИХАИЛ СТРЕЛЬЦОВ.....	191
АЛЕКСЕЙ ТАРАСОВ.....	196
ЕЛЕНА УВАРОВА.....	202
МИХАИЛ ШЕРЬ.....	206
МАЙЯ МАРИНА ШЕРЕМЕТЕВА.....	210
ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН.....	215
МАРИНА ЭПШТЕЙН.....	219
ЮРИЙ ЯКОБСОН.....	223

ЛИЦА ВОЙНЫ

НАТАЛЬЯ КРОФТС.....	227
ПОЛИНА КОВАЛЕВСКАЯ.....	228
ВЛАДИМИР СЕВРИНОВСКИЙ.....	246
ЕЛИЗАВЕТА КРОФТС.....	249

ПРОЗА

НАУМ ВИНАРСКИЙ.....	253
ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ.....	266
ЕКАТЕРИНА ДАНОВА.....	286
СЕРГЕЙ КУЗНЕЧИХИН.....	291
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	299
ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА.....	305
ВАДИМ МЕСЯЦ.....	308
ИРИНА (ЛЯЛЯ) НИСИНА.....	315
ВЛАДИМИР ПАХОМОВ.....	326
ВЛАДИМИР СЕДОВ.....	339
ВИКТОРИЯ СИНЮК.....	343..
ЮЛИЯ СТАРЦЕВА.....	352

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ

ВИКТОРИЯ ГРЕКОВА.....	362
ДАРЬЯ ГЕРАСИМОВА.....	369

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК (Потерянные страницы)

Памяти Норы Крук

НОРА КРУК. СТИХИ.....	377
НАТАЛЬЯ КРОФТС.....	383
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА.....	389

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

БЕЛЛА ВЕРНИКОВА.....	393
----------------------	-----

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ.....	402
АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ.....	406

«БОЛЬНО ТОЛЬКО, КОГДА СМЕЮСЬ...»

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД.....	415
НАТАЛЬЯ РЕЗНИК.....	416
МАША РУБИНА.....	419
МИХАИЛ ЮДОВСКИЙ.....	421

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН	ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ	
ЮРИЙ ВАЙСМАН	
ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД	
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ	
НАТАЛЬЯ КРОФТС	
ВАДИМ МОЛОДЫЙ	
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА	
АНАСТАСИЯ СОЙФЕР	